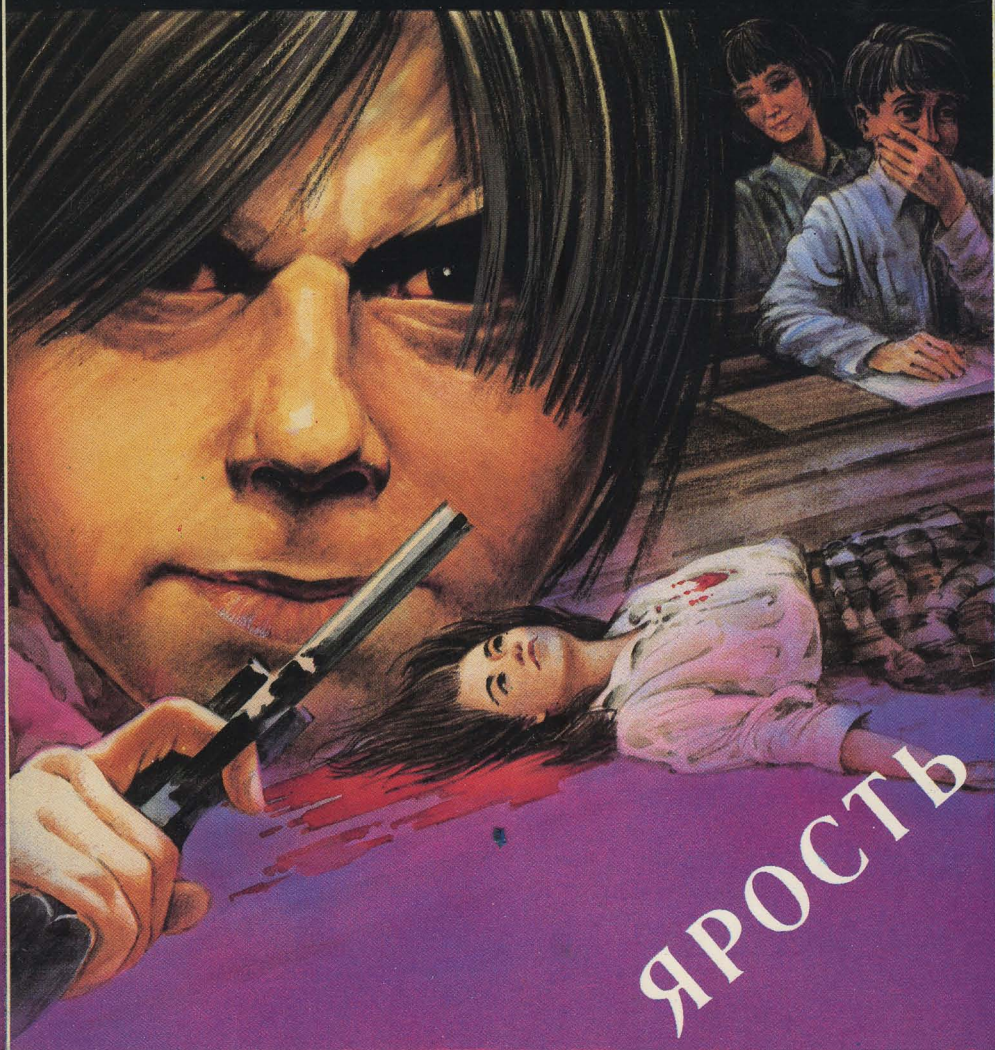

СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Стивен Кинг
ЯРОСТЬ

Львов
СИГМА
1995

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 26

Stephen King

RAGE

Стивен Кинг

ЯРОСТЬ: повесть, рассказы

Copyright © 1977 by Stephen King

ISBN 0-451-14736-7

ЯРОСТЬ

*При увеличении числа переменных
аксиомы сами по себе не изменяются.*

(Миссис Андервуд)

*Вот опять звенит звонок,
Начинается урок.
К его концу мы в десять раз
Знать будем больше, чем сейчас.*

(Детский стишок)

Глава 1

Утро, с которого все и началось, было замечательным. Прекрасное майское утро. А все благодаря белке, которую я заметил на втором уроке алгебры, и тому обстоятельству, что я сумел удержать свой завтрак в желудке.

Я сидел в самом дальнем углу от двери, возле окна, и увидел белку, резвящуюся на лужайке. Лужайка пласервильской высшей школы замечательна хотя бы тем, что не загажена. Она подходит вплотную к зданию школы. Никто, по крайней мере за время моего четырехлетнего пребывания в стенах вышеупомянутого учреждения, не пытался отгородить лужайку от здания с помощью клумб, миниатюрных сосен и тому подобного дерьма. Трава взбирается на бетонный фундамент и растет там, нравится вам это или нет. Правда, два года назад на городском собрании какая-то баба предложила построить павильон напротив школы, в котором размещался бы мемориал в честь парней из нашего заведения, убитых на войне. Мой друг Джо МакКеннеди был там и сказал, что они ничего не предоставили ей, кроме возможности удалиться.

Я хочу снова оказаться там, в том времени, о котором говорил Джо. Это были действительно хорошие времена. Два года тому назад. Мое прошлое, которому я обязан наилучшими воспоминаниями. Примерно тогда я и начал сходиться с ума.

Глава 2

Итак, 9.05 утра. В этот момент я увидел белку не более, чем в десяти шагах от класса, в котором я слушал миссис Андервуд. Ее нудный голос возвращал нас к основам алгебры после ужасного экзамена, который никто не сдал, кроме меня и Теда Джонса. Как я уже говорил вам, я задержал взгляд на ней. На белке, а не на миссис Андервуд.

Миссис Андервуд написала на доске: $a=16$.

— Мисс Кросс, — сказала она, обернувшись. — Будьте добры, объясните нам, что это значит?

— Это значит, что $a=16$, — ответила Сандра.

Тем временем белка носилась туда-сюда по траве, распушив хвост. Ее черные глазки сияли как бусинки. Прекрасное упитанное создание. Я больше не дрожал и не чувствовал боли в желудке. Мне стало скучно.

— Неплохо, — промолвила миссис Андервуд. — Но это еще не все, не правда ли? Нет. Кто-нибудь может поподробнее разобрать это замечательное уравнение?

Я поднял руку, но она вызвала Билли Сойера.

— Восемь плюс восемь, — выпалил он.

— Объясните.

— Мне кажется, что это... — Билли заерзал. Его пальцы суетливо ощупывали неровности парты, на которой было нацарапано: «Дерьмо, Томми, 73».

— Видите ли, если добавить к восьми восемь, то это значит...

— Не хотите ли воспользоваться моим справочником? — спросила миссис Андервуд, насмешливо улыбаясь.

Внезапно дал о себе знать мой желудок, и завтрак стал рваться наружу, поэтому я снова уставился на белку. Улыбка миссис Андервуд напоминала улыбку акулы.

Кэрол Гренджер подняла руку. Миссис Андервуд кивнула.

— Он имеет в виду, что восемь плюс восемь тоже удовлетворяет условиям уравнения?

— Я не знаю, что он имеет в виду, — сказала миссис Андервуд.

Все захохотали.

— Вы можете предложить какое-нибудь другое решение, мисс Гренджер?

Кэрол открыла рот, но тут раздался звонок внутренней связи.

— Чарльз Деккер, Вас вызывают в офис. Чарльз Деккер. Спасибо.

Я посмотрел на миссис Андервуд, и она кивнула. Мой желудок болел все сильнее и сильнее. Я встал и вышел из комнаты. Когда я шел к двери, белка все еще носилась по лужайке.

Я уже прошел половину пути, когда мне показалось, что я услышал голос миссис Андервуд. Казалось, она преследует меня, поднимая сжатые в кулаки руки и растянув рот в огромной акульей улыбке.

— Нам не нужны парни, подобные тебе... Такие парни должны находиться в Гринмэнтле... Или в исправительной колонии для несовершеннолетних... Или в клинике для душевнобольных. Поэтому убирайся! Проваливай! Проваливай!

Я обернулся, нащупывая в заднем кармане гаечный ключ. Сейчас мой завтрак напоминал огромный горячий шар, обжигающий внутренности. Обернувшись, я никого не увидел. Тем не менее, я не испугался. Я прочел слишком много книг.

Глава 3

Я зашел в ванную, чтобы отправить естественные потребности и съесть несколько ритцевских крекеров. Я всегда ношу с собой несколько ритцевских крекеров. Когда ваш желудок плох, эта пища творит настоящие чудеса. Сотни тысяч беременных женщин не могут ошибаться. Я думал о Сандре Кросс, чей ответ в классе несколько минут назад был не так уж плох. Я думал о ее удивительной способности терять пуговицы. Она всегда теряла их — от блузок, от юбок. А однажды, когда я пригласил ее потанцевать на школьной дискотеке, у нее оторвалась пуговица на джинсах. Ее «Вранглеры» чуть было не свалились на пол. До того, как она осознала, что случилось, молния на джинсах практически разъехалась, обнажая треугольник белых трусиков. Трусики были тесные, белые и чистые. Они были безупречны. Они плотно облегали низ ее живота. При любом движении на них образовывались складки... Как только Сандра поняла, что случилось, она кинулась в дамскую комнату, оставив меня в приятных размышлениях о Паре Совершенных Трусиков. Сандра была Классная Девчонка, потому что всем известно, что Классные Девчонки носят только белые трусики.

Но мистер Денвер вкрался в мои размышления, изгнав из них Сандру и ее непорочные трусики. Вы не можете управлять своими мыслями; и всякое дерьмо продолжает лезть вам в голову. Тем не менее, я чувствовал большую

симпатию к Сандре, хотя она никогда не смогла бы решить квадратное уравнение. Если мистер Денвер и мистер Грейс решили отправить меня в Грин Мэнтол, я могу больше никогда ее не увидеть. А это было бы ужасно.

Я поднялся с унитаза, смел в него крошки от крекеров и смысл их. Туалеты высших школ везде одинаковы. Они режут как сирены. Я терпеть не могу дергать за ручку смывного бачка. Таким образом вы оповещаете всех в округе о своих интимных делах. И каждый думает: «Ну вот, одним дерьмом стало больше». Я всегда считал, что человек должен находиться наедине с тем, что, будучи ребенком, я называл не иначе как лимонад и шоколад. Ванная комната должна быть чем-то вроде исповедальни. Но они отслеживают вас. Они всегда ставят вас в тупик. Вы не можете высморкаться, чтобы об этом не узнали окружающие. Кто-нибудь все равно узнает, кто-нибудь все равно вас выследит. Люди, подобные мистеру Денверу и мистеру Грейсу, даже готовы заплатить за это.

Я вышел в холл, прикрыв за собой дверь, которая ужасно закрипела. Я остановился, оглядываясь вокруг. Был слышен звук, похожий на жужжание пчелиного улья, который напоминал о том, что снова пришла среда, утро среды, десять минут десятого.

Я вернулся в ванную комнату и показал все, на что я способен. Я хотел нацарапать что-нибудь остроумное на стене типа: «Сандра Кросс носит белые трусики», но вдруг я увидел выражение моего лица в зеркале. Под глазами у меня были синие круги. Ноздри были некрасиво раздуты. Рот напоминал белую сжатую линию.

Я написал «Дерьмо» на стене, но внезапно карандаш сломался в моих трясущихся пальцах. Он упал на пол, и я пнул его.

Позади меня раздался какой-то звук. Я не обернулся. Я закрыл глаза и дышал медленно и глубоко до тех пор, пока не пришел в себя. Затем я поднялся наверх.

Глава 4

Административный офис пласервилльской высшей школы находится на третьем этаже, вместе с учебным залом, библиотекой и комнатой 300, где стоят печатные машинки. Когда вы входите в нее, первое, что вы слышите, это непрерывный стук. Он становится тише только тогда, когда звенит звонок или что-нибудь говорит миссис Грин. Я догадываюсь, что обычно она не очень красноречива, поскольку перекрыть печатные машинки ей удастся с трудом. Всего их тридцать, целый взвод серых «Ундервудов». Они пронумерованы, поэтому можно узнать, какая из них ваша. Звук никогда не прекращается, с сентября до июня. У меня этот звук всегда ассоциируется с ожиданием в приемной мистера Денвера или мистера Грейса, настоящего алкоголика. Это напоминает мне фильмы о джунглях, где герой во время сафари в одном из глухих уголков Африки говорит: «Почему они не прекратят свой дурацкий барабанный бой?» А когда дурацкий барабанный бой прекращается, он смотрит недоуменно и говорит: «Мне это не нравится. Слишком тихо».

Я специально немного опоздал, чтобы мистер Денвер был готов принять меня, но секретарша, мисс Марбл, только засмеялась и сказала:

— Садитесь, Чарли. Мистер Денвер Вас вызовет.

Поэтому я сел, опершись руками на перила, и стал ждать, когда мистер Денвер меня вызовет. И кто, вы

думаете, сидел на соседнем стуле, если не Эл Латроп, один из лучших друзей моего отца? Мы обменялись кривыми улыбками. Он держал на коленях портфель, рядом лежала пачка учебников. Раньше я никогда не видел его в костюме. Он и мой отец были заядлыми охотниками. Убийцы грозных острозубых оленей и серых куропаток.

Однажды отец и его друзья взяли меня с собой на охоту. Это мероприятие, инициатором которого был мой отец, являлось частью нескончаемой кампании «Сделать мужчину из моего сына».

— Привет! — сказал я и одарил его самой дерьмовой ухмылкой, на которую был способен.

Надо вам сказать, он подпрыгнул так, как будто знал обо мне все.

— О, хо-хо, Чарли.

Он мельком взглянул на мисс Марбл, но она с миссис Венсон просматривала списки присутствующих возле соседней двери. Помощи ждать не от кого. Он был совсем один с придурком Чарли Деккером, парнем, который недавно чуть не убил преподавателя химии и физики.

— Бизнес-поездка? — спросил я его.

— Угу, правильно, — он оскалился. — Вот, продаю старые книги.

— Ну как, устроим соревнование, а?

Он снова подпрыгнул.

— Ну, что-то выиграешь, что-то потеряешь. Ты ведь знаешь, Чарли.

Да, я знал это. Но мне больше не хотелось над ним издеваться. Ему было сорок лет, он лысел, под глазами были крокодильи мешки. Он ездил из школы в школу в вагоне, груженном учебниками, и всего лишь раз в год, в ноябре, позволял себе отдохнуть, отправляясь с моим отцом и друзьями на охоту в верховья Алагаша. Однажды я поехал с ними. Мне было девять лет. Когда я проснулся, все были вдребезги пьяны. Вот все, что было. Но этот человек не был чудовищем. Он был всего лишь сорокалетним лысым мужиком и пытался заработать бабки. И если я услышу, как он говорит, что убьет свою жену, то

я этому не поверю. В конце концов, именно у меня руки были запачканы кровью.

Но мне не нравилось то, как его глаза шарили вокруг. И в какой-то момент — только момент — мне захотелось схватить его за горло, притянуть его лицо к своему и завизжать в него: «Ты и мой отец, и все ваши друзья, вам всем придется пойти туда со мной. Вам всем придется пойти со мной в Грин Мэнтол, потому что вы все в ней, вы все в ней, вы все часть этого».

Тем не менее, я сел и продолжал смотреть на него, потя и вспоминая старые времена.

Глава 5

Я проснулся, дрожа от кошмарного сна, которого я не видел уже в течение многих лет. Мне приснилось, что я шел по темной глухой аллее, а сзади подкрадывалось что-то неведомое, какой-то черный горбатый монстр, скрипящий и тащившийся за мной. Монстр, один взгляд которого превратит меня в сумасшедшего. Ужасный сон. Последний раз он снился мне в детстве. Но сейчас я уже вырос. Мне девять лет.

Сначала я не понял, где я нахожусь, но был уверен, что не дома, не в своей постели. Было слишком тесно, отовсюду доносились различные запахи. Я промерз до костей, что-то стесняло движения, и мне ужасно хотелось в туалет.

Вдруг раздался резкий взрыв хохота, который заставил меня дернуться в моей кровати. На самом деле это была не кровать, а спальный мешок.

— Она из тех трахающихся баб, — сказал Эл Латроп из-за брезентовой стены, отделявшей меня от него. — Трахающаяся — самое подходящее слово в данном случае.

Кемпинг, я находился в кемпинге с отцом и его друзьями. Мне не хотелось выходить.

— Да, но как ты собираешься это осуществить, Эл? Вот что мне хотелось бы знать.

Это был Скотти Норвис, еще один дружок отца. Он говорил очень невнятно, глотая слова. Меня снова охватил страх. Они были пьяны вдребезги.

— Я только выключил свет и представил себе, что я с женой Деккера, — сказал Эл.

Последовал еще один взрыв смеха, который заставил меня задрожать от страха и съежиться в спальном мешке. О, Боже, мне ужасно хотелось в туалет, хотелось выплеснуть лимонад, как хотите, так и называйте это. Но я не мог выйти из палатки, так как они были пьяны.

Я повернулся к стене палатки и обнаружил, что могу наблюдать за ними. Они сидели между тентом и костром, а их тени, высокие и странные, проектировались на брезент. Казалось, что я присутствую на спектакле театра теней. Я видел тень-бутылку, переходящую от одной тени руки к следующей.

— Знаешь ли ты, что я сделаю, если поймаю тебя с моей женой? — спросил мой отец Эла.

— Наверное, спросишь, не нужна ли мне какая-нибудь помощь, — хихикнул Эл.

Последовал взрыв хохота. Удлиненные тени-головы металась по «экрану» туда-сюда, словно ликующие насекомые. Они совсем не были похожи на людей. Они выглядели как стадо молящихся богомоллов, и я испугался.

— Нет, серьезно, — сказал мой отец. — Серьезно. Знаешь ли ты, что я сделаю, если застану тебя с моей женой?

— Что, Карл?

Это был Ренди Эрл.

— Видите это?

Новая тень на брезенте. Охотничий нож отца, рукоятку которого он вырезал из дерева. Я недавно видел, как он этим ножом потрошил оленя, вонзив его по рукоятку в брюхо. Внутренности, от которых шел пар, вывалились на ковер из иголок и мха. Огонь и угол, под которым отец держал нож, превратили его в копьё.

— Видишь это, сукин сын? Если я поймаю кого-нибудь с моей женой, я повалю его на спину и отрежу ему член.

— Он будет ссать сидя до конца своих дней, правда, Карл?

Это был Хьюги Левескай, проводник. Я притянул колени к груди и крепко обнял их. Мне никогда не хотелось в туалет так сильно, как сейчас. Ни до того, ни после.

— Ты чертовски прав, — сказал Карл Деккер, мой дерьмовый отец.

— О, а как быть с женщиной в этом случае, Карл? — спросил Эл Латроп.

Он был ужасно пьян. Я даже мог сказать, какая тень принадлежала ему. Он раскачивался взад-вперед, как будто он сидел в лодке, а не на бревне возле огня.

— Интересно, а что ты сделаешь с женщиной, которая впустит кого-нибудь через черный вход, а?

Охотничий нож, превратившийся в копье, медленно двигался взад-вперед.

— Ирокезы использовали ножи для разрезания носов. Идея состояла в том, чтобы изобразить на лице половые органы. Таким образом, каждый человек в племени мог видеть, какая часть тела приносит им больше всего бед, — сказал мой отец.

Я убрал руки с колен и сжал ими промежность. Я сгреб мои причиндалы в кулак и наблюдал за тем, как тень от ножа медленно двигалась вперед и назад. У меня началась страшная боль в желудке. Я могу напустить в спальный мешок, если не потороплюсь.

— Разрезать им носы, а? — сказал Ренди. — Чертовски хорошо сказано. Если все будут так поступать, то половина женщин в Пласервилле будет иметь дыры в двух местах.

— Но не моя жена, — спокойно произнес отец. Его голос был внятен и резок. На лице Ренди улыбка превратилась в гримасу.

— Нет, конечно нет, Карл, — беспокойно заерзал Ренди. — Эй, дерьмо. Наливай.

Тень моего отца снова подняла бутылку.

— Я не буду разрезать ей нос, — сообщил Эл Латроп. — Я просто размажу ее проклятую голову.

— Ну-с, приступим, — сказал Хьюги. — Я наливаю.

Я не мог больше терпеть. Я выскочил из спального мешка, и морозный холодный октябрьский воздух начал щипать мое тело, которое было полностью обнаженным, не считая шорт. Казалось, что мой петушок хотел вжаться в тело. Одна мысль все вращалась и вращалась в моем мозгу — я догадываюсь, что еще не проснулся полностью — и вся беседа казалась мне сном, возможно, продолжением сна про скрипящего монстра из аллеи. Когда я был маленьким, я забирался в мамину постель после того, как отец надевал униформу и уезжал на работу. Я использовал эту возможность, чтобы поспать возле нее часок или полтора до завтрака.

Черные, страшные огненные тени, похожие на молящихся богомолков. Я не хотел находиться здесь, в этих лесах, в семидесяти милях от ближайшего города, с этими пьяными мужиками. Я хотел к маме. Я вылез из палатки. Отец повернулся мне навстречу. Он все еще держал в руке охотничий нож. Он посмотрел на меня, я посмотрел на него. Я никогда не забуду этого зрелища. Мой отец с красноватой небритой щетиной на лице, в охотничьей шапке, и охотничий нож в его руке. Беседа сразу же прекратилась. Они, наверное, поняли, как много я услышал. Возможно, они даже устыдились.

— Какого черта тебе нужно? — спросил отец, вытаскивая нож из футляра.

— Дай ему выпить, Карл, — мерзко хихикнул Ренди, и снова раздался хохот. Ренди был пьян в дым.

— Я хочу писать, — взмолился я.

— Давай быстрее, ради Христа, — рявкнул отец.

Я побежал в рощу и судорожно попытался облегчиться. Очень долго у меня ничего не получалось. Казалось, внизу живота застыл горячий мягкий свинцовый шар. Я ничего не мог поделать со своим пенисом — от холода он совсем скукожился. Наконец, шар превратился в жидкость, и когда она вылилась из меня, я вернулся в палатку и залез в спальный мешок. Никто не смотрел на меня. Они разговаривали о войне. Они все в ней участвовали.

Мой отец убил оленя три дня спустя, в последний день охоты. Я был с ним. Он убил его идеально, попав в мышцу между шеей и плечом. Олень упал, превратившись в грудку мяса, и тотчас же потерял всю свою грацию.

Мы подошли к нему. Мой отец счастливо улыбался. Он расчехлил свой нож. Я знал, что сейчас произойдет, знал, что меня стошнит. Но я не мог ничего сделать. Отец твердо поставил сапог на тушу, дернул оленя за ногу и воткнул в нее нож. Затем вспорол брюхо, и кишки животного вывалились на траву. Я отвернулся и извергнул свой завтрак на землю.

Когда я повернулся к отцу, он смотрел на меня. Он не сказал ни слова, но я прочел в его глазах презрение и разочарование. С тех пор я видел это выражение достаточно часто. Я тоже ничего не сказал. Но если бы я смог, то произнес бы: «Это не то, что ты думаешь».

Это был первый и последний раз, когда я ездил с отцом на охоту.

Глава 6

Эл Латроп все еще листал учебники и притворялся слишком занятым, чтобы поддерживать со мной беседу. На столе мисс Марбл зазвонил телефон, и она улыбнулась мне так, словно нас связывала некая интимная тайна.

— Вы можете войти, Чарли, — сказала она.

Я поднялся со стула.

— Желаю удачно продать учебники, Эл!

— Я в этом не сомневаюсь, Чарли, — хмыкнул он в ответ, одарив меня нервной и лицемерной улыбкой.

Я прошел через приемную, оставив справа встроенный в стену сейф, а слева — заваленный бумагами стол мисс Марбл. Прямо передо мной была матовая стеклянная дверь. На стекле красовалась надпись: «Томас Денвер — директор колледжа». Я вошел в нее.

Мистер Денвер был высоким мертвенно-бледным мужчиной, чем-то похожим на Джона Каррадина: Он был лыс и тощ — кожа да кости. У него были длинные руки с выпирающими суставами. На шее болтался галстук, верхняя пуговица на рубашке была расстегнута. Кожа на шее имела сероватый оттенок, на ней виднелись следы раздражения от бритья.

— Садитесь, Чарли.

Я сел и сложил руки так, как это умею делать только я. Эту привычку я унаследовал от отца. В окно позади мистера Денвера я мог видеть лужайку, но не дорогу к зданию.

— Трудновато увидеть дорогу отсюда, не правда ли? — хрюкнул он.

Мистер Денвер хрюкал неподражаемо. Если бы существовал Конкурс на Лучшего Хрюкальщика, я бы поставил на него все свои деньги. Я откинул волосы с глаз.

На столе мистера Денвера, загроможденном всевозможными предметами еще более, чем стол мисс Марбл, лежала фотография его семьи. Семья выглядела хорошо упитанной и ладно скроенной. Жена толстовата, но дети миловидны как пуговички и ни капельки не похожи на Джона Каррадина. Две маленькие девочки, обе — блондинки.

— Дон Грейс закончил свой доклад, он находится у меня с прошлого четверга. Я тщательно ознакомился с его выводами и рекомендациями. Дело очень серьезное. Я имею в виду случай с Джоном Карлсоном.

— Как он? — спросил я.

— Неплохо. Я думаю, что он вернется через месяц.

— Это радует.

— Да? — моргнув глазами как ящерица, спросил он.

— Я не убил его. Это радует.

— Да, — мистер Денвер смотрел на меня пристально. — Вы сожалеете об этом?

— Нет.

Он наклонился вперед, пододвинул свой стул к письменному столу, покачал головой и начал:

— Я пребываю в замешательстве, когда я вынужден разговаривать таким образом как с Вами, Чарли. Я озадачен и опечален. Я работаю в школе с 1947 года, и до сих пор не могу понять многих вещей. В 1959 году у нас был странный мальчик, который избил школьницу из младшего класса бейсбольной битой. Недавно нам пришлось отправить его в Южный Портлендский Исправительный Институт. И все из-за того, что она не захотела пойти с ним погулять. Это единственное, что он смог сказать в свое оправдание. Затем он громко рассмеялся.

Мистер Денвер покачал головой.

— Не пытайтесь.

— Что?

— Не пытайтесь понять того парня. Не стоит тратить на это время.

— Но почему, Чарли? Почему ты сделал это? Боже мой, мистер Карлсон находился на операционном столе почти четыре часа.

— «Почему?» — вопрос мистера Грейса. Он — школьный сыщик. А Вы спрашиваете об этом, просто чтобы украсить свою проповедь. Я не собираюсь отвечать на Ваши вопросы. Мистер Карлсон мог умереть или выжить. Он жив. Я рад этому факту. Вы делаете то, что должны делать. То, что Вы намерены делать. Но не пытайтесь понять меня.

— Чарли, понимание — часть моей работы.

— А на мне не лежит обязанность Вам в этом помогать, — отпарировал я. — Но я помогу, если Вы намерены общаться в открытую, о'кей?

— О'кей.

Я положил руки на колени. Они дрожали.

— Меня тошнит от Вас, мистера Грейса и вам подобных. Вы привыкли держать меня в страхе и все еще продолжаете меня запугивать. Это утомляет, и я не намерен мириться с таким положением вещей. Плевать я хотел на Ваше мнение. Вы не имеете на меня никаких прав. Поэтому отойдите в сторону. Я предупреждаю : отступитесь. Не вмешивайтесь.

Мой голос повысился до звенящего крика.

Мистер Денвер вздохнул.

— Это Вы так думаете, Чарли. Но законы штата говорят о другом. После ознакомления с отчетом мистера Грейса мне стало ясно, что Вы не понимаете своих поступков и последствий того, что Вы натворили. Вы неуправляемы, Чарли.

Вы неуправляемы, Чарли.

У ирокезов есть обычай — разрезать женщинам носы... чтобы каждый в племени мог видеть, какая часть тела свергает его в беду.

Эти слова отдавались эхом в моей голове, как камни, брошенные в колодец. Слова-акулы, слова-челюсти, намеревающиеся меня сожрать. Слова с зубами и глазами.

Так все и началось. Я знал это, поскольку нечто подобное случилось со мной во время разборки с мистером Карлсоном. Мои руки перестали дрожать. Боль в желудке утихла. Внутри все будто заledenело. Я чувствовал себя независимым не только от мистера Денвера и его бритой шеи, но и от самого себя. Мое тело было почти невесомым.

Мистер Денвер что-то говорил о подходящем адвокате и психиатрической помощи, но я прервал его.

— Идите к черту!

Он запнулся и уставился на меня, оторвав взгляд от бумаг. Наверняка это было что-то из моего личного дела. Великое Американское Досье.

— Что? — спросил он.

— К черту! Не судите, да не судимы будете. А как насчет ненормальных в Вашей семье?

— Мы обсудим это, Чарли, — сказал он, чеканя каждое слово. — Я никогда не участвовал...

— ...в аморальных сексуальных оргиях, — закончил я вместо него. — Ну, здесь больше никого нет. Только Вы и я, о'кей? Помастурбируем немного. Дайте-ка Вашу руку, продавец индульгенций. Ну, а если зайдет мистер Грейс, то это даже к лучшему. Устроим групповуху.

— Что...

— Каждому когда-нибудь приходится с кем-либо заниматься взаимной мастурбацией, не правда ли? Кто Вам дал право судить меня, решать, что для меня правильно, а что нет? Это позиция дьявола. Дьявол заставил меня поступить таким образом, и я очень сожа-аа-лею. Почему Вы допустили это? Вы торгуете моим телом. Я — лучшее, что Вы имели с 1959 года.

Мистер Денвер уставился на меня с открытым ртом. С одной стороны, ему хотелось потакать мне. С другой — он уже давно работал в школе (как он только что сообщил мне), а Правило Номер Один для Педагогов гласит: «Не Разрешайте Школьникам Дерзить Вам».

— Чарли...

— Заткнитесь. Мне надоело, что все меня имеют. Ради Бога, мистер Денвер, будьте мужчиной. А если не можете быть мужчиной, наденьте штаны и будьте директором колледжа.

— Заткнись! — хрюкнул он. Его лицо покраснело от злости. — Молодой человек, Вы — порядочный засранец, которому повезло, что он живет в прогрессивном штате и ходит в прогрессивную школу. Ваше место в исправительной колонии для несовершеннолетних. Там Вы будете толкать свои речи, отбывая срок. Это единственное подходящее для Вас место. Вы...

— Спасибо, — сказал я.

Директор уставился на меня, его сердитые глазки буравили мое лицо.

— Вы ведете себя со мной как с человеком, хотя я и не даю для этого никаких оснований. Это действительно прогресс, — отметил я.

Затем я сел, скрестив ноги.

— Не хотите ли поговорить о том, как Вы бегали за каждой юбкой во время учебы в университете? Помните, какой Вы устроили скандал?

— Вы развращены, молодой человек. У Вас не только грязные слова, но и грязные мысли.

— Да пошел ты... — сказал я и расхохотался ему в лицо.

Он побагровел и встал со стула. Он медленно подошел к письменному столу, медленно, как будто его тело нуждалось в смазке, и схватил меня за шиворот.

— Вы должны разговаривать более уважительно со мной.

Он произнес это почти не дыша, поэтому его голос напоминал сдавленное хрюканье.

— Гадкий маленький подонок, Вы должны разговаривать со мной более почтительно.

— Поцелуй меня в задницу, — сказал я. — Ну-ка, расскажи, как ты бегал по бабам. И тебе полегчает. Брось нам свои труссы! Брось нам свои труссы!

Он отошел от меня, прижимая руки к телу, словно его только что укусила в пах бешеная собака.

— Вон отсюда! — заорал он. — Принеси свои учебники, оставь их здесь, а затем убирайся. Твое исключение из школы и перевод в Гринмэнтл вступает в силу с понедельника. Я поговорю с твоими родителями по телефону. А сейчас убирайся. Я не хочу больше тебя видеть.

Я встал, расстегнул две нижние пуговицы на рубашке, вытащил ее из брюк и расстегнул ширинку. До того, как он успел сделать какое-либо движение, я открыл дверь и, шатаясь, вышел в приемную. Мисс Марбл и Эл Латроп сидели за письменным столом. Они оба посмотрели на меня с испугом и переглянулись. Они явно решили сыграть в знаменитую американскую салонную игру под названием «Мы действительно ничего не слышали, не правда ли?»

— Вам лучше присмотреть за нашим директором, — прошептал я.

— Мы сидели за столом и разговаривали о его успехе у женщин, как вдруг он перепрыгнул через стол и попытался меня изнасиловать.

Мистер Денвер смотрел на меня через стекло двери. Я удрал, а он остался стоять там, злой как фурия, растерянный и виноватый одновременно.

— Пусть кто-нибудь позаботится о нем, — сказал я, а затем прошептал мистеру Денверу:

— Брось нам свои трусы, о'кей?

Я открыл дверь и медленно вышел из приемной, застегивая пуговицы и ширинку, заправляя рубашку. Это был самый подходящий момент, чтобы оправдаться. Но он не сказал ни слова.

Я знал, что старина Том просто был не в состоянии что-нибудь сказать. Он был велик, когда объявлял по внутренней связи о начале школьного ленча, но это совершенно разные вещи — абсолютно разные. Он ничего не мог поделаться со мной. Может быть, он ожидал, что после всего этого мы с улыбкой пожмем друг другу руки

и торжественно отметим восьмой семестр моего обучения в Пласервилльской высшей школе. Но несмотря на все случившееся, он действительно не ожидал от меня такого непредсказуемого поступка. Вся эта история могла быть предназначена только для клозета, скомканная вместе с теми непристойными журналами, которые вы никогда не показываете своей жене. Он стоял там, и ничто ему не приходило в голову. Несмотря на все инструкции о том, как вести себя с детьми-хулиганами, он не ожидал, что будет иметь дело со студентом, атакующим его на личном уровне.

Казалось, мистер Денвер сходит с ума. Это ужасно его раздражало. Кто мог понять его лучше, чем я? Я собирался защищаться. Я был готов к этому с тех пор, когда понял, что люди могут следить за мной и контролировать мои действия.

Я предоставил ему шанс.

По пути к лестнице, я ждал, что за мной погонятся. Убегать не хотелось. Я загадал, что либо дойду до угла, либо не достигну его никогда.

Погони не последовало.

Это и спровоцировало меня на дальнейшие действия.

Глава 7

Я спускался по лестнице, насвистывая, и чувствовал себя прекрасно. Иногда так бывает. Когда дела плохи, нужно выбросить все из головы и уехать на некоторое время во Флориду. Уходя, вы бросаете взгляд на горящий мост, который подожгли собственными руками.

На втором этаже я столкнулся с незнакомой прыщавой девицей в очках в роговой оправе. Она несла связку учебников по секретарскому делу. Повинуясь какому-то неясному порыву, я обернулся и посмотрел ей вслед. Со спины она могла претендовать на звание Мисс Америка. Это было замечательно.

Глава 8

Холл первого этажа был пуст. Ни души. Слышно было только пчелиное жужжание печатных машинок, благодаря которому все школьные здания — современные, из стекла и бетона, либо старые, воняющие краской для полов, — похожи друг на друга. Шкафчики для одежды стояли стройными рядами, как часовые. Между ними виднелись проемы дверей и фонтанчики с питьевой водой.

В кабинете номер 16 шел второй урок алгебры, но мой шкафчик находился в другом конце зала. Я подошел поближе и внимательно осмотрел его.

Мой шкафчик. Надпись, собственноручно напечатанная мною на специальном бланке, гласила: «Чарльз Деккер». Эти бланки нам выдавали в начале нового учебного года. Мы подписывали их с особым усердием и на первой перемене приклеивали на дверцы. Ритуал был так же стар и священен, как Первое Причастие. На втором курсе мы уже не испытывали былого трепета. Помню, после раздачи бланков, продираясь через толпу в холле, ко мне подошел Джо МакКеннеди с наклеенной карточкой на лбу и похабной улыбкой на лице. Сотни шокированных первокурсников, на груди которых красовались маленькие желтые таблички с именами, взирали с ужасом на это святотатство. Я чуть не надорвал живот от смеха. Естественно, Джо оставили после уроков, но это было великолепно. Это был мой день. Вспоминая об этом, я думаю, что это был мой год.

И вот я снова здесь, между шкафчиками Розанны Дебенс и Карлы Денч, девушки, которая душится розовой водой каждое утро. Этот запах отнюдь не способствовал удержанию завтрака в моем желудке.

Но все это в прошлом.

Серый шкафчик, пяти футов в высоту, на замке. Висячие замки нам выдавали вначале года вместе с бланками. «Тайтус» — было выгравировано на нем. Я — Тайтус, Полезный Замок.

— Тайтус, старина, — прошептал я. — Старый верный мудака!

Я протянул к нему руку, но в этот момент на меня нашло какое-то странное оцепенение. Тайтус медленно начал удаляться. Казалось, моя рука непонятным образом удлинилась на тысячи миль, заполняя собой образовавшееся пространство. Черная блестящая поверхность замка взидала на меня успокаивающе, не осуждая, но, конечно, и не оправдывая. На мгновение я закрыл глаза. Мое тело, казалось, обвивали чьи-то невидимые руки.

Когда я пришел в себя, Тайтус был зажат у меня в руке. Пропасть исчезла.

Комбинация цифр на школьных замках несложная. Чтобы открыть мой, нужно повернуть диск влево до цифры шесть, затем вернуться вправо к тридцати, после чего дважды набрать ноль. Тайтус был больше знаменит своей прочностью, а не интеллектом.

Откуда-то сверху раздавался голос мистера Джонсона:

— ...Гессиянцам, которые были наемниками, не очень-то хотелось сражаться, особенно, когда бои шли в сельской местности, где прибыль от грабежа была гораздо больше их жалования...

— Гессиянцы, — прошептал я, обращаясь к Тайтусу.

Затем я бросил его в первую попавшуюся мусорную корзину. Он простодушно уставился на меня из-под груды исписанных бумаг и оберток от сэндвичей.

— ...Гессиянцы, эти страшные германские убийцы...

Я нагнулся, поднял замок и положил в нагрудный карман, из которого он выпирал, словно пачка сигарет.

— Запомни это, Тайтус, старый грязный киллер, — сказал я и вернулся к своему шкафчику.

Я распахнул его. Там находилась моя школьная форма, а также сверток с обьедками, обертки от конфет, почерневший огрызок яблока и пара черных кроссовок. Все это было свернуто в потный, грязный ком. Мой красный нейлоновый пиджак висел на вешалке, а на полке стояли учебники. Все, за исключением алгебры: «Гражданское право», «Французские рассказы и басни» и «Книга о здоровье» — современное издание, на обложке которого были изображены студент и студентка. Изначально в этой книге был параграф о венерических заболеваниях, тщательно вырезанный после единогласного решения школьного комитета. Подозреваю, что эту и другие книги привез в школу старина Эл Латроп. Я взял ее, открыл где-то посередине между «Составные части питания» и «Плавание для здоровья» и разорвал ее на две части. Это оказалось совсем несложно. С остальными учебниками я поступил точно так же, за исключением «Гражданского права», которое было напечатано на жесткой бумаге. Я бросил все кусочки на дно шкафчика. Затем переломил пополам свою логарифмическую линейку. Фотография Рэкел Уэлч осталась висеть на задней стенке. За книгами у меня была спрятана коробка с патронами.

Я вытащил ее и открыл. В коробке находились двадцать два патрона от винчестера. Маловато. Я добавил еще несколько патронов, которые стащил из ящика письменного стола отца, стоящего в его кабинете. Над столом висела голова оленя. Зверь уставился на меня остекленевшими глазами, когда я брал патроны и ружье. Это был не тот олень, которого отец убил, когда мне было девять лет. Пистолет находился в другом ящике, за коробкой, в которой лежали конверты для деловых писем. Я сомневаюсь, помнил ли отец о том, что оружие все еще там. Фактически, его там уже не было. Сейчас пистолет лежал в кармане моего пиджака. Я вытащил его и засунул за пояс, ощущая себя не Гессианцем, а Биллом Хичкоком.

Я положил патроны в карман штанов и вытащил зажигалку. Я не курил, но зажигалка привлекала внимание окружающих к моей персоне. Я высек искру и поджег вещи, находящиеся в шкафчике.

Пламя, злобно оскалась, пожирало форму, обертки от завтраков и конфетные фантики, затем перекинулось на книги. В воздухе запахло гарью.

Некоторое время я смотрел на отблески огня, а затем закрыл дверцу. Как раз над тем местом, где было напечатано мое имя, находились небольшие отверстия, через которые доносился гул пожара. Через минуту из них вырвались маленькие оранжевые язычки пламени. Краска, которой был покрыт шкафчик, начала шелушиться и облезать.

Из кабинета мистера Джонсона вышел мальчик. Он посмотрел на дым, клубящийся из моего шкафчика, затем на меня и заспешил в ванную комнату. Мне кажется, мальчик не видел пистолет. Иначе он смылся бы гораздо быстрее.

Я спустился вниз и подошел к комнате номер 16. Перед тем, как взяться за ручку двери, я оглянулся. Дым валил изо всех отверстий шкафа. На дверце расплывалось темное пятно. Бумага, на которой еще недавно красовалось мое имя, обуглилась.

Я повернулся и взялся за ручку двери. Я еще на что-то надеялся. Но уже не знал, на что.

Глава 9

— ...отсюда следует, что при увеличении числа переменных аксиомы сами по себе не изменяются. Например...

Миссис Андервуд взглянула на меня настороженно, водружая пестрые очки на нос.

— У Вас есть допуск на урок, мистер Деккер?

— Да, — сказал я и вытащил из-за пояса пистолет. У меня даже не было уверенности, что он заряжен. Я выстрелил ей в голову. Миссис Андервуд так и не узнала, что ее ударило, я уверен. Она упала боком на письменный стол, затем скатилась на пол. Выражение ожидания навсегда застыло на ее лице.

Глава 10

Можно жить, убеждая себя, что жизнь логична, прозаична и разумна. Прежде всего разумна. Я в этом уверен. Я потратил много времени на этот вопрос. Никогда не забуду предсмертную декларацию миссис Андервуд: «При увеличении числа переменных аксиомы сами по себе не меняются».

Я действительно верю в это.

Я мыслю — следовательно, я существую. На моем лице волосы, поэтому я бреюсь. Моя жена и ребенок погибли в автокатастрофе, поэтому я молюсь. Все это абсолютно логично и разумно. Мы живем в наилучшем из возможных миров, поэтому дайте мне «Кент» в левую руку, стакан — в правую, включите «Старски и Хатч» и слушайте мелодию, полную гармонии, о медленном вращении Вселенной. Логично и разумно. Реально и неопровержимо как кока-кола.

Но у каждого человека есть два лица: весельчак по имени Джекил и его антипод — мрачный мистер Хайд, зловещая личность по ту сторону зеркала, которая никогда не слышала о бритвах, молитвах и логичности Вселенной. Вы поворачиваете зеркало боком и видите в нем отражение своего лица: наполовину безумное, наполовину осмысленное. Астрономы называют линию между светом и тенью терминатором.

Обратная сторона говорит, что логика Вселенной — это логика ребенка в ковбойском костюмчике, с наслаждением

размазывающего леденец на милое вокруг себя. Это логика напалма, паранойи, террористических актов, случайной карциномы. Эта логика пожирает сама себя. Она утверждает, что жизнь — это обезьяна на ветке, что жизнь истерична и непредсказуема как монетка, которую вы подбрасываете, чтобы выяснить, кто будет оплачивать ленч.

Я понимаю, что до поры до времени вам удастся не замечать эту обратную сторону. Но все равно вы неминуемо с ней сталкиваетесь, когда несколько бравых парней решают прокатиться по Индиане, попутно стреляя в детей на велосипедах. Вы сталкиваетесь с ней, когда ваша сестра говорит, что спустится на минутку в универмаг, и там ее убивают во время вооруженного налета. Вы видите лицо мистера Хайда, когда слышите рассуждения вашего отца о том, каким образом разворотить нос вашей матери.

Это колесо рулетки. Не имеет значения, сколько чисел на нем. Принцип маленького катящегося шарика никогда не меняется. Не говорите, что это безумие. Это воплощенное хладнокровие и здравомыслие.

И эта фатальность, она не только вокруг вас. Она и внутри вас, прямо сейчас, растет и развивается в темноте, подобно волшебным грибам. Называйте ее Вещью в Подвале. Называйте ее Движущей Силой. Я представляю ее своим личным динозавром, огромным, скользким и безумным, барахтающимся в болоте моего подсознания и не знающим, за что ухватиться, чтобы не утонуть.

Но это я, и я начал рассказывать вам о них, об учащих колледжа, которые, говоря метафорически, решили пройти за молоком, а оказались в эпицентре вооруженного ограбления и были убиты. Я — чемодан с документами, рутинное зерно для газетной мельницы. Тысячи журналистов подстерегают меня на тысячах перекрестков. У меня пятьдесят секунд на «Чанселлор-Бринкли» и полторы колонки в «Таймс». А я стою здесь, перед вами, и говорю, что совершенно нормален.

Итак, о них. Как вы понимаете это выражение? Давайте обсудим.

— У вас есть допуск на урок, мистер Деккер? — спросила она меня.

— Да, — ответил я и вытащил из-за пояса пистолет. У меня не было даже уверенности, что он заряжен. Я выстрелил ей в голову. Миссис Андервуд так и не узнала, что ее ударило. Она упала боком на письменный стол, а затем скатилась на пол. Выражение ожидания навсегда застыло на ее лице.

Я в здравом уме: я — крупье, парень, который бросает шарик против вращения колеса рулетки. Парень, который кладет свои деньги на четное/нечетное, девушка, положившая деньги на черное/красное... как насчет них?

Невозможно вычлени́ть момент времени, выражающий сущность наших жизней. Время между взрывом пороха и вгрызанием пули в тело, между вгрызанием пули и смертью. Существует единственный бессодержательный ответ, который не сообщает ничего нового.

Я выстрелил в нее, она упала; между этими двумя событиями — неопи́сываемый момент тишины, вечность. И мы все сделали шаг назад, наблюдая за катящимся шариком, который, дрожа и подпрыгивая, отмеряет круг за кругом. Он то отрывается от поверхности и летит по воздуху, то опускается и продолжает свой путь: начало и конец, красное и черное, четное и нечетное.

Я считал, что момент между выстрелом и падением канул в небытие. Я был в этом уверен. Но иногда, в темноте, мне кажется, что он все еще продолжается, что колесо рулетки еще крутится. И я мечтаю о полном покое.

Похоже ли это на ощущения самоубийц, прыгающих с высотных зданий? Я уверен, они находятся в здравом уме. Вероятно, поэтому они кричат во время падения.

Глава 11

Если бы кто-нибудь из них выкрикнул что-нибудь мелодраматическое в тот момент, что-нибудь типа «о, Боже, он собирается нас всех убить!», это было бы вполне естественно. Они были заперты как овцы, и кто-нибудь агрессивный, вроде Дика Кина, мог бы ударить меня по голове учебником алгебры, таким образом освободив заложников и получив награду «За спасение жителей города».

Но никто не сказал ни слова. Они сидели в звенящей тишине и смотрели выжидательно, как если бы я собирался объявить им, как можно попасть в пласервилльский летний кинотеатр этой ночью.

Я закрыл дверь комнаты, пересек класс и сел за большой учительский стол. Моим ногам было неудобно. Я мог упасть в любой момент. Мне пришлось отодвинуть ноги миссис Андервуд, чтобы втиснуть колени в нишу между тумбами письменного стола. Я положил пистолет на классный журнал, закрыл учебник алгебры и положил его на стопку других книг.

В этот момент тишину нарушил высокий пронзительный визг Ирмы Бейтц. Он был похож на предсмертный крик индюка, которому отрезают голову в канун Дня Благодарения. Но было слишком поздно. Каждый уже успел взвесить все за и против. Никто не откликнулся на ее визг, и она замолчала, как бы пристыженная тем, что нарушила тишину во время школьных занятий. Кто-то

откашлялся. Кто-то за дверью многозначительно хмыкнул. И Джон «Пиг Пэн» свалился со стула на пол в глубоком обмороке.

Все смотрели на меня ошарашенно.

В холле послышались шаги, и незнакомый голос спросил, не взорвалось ли что-нибудь в химической лаборатории. Кто-то ответил, что не знает. Пронзительно завывала пожарная сирена. Половина ребят в классе автоматически встала.

— Все в порядке, — сказал я. — Это просто мой шкафчик. Я поджег его. Садитесь.

Все сели. Я посмотрел на Сандру Кросс. Она сидела в третьем ряду за четвертой партой и выглядела совершенно спокойной.

На лужайке выстроились шеренги студентов; я мог наблюдать за ними в окно. Белка уже скрылась.

Внезапно дверь распахнулась, я поднял оружие. Мистер Вэнс просунул в нее голову.

— Пожарная тревога, — сказал он. — Каждый... А где миссис Андервуд?

— Убирайся, — рявкнул я.

Он уставился на меня. Это был очень жирный мужик, его волосы были коротко подстрижены. Они выглядели так, как будто какой-то садовник обкорнал их секатором.

— Что? Что Вы сказали?

— Проваливай.

Я выстрелил в него и промахнулся. Пуля попала в верхний косяк двери. Полетели щепки.

— Боже, — с ужасом прошептал кто-то в дальнем углу класса.

Мистер Вэнс не понял, что случилось. Мне кажется, что никто из присутствующих не понял. Все это напоминало мне статью, которую я недавно прочитал в газете, о последнем большом землетрясении в Калифорнии. В ней рассказывалось о женщине, которая бродила из комнаты в комнату в то время, когда ее дом разваливался на куски, умоляя своего мужа не включать вентилятор.

Мистер Вэнс решил вернуться к началу разговора.

— В здании пожар. Пожалуйста...

— У Чарли есть оружие, мистер Вэнс, — сказал Майк Гэвин таким тоном, как будто говорил о погоде. — Я думаю, Вам лучше...

Вторая пуля попала мистеру Вэнсу в горло. Его тело обмякло. Складки жира заколыхались как волны от брошенного в воду камня. Он вывалился в холл, сжимая руками горло.

Ирма Бейтц опять завизжала, но вновь ее никто не поддержал. Если бы визжала Кэрол Гренджер, у которой была куча воздыхателей, то все вышло бы иначе. Но кто хотел петь дуэтом с бедной старой Ирмой Бейтц. У нее даже не было парня. Тем не менее, все с ужасом уставились на мистера Вэнса, который дергался в конвульсиях.

— Тед, — обратился я к Теду Джонсу, который сидел ближе всех к двери. — Закрой ее и запри.

— Ты соображаешь, что ты делаешь? — спросил Тед. Он смотрел на меня с отвращением.

— Я еще не знаю всех деталей, — ответил я. — Все-таки захлопни дверь и закрой ее на ключ, о'кей?

Внизу кто-то орал: «Это в шкафу! Это в... Эй, кто-то напал на Пита Вэнса! Принесите воды!..»

Тед Джонс встал, прикрыл дверь и замкнул ее на ключ. Это был высокий парень, одетый в полинявшие джинсы и гимнастерку с оттопыривающимися карманами. Он выглядел великолепно. Я всегда восхищался Тедом, хотя не был вхож в круг, в котором он вращался. Отец подарил ему «Мустанг» последней модели, и он даже не платил за парковку. Он стригся несколько старомодно, и я держу пари, что именно такое лицо стоит перед глазами Ирмы Бейтц, когда она ночью лезет в холодильник за огурцом. С всеамериканским именем типа Тед Джонс он не мог не добиться успеха. Его отец был вице-президентом пласервилльского банка и треста.

— А теперь что? — спросил Харман Джексон. Он был совершенно сбит с толку.

— Хм. — Я снова опустил пистолет на классный журнал. — Пусть кто-нибудь попытается поднять Пиг Пэна. Он запачкает рубашку. Вернее, сделает ее еще более грязной.

Сара Пастерн истерически захохотала и зажала рот руками. Джордж Янек, сосед Пиг Пэна, наклонился над ним и начал хлопать по щекам. Пиг Пэн застонал, открыл глаза, закатил их и сказал: «Он убивает Книжных Баб». Послышалось несколько истерических смешков. Они рассыпались по классу как попкорн. Миссис Андервуд всегда носила с собой два клетчатых пластиковых портфеля. Ее также называли «Двуствольная Сью».

Пиг Пэн тряхнул головой, снова закатил глаза и зарыдал.

Кто-то постучал в дверь, повернул ручку и завопил: «Эй? Эй, вы там!» Кажется, это был мистер Джонсон, который только что распинался о Гессианцах. Я поднял пистолет и выстрелил в дверь. Пуля проделала аккуратное маленькое отверстие на уровне человеческой головы. Мистер Джонсон бросился наутек, словно сметающая все на своем пути субмарина. Класс, за исключением Теда, наблюдал за происходящим с явным интересом, как за перипетиями приключенческого кинофильма.

— У кого-то из них есть ружье! — крикнул мистер Джонсон.

За дверью слышались неясные звуки. Мне показалось, что Джонсон удалился на четвереньках. Сирена пожарной тревоги продолжала надрываться.

— А что теперь? — опять поинтересовался Харман Джексон.

Это был невысокого роста парень с постоянной гнусной ухмылкой на лице. Но сейчас он выглядел совершенно беспомощным.

Мне не хотелось раздумывать над ответом, поэтому я пропустил его реплику мимо ушей. Снаружи толпились ученики, разговаривая и показывая пальцами на окна нашей комнаты. Спустя некоторое время несколько учи-

телей-мужчин начали заталкивать их в спортзал, находящийся в боковой пристройке.

Истерически завывала городская сирена на здании муниципалитета.

— Это похоже на конец света, — мягко сказала Сандра Кросс.

Я ничего не ответил.

Глава 12

Никто не произнес ни слова до тех пор, пока к школе не подъехали пять машин. Ребята смотрели на меня, а я на них. Они могли удрать, но почему-то этого не сделали. Почему они не удрали, Чарли? Что ты сделал с ними? Если я начну объяснять, то скажу примерно следующее. Вы забыли, что значит быть ребенком, жить рядом с насилием, с банальным мордобоем в гимнастическом зале, уличными скандалами в Левистоне, драками и убийствами в кинофильмах. Большинство из вас видело в кинотеатре фильм о том, как маленькую девочку вырвало гороховым супом прямо на священника. Старые книжные бабы не идут с этим ни в какое сравнение.

Я же не сделал ничего подобного. Я заявляю, что американские дети всю свою жизнь подвергаются насилию, реальному и воображаемому. И вот я здесь. Это похоже на отрывок из фильма «Бонни и Клайд». Единственное, чего мне не хватает, так это кукурузы.

Я знаю, они думают, что в конце концов все закончится хорошо. Они не могут думать иначе.

Надеются ли они, что я убью кого-нибудь еще?

Послышалось завывание сирены. Кажется, это была «скорая помощь». Когда-нибудь настанут светлые времена, и фургоны с красным крестом будут появляться на сцене в критический момент, когда это действительно необходимо. И люди в белых халатах с сияющими нимбами вокруг головы всегда придут к вам на помощь, будьте уверены. Когда-нибудь.

Глава 13

Примчались пожарники. Впереди бригадир, за ним его команда, вооруженная всем необходимым, чтобы потушить пожар. Машина остановилась на лужайке, и сигнальная сирена замолкла.

— Ты пустишь их сюда? — спросил Джек Голдмен.

— Огонь снаружи, а не здесь.

— Ты запер дверь? — спросила Сильвия Рэгон, крупная блондинка с полной грудью.

— Да.

Майк Гэвин выглянул в окно и рассмеялся:

— Там двое запутались в шлангах.

Пожарники поднялись с земли, помогли друг другу освободиться, и вся группа начала подготовку к операции. Тут из школы выбежали мистер Джонсон (Живая Субмарина) и мистер Грейс. Они начали что-то рассказывать бригадиру, оживленно жестикулируя.

Пожарники уже тянули шланги с блестящими наконечниками к школьным дверям, когда бригадир повернулся к ним и закричал:

— Пойдите!

Они остановились посреди лужайки в полном недоумении, сжимая в руках торчащие наконечники пожарных шлангов, которые смотрелись, как гигантские фаллосы.

Бригадир продолжал совещаться с мистером Джонсом и мистером Грейсом. Мистер Джонсон указывал на каби-

нет номер шестнадцать. Из школы выбежал Томас Денвер и сразу же присоединился к дискуссии.

— Я хочу домой! — не своим голосом сказала Ирма Бейтц.

— Выкинь это из головы, — посоветовал ей я.

Бригадир опять обратился к своей команде, но мистер Грейс возмущенно затряс головой и стал что-то доказывать, положив ему руку на плечо. Затем повернулся к Денверу и о чем-то спросил. Директор кивнул и побежал к школьным дверям.

Бригадир залез в багажник своей машины и вытащил оттуда великолепный новенький громкоговоритель. Я уверен, что у них на пожарной станции была настоящая драка за право пользоваться именно этим экземпляром. Бригадир набрал в легкие побольше воздуха и начал:

— Прошу всех покинуть здание. Повторяю. Всем покинуть здание. Всем учащимся просьба выйти на дорогу. Выходите на дорогу. Скоро будут поданы автобусы. Школа закрыта...

Он перевел дыхание.

— Повторяю, просьба всем покинуть здание.

Народ вываливал на улицу. Учителя не давали ребятам задерживаться у дверей, направляя их к дороге. Я искал взглядом Джо МакКеннеди, но его нигде не было.

— Ничего, если я буду делать домашнее задание? — дрожащим голосом произнес Мелвин Томас. Все рассмеялись.

— Сколько угодно.

Я подумал с минуту и добавил:

— Если кто хочет курить, не стесняйтесь.

Несколько ребят тут же полезли в карманы за сигаретами. Сильвия Рэгон извлекла из косметички пачку «Кэмел», вытащила сигарету и затаилась с манерным видом провинциальной звезды. Она выпустила кольцо дыма и бросила спичку на пол, затем села поудобнее, раздвинув колени. Похоже, она чувствовала себя очень уютно.

— Если вы хотите сесть рядом с приятелем, можете поменяться местами. Только не советую бросаться на меня

или бежать к двери, а в остальном перемещение по классу свободное.

Кое-кто пересел, большинство оставалось на своих местах. Мелвин Томас открыл учебник алгебры, но явно не мог сосредоточиться. Он тупо уставился на меня.

Раздался негромкий звонок: это включилась внутренняя связь.

— Эй, — произнес голос Денвера, — шестнадцатый кабинет!

— Да, — ответил я.

— Кто это?

— Чарли Деккер.

Долгая пауза. Наконец:

— Что происходит, Деккер?

Я немного подумал, затем сообщил:

— Кажется, я сошел с ума.

Еще одна пауза. Затем:

— Что ты наделал?!

Звучит риторически. Я посмотрел на Теда. Он кивнул.

— Мистер Денвер?

— Кто говорит?

— Тед Джонс, мистер Денвер. Дело в том, что у Чарли пистолет. Он держит нас здесь в качестве заложников. Он убил миссис Андервуд. И мистера Вэнса тоже, я полагаю.

— Да уж, можете не сомневаться, — подтвердил я.

— О... — только и смог вымолвить мистер Денвер.

Сара Пастерн хихикнула.

— Тед Джонс?

— Да, я слушаю.

Голос Теда звучал уверенно и в то же время несколько отстраненно. Его манера говорить восхищала меня.

— Кто находится в классе, кроме вас с Деккером?

— Секундочку, — ответил я. — Подождите, я оглашу список.

Я открыл журнал миссис Андервуд и начал читать:

— Ирма Бейтц?

— Я хочу домой! — отозвалась Ирма.

— Прекрасно, она здесь. Сюзанн Брукс.

— Здесь.

— Нэнси Каски?

— Здесь.

Я дочитал до конца. Двадцать пять фамилий. Отсутствовал только Питер Франклин.

— Что с Питером? Он убит? — спокойно спросил мистер Денвер.

— У него корь, — крикнул Дон Лорди. Ребята захихикали. Тед нахмурился.

— Деккер?

— Да.

— Когда ты отпустишь их?

— Не сейчас.

— Почему?

Голос Денвера был усталым, чувствовалось, как тяжело этому человеку, и на секунду мной овладела жалость к нему. Но я немедленно подавил в себе это ненужное чувство. Это похоже на игру в покер, когда кто-нибудь выигрывал всю ночь, загреб уже кругленькую сумму и вдруг остался ни с чем. И вам становится жаль его, но нельзя поддаваться минутной слабости, нельзя бросать игру, иначе проигравшим будете вы.

— У нас с ребятами есть что сказать друг другу. Еще не все точки над «и» расставлены.

— Что это значит?

— Это значит, тебе придется смириться.

Кэрол Гренджер сделала круглые глаза.

— Деккер...

— Называй меня Чарли. Все друзья называют меня Чарли.

— Деккер...

Я показал классу руку со скрещенными пальцами.

— Если ты не станешь называть меня Чарли, я открываю огонь.

Пауза. Потом неуверенно:

— Чарли?

— Вот так лучше.

На задней парте Майк Гэвин и Дик Кин изо всех сил сдерживались, чтобы не рассмеяться. Некоторые ребята уже не скрывали улыбок.

— Ты будешь называть меня Чарли, а я тебя Том. Договорились, Том?

Долгое молчание.

— Когда ты выпустишь ребят, Чарли? Что тебе от них нужно?

За окном я увидел полицейские машины. Черно-белые из городского отделения и голубые — полиции штата. Джерри Кессерлинг, начальник управления с 1975 года (то есть с тех пор, как бывший шеф полиции Уоррен Телбот отдал Богу душу), регулировал движение автомобилей на дороге.

— Ты слышишь меня, Чарли?

— Да. Но ничего не могу ответить. Я и сам не знаю... Кажется, подъезжают новые копы.

— Да, мистер Вульф вызвал полицию. Не представляю, что здесь начнется. Полицейские вооружены. У них есть слезоточивый газ, Дек... Чарли. Зачем создавать себе лишние проблемы?

— Том?

Неохотно:

— Что?

— Надеюсь, тебя не затруднит оторвать от стула свою тощую задницу и сообщить этим джентльменам, что если им придет в голову применить газ, они об этом крупно пожалеют. Вы все должны понять, кто диктует правила игры.

— Ну почему? Почему ты так поступаешь?

В его голосе звучала бессильная злоба.

— Не знаю, — признался я, — но ведь это интереснее, чем говорить о бабах, Том. Наши дела тебя не касаются. Все, что мне нужно, это чтобы ты передал полицейским мои слова. Выполнишь мою маленькую просьбу, Том?

— У меня нет выбора, не так ли?

— Совершенно верно. Нет выбора. И еще...

— Что?

— Я не слишком тебе симпатизирую, Том, как ты уже мог заметить. Но сейчас, думаю, тебя это волновать не должно. Но стоит усвоить, что ситуация изменилась. И я не листок бумаги на столе, который можно смять и выкинуть в корзину. Ты это понимаешь?

Я повысил голос почти до крика:

— Ты понимаешь это, Том?

— Да, Чарли, — упавшим голосом произнес он.

— Нет, ты еще не все понял, Том. Но тебе придется зарубить это на носу. Сегодня мы почувствуем разницу между людьми и бумажками в папке. Что ты думаешь об этом, Том?

— Я думаю, ты тяжело болен, Деккер.

— Нет, «Ты тяжело болен, Чарли». Ты это хотел сказать, Том?

— Да.

— Так скажи.

— Я думаю, ты болен, Чарли, — механически повторил Денвер.

— Вот и прекрасно. А теперь иди и передай им мои слова.

Денвер прокашлялся, будто собирался что-то добавить, но ничего не произнес, и связь отключилась.

Я обвел глазами класс. Ребята переговаривались друг с другом, как всегда, и в классе стоял привычный шум. У каждого из них был отстраненный, слегка недоумевающий взгляд. Последствия шока. Наверное, похожие чувства испытывают люди, попадающие на войну: выброшенные неведомой силой из повседневной приятной полудремы, вы оказываетесь в иной реальности и видите настоящую кровь. Настоящую смерть. Ваш мозг отказывается это воспринимать, и остается только плыть по течению, надеясь, что связь с реальностью восстановится как-нибудь сама собой. Я смотрел на ребят, и неожиданно в памяти всплыл стишок, который нас заставляли учить в младших классах:

Вот опять звенит звонок,

Начинается урок.

К концу его мы в десять раз
Знать будем больше, чем сейчас.

Интересно, чему мы научимся сегодня.

Желтые школьные автобусы подъехали к зданию. Ребята занимали места. Они вернутся домой, к своим родителям, к привычным делам, телевизору. А здесь, в шестнадцатом кабинете, учеба будет продолжаться.

Мне захотелось поболтать о чем-нибудь. Я слегка постучал пистолетом по учительскому столу, и наступила тишина. Все внимательно смотрели на меня.

— Думаю, нам стоит поговорить.

— Наедине? — спросил Джордж Янек, мальчик с живым умным лицом. Он не выглядел испуганным.

— Да.

— Тогда выключи внутреннюю связь.

— Кто тебя тянул за язык, сукин сын, — отчетливо произнес Тед Джонс. Джордж удивленно обернулся к нему, но ничего не ответил.

Я встал и перевел рычажок в другое положение.

Затем обратился к Теду:

— Зря ты так, все равно я помнил об этом.

Тед ничего не сказал, только слегка усмехнулся: кажется, он заметил мою ложь.

— Прекрасно, — я повернулся к ребятам, — возможно, я сошел с ума. Но это еще не повод стрелять в кого-нибудь из вас, поверьте. Поэтому не бойтесь говорить все, что думаете. Напримёр, кто-нибудь верит, что я могу начать стрелять?

На некоторых лицах было сомнение, но никто ничего не сказал.

— О'кей. Я действительно не собираюсь делать глупости. Мы просто будем сидеть здесь и говорить начистоту. Вытряхивая грязь из своих душ.

— Да, из миссис Андервуд ты уже вытряхнул все, что мог, — по-прежнему улыбаясь, произнес Тед.

— Я должен был так поступить. Не знаю, как это объяснить, но... должен. К этому все шло. И мистер Вэнс. Я советую вам не принимать это близко к сердцу. Никто

из вас, как я уже сказал, не получит пулю в лоб ни с того ни с сего, так о чем же беспокоиться?

Кэрол Гренджер неуверенно подняла руку. Она была хорошенькой и неглупой девчонкой. Такие поступают потом в самые престижные женские колледжи. Она наверняка будет произносить речь от имени выпускников этим летом. «Будущее в наших руках» или что-нибудь в этом роде. Я кивнул.

— Когда мы сможем уйти, Чарли?

Я вздохнул и пожал плечами:

— Поживем — увидим.

— Но моя мама перепугается до смерти!

— Почему? — спросила Сильвия Рэгон. — Она же знает, где ты, не правда ли?

Засмеялись все, кроме Теда. Он по-прежнему улыбался, рассматривая меня в упор. Едва ли он хотел принимать участие в откровенном разговоре. Но почему? Борьба со всеобщим безумием? Мальчик, затыкающий пальцем пробитую плотину? Нет, едва ли. Это не его амплуа. Его стиль — не героизм, а, скорее, изящный уход в тень. Он единственный из известных мне людей покинул футбольную команду после трех головокружительных побед в прошлом году. Спортивный репортер в местной газете назвал Теда самым блестящим игроком за всю историю пласервилльской школы. Но он ушел из команды. Неожиданно и необъяснимо. Что удивительно, популярность его при этом нисколько не упала. Джо рассказывал, что когда совершенно обалдевшие ребята требовали хоть каких-нибудь объяснений, Тед сказал, что футбол — слишком тупая игра, и что он, Тед, найдет себе занятие получше. Я уважал его. Но почему сейчас он против меня, понять было сложно. Чтобы решить эту проблему, требовалось немножко подумать, но я не мог сосредоточиться. События развивались достаточно быстро.

— Ты действительно свихнулся? — неожиданно спросил Харман Джексон.

— Думаю, да. Человек, который убивает других людей, должен быть не в своем уме, не так ли?

— Тогда, наверное, тебе нужна помощь, — продолжал Харман. — Стоит обратиться к доктору.

— Ты имеешь в виду кого-нибудь вроде Грейса? — усмехнулась Сильвия. — Старый козел! Я должна была посещать его после того, как швырнула чернильницей в старушку Грин. Все, что он делал — пытался заглянуть мне под платье и заводил разговоры о сексе.

— Он признал в тебе большого специалиста в этих вопросах, — сказал Пэт Фитцджеральд. Послышалось хихиканье.

— Это не твое дело, — надменно произнесла Сильвия, затушив сигарету. — И тем более, не его.

— Что мы будем делать? — спросил Джек Голдмен.

— Ничего, — ответил я. — Пусть все течет как течет.

На лужайке появилась вторая полицейская машина городского управления. Думаю, третья приедет не скоро: ребята наверняка сидят сейчас в кафе, болтая о пустяках и наслаждаясь кофе с орешками.

Денвер о чем-то беседовал с военным в синих штанах. Джерри Кессерлинг рассаживал по машинам тех школьников, которым не хватило места в автобусах. Мистер Грейс разговаривал с каким-то неизвестным типом в костюме. Пожарники стояли поодаль, курили и ждали дальнейших распоряжений.

— То, что сейчас происходит, как-нибудь связано с давней историей с мистером Карлсоном? — спросил Корки.

— Откуда я знаю, с чем это связано? Если бы я знал причину, может, ничего бы и не было.

— Это твои родители, — неожиданно произнесла Сюзанн Брукс. — Причина должна быть связана с родителями.

Тед Джонс издал какой-то странный звук.

Я изумленно поглядел на Сюзанн.

Сюзанн Брукс была одной из тех девушек, которые никогда не открывают рта прежде, чем их об этом не попросят. Очень серьезная девушка. Симпатичная, хотя и не слишком яркая. У таких всегда бывает старший брат или сестра, затмевающие своими выдающимися успехами младших, так что школьные учителя обычно делают

невыгодные для младших сравнения. И тем ранят их самолюбие. Когда такая девочка вырастает, она выходит замуж. Обычно за какого-нибудь водителя грузовика. А потом уезжает на западное побережье и пишет родственникам и друзьям не слишком часто. И становится гораздо раскованней, словно расцветает после того; как вырвалась из тени старшего брата или сестры. И живет долго и счастливо.

— Мои родители, — произнес я, как бы пробуя эти слова на вкус. Я подумал, не рассказать ли историю о той охоте, когда мне было девять лет. О том, как я услышал про обычаи ирокезов. Но это было бы слишком шокирующе.

Я бросил взгляд на Теда и поразился: лицо его искривила злобная гримаса. Казалось, кто-то засунул ему в рот лимон и заставил сжать челюсти. Для меня было неожиданностью видеть Теда в таком состоянии.

— Об этом пишут во всех книгах по психологии, — продолжала Сюзанн. — И действительно...

Вдруг, осознав тот факт, что она говорит перед всем классом, Сюзанн замолчала. Казалось, она сама себе удивлялась. Сквозь ее блузку нежно-нефритового цвета просвечивали бретельки лифчика.

— Мои родители, — снова начал я. И снова замолчал. Я вспоминал охоту, тени деревьев на туго натянутой ткани палатки (палатку натягивал отец, так что на ней не было ни единой морщинки), переполненный мочевой пузырь и то, как я чувствовал себя маленьким ребенком... И тут я вспомнил еще один случай. Я не хотел бы говорить о нем. Я никогда не рассказывал об этом мистеру Грейсу. Но сейчас, возможно, время пришло. Это могло помочь не только мне, но и Теду. По крайней мере, мне так казалось. Что касается меня... Наверное, уже поздно. Слишком поздно.

Снаружи ничего не происходило. Приехала последняя из городских полицейских машин, только и всего.

— Родители, — третий раз повторил я и начал свой рассказ.

Глава 14

Мои родители познакомились на свадьбе, и хотя едва ли вы верите в предзнаменования, но стоит сказать, что невеста через год погибла. Ее звали Джесси Деккер Ханнафорд. Она была однокурсницей и соседкой по комнате моей мамы в университете Мэна. Обе специализировались на политологии. Через год после свадьбы произошло следующее. Муж Джесси ушел в город по делам, а она решила принять душ. В ванной она поскользнулась, ударилась головой и потеряла сознание. Пока Джесси была в обмороке, на кухне начался пожар, и она сгорела вместе со всем домом.

Таким образом, единственная польза, которую принесла вышеупомянутая свадьба, — знакомство моей мамы с братом Джесси. Он был в морской форме, недурен собой, и как только начались танцы, пригласил мамочку. Она согласилась. Он ухаживал за ней шесть месяцев, а потом они поженились. Насколько я понимаю, я был зачат незадолго до или сразу после того, как погибла сестра отца. На свадьбе моих родителей она была подружкой невесты. Я часто разглядывал свадебные фотографии, и меня не покидало странное чувство. Вот тетя Джесси обнимается с мамой. Джесси и ее муж, Брайан Ханнафорд, улыбаются на заднем плане, а мама с папой разрезают пирог. Джесси танцует... И на всех этих фотографиях тетя Джесси всего за пять месяцев до своей ужасной смерти в горящем доме. И хочется дотронуться до нее, окликнуть,

сказать: «Осторожнее, тетя Джесси. Будь осторожней, когда мужа нет дома».

Но время не повернешь вспять, и чувство собственного бессилия никогда не покидало меня, когда я думал о тете Джесси.

Я был единственным ребенком в семье, и мама никогда не хотела другого. Моя мама большая интеллектуалка. Она никогда не читала Агату Кристи, например, хотя любила английские детективы. А отец, который делал карьеру во флоте, а затем служил в вербовочном пункте, был более американизированным человеком. Он любил «Детройт Тайгас» и «Детройт Редвинз», а когда умер Винси Ломбарди, надел черную нарукавную повязку. Он читал новеллы Ричарда Старка о Паркере. Это сместило мамочку, которая втолковала ему наконец, что Ричард Старк — псевдоним, а настоящее имя писателя — Дональд Вестлейк, и под этим именем он написал много чудных рассказов. Она даже дала один почитать папочке, но он не оценил его.

Одно из самых ранних воспоминаний моего детства относится к тому времени, когда мне еще не исполнилось и трех лет. Я проснулся среди ночи с ощущением, что я уже мертв. Оно рассеялось лишь тогда, когда в лунном свете я увидел на стенах комнаты и на потолке колеблющиеся тени ветвей. За окном рос старый вяз, ветер шевелил его листву, и ветки двигались, словно руки. Сейчас, когда я вспоминаю эту картину, я сказал бы «как руки мертвеца». Но в то время едва ли мне пришло в голову такое сравнение. Я был слишком мал, чтобы думать о мертвецах. Наверное, было полнолуние, потому что стены казались очень яркими, а тени абсолютно черными, вся картина была контрастной, без полутонов.

И тут я услышал, как что-то крадется ко мне. Я слышал негромкий скрип. Он доносился откуда-то снизу, из холла. Я не мог пошевелиться от страха. Возможно, и не хотел, не помню точно. Я просто лежал, смотрел на тени и ждал, что Скрипящая Тварь войдет в дверь моей комнаты.

Я смотрел на дверь и ждал. Не знаю, прошли секунды или часы. Время для меня остановилось. И вдруг я понял, что Скрипящая Тварь находится сейчас не у порога моей комнаты, готовясь прыгнуть на меня из тьмы. Она внизу, в комнате родителей.

Я лежал и прислушивался. Помню шум ветра в ветвях деревьев. Помню, что я обмочился, и кровать подо мной была влажной и теплой, и это почему-то слегка успокаивало. А внизу, далеко, но в то же время необыкновенно отчетливо шумела Скрипучая Тварь.

Прошло много времени, и я услышал раздраженный голос мамы: «Хватит, Карл».

И опять скрип. Затем снова: «Прекрати!» Неразборчивый шепот отца. И мама: «Какое мое дело! Это твои проблемы! Прекрати, я хочу спать!»

Теперь я все знал. Я смог заснуть в ту ночь, но я понял: Скрипучей Тварью был мой отец.

Глава 15

Никто ничего не сказал. Некоторые ребята продолжали смотреть на меня выжидательно, как будто я рассказывал анекдот и дошел до ключевой фразы, после которой можно будет смеяться.

Другие разглядывали свои руки, скрывая некоторое смущение. Но Сюзанн Брукс выглядела довольной, даже сияющей.

Послышался звонок с урока. Я взглянул на тело миссис Андервуд. Глаза ее были полуоткрыты. Они остекленели. На руке спокойно уселась муха, потирающая лапки. Я согнал ее.

За окном подъехало еще четыре полицейские машины. Множество других машин стояло вдоль дороги. Постепенно начинала собираться толпа.

Я почесал подбородок, сел и взглянул на Теда. Он сжимал кулаки. Губы его шевелились беззвучно, но я отчетливо разобрал, что он говорит. «Дерьмо».

Никто не заметил того, что происходит между мной и Тедом. Мне показалось, что он сейчас заговорит вслух. Чтобы опередить его, я продолжил рассказ о своих родителях.

Глава 16

Я знаю, что отец всегда меня ненавидел.

Хорошенькое заявление, не правда ли? Я догадываюсь, как это звучит со стороны. Глупо и по-детски. Похожую фразу вы произносите со слезами на глазах и дрожью в голосе, когда отец не дает вам свою машину на уик-энд или обещает содрать с вас шкуру за очередную двойку по всемирной истории. К тому же сейчас, когда каждый считает психологию даром Божиим, пора освободиться от набивших оскомину ветхозаветных предрассудков. И что еще остается бедному человечеству, едва ли не каждый представитель которого характеризуется анальной фиксацией? Все просто. Вы заявляете, что отец ненавидел вас с самого детства, а затем выходите на улицу, стреляете в соседа, насилуете первую попавшуюся даму, взрываете парочку зданий... И надеетесь на оправдание и сочувствие публики.

Но у медали есть и обратная сторона: никто не поверит, если вы говорите правду. Как тому мальчику, который кричал о нападении волков.

А я говорю правду. Нет, никаких доказательств привести не могу, ничего существенного до той самой истории с мистером Карлсоном. Возможно, и сам отец до той истории не знал о своей ненависти. Но если бы кому-нибудь удалось проникнуть в самые глубинные тайники его подсознания и извлечь эту ненависть на свет, пожалуй, папочка и тут нашелся бы что ответить. Он сказал бы, что ненавидит меня для моего же блага.

Жизнь для моего отца — что-то вроде дорогого старинного автомобиля. Поскольку эту машину нельзя заменить на другую, и она достаточно дорога, вы должны содержать ее в идеальном порядке и на хорошем ходу. Раз в год вы участвуете в какой-нибудь выставке старинной техники. И на автомобиле вашем должна быть свеженькая краска, нигде ни пылинки, ни малейшей неисправности в моторе, все смазано, гайки закручены, баки заправлены. Все схвачено, за все заплачено — вот девиз моего папочки. А если о ветровое стекло разбилась птичка, смахните ее скорее, чтобы не мешала обзору.

Такова жизнь моего отца. А я для него — та самая птичка на стекле.

Мой отец — крупный мужчина, с виду всегда спокойный и хладнокровный. Есть что-то обезьяноподобное в его чертах, но это не производит отталкивающего впечатления. У него светлые глаза и русые волосы; на солнце кожа его быстро краснеет, поэтому летом он всегда выглядит слегка злобным. Когда мне исполнилось десять лет, его перевели в Бостон, и он приезжал домой только на уик-энды. Но раньше он служил в Портленде. Насколько я понимаю, он был похож на любого такого же отца семейства, мужчину средних лет, только рубашка была не белая, а цвета хаки. И неизменный черный галстук.

В Библии говорится, что грехи отцов падут на голову сыновей. Возможно, это так. Тогда на мою голову пали грехи не только отца, но и всех его ближних и дальних родственников.

Отцу было тяжело работать на вербовочном пункте. Я часто думал о том, насколько счастливее он был бы, оставшись во флоте. Не говоря уже о том, насколько приятнее мне было бы видеть его дома пореже. Для отца его теперешняя служба была почти невыносима. Как если бы ему приходилось видеть, что бесценные автомашины окружающих людей содержатся в отвратительном состоянии, ржавеют и разваливаются на глазах. Кто только не проходил через его руки! Люди, которые не знали, что им

нужно. Люди, которые больше всего беспокоились о том, как бы вырваться куда-нибудь из своей привычной жизни. Ромео из колледжа, покидающие своих беременных Джульетт. Мрачные юноши, которым предоставлялся выбор между службой во флоте и пребыванием в исправительном учреждении. Недоучки с одной прямой извилиной, которым приходилось показывать, как пишется их собственное имя.

А дома был я. Тоже не соответствующий отцовским представлениям, тоже не такой, как надо, тоже неправильный. Своего рода вызов. И наверное, он ненавидел меня потому, что не мог этот вызов принять. Может, все было бы иначе, если бы я не походил до такой степени больше на маму, чем на него. Это проявлялось во всем. Он называл меня маменькиным сынком. Наверное, так оно и было.

Однажды осенним днем 1962 года мне пришло в голову покидать камнями в стекла. Отец собирался ставить вторые рамы на все окна в нашем доме. Было начало октября, суббота, и отец с утра начал планомерно, шаг за шагом готовиться к осуществлению своей идеи. Он всегда все делал тщательно, никаких оплошностей, ничего непредвиденного.

Он выносил стекла из гаража. Еще весной он заготовил их, окрасил рамы в зеленый цвет, и теперь аккуратно расставлял их вдоль дома, по штуке под каждым окном. Я наблюдал за ним. Лицо его покраснело даже под прохладным октябрьским солнцем, легким, как поцелуй. Замечательный месяц октябрь.

Я сидел на нижней ступеньке крыльца, смотрел на папу и на проезжавшие мимо нашего дома автомобили. Мама была в доме. Она играла на пианино что-то минорное. Наверное, Баха. Почти все, что она играла, звучало как произведения Баха. Ветер то доносил до меня мелодию, то обрывал ее. Когда я сейчас слышу этот отрывок, в памяти всплывает тот солнечный октябрьский день. Фуга Баха для Двойных Окон в миноре.

Мимо проехал «Форд». На старый вяз села малиновка и начала насвистывать. Я слушал, как играет мама. Правая

рука ее выводила мелодию, левая брала звучные аккорды. Когда ей хотелось, мама могла играть превосходные буги-вуги, но это случалось нечасто. И даже буги-вуги в ее исполнении звучали так, будто их сочинил все тот же Бах.

И тут вдруг меня осенило. Я понял, как прекрасно было бы разбить все эти стекла. Одно за другим, сперва верхние половины, потом нижние.

Вы скажете, это было не что иное, как желание отомстить отцу, сознательное или бессознательное. Разрушить его идеальный мир. Но, честно говоря, я не помню, чтобы отец как-то фигурировал в моих мыслях в этот момент. Мне было четыре года. Стоял ясный октябрьский денек. Чудесный день, словно специально предназначенный для того, чтобы бить стекла.

Я встал и пошел собирать камни. На мне были короткие штанишки, я набил полные карманы камней, и со стороны они наверняка смотрелись забавно, как огромные яйца. Я шел по дороге, то и дело наклоняясь за новым камнем. Проехала машина, я подался в сторону, водитель повернул руль в другую. Женщина сзади него держала на руках ребенка.

Когда я решил, что собрал достаточно камней, я вернулся на лужайку, взял один из них в руки и швырнул в стекло, стоявшее под окном гостиной. Я изо всех сил старался попасть. Но промахнулся. Тогда я взял другой камень, тщательно прицелился и кинул прямо в середину окна. По спине пробежал легкий холодок. Наконец-то я попал в цель. Окно звякнуло, по стеклу пробежала трещина.

Я обошел дом, разбивая стекла с той же старательностью и методичностью, с какой отец их расставлял. Сперва в гостиной, затем в комнате для музицирования... Я смотрел на маму, продолжающую играть на пианино. Она на услышала звона разбитого стекла, но увидела, что я смотрю на нее в окно. На ней был чудесный голубой пеньюар. Она взяла неверную ноту, увидев меня, остановилась на секунду и ослепительно улыбнулась. Затем вернулась к клавишам.

Самое забавное, что я не испытывал никакого чувства вины. Никакого ощущения, что я делаю что-то не так. Как, впрочем, и особого удовольствия. Все-таки странная вещь, это детское восприятие мира. Я уверен, что если бы отец успел укрепить вторые рамы на окнах, мне и в голову не пришло бы их разбить.

Я уже примеривался к последнему стеклу, когда на плечо мое легла тяжелая рука, и я обернулся. Это был отец. И он был не в себе. Я никогда раньше не видел его таким. У него были огромные глаза навывкате, совершенно бешеные. Я так испугался, что начал кричать. Ощущение такое, как если бы вы увидели своего отца с совершенно чужим лицом, пугающим и незнакомым.

— Ублюдок!

Он схватил меня одной рукой за левое плечо, а другой — за лодыжки и швырнул на землю. Швырнул изо всех сил. Казалось, из моих легких вышел весь воздух, и я лежал, не в силах ни вздохнуть, ни пошевелиться. И наблюдал, как выражение ярости на лице отца сменяется испугом. В груди и крестце разливалась острая боль.

— Я не хотел, — сказал он, присаживаясь на корточках возле меня. — С тобой все в порядке? Все о'кей, Чак?

Он называл меня так, когда был в хорошем настроении. Когда мы играли в орлянку во дворе.

Легкие мои наконец смогли вобрать в себя воздух. Я открыл рот, и из него вырвался чудовищный крик. Я никогда не производил сам звуков такой громкости, и не слышал, чтобы кто-нибудь так вопил. Из глаз брызнули слезы. Следующий крик получился даже громче первого, и это испугало меня. Мама прекратила играть на пианино.

— Не следовало так поступать, — сказал отец. На его лице испуг снова сменялся гневом. — А теперь заткнись. Да будь же мужчиной, черт возьми!

Он грубым рывком поднял меня на ноги как раз в тот момент, когда из-за угла дома выбежала мама, все еще в пеньюаре.

— Он разбил все окна, — сообщил ей отец. — Пойди одень что-нибудь.

— Что случилось? — закричала мама. — Чарли, дорогой, ты порезался? Где? Покажи!

— Он не порезался, — недовольно произнес отец. — Он просто испугался, что получит хорошую взбучку. И совершенно справедливо.

Я подбежал к маме и уткнулся ей в живот, ощущая чудный сладкий запах духов и нежный шелк пеньюара. Голова моя гудела, я плотно закрыл глаза, из которых продолжали течь слезы.

— О чем ты говоришь?! Он весь красный! Если ты до него хоть пальцем дотронулся, Карл...

— Ради всего святого, он начал кричать, как только увидел, что я к нему приближаюсь.

Голоса родителей звучали издали, словно из другого мира.

— Едет машина, — произнес отец. — Иди в дом, Рита.

— Улыбнись, радость моя, — обратилась ко мне мама. — Ну-ка, улыбнись мамочке.

Она мягко отвела мое лицо от себя и осушила слезы на щеках. Вам знакомо это ощущение? Для меня это не просто банальность слащавых поэтов. Мама действительно осушила мне слезы, и это одно из самых ярких переживаний в моей жизни.

— Успокойся, золотце. Папочка вовсе не хотел тебя обидеть.

— Сэм Кэстингвей с женой был в машине, — сообщил папа. — Теперь ты предоставила этой безмозглой курице с длинным языком хорошую пищу для сплетен. Я надеюсь...

— Пойдем, Чарли, — сказала мама и взяла меня за руку. — Пойдем в мою комнату, выпьем по чашечке шоколада.

— Черта с два, — грубо оборвал ее отец. Я обернулся к нему. Он продолжал:

— Я вытрясу из него этот шоколад вместе со всей его дурью.

— Ничего ты ни из кого не вытрясешь, прекрати. Ты и так напугал беднягу до смерти.

Отец с перекошенным от ярости лицом схватил маму за плечо, повернул ее к разбитому стеклу под окном кухни и, указывая на него, заорал:

— Вот! Смотри! А ты еще шоколад давать ему собираешься. Он больше не младенец, Рита, и перестань прятать его за своей юбкой.

Мама отдернула плечо, на котором остались красные отпечатки пальцев.

— Ступай в дом, — холодно произнесла она. — Ты иногда бываешь невыносимо глуп, Карл.

— Я хочу...

— Не рассказывай мне, чего ты хочешь! — внезапно взорвалась мама. Отец отшатнулся.

— Ступай в дом! Или пойди нажрись со своими друзьями! Иди куда хочешь! Только чтобы глаза мои тебя не видели!

— Понимаешь, — начал отец осторожно, — существует такое понятие, как наказание. Тебя учили этому в колледже, или на это педагоги не нашли времени, забивая вам мозги всяким либеральным бредом? В следующий раз твой сын не ограничится несколькими окнами, пойми. В следующий раз он разобьет тебе сердце. Разрушение...

— Убирайся! — прокричала мама.

Я снова начал плакать. Мама взяла меня на руки. Все о'кей, радость моя, говорила она, все будет хорошо... А я смотрел на отца, который повернулся и пошел прочь, засунув руки в карманы, как обиженный мальчишка. Я ненавидел его. И сегодня впервые я понял, как легко можно заставить его капитулировать.

Когда мы с мамочкой пили шоколад в ее комнате, я рассказал, как отец швырнул меня на землю. И потом соврал, будто ничего не было.

Я чувствовал себя большим и сильным.

Глава 17

— И что потом? — заинтересованно спросила Сюзанн Брукс. Все это время она слушала меня затаив дыхание.

— Ничего особенного.

Теперь, рассказав все, я сам себе удивлялся. Почему это воспоминание так долго стояло у меня поперек горла?

Однажды мой приятель Херг Орвилл (мы были еще совсем детьми) проглотил дохлую мышь. Я подзуживал его, а он и правда ее съел. Прямо сырую. Это была маленькая полевая мышка, она умерла от старости, наверное, потому что на трупики не было никаких видимых повреждений. Мама Херга в это время вешала белье во дворе. Она все видела, так как смотрела на нас как раз в тот момент, когда ее сын взял мышь за хвост и опустил себе в глотку.

Она закричала. Вы представить себе не можете, как это страшно в таком возрасте — слышать, как взрослые кричат. Она бросилась к нам и сунула Хергу два пальца в рот. Херг исторг из себя сперва мышку, затем гамбургер, который он съел на ленч, затем что-то жидкое, с виду похожее на томатный суп. Он уже остановился и собирался спросить маму, что, собственно, происходит. И тут она сама начала блевать. Посреди всего содержимого их желудков мышка выглядела далеко не худшим образом. Отсюда я сделал бы вывод, что когда вы исторгаете из

себя непереваренные остатки прошлых воспоминаний, а настоящее ваше еще хуже, то некоторые из прошлых событий выглядят не так уж и скверно. Я собирался сказать это ребятам, а затем решил, что не стоит. Это просто шокирует их, как и история о манерах ирокезов.

— Отец был в немилости несколько дней. Никаких более крупных последствий. Потом все забылось.

Кэрол Гренджер собиралась что-то сказать, но тут встал Тед. Он был бледен как смерть, только на скулах проступали красные пятна. Он усмехался. Он выглядел в этот момент как призрак Джеймса Дина, готовый броситься на меня. Сердце мое сжалось.

— А сейчас я отберу у тебя эту чертову пушку, засра-нец, — все с той же усмешкой, обнажающей его белые ровные зубы, произнес Тед.

Мне пришлось приложить значительные усилия, чтобы голос мой звучал ровно. Но кажется, я вполне преуспел в этом.

— Сядь, Тед.

Тед стоял. Он не бросился на меня, но я отчетливо видел, каких трудов ему стоило сдержаться.

— Мне дурно от твоего дерьма, ты это понимаешь? Ты пытаешься перемазать им всех окружающих, сделать их своими сообщниками.

— Разве я говорил...

— Заткнись! — повысил голос Тед. — Ты убил двух людей!

— Ты весьма наблюдателен, Тед.

Он сделал какое-то странное движение руками, и мне показалось, что если бы он мог, то схватил бы меня и сожрал живьем.

— Положи пистолет, Чарли. И попробуй одолеть меня без него.

Играй по правилам.

— Ты не скажешь, Тед, почему ты оставил футбол? — любезно поинтересовался я.

Мне было нелегко придать голосу выражение спокойной любезности, но я смог, и это сработало. Тед вдруг

растерялся, он выглядел озадаченным и явно потерял почву под ногами. Казалось, он осознал в этот момент, что он один как дурак стоит посреди класса, а все остальные сидят и смотрят на него. Как если бы человек вдруг обнаружил, что у него расстегнута ширинка, и задумался бы, как оптимальным образом выйти из этого положения, чтобы окружающие ничего не заметили.

— Не стоит об этом, — наконец сказал Тед. — Положи пистолет.

Все же у него был великолепно поставленный голос. И он это знал.

— А что, ты боишься за свои яйца?

У Ирмы Бейтц отвисла челюсть. Сильвия наблюдала за происходящим с нескрываемым интересом.

— Ты... — начал Тед и вдруг сел на место. Кто-то в углу комнаты хихикнул, я не заметил, кто именно. Дик Кин? Харман Джексон?

Я смотрел на ребят. И то, что я увидел, поразило меня. Можно сказать, шокировало. Потому что на их лицах я читал нескрываемое удовольствие. Только что состоялся поединок, словесная дуэль, и я победил. Но почему это так обрадовало их? Сейчас я не мог ответить на этот вопрос. Ситуация напомнила мне идиотскую картинку в газете с подписью внизу «Почему эти люди смеются? Об этом вы узнаете на странице 41». Разница только в том, что мне не было, куда подглядывать. А ответ знать хотелось.

Я напряг все свои извилины, но так и не пришел ни к какому выводу. Возможно, дело в Теде. Такой отважный мальчик, такие красивые жесты... Может, со стороны остальных это просто зависть? Может, они хотят, чтобы все были на одном уровне, и никто не выделялся? Сними маску, Тед, и сядь на место, как все мы, обыкновенные люди.

Тед смотрел на меня, я на него. Я знал, что он только что потерпел поражение. Может, в следующий раз он не будет действовать так прямолинейно, а нападет на меня с фланга. Выберет другую тактику.

Но откуда все же эта всеобщая радость? Дух толпы? Нет, в это я не верил. Толпа всегда отвергает странного человека, уроды, мутанта. Здесь на эту роль мог претендовать я, но никак не Тед. Тед — прямая противоположность понятию «изгой». Это юноша, которым вы должны гордиться, видеть которого рядом со своей дочерью будет большой честью для вас. Нет, дело было не в ребятах, а в самом Теде. Я вдруг понял это, и меня охватила странное возбуждение, сродни тому, которое испытывает охотник за бабочками при виде нового редкого экземпляра.

— Я знаю, почему Тед оставил футбол, — произнес чей-то голос.

Я оглянулся. Это был Пиг Пэн. Тед подскочил на месте. Кажется, он начинал сильно нервничать.

— Так говори же, — обратился я к Пэну.

— Если ты откроешь рот, я убью тебя.

Теперь Тед улыбался Пэну, а не мне.

Пиг Пэн испуганно моргал и облизывал губы. Его раздирало на части желание выдать информацию. Возможно, первый раз в жизни его слова могли иметь колоссальный успех.

Все знали, что информация у Пэна достоверная. Миссис Дано, его мать, проводила почти все свое время в церкви, на базарах, благотворительных обедах и вечеринках, словом, везде, где можно услышать последнюю сплетню. Она была обладательницей самого длинного и любопытного носа из когда-либо существовавших на этой земле. Прежде чем вы произнесете : «А слышали ли Вы последние новости о таком-то», она вывалит гору грязного белья и продемонстрирует, что знает эту последнюю новость куда лучше и подробнее вас.

— Я... — начал Пиг Пэн, затем замолчал, косясь на Теда.

— Продолжай, не стесняйся, — неожиданно подала голос Сильвия Рэгон. — Не позволяй нашему золотому мальчику так себя запугивать.

Пиг Пэн благодарно улыбнулся ей, собрался с духом и выпалил:

— Миссис Джонс — алкоголичка. Ее возили в одно место подлечиться, и Тед должен был во всем этом принимать участие.

На мгновение воцарилась тишина, в которой раздался голос Теда:

— Я же предупреждал тебя, Пиг Пэн.

Тед встал, лицо его было бледным как мел.

— Нет, не стоит так поступать, Тед, — вмешался я. — Сядь и успокойся.

Тед смотрел так, что на мгновение мне показалось, будто он бросится на меня. Если бы он это сделал, мне ничего не оставалось бы, как пристрелить его. Это явственно читалось у меня на лице. Тед, секунду поколебавшись, сел.

— Вот и прекрасно. Скелет вывалился из шкафа. Мы раскрыли маленькую тайну. — И где же она лечилась, Тед?

— Заткнись.

— Она уже вернулась, — радостно сообщил Пиг Пэн.

— Ты пообещал убить Пэна, — задумчиво произнес я.

— И я это сделаю, — пробормотал Тед.

Глядя на него, несложно было в это поверить.

— И тем подтвердишь старый тезис, что во всем виноваты родители. Яркий пример, не правда ли?

Я улыбнулся.

Тед держался за край парты, видимо, едва контролируя себя. Харман Джексон сиял. Наверное, у него с Тедом были старые счеты.

— Твой отец довел ее до этого? — участливо спросил я. — И каким же образом? Поздние возвращения? Глоточек ликера сперва, чтобы успокоиться, а потом еще и еще?

— Я прикончу тебя, — пробормотал Тед.

Я не собирался останавливаться. Я хотел вытряхнуть из него все дерьмо. И никто из присутствующих не думал мне мешать. Это было невероятно. Они с интересом наблюдали за происходящим, словно уже долгое время ожидали чего-нибудь в этом роде.

— Должно быть, тяжело быть женой такого большого человека. Ты не пробовал ее понять? Все это сильно давило ей на нервы. И на тебя давила атмосфера в доме. Но ты ни в чем не виноват, не так ли?

— Заткнись! — закричал Тед.

— И все это происходило у тебя под носом, но ситуация вышла из-под контроля, так? К тому же, ты испытывал отвращение, не правда ли? А она дошла до ручки, правда, Тед? Расскажи нам. Избавься от этого. Она блевала по всему дому?

— Заткнись! Прекрати!

— И видела чертей? Или до этого не дошло? Она видела чертей? Видела?

— Да, это было отвратительно! — вдруг ответил Тед. — Почти так же отвратительно, как ты! Убийца!

— Ты писал ей? — мягко спросил я.

— Почему я должен ей писать?

— И тебе пришлось оставить футбол...

И тут Тед Джонс отчетливо произнес:

— Пьяная сука.

Кэрол Гренджер сделала большие глаза. Тед осознал, что у него вырвалось, и бросил на меня полный ненависти взгляд.

— За это ты заплатишься, Чарли, — неожиданно спокойно сообщил он.

— Возможно. Не упusti свой шанс.

Я улыбнулся.

— Неприятно, когда твоя мать — пьяная сука. Это и правда отвратительно, Тед.

Он ничего не ответил.

Мы могли переключить внимание на что-нибудь другое. По крайней мере, на время. У меня было ощущение, что с Тедом еще не закончено.

За окном сновали люди.

Прозвенел звонок.

Долгое время все молчали. Нам было о чем подумать.

Глава 18

Сильвия Рэгон внезапно нарушила всеобщее молчание. Она запрокинула голову и захохотала — протяжно, мрачно и громко. Несколько человек, включая меня, подпрыгнули. Тед Джонс никак не отреагировал. Он все еще находился под влиянием своих мыслей.

— Знаете ли вы, что я сделаю, когда все это закончится? — спросила Сильвия.

— Что? — поинтересовался Пиг Пэн.

Он, казалось, сам был удивлен тем обстоятельством, что снова обрел дар речи. Сандра Кросс внимательно смотрела на меня. Она скрестила ноги в лодыжках так, как это обычно делают хорошенькие девушки, желая помешать парням заглянуть им под юбку.

— Я хочу, чтобы эта история была напечатана в детективном журнале: «Шестьдесят Минут Ужаса с Пласервилльским Маньяком». Я поручу это кому-нибудь, кто умеет хорошо писать: Джо МакКеннеди или Филу Фрэнксу... или, может быть, тебе, Чарли.

Она залилась истерическим смехом, Пиг Пэн не замедлил присоединиться. Мне кажется, что его вдохновило бесстрашие Сильвии. Или, возможно, ее ярко выраженная сексуальность. Уж Сильвия не стала бы сжимать колени.

Тем временем прибыли две полицейские машины и остановились возле лужайки. Пожарники покинули место происшествия, сигнал тревоги смолк несколько минут

назад. От толпы отделился мистер Грейс и направился к парадному входу. Легкий ветерок развеивал полы его пальто.

— Нашего полку прибыло, — сказал Корки Джеральд.

Я встал, подошел к внутренней связи и поставил рычажок в положение «Слушайте — говорите». Затем я снова сел. На лице мистера Грейса явственно читалось: «Господь ниспослал меня вам». Это был противник по-серьезнее.

Несколько секунд спустя раздался характерный звук, свидетельствующий, что линия включена.

— Чарли? — спросил мистер Грейс спокойным уверенным голосом.

— Как поживаешь, старина? — поинтересовался я.

— Спасибо, хорошо. А ты, Чарли?

— Недурно!

— Чарли, мы только что посоветовались и решили тебе помочь. Ты совершил антиобщественный поступок, не правда ли, мой мальчик?

— С какой стороны посмотреть.

— Существуют общественные нормы, Чарли. Сначала мистер Карлсон, теперь это... Разреши нам помочь тебе.

Я чуть было не спросил его, являются ли мои одноклассники частью общества, так как ни один из них не выглядел особо озабоченным судьбой миссис Андервуд. Но я не стал об этом упоминать. Это противоречило бы правилам, которых я решил придерживаться.

— О, вы хотите спасти мою черную душу и сделать ее белой как снег? И каким же образом?

Пэт Фицджеральд, который был так же черен, как туз пик, засмеялся и затряс головой.

— Чарли, Чарли, — сказал мистер Грейс. — Только ты можешь спасти свою душу.

В его голосе была слышна вся скорбь мира.

Мне это не нравилось. Я прекратил язвить и положил руку на пистолет. Мне это совсем не нравилось. Он запросто мог запудрить мне мозги. Я был знаком с ним довольно

долго, с тех пор, как ударил мистера Карлсона гаечным ключом. И знал, что он это делает мастерски.

— Мистер Грейс?

— Да, Чарли?

— Передал ли Том полиции мои слова?

— Ты имеешь в виду мистера Денвера?

— Какая разница! Передал ли он...

— Да, он сообщил.

— Ну, и какую же тактику копы выбрали в отношении меня?

— Я не знаю, Чарли. Меня больше интересует, что ты решил предпринять.

Ну, ладно. Пусть пудрит мне мозги. Точно так же он вел себя после инцидента с мистером Карлсоном. Но с тех пор прошло достаточно много времени, и я хорошо изучил его повадки. Теперь пришел мой черед вправить ему мозги.

— Ну что, коленки у Вас дрожат? — поинтересовался я, ухмыляясь.

— Что?

— Эй, ребята, — сказал я с горечью. — Вы все одинаковы.

— Пусть так. Мы все хотим тебе помочь, Чарли.

Он оказался более крепким орешком, чем старина Том Денвер. Это очевидно. Я мысленно представил себе лицо Дона Грейса. Грязный ублюдок. Он обожал твидовые пальто с замшевыми накладками на локтях. От него всегда исходил запах какой-то вонючей дряни, привезенной из Копенгагена. Человек, обладающий всевозможными инструментами, с помощью которых он препарировал ваш мозг. Вонючий недоносок.

— Разрешите нам помочь тебе, — повторил мистер Грейс.

— Хорошо, валяйте. Но боюсь, что после этого в помощи будете нуждаться вы, — сказал я. — Лучше не делайте этого. Я вам не советую.

— Почему, Чарли?

— Мистер Грейс?

— Да, Чарли?

— С этого момента, как только Вы зададите мне вопрос, я сразу же продырявлю кому-нибудь башку.

Я услышал, как он быстро и тяжело задышал, словно ему сообщили, что его сын попал в автокатастрофу. Это был весьма характерный звук. Я почувствовал себя намного уверенней.

Взгляды присутствующих были прикованы к моему лицу. Тед Джонс медленно поднял голову, как будто он только что проснулся. В его глазах я увидел привычную ненависть. Глаза Энн Лески испуганно округлились. Пальцы Сильвии Рэгон нервно зашарили по столу в поисках сигареты. Сандра Кросс внимательно смотрела на меня, так внимательно, как если бы я был доктором или священником.

Мистер Грейс хотел было что-то сказать, но я оборвал его.

— Зарубите себе на носу! Перед тем, как что-нибудь сказать, тщательно обдумайте свои слова. Мы больше не играем в Вашу игру. Понятно? Мы играем в мою. Только ответы. Никаких вопросов. Будьте очень осторожны. Ясно?

Он ничего не ответил. Я понял, что выиграл.

— Чарли... — взмолился он.

— Вот, совсем другое дело. Так и продолжайте. Вы уверены, что Вам удастся после всего этого сохранить за собой место, мистер Грейс?

— Чарли, ради Бога...

— Уже гораздо лучше.

— Отпусти их, Чарли. Спаси свою душу.

— Вы говорите слишком быстро. Если у Вас, не дай Бог, вырвется какой-либо вопрос, одним трупом будет больше.

— Чарли...

— Вы выполняли свой воинский долг?

— Чт...

Послышался булькающий звук, словно ему перерезали горло.

— Ты почти убил кое-кого, — сказал я. — Осторожней, Дон. Я буду называть тебя Дон, о'кей? Тщательнее взвешивай свои слова.

Я хотел сломать его.

В тот момент мне показалось, что я могу втоптать его в грязь.

— Я лучше помолчу немного, Чарли.

— Делай, что я сказал, или я пристрелю кого-нибудь. Все, что ты должен делать, — это сидеть там и отвечать на мои вопросы.

— Я на самом деле должен так поступить, Чарли. На мне лежит ответственность за...

— Ответственность? — завизжал я. — О Боже, она лежит на тебе с тех самых пор, как ты закончил колледж! Ничего подобного, ты хотел спасти свою задницу! Но сейчас я за рулем, а ты толкаешь машину сзади! Я выполню свое обещание. Ты понял меня?

— Я не буду играть в дешевую салонную игру с человеком, который требует удовлетворения всех своих прихотей.

— Прими мои поздравления, — сказал я. — Ты только что описал современную психиатрию. Это, должно быть, определение из учебника, Дон? А сейчас слушай меня внимательно: ты будешь делать все, что я скажу; если мне захочется, отошьешь из окна. И да поможет тебе Бог, если я уличу тебя во лжи. Их жизни в твоих руках. Ну как, готов обнажить свою душу? На старт!

Мистер Грейс прерывисто задышал. Он хотел было спросить, действительно ли я намерен разрядить в кого-нибудь свой пистолет, но побоялся, что услышит звук выстрела вместо ответа. Ему очень хотелось протянуть руку к телефону и вырубить его, но он знал, что услышит эхо выстрела, отдающееся в пустых коридорах школы, подобно катящемуся по аллее адскому шару.

— Ну, хорошо, — сказал я.

Я расстегнул ворот рубашки. Копы, Том Денвер и мистер Джонсон нервно суетились на лужайке, ожидая возвращения шпика в твидовом пальто.

Вглядись в мои сны, Зигмунд, обрызгай их спермой символов. Покажи, насколько мы все отличаемся друг от друга. Кто мы: бешеные собаки или старые тигры, в жилах которых течет испорченная кровь. Покажи мне лицо человека, который прячется в моих мокрых снах.

У них были все основания для самонадеянности, но теперь по ним этого не скажешь. Образно выражаясь, мистер Грейс был Следопытом из Мира Приключений. Полицейский жеребец с компасом.

Из динамика над моей головой доносилось прерывистое дыхание Ната Бампа. Интересно, как бы он отреагировал, если бы узнал, что я задумал. Я, в свою очередь, хотел знать, что он предпримет, когда на город опустятся сумерки.

Итак, Дон, приступим.

Глава 19

— Ты выполнял свой воинский долг?

— Да.

— Где?

— В армии, Чарли.

— В какой должности?

— Я служил в качестве доктора.

— Психиатра?

— Нет.

— Как долго ты был практикующим психиатром?

— Пять лет.

— Ты когда-нибудь занимался оральным сексом со своей женой?

— Что...

Сердитая пауза.

— Я... Я не буду отвечать на этот вопрос. Вы не имеете права...

— У меня есть все права, у тебя — ни единого. Отвечай, или я убью кого-нибудь. Заруби себе на носу: если ты солжешь, и я поймаю тебя на этом, я убью кого-нибудь. Итак, ты когда-нибудь занимался...

— Нет!

— Как долго ты был практикующим психиатром?

— Пять лет.

— Почему?

— Поче... Ну, это просто удовлетворяло меня как личность.

— Твоя жена когда-нибудь изменяла тебе с другим мужчиной?

— Нет.

— С другой женщиной?

— Нет!

— Откуда ты знаешь?

— Она любит меня.

— Твоя жена делала тебе когда-нибудь минет, Дон?

— Я не знаю, что Вы...

— Ты чертовски хорошо знаешь, что это значит.

— Нет, Чарли, я...

— Ты когда-нибудь списывал на экзамене в колледже?

Пауза.

— Никогда.

— А на проверочных испытаниях?

— Нет.

Я продолжал придирайтесь.

— Тогда как ты можешь говорить, что твоя жена никогда не занималась с тобой оральным сексом?

— Я... Я никогда... Чарли...

— Где проходили ваши военные маневры?

— Форт Беннинг.

— В каком году?

— Я не помню...

— Скажи мне год, или я применю оружие.

— В 1956 году.

— Ты был свиньей?

— Я... Я не пони...

— Ты был свиньей? Ты был собачьей мордой?

— Я был... Я был офицером. Сначала...

— Я не просил тебя говорить об этом! — завизжал я.

— Чарли... Чарли, ради Бога, успокойтесь...

— В каком году ты выполнял свой воинский долг?

— В 1960-ом.

— Ты должен стране шесть лет! Ты лжешь! Я убью...

— Нет! — закричал он. — Национальная Гвардия. Я был в Национальной Гвардии.

— Какова девичья фамилия твоей матери?

— Г-Г-Гэвин.
— Почему?
— По... Я не знаю, что ты име...
— Почему ее девичья фамилия Гэвин?
— Потому что фамилия ее отца Гэвин. Чарли...
— В каком году проходили военные маневры?
— В 1957... 1956!
— Ты лжешь! Я поймал тебя, Дон, не правда ли?
— Нет!
— Ты начал говорить 1957.
— Я перепутал.
— Сейчас я выстрелю кому-нибудь в живот.
— Чарли, ради Христа!
— Смотри, будь внимательней! Ты был свиньей, правильно? В армии?
— Да-нет... я был офицером.
— Каково второе имя твоего отца?
— Д-Джон. Ч-Чарли, держи себя в руках. Н-Не...
— Ты когда-нибудь занимался оральным сексом с женой?
— Нет!
— Ты лжешь! Ты сказал, что не знаешь, что это значит.
— Ты же объяснил мне это!
Мистер Грейс тяжело дышал, периодически похрюкивая.
— Чарли, позволь мне уйти, позволь...
— Каково твое вероисповедание?
— Методист.
— В церковном хоре?
— Нет!
— Ты посещал воскресную школу?
— Да.
— Каковы первые три слова в Библии?
Пауза.
— В начале было...
— Первая строка 23 Псалма?
— Бог... Хм... Бог — мой пастырь, я не хочу.
— Впервые ты занимался оральным сексом с женой в 1956 году?

- Да-нет... Чарли, оставь меня в...
- Военные маневры, в каком году?
- В тысяча девятьсот пятьдесят шестом!
- Перед этим ты сказал в пятьдесят седьмом, — завизжал я. — Сейчас я разmozжу кому-нибудь башку!
- Я сказал в пятьдесят шестом, ты, недоносок! — истерически заорал мистер Грейс.
- Что случилось с Ионой, Дон?
- Его проглотил кит.
- В Библии говорится о большой рыбе, Дон. Ты это имел в виду?
- Да. Большая рыба. Жалкий работяга.
- Кто построил ковчег?
- Ной.
- Где проходили военные маневры?
- Форт Беннинг.
- Он сказал это более спокойно и уверенно.
- Занимался ли оральным сексом со своей женой?
- Нет.
- Что?
- Нет!
- Какова последняя книга Библии, Дон?
- «Апокалипсис».
- Кто ее написал?
- Иоанн.
- Каково второе имя твоего отца?
- Джон.
- Твой отец исповедовался тебе когда-нибудь, Дон?
- Послышалось нервное хихиканье, на которое отозвалось несколько человек в классе.
- О... Нет... Чарли... Он никогда этого не делал.
- Какова девичья фамилия твоей матери?
- Гэвин.
- Числится ли Христос среди мучеников?
- Д-Да...
- Что с ним сделали?
- Его распяли.
- О чем Христос спросил Бога на кресте?

— Мой Бог, мой Бог, почему ты покинул меня?

— Дон?

— Да, Чарли.

— Что ты только что сказал?

— Я сказал: «Мой Бог, мой Бог, почему...»

Пауза.

— О, нет, Чарли!

— Ты задал вопрос.

— Ты обманул меня!

— Только что ты подписал чей-то смертный приговор,
Дон. Я очень сожалею.

— Нет!

Я выстрелил в пол. Весь класс, слушавший нашу беседу с гипнотическим вниманием, вздрогнул. Несколько человек завизжали. Пиг Пэн снова упал в обморок. Его тело свалилось на пол с ужасным грохотом. Я не знаю, слышно ли было это по внутренней связи, хотя на самом деле это не имело значения.

Мистер Грейс зарыдал. Он всхлипывал как маленький ребенок.

— Удовлетворительно, — сказал я, ни к кому персонально не обращаясь. — Вполне удовлетворительно.

Я дал ему вволю поплакать. Услышав звук выстрела, копы поспешили к зданию, но Том Денвер их остановил. Таким образом, все складывалось хорошо. Мистер Грейс плакал как маленький ребенок. Беспомощно и безнадежно. Я заставил его отыметь самого себя собственным членом, кое-что из личного опыта читателей «Пентхауза». Я сорвал с него маску доктора и сделал из него человека.

— Мистер Грейс? — наконец сказал я.

— Я уйду, — ответил он. — И ничто меня не оставит!

— Все нормально, — нежно сказал я. — Игра окончена. Никто не погиб. Я выстрелил в пол.

Настороженная тишина.

— Как я могу верить тебе, Чарли? — спросил он устало.

Ничего не ответив, я посмотрел на Теда.

— Это Тед Джонс, мистер Грейс, — механически сказал Тед.

— Д-Да, Тед.

— Он выстрелил в пол, — как робот продолжал Тед. — Все нормально.

Затем он оскалился и попытался еще что-то сказать. Я наставил на него пистолет, и он тут же заткнулся.

— Спасибо, Тед. Спасибо, мой мальчик.

Мистер Грейс снова зарыдал. Казалось, прошло бесконечно много времени до того момента, когда он отключил связь. Через некоторое время он вышел из школы, шатаясь, и направился к копам. На руке его висело твидовое пальто с замшевыми заплатками на рукавах. Он шел сгорбившись, словно старик.

Мне стало очень стыдно, когда я увидел его в таком состоянии.

Глава 20

— О, род людской, — устало вздохнув, промолвил Дик Кин, сидевший на задней парте.

Внезапно его перебил звонкий ликующий голос:

— Мне кажется, это было потрясающе!

Я повернул голову и увидел Грейс Стэннор, миниатюрную девицу, чем-то напоминавшую немецкую куклу. Она пользовалась успехом у доморощенных щеголей, отличительной особенностью которых были прилизанные волосы и белые носки. Они увивались вокруг нее как рой пчел. Она носила облегающие свитера и короткие юбки. Во время ходьбы все ее прелести покачивались из стороны в сторону, притягивая взоры окружающих. По меткому выражению Чака Бэрри, это походило на затмение — только она и ничего больше. Я слышал, что ее мать была отнюдь не подарок. Она постоянно торчала в баре «Денни» возле южной магистрали, примерно в полумиле от того места, где их семья снимала угол. Это была грязная, обшарпанная забегаловка. «Яблоко от яблони недалеко падает» — излюбленная поговорка в нашем городе. В настоящий момент она была одета в розовый кардиган и темно-зеленую юбку, обнажавшую стройные ноги. Ее лицо напоминало личико маленькой проказницы.

Она подняла вверх стиснутый кулак. Было что-то чистое и одновременно пикантное в этом моменте. У меня перехватило дыхание.

— Давай, Чарли! Трахни их всех!

Все головы повернулись в ее сторону. Я говорил вам о шарике в рулетке, не правда ли? Ну, конечно же, говорил. Так вот, он все еще движется по кругу. Безумие бывает разное. Существует масса людей помимо меня, обожающих наблюдать за мордобоем. Они посещают состязания мотогонщиков, матчи борцов, смотрят фильмы ужасов. Реплика Грейс Стэннор была из этой же серии, имела тот же привкус насилия. Меня восхитило, что она сказала об этом вслух. Приз за честность всегда самый почетный. Кроме того, она была крошечная и хорошенькая.

Ирма Бейтц посмотрела на нее с отвращением.

— Закрой свой грязный рот! — крикнула она.

— А пошла ты... — улыбаясь отпаривала Грейс, спустя мгновение добавив, — шлюха!

У Ирмы отвалилась челюсть. Она попыталась что-то сказать. Я видел, как напряглась ее шея, вздулись вены, задергалось горло в поисках достойного ответа. Она подыскивала подходящие слова, чтобы бросить их в лицо сопернице. Ее распирало от ненависти и жажды взять реванш. Она была похожа на лягушку.

Наконец, она выпалила:

— Тебя нужно расстрелять с ним заодно, грязная по-таскушка.

Ей показалось, что этого недостаточно. Она чувствовала себя уязвленной до глубины души. Внутри нее клокотала ярость.

— Смерть шлюхам! Шлюхам и их дочерям!

В комнате было тихо, но теперь эта тишина усилилась. Казалось, воздух звенит и вибрирует. Казалось, что Ирма и Грейс стоят на огромной сцене в свете юпитеров, а все присутствующие застыли в странном оцепенении.

Улыбка медленно сползла с лица Грейс. Сейчас она напоминала скорее гримасу.

— Что? — медленно спросила она. — Что-что?

— Проститутка! Развратная девка!

Грейс встала и медленно отчеканила, растягивая слова:

— Моя-мать-работает-в-прачечной-вонючая-сучка!
Лучше-возьми- свои-слова-обратно!

Глаза Ирмы триумфально засияли. Ее шея блестела от пота. Эта пай-девочка по пятницам всегда смотрела вечерние телепередачи, не забывая поглядывать на часы. У нее не было друзей, ее телефон всегда безмолвствовал. Голос мамочки был для нее все равно что глас Божий. Она постоянно пощипывала усики, темневшие над верхней губой. Эта девица с растительностью под носом по сто раз бегала на фильмы с участием Роберта Рэдфорда и, изнемогая от нежности, писала письма Джону Травольта при ярком свете настольной лампы. Время для нее текло медленно и вяло. Казалось, что ее удел — пустые комнаты и запах пота. Она открыла рот и заорала:

— Дочь шлюхи!

— О'кей, — сказала Грейс. Она встала и пошла Ирме навстречу, держа перед собой вытянутые руки, как гипнотизер. Ее длинные ногти были покрыты перламутровым лаком.

— Я выцарапаю тебе глаза, стерва!

— Дочь шлюхи, дочь шлюхи! — пропела Ирма Бейтц.

Грейс улыбалась. Ее глаза горели огнем. Она не спеша, вразвалку, шла прямо на Ирму. Она была хороша как никогда. Черты ее лица казались вырезанными из кости. — О'кей, Ирма, — сказала она. — Вот я до тебя и добралась. Сейчас я выдеру тебе глаза.

Ирма опомнилась и сделала шаг назад.

— Стоп, — сказал я Грейс.

Я не стал поднимать пистолет, просто положил на него руку. Грейс остановилась и взглянула на меня вопрошающе. На лице Ирмы читалось удовлетворение. В мыслях она уже видела нимб вокруг моей головы.

— Дочь шлюхи, — повторила она, обращаясь к классу. — Миссис Стэннор готова принять любого каждую ночь, когда возвращается после попойки. Вместе с дочерью, идущей по ее стопам.

Она тошнотворно улыбнулась Грейс. Грейс все еще смотрела на меня вопрошающе.

— Ирма, — сказал я вежливо. — Посмотри на меня, пожалуйста.

Она уставилась на меня не мигая. Выражение ее лица поразило меня. Она была вне себя от гнева. Ее щеки горели, хотя лицо напоминало застывшую восковую маску. Она походила на визжащую летучую мышь-альбиноса. Казалось, она не задумываясь ринется в самое пекло, если в этом возникнет необходимость.

— Хорошо, — сказал я, когда они обе уставились на меня. — А теперь слушайте меня внимательно. Мы должны поддерживать здесь порядок. Я ясно выражаюсь? Что мы имеем без дисциплины? Джунгли. Наилучший способ поддержания порядка — разрешать трудности цивилизованным образом.

— Правильно, правильно! — крикнул Харман Джексон.

Я встал, подошел к доске и взял кусочек мела. Затем я нарисовал на полу большой круг, примерно пяти футов в диаметре. Все это время краешком глаза я наблюдал за Тедом Джонсом. Затем я вернулся к столу и сел.

— Пожалуйста, девочки, — сказал я, указывая на круг.

Грейс беспрекословно выполнила мое приказание. Я залюбовался ее походкой.

Ирма сидела неподвижно.

— В чем дело, Ирма? — спросил я. — Ты ведь провинилась, не так ли?

Она выглядела совершенно сбитой с толку. Затем она опомнилась и встала со стула, прикрывая рот рукой, будто сдерживая истерический хохот. Ирма вошла в круг, стараясь держаться как можно дальше от Грейс. Ее глаза были опущены, руки скрещены на груди. Казалось, она готова исполнить оперную арию.

Ни с того ни с сего мне в голову пришла мысль: «Продает ли ее отец машины?»

— Отлично, — сказал я. — А теперь зарубите себе на носу. Шаг в сторону карается расстрелом. Ясно?

Им было ясно. Им было все абсолютно ясно. Когда вы уже не способны мыслить, понимание какого-нибудь яв-

ления сводится к примитивным ощущениям, наподобие тех, которые вы испытываете, когда смотрите в окошко камеры обскура викторианской эпохи.

— Мне не хотелось бы применять насилие. Я думаю, у вас было много времени поразмыслить о вопросах жизни и смерти. Мы ограничимся словесными оскорблениями и незначительным рукоприкладством, девочки. Я буду судьей. Согласны?

Они кивнули.

Я вытащил из заднего кармана красный носовой платок. Когда-то я купил его по дешевке в деловой части города и некоторое время носил обмотанным вокруг шеи. Затем мне это надоело, и я стал использовать его по прямому назначению.

— Как только я брошу платок на пол, приступайте к делу. Ты начинаешь первая, Грейс, как защищающаяся сторона.

Грейс кивнула головой, соглашаясь. Как сказала бы моя мамочка, на ее щеках цвели пурпурные розы.

Ирма Бейтц ошарашенно уставилась на платок.

— Прекрати! — заорал Тед Джонс. — Ты обещал, что не будет никакого насилия, Чарли. Сейчас же прекрати это безобразие!

Без всяких на то причин Дон Лорди разразился безумным смехом.

— Она первая начала, Тед, — с ненавистью сказала Сильвия Рэгон. — Если какая-то вшивая вонючка называет мою мать шлюхой...

— Шлюха, грязная шлюха, — сдержанно подтвердила Ирма.

— ...Я выцарапаю твои бесстыжие глаза!

— Ты сошла с ума! — заорал Тед. Он покраснел как рак. — Мы могли его остановить! Если бы мы действовали все заодно, то могли бы...

— Заткнись, Тед, — рявкнул Дик Кин.

Тед огляделся, но никто его не поддержал. Глаза его метали молнии. Я порадовался, что между нами было значительное расстояние. При необходимости я бы успел выстрелить ему в ногу.

— Ну как, готовы, девочки?

— Готовы, — подтвердила Грейс, ухмыляясь.

Ирма кивнула в знак согласия. Она была крупной блондинкой отталкивающей наружности. Ее волосы имели грязноватый оттенок, слипшиеся локоны напоминали рулон туалетной бумаги.

Я уронил платок на пол. Представление началось. Грейс о чем-то напряженно размышляла. Казалось, я слышу, с каким скрипом вращаются шестеренки в ее мозгу. В тот момент я любил ее. Нет... Я любил их обеих.

— Ты жирная грязная потаскушка, — отчеканила Грейс, с ненавистью глядя Ирме в лицо. — Ты самая настоящая вонючка. От тебя постоянно воняет. Вшивая дрянь!

— Отлично, — одобрил я, когда она закончила свою тираду. — А теперь дай ей пощечину.

Грейс со всей силы залепила Ирме пощечину. Раздался треск, как при столкновении двух лодок. Когда Грейс замахивалась, ее свитер задрался, обнажив часть спины.

— У-ух! Вот это да! — восторженно прокомментировал Корки.

Голова Ирмы резко качнулась назад, лицо сморщилось от боли. Выражение сдержанности исчезло с него напрочь. На щеке расплылось алое пятно.

Грейс запрокинула голову, тяжело дыша. Ее красивые волосы рассыпались по плечам. Она ждала.

— Теперь твоя очередь, Ирма, — сказал я. — Вперед!

Ирма тяжело дышала. Ее глаза потускнели, рот искривился.

— Прошмандовка! — наконец выпалила она, предвкушая победу. Ее губы задергались как у лающей собаки. — Шлюха, лежащая под первого попавшегося самца.

Я одобрительно кивнул ей.

Ирма ухмыльнулась. Она выглядела ужасающе огромной. Ее тяжелая, будто каменная рука с треском опустилась на лицо Грейс.

— О! — восторженно взвыли зрители.

Грейс осталась стоять на месте. Ее лицо приобрело пунцовый оттенок, но она даже не пошатнулась. Она стояла и улыбалась Ирме в лицо. И Ирма не выдержала. Я видел и не мог в это поверить.

Я мельком взглянул на аудиторию. Все были словно загипнотизированы и находились в каком-то подвешенном состоянии. Они больше не думали о мистере Грейсе, Томе Денвере или Чарльзе Деккере. Они наблюдали захватывающее зрелище. Казалось, они всматриваются в кривое зеркало и видят собственные души. — Как насчет сатисфакции, Грейс? — спросил я.

Крошечные зубки Грейс обнажились в улыбке.

— Тебе ни разу в жизни не назначали свидания. Ты уродина. От тебя дурно пахнет. Поэтому ты ненавидишь всех и вся. Поэтому все, что делают люди, кажется грязным в моем искаженном восприятии. Озабоченная девка!

Я кивнул Грейс.

Грейс заехала кулаком Ирме в лицо. Та свалилась на пол. Удар был не сильным, но она зарыдала громко и безнадежно.

— Отпусти меня, Чарли! — взмолилась она. — Я больше не могу! Отпусти меня!

— Возьми назад свои слова о моей матери, — потребовала Грейс.

— Твоя мать берет в рот! — завизжала Ирма.

Ее лицо было перекошено от ненависти. Она трясла головой как ненормальная.

— Очень хорошо, — сказал я. — Теперь твоя очередь, Ирма.

Но Ирма продолжала визжать как недорезанная.

— Боже... Я хочу умереть... — всхлипывала она.

Она закрыла лицо дрожащими руками.

— Проси прощения, тварь, — угрожающе повторила Грейс.

— Твоя мать берет в рот! — снова завопила Ирма, не отрывая рук от лица.

— О'кей, теперь твоя очередь, Ирма. Твой последний шанс.

Ирма изо всей силы ударила Грейс по лицу. Грейс зажмурилась, вены на ее шее от напряжения вздулись. Ее лицо покраснело. Тело Ирмы сотрясилось от рыданий.

— Ты ничего не сможешь со мной сделать, — сказала Грейс. — Ты — ничтожество, жирная вонючая свинья.

— Вмажь ей хорошенько! — завопил Билли Сойер. Он ударил сжатыми кулаками по парте. — Дай ей по морде!

У тебя даже нет ни единого друга, — тяжело дыша, выпалила Грейс. — Ты просто коптишь небо!

— Верни ей должок, — сказал я. — Теперь твой черед.

Грейс замахнулась, но Ирма завизжала и грохнулась на колени.

— Хватит!! Не бейте меня! Не трогайте меня!

— Проси прощения.

— Я не могу, — всхлипнула она. — Разве ты не видишь, что я не могу.

— Можешь. Так будет лучше для тебя.

В комнате не раздавалось ни звука. Внезапно тишину нарушил бой настенных часов. Ирма подняла голову, и в этот момент Грейс ребром ладони ударила ее по шее. Раздался звук, похожий на пистолетный выстрел.

Ирма тяжело опустилась на четвереньки, спутанные волосы закрыли ей лицо. Она завопила:

— О'кей! Будь по-твоему. Я прошу прощения!

Грейс отступила на шаг и застыла с открытым ртом. Она подняла руки и откинула волосы со лба. Ирма смотрела на нее неуверенно и жалко. Она снова встала на колени, и мне показалось, что она молится на Грейс. Снова слышались всхлипывания.

Грейс посмотрела на класс, а потом на меня. Грудь ее часто вздымалась.

— Моя мать много себе позволяет, — сказала она, — но я все равно люблю ее.

Все заплодировали. Все, за исключением Теда Джонса и Сюзанн Брукс. Сюзанн была слишком ошеломлена, чтобы как-то реагировать. Она смотрела на Грейс Стэннор с восхищением.

Ирма сидела на полу, закрыв лицо руками. Когда аплодисменты прекратились (я заметил, что Сандра Кросс все это время вела себя как сомнамбула), я приказал:

— Встань, Ирма.

Она посмотрела на меня удивленно, словно очнулась ото сна.

— Оставь ее в покое, — отчеканил Тед.

— Заткнись, — оскалился Харман Джексон. — Чарли все делает правильно.

Тед обернулся и удивленно посмотрел на него. Но Харман даже не опустил глаза, как бы он поступил в другое время в другом месте. Они оба были членами Студенческого Комитета, правда, Тед всегда играл первую скрипку.

— Вставай, Ирма, — мягко сказал я.

— Ты собираешься меня убить? — прошептала она.

— Нет, ведь ты же извинилась.

— Она вынудила меня это сделать.

— Держу пари, ты действительно раскаиваешься в своем поступке.

Ирма смотрела на меня исподлобья, волосы закрывали ей лицо.

— Я ненавижу приносить извинения.

— Ты простила ее? — спросил я Грейс.

— Я? — с удивлением переспросила Грейс. — О да, конечно.

Она направилась к своей парте и села, нахмутив брови.

— Ирма? — спросил я.

— Что?

Она смотрела на меня испуганно и жалко, как побитая собака.

— Ты хочешь еще что-нибудь сказать?

— Я не знаю.

Она стояла ссутулясь, не зная, куда девать руки.

— Мне кажется, тебе нужно выговориться.

— Облегчи свою душу, Ирма, — поддержала меня Тенис Гэннон. — Я всегда так поступаю, и мне это помогает.

— Отцепитесь от нее, — раздался с задней парты голос Дика Кина.

— Я не хочу этого, — внезапно сказала Ирма. — Я хочу выговориться.

Она снова отбросила назад волосы. Ее руки больше не дрожали.

— Я — некрасивая. Я никому не нравлюсь. Меня ни разу не приглашали на свидание. Все, что она сказала, — правда.

Она закусила губы, но слова все равно потоком лились из ее рта.

— Тебе нужно следить за собой, — сказала Тенис. — Нужно мыть и брить ноги и, пардон, подмышки. Следует быть более привлекательной. Я не красавица, но не сию дома по выходным. Немного старания, и у тебя все получится.

— Я не знаю как!

Кое-кто из парней почувствовал себя неудобно, зато девчонки наклонились вперед, не пропуская ни слова. Сейчас они все казались очень хорошенькими.

— Ну... — начала Тенис. Затем она остановилась и покачала головой. — Иди сюда и садись рядом.

— Профессиональные секреты, — захихикал Пэт Фитцджеральд.

Все захохотали. Ирма Бейтц прошла вглубь комнаты, где Тенис, Энн Лески и Сюзанн Брукс о чем-то совещались между собой. Сильвия и Грейс о чем-то разговаривали. Пиг Пэн ощупывал их взглядом. Тед Джонс сидел нахмурив брови. Джордж Янек что-то выцарапывал на парте и курил сигарету, чем-то смахивая на ужасно занятого плотника. Остальные наблюдали в окно за копами, которые суетились на лужайке. Я заметил среди них Дона Грейса, старину Тома Денвера и Джерри Кессерлинга.

Внезапно зазвенел звонок, заставив всех подпрыгнуть. И копов в том числе. Парочка из них вытащила пистолеты.

— Расписание звонков изменилось, — сказал Харман.

Я посмотрел на часы. Было 9:50. В 9:05 я еще сидел у окна, наблюдая за белкой. Сейчас белка уже скрылась, старина Том Денвер последовал ее примеру. Миссис Андервуд перешла в мир иной. Обдумав все это, я решил, что мое время настало.

Глава 21

Прибыли еще три полицейские машины. Подходил народ из города, и копы более или менее успешно его разгоняли. Подкатил на новом «Понтиаке» владелец ювелирного магазина мистер Франкл. Он тут же вцепился в Джерри Кессерлинга и стал чего-то добиваться от него, поправляя на носу очки в роговой оправе. Джерри пытался избавиться от него, но тщетно. Мистер Франкл был вторым лицом в городе и большим другом Нормана Джонса, папы нашего Теда.

— Мама купила мне кольцо в его магазине, — произнесла Сара Пастерн, косясь на Теда. — Оно окрасило мне палец в первый же день отвратительным зеленым цветом.

— А моя мама называет его проходимцем, — сказала Тенис.

— Эй! — воскликнул Пиг Пэн. — А вот и моя мамочка! Все посмотрели в направлении, указанном Пэном. Действительно, это была миссис Дано, разговаривавшая с кем-то из военных. Из выреза платья выглядывал бюстгальтер. Она была одной из тех женщин, у которых разговор наполовину состоит из жестикуляции. Ее трепещущие руки, то замирающие, то вновь развевающиеся как флаги, вызывали у меня какие-то странные ассоциации.

Мы все хорошо знали ее не только понаслышке, но и в лицо. Она возглавляла большинство кружков в городе

и состояла в клубе матерей. Куда бы вы не пришли: на школьную вечеринку, праздничный ужин или танцы, вы непременно увидите миссис Дано с ее вечной кислой ухмылкой, выражающей недовольство жизнью и уверенность в тщетности бытия. Она любила сплетни и вылавливала крупницы информации с жадной проворностью, с какой ловят мух лягушки.

Пиг Пэн заерзал на сиденьи, будто ему захотелось в уборную.

— Эй, Пэн, тебя мама зовет, — окликнул его Джек Голдмен.

— Ну и пусть, — пробормотал Пиг Пэн.

У Пэна была старшая сестра Лилли Дано. Она училась в старшем классе, когда мы еще были новичками. Внешне она походила на брата, и отсюда можно сделать вывод, насколько далеко ей до королевы красоты. Крючконосый тип по имени Лафоллет Арманд стал увиваться вокруг нее, и это закончилось спустя некоторое время довольно банально: подростковый секс на заднем сиденьи машины и беременность. Бедная Лилли была отправлена к тете в Боксфорд. Миссис Дано два месяца не появлялась в клубе матерей, а затем ее опять можно было видеть всюду, только ухмылка стала еще более кислой. Классическая для маленького городка история.

— Но она действительно беспокоится о тебе, — сказала Кэрол Гренджер.

— Что с того, — равнодушно произнес Пиг Пэн.

Сильвия Рэгон улыбнулась. Пэн покраснел.

Некоторое время все молчали. Мы смотрели на горожан, находящихся в миле от нас. Я узнал еще несколько отцов и матерей. Родителей Сандры не было, не увидел я и Джо МакКеннеди. Я и не думал, что он покажется: такой цирк не в нашем стиле.

Подъехала пресса. Один парень выскочил из автобуса и привязался с какими-то вопросами к копу. Коп что-то отвечал ему, указывая на дорогу. Еще двое репортеров принялись устанавливать камеры.

— Есть у кого-нибудь транзистор? — поинтересовался я.

Трое подняли руки. Самый большой приемник оказался у Корки. Он принимал шесть программ, в том числе коротковолновые. Мы включили его как раз вовремя: передавали десятичасовые новости.

— Коротко об основных событиях, — доносилось из приемника. — Старшекурсник пласервилльской высшей школы Чарльз Эверетт Деккер, очевидно, находящийся в состоянии аффекта...

— Эверетт! — воскликнул кто-то из ребят.

— Заткнитесь, — резко произнес Тед.

Пэт Фитцджеральд показал язык.

— ...и теперь держит двадцать четыре заложника в аудитории высшей школы. Питер Вэнс, тридцатисемилетний учитель истории, убит. Подозревается, что нет в живых и другого учителя, тридцатисемилетней Джины Андервуд. Деккер дважды связывался со школьными властями. Мы приводим список заложников...

Репортер зачитал список класса, который я давал Тому Денверу.

— Обо мне говорят по радио! — воскликнула Нэнси Каски, когда произнесли ее фамилию. Она зажмурилась и довольно улыбнулась. Мелвин Томас присвистнул. Нэнси покраснела и приказала ему заткнуться.

— ...и Джордж Янек. Франк Филбрек, капитан полиции, утверждает, что Деккер чрезвычайно опасен. Действия его предугадать невозможно. «Этот парень без тормозов», — сказал Филбрек.

— А хочешь пощупать мой тормоз? — спросил я Сильвию.

— А ты уверен, что есть, что щупать? Я так верю сообщению радио, — ответила Сильвия, и все рассмеялись.

Энн Лески густо покраснела и хихикала, прикрывая рот ладошкой. Тед нахмурился.

— ...Грейс, пласервилльский психиатр, разговаривал с Деккером несколько минут назад. Грейс сообщил репортерам, что Деккер угрожает убить всех заложников до одного, если Грейс немедленно не покинет своего кабинета.

— Ложь! — произнесла Грейс Стэннор. Ирма подпрыгнула.

— Что этот говенный репортер о себе думает? — зарычал Мелвин. — И как он собирается из этого дерьма выпутываться?

— ...А также он заключил, что Деккер является шизондной личностью, возможно, переживающей обострение болезни. Грейс завершил свою речь словами: «Я уверен, что Чарльз Деккер способен на все». Полиция окрестных городов...

— Какое дерьмо! — воскликнула Сильвия. — Я расскажу этим уродам, что в действительности происходит, как только мы отсюда выберемся! Я сразу...

— Заткнись и слушай! — оборвал ее Дик Кин.

— ...и теперь, по утверждению капитана Филбрека, ситуация зашла в тупик. Деккер начнет убивать в случае применения полицией слезоточивого газа. На карту ставится жизнь двадцати четырех детей...

— Детей, — повторил задумчиво Пиг Пэн. — Дети. Это удар в спину, Чарли. Чертово дерьмо. Что они думают, что понимают в происходящем?

— Он что-то говорит о..., — начал Корки.

— Не бери в голову. Выключи эту штуку, — ответил Пэн, — здесь раздаются куда более интересные звуки.

Я посмотрел на Пэна.

— Что ты имеешь в виду?

Пиг Пэн неожиданно рассмеялся. Без всякой видимой причины он полез в карман и, покопавшись там, вытащил карандаш. Затем уставился на него.

— Карандаш Би-Боп, — сказал Пиг Пэн. — Самые дешевые карандаши на всей земле. Их невозможно заточить. Каждый сентябрь, с тех пор как я пошел в первый класс, мамочка приходит домой с двумя сотнями карандашей Би-Боп в пластиковой коробке. И я пользуюсь ими, о Боже.

Он вертел карандаш в руках, пристально уставившись на него. По правде говоря, это действительно был скверный, дешевый карандаш. Я сам пользовался только карандашами «Эберхард Фабер».

— Мама, — продолжал Пиг Пэн, — вот в чем для меня мама. Две сотни карандашей Би-Боп в пластиковой коробке. Как вам это? И все эти дерьмовые ужины. Гамбургер и бумажная миска с тертой морковкой. Она постоянно затевает споры. Это ее хобби. Постоянные споры, все время. Она подписывается на все женские журналы. Это невыносимо. Однажды сестра принесла котенка...

— Она забеременела, да? — спросил Корки.

— ...И мать не разрешила его оставить. Утопила в туалете, когда никто не видел. Лилли говорила, что можно было хотя бы отнести его к ветеринару и усыпить, и то лучше, а мама отвечала, что не собирается выбрасывать четыре доллара на какое-то животное.

— Ах, бедный котенок, — вздохнула Сюзанн Брукс.

— Клянусь Богом, она это сделала своими руками, прямо в сортире. И все эти чертовы карандаши. Думаете, она купит мне новую рубашку? Может быть, на день рождения. Я говорю ей: «Мама, ты слышишь, как меня называют ребята. Мама, ради Бога». Она никогда ничего мне не разрешает и постоянно затевает пререкания. Бесконечные разговоры. Бесконечные карандаши в пластиковых коробках. Однажды она не пустила меня на танцы, сказав, что в том месте, куда я собираюсь пойти, много развращенных девиц, которые только и думают, как бы кого-нибудь подцепить. Так и сказала.

— О, Боги! — пробормотала Сильвия.

— И эти ужины. И эти клубы. Ко всем пристаёт, привязывается со своими идиотскими разговорами. С этим невозможным выражением лица. — Он посмотрел на меня и улыбнулся самой странной улыбкой, какую я когда-либо видел.

— Знаешь, что она сказала, когда Лилли уехала? Она стала убеждать меня продать машину. Тот старый «Додж», который подарил мне дядя, когда я получил права. Я отказался. Я сказал, что дядя Фрэд подарил мне эту машину, и я не собираюсь ее продавать. Она ответила, что сделает это сама, если я буду упрямым. Она подписы-

вала все бумаги, и официально машина принадлежит ей. Она сказала, что продаст машину, чтобы я не смог обесчестить какую-нибудь девушку на заднем сиденьи. Обесчестить девушку, так вот и сказала.

Он размахивал карандашом, затем судорожно переломил его пополам и отбросил в сторону.

— Я сказал маме, что не собираюсь продавать «Додж». А она настаивала на своем, и мне пришлось это сделать. Я ничего против нее не могу. Она всегда знает, что сказать. Вы начинаете приводить ей какие-то аргументы, речь идет о машине, а она спрашивает вдруг: «Почему это ты так долго был в ванной?» Хоть на стену лезь. Вы ей про машину, а она про ванную. Будто я чем-то грязным там занимался. Она постоянно несет всякую чушь.

Он выглянул в окно. Миссис Дано уже не было видно.

— Она постоянно болтает, это подавляет, от этого невозможно уйти. Карандаши Би-Боп, которые ломаются всякий раз, когда пробуешь их заточить. Это и есть ее метод подавления. Она ужасна, она тупа, она утопила котенка, маленького котенка, и она так тупа, что каждый смеется над ней за спиной. Знаете, как это действует на меня? Я становлюсь меньше и глупее. Я начинаю чувствовать себя несчастным котенком, которого по ошибке принесли в дом, и он ползает в пластиковой коробке, полной карандашей Би-Боп.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Пиг Пэн завладел вниманием аудитории, но не думаю, чтобы он это заметил. Он выглядел абсолютно потеряннным и опустошенным. За окном коп поставил машину на лужайке параллельно школьным окнам. Несколько его приятелей с пистолетами в руках забежали за нее, очевидно, затевая какую-то секретную операцию.

— Я думаю, такого она еще не нюхала. — Пиг Пэн улыбнулся своей странной, пугающей улыбкой. — Если бы у меня был пистолет, Чарли, я убил бы ее не задумываясь.

— Ты безумен, — печально произнес Тед. — Боже, мы все скоро свихнемся.

— Не будь такой сволочью, Тед.

Эти слова произнесла Кэрол Гренджер. Довольно странно, что она выступила против Теда. Раньше эти два типичных представителя истеблишмента всегда поддерживали друг друга. Однако, именно Кэрол смогла открыто противостоять Теду. Для одноклассников Тед был чем-то вроде Эйзенхауэра для либералов пятидесятых, хотя эта аналогия очень приблизительна. Вы вынуждены восхищаться этим человеком, его стилем, улыбкой, блестящими манерами, успехом, но что-то в нем раздражает Вас. И Вы не можете выразить это словами, но ощущаете как что-то скользкое в нем. Вы скажете, я слишком много внимания уделяю Теду. Почему бы нет? Меня не покидает странное чувство, что все происходившее сегодня утром — не более, чем плод чьей-либо фантазии. Или дурной сон. И почему-то мне кажется, что вовсе не я, а Тед находится в центре всех событий. И именно он заставляет окружающих проявлять те качества, которые им не свойственны... Или которые были в них до поры до времени скрыты. Одно можно сказать точно: Кэрол сейчас смотрела на Теда вызывающе, она вовсе не собиралась играть по его правилам.

— Если они его схватят, то не найдут ничего интересного. Пустышка, — произнес Тед.

Пэн уставился на обломки своего дешевого карандаша, будто это была единственная оставшаяся на свете вещь. У него была грязная шея, но на это уже никто не обращал внимания. Кому было какое дело до его шеи.

— Они подавят тебя, — прошептал Пэн.

Он оглянулся по сторонам, затем посмотрел на меня. Выражение его лица с застывшей полуулыбкой было неприятно мне. Оно почему-то вызывало тревогу.

— Они справятся и с тобой, Чарли. Вот увидишь, так все и будет.

В комнате было тихо. Я крепко сжимал пистолет. Стараясь ни о чем не думать, я взял коробку с патронами и заправил несколько штук в магазин. Руки мои вспотели. Неожиданно до меня дошло, что я держу пистолет за

ствол, направив его на себя. Никто не шевелился. Тед замер, склонившись над партой. И он не двигался, разве что шевелил извилинами. Я неожиданно подумал, что коснуться его мне было бы также неприятно, как притронуться к крокодилу. Интересно, Кэрол когда-нибудь обнимала его? Скорее всего, да. Эта мысль вызвала у меня отвращение.

Сюзанн Брукс неожиданно разрыдалась.

Никто не обратил на нее внимания. Я глядел на них, они на меня. Я держал пистолет за ствол. Они это знали. Я сделал пару шагов, и нога моя коснулась тела миссис Андервуд. Я взглянул на учительницу. На ней было ее обычное пальто из шотландской шерсти поверх коричневого кашемирового свитера. Она уже окоченела, и кожа ее на ощупь наверняка напоминала крокодиловую. Я оставил след на ее свитере. Мне вспомнилась картина, которую я однажды видел: Эрнст Хемингуэй одной ногой опирается на мертвого льва и сжимает в руках винтовку, а на земле сидит полдюжины черных туземцев. Неожиданно мне захотелось кричать. Я лишил эту женщину жизни, я убил ее, продырявил ей голову, и тем покончил с алгеброй.

Сюзанн Брукс опустила голову на парту, как в детском саду во время тихого часа. Ее волосы были повязаны нежно-голубой косынкой, это смотрелось довольно мило. У меня заболел желудок.

— ДЕККЕР!

Я вскрикнул и повернул пистолет к окнам. Там был какой-то военный с громкоговорителем. Выше по склону холма располагались журналисты с камерой. Пиг Пэн, скорее всего, был прав.

— ДЕККЕР, ВЫХОДИ С ПОДНЯТЫМИ РУКАМИ!

— Сейчас иду, — ответил я.

У меня начали дрожать руки. Желудок болел все сильнее. У меня всегда были проблемы с желудком. Временами по утрам, когда я собирался в школу, со мной случались колики. Был также неприятный инцидент, когда я первый раз проводил время с девушкой. Однажды

мы с Джо подцепили пару девчонок в парке Гаррисона. Стояли теплые июльские дни, и небо было бездонно-синее. Мою девушку звали Эннмари. Она произносила это имя одним словом. Девушка была хорошенькой, она носила темно-зеленые вельветовые шорты и шелковую блузку. У нее была пляжная сумка. Мы двигались по дороге по направлению к пляжу, из радио доносились звуки рок-н-ролла. Брайан Вилсон, помню как сейчас. Брайан Вилсон и «Бич Бойз». Джо вел старый голубой «Меркури» и улыбался своей фирменной улыбочкой. Я вдруг почувствовал бурю в желудке. Ощущение не из приятных. Джо разговаривал со своей девушкой, кажется, о серфинге, что хорошо сочеталось со звучащей музыкой. Девушку звали Розалин, она была сестрой Эннмари, и тоже весьма привлекательной. Я открыл рот, чтобы сказать, что мне дурно, но вместо этого блеванул на пол. Я испачкал ногу Эннмари, и вы даже не можете себе представить выражение ее лица. Все постарались отнестись к происшедшему проще, будто все так и должно быть. Купаться в тот день я не мог, желудок выворачивало наизнанку. Эннмари загорала на скамейке рядом со мной. Девушки сделали бутерброды и пригласили нас перекусить. Но хотя я выпил соды, съесть так ничего и не смог. Все это время я думал о запахе, который будет стоять в салоне голубого «Меркури», весь день гревшегося на солнце. Реальность превзошла все мои ожидания. Мы делали вид, что ничего не ощущаем. Но вонь от этого никуда не девалась.

— ВЫХОДИ, ДЕККЕР! ТЫ ОКРУЖЕН.

— Прекратите. Заткнитесь.

Но они меня, конечно, не слышали, да и не хотели слышать. Они вели свою игру.

— Не очень приятно, когда тебя игнорируют, не правда ли? — промолвил Тед. — Не получается навязывать свои правила.

— Оставь меня в покое.

Голос мой звучал неубедительно. Я пробовал думать о белке и о зеленой незагаженной лужайке, но не мог. Все

смешалось в моем сознании. пляж в тот день был залит ярким солнцем. У каждого был транзистор, и со всех сторон лилась музыка. Джо и Розалин плескались в зеленых волнах.

— У ТЕБЯ ЕСТЬ ПЯТЬ МИНУТ, ДЕKKЕР!

— Тебе стоит выйти, — действительно произнес Тед. — Тебе предоставляют шанс.

— Что ты о себе думаешь? — набросилась на него Сильвия. — Считаешь себя героем? Да? Дерьмо, вот ты кто, Тед Джонс. И я скажу им...

— Ну зачем ты говоришь мне...

— ...И они подавят тебя, Чарли...

— ДЕKKЕР!

— Стоит выйти, Чарли.

— ...отстань, не трогай его...

— ДЕKKЕР!

— ...и эти проклятые ужины, и эти проклятые...

— ...если ты только позволишь ему ДЕKKЕР! подавят тебя ты один ну он не может Чарли ты не должен НЕ ВЫНУЖДАЙТЕ НАС ОТКРЫВАТЬ ОГОНЬ ты готов Тед если бы ты знал да заткнитесь все ради бога для твоего же блага ВЫХОДИ!..

Я направил пистолет на окна и, крепко сжимая его обеими руками, четыре раза нажал на курок. Звуки выстрелов гулко раскатились по комнате, как бильярдные шары. Стекла разлетелись вдребезги. Военные исчезли из поля зрения. Зрители поспешно разбегались во всех направлениях. Осколки стекла блестели на зеленой траве внизу ярче, наверное, чем бриллианты в магазине мистера Франкла.

Ответного огня не последовало. Они блефовали. А на что они были еще способны?

Однако Тед Джонс не блефовал. Он был на полпути ко мне, когда я направил на него ствол пистолета. Он застыл, уверенный в том, что я сейчас выстрелю. Он смотрел в пустоту мимо меня.

— Сядь, — сказал я ему.

Тед не двигался. Он выглядел парализованным.

— Сядь на место, — повторил я.

Он начал дрожать. Кажется, дрожь началась в ногах и затем поднималась вверх, захватив руки, подбородок, губы... Его правая щека начала дергаться. Лишь взгляд оставался застывшим. Ну что ж, я предоставил ему возможность испытать что-то новое. «Насколько измельчала нынешняя молодежь! Некоторые еще пытаются начать революцию, взрывая сортиры в государственных учреждениях, но никто уже не кидает бутылки с зажигательной смесью в Пентагон». Так говорил мой папочка, и здесь я с ним полностью согласен. Тед смотрел в пустоту.

— Сядь, — в очередной раз повторил я.

Тед наконец смог выполнить мое пожелание.

Никто из присутствующих не издал ни звука. Некоторые зажимали уши ладонями, чтобы не слышать выстрелов, и теперь осторожно опускали руки, прислушиваясь к наступившей тишине. Мой желудок не бунтовал. Я снова был в норме.

Человек с громкоговорителем снова закричал, но теперь он обращался не ко мне. Он призывал зевак покинуть опасную зону, что они и сделали. Многие из них побежали прочь пригнувшись, как Ричард Видмарк во время мировой войны.

Легкий ветерок проник в комнату сквозь разбитые окна. Он сбросил со стола Джексона бумаги и закружил их по полу. Джексон встал и поднял их.

— Скажи еще что-нибудь, Чарли, — произнесла Сандра Кросс.

Я улыбнулся. Мне хотелось напеть одну старинную народную песенку, там было что-то о прекрасных голубых глазах, но слов я не помнил, да и голос у меня для пения не самый подходящий. Я просто смотрел на нее и улыбался. Сандра слегка покраснела, смутившись, но не отвела взгляд. Я подумал, что когда-нибудь она выйдет замуж за какого-нибудь кретина с пятью костюмами в шкафу и превосходной туалетной бумагой в сортире. Эта мысль наполнила меня ощущением безысходности. К сожалению

нию, все девушки когда-нибудь перестают бегать на танцы, резвиться на лужайках и целовать мальчиков в кустах. И становятся солиднее. Вчерашняя кукла Барби превращается в почтенную мать семейства. Никуда не денешься, с грустью думал я, постигнет и Сандру эта участь. А потом меня неожиданно заинтересовал вопрос: какие трусы на ней сегодня? А вдруг белые?

Было десять часов пятнадцать минут.

Я начал рассказывать:

Глава 22

Когда мне было двенадцать лет, мама купила мне вельветовый костюм. К этому времени отец уже оставил все попытки заниматься моим воспитанием, и я полностью поступил в распоряжение мамочки. Купленный ею костюм я с большой неохотой одевал в церковь по воскресеньям и на еженедельные чтения Библии по четвергам, дополняя свой вид одним из трех галстуков-бабочек. Ну кто же мог предположить, что мама заставит меня одеть костюм на день рождения Кэрол! Я перепробовал все. Я убеждал ее, приводил все мыслимые доводы, заявлял, что вовсе никуда не пойду. Даже прибегнул ко лжи: сказал, что вечеринка отменяется, потому что Кэрол заболела ветрянкой. Но один звонок родителям Кэрол расставил все на свои места. Ничто не помогало. Мама предоставляла мне достаточно свободы и не слишком вмешивалась в мою жизнь, но уж если какая-нибудь идея приходила ей в голову, возражать было бесполезно. Оставалось смириться. До сих пор вспоминаю один эпизод, очень ярко характеризующий ее упорство. Однажды на рождество брат отца подарил ей мозаику. Мамочка иногда занималась составлением мозаичных картинок, ее это развлекало, а отец и дядя Том находили это занятие самой идиотской на свете тратой времени. Поэтому, я думаю, дядя не случайно прислал в подарок мозаику из пятисот кусочков, которую в принципе невозможно было собрать. Папа хохотал весь вечер: «Посмотрим, мать, как это у

тебя получится». Он всегда называл ее «мать», когда стремился как-нибудь подколоть, и это никогда не переставало раздражать ее. Мама тут же ушла в свою спальню (к этому времени спальни у них были отдельные), два дня мы ее не видели и вынуждены были ужинать чем попало, а на третий нам представилась возможность лицезреть полностью собранную картину. Мамочка сфотографировала свою работу и послала снимок дяде Тому в Висконсин. Затем разобрала мозаику и забросила ее на чердак, где она валяется и по сей день. Вообще-то моя мама очень мягкий человек, она хорошо образована и не лишена чувства юмора. Но лучше не пытаться встать на ее пути, когда она уже приняла решение.

А сейчас я вынужден был ей противоречить. В четвертый раз за сегодняшний день я принялся перечислять все доводы против этого кошмарного костюма, который уже был на меня надет. Галстук-бабочка раздражал меня до невозможности. Он был похож на розового паука, вцепившегося мне в шею. Пиджак жал под мышками. В довершение всего мне пришлось одеть выходные туфли с квадратными носками. Отца не было дома, он вышел в город посидеть с друзьями, пропустить по рюмочке чего-нибудь крепкого. Но я догадываюсь, что он сказал бы о моем виде в тот момент. Я чувствовал себя полным идиотом.

— Послушай, мама...

— Я не хочу больше ничего слушать, Чарли.

Я разделял ее настроение и тоже был бы рад прекратить затянувшуюся дискуссию, но ведь это мне, а не ей, придется идти в таком виде на вечеринку.

— Я только хочу тебе сказать, мама, что никто из ребят не будет сегодня в костюме. Я утром звонил Джо, и он сказал, что он оденет...

— Заткнись, — лаконично ответила мама, и мне пришлось выполнить ее пожелание. — Заткнись, или ты никуда не пойдешь.

Я понимал, что «никуда» означает нечто большее, чем день рождения Кэрл. Что в это понятие наверняка

включается кино, танцы и плавание на весь следующий месяц. Я вспомнил мозаику и со вздохом решил смириться. Сопротивление было явно бесполезным. К тому же я был равнодушен в то время к Кэрол, и мне очень хотелось видеть ее сегодня.

— О'кей, — быстро сказал я, — я иду.

— И не думай, что ты можешь переспорить меня, Чарли Деккер, — мрачно произнесла мама, — веди себя пристойно. Твой отец еще запросто может тебя отшлепать.

— Уж это я знаю, — ответил я. — Он и сам мне напоминает об этом слишком часто.

— Чарли!

— Все, ухожу. Пока, мамочка.

— И смотри, веди себя прилично в гостях, — неслось мне в спину, пока я шел к двери, — не заляпай брюки мороженым! Не забудь сказать «спасибо» после ужина! Поздоровайся с миссис Гренджер!

Я молча остановился на пороге, выслушивая эти напутствия.

— Будь джентльменом.

О, Боже.

— И не забудь, что можно начинать есть только после того, как начнет хозяйка.

О, Боже милостивый.

Я поспешил выскочить за дверь, воспользовавшись короткой паузой. Кажется, мамочка вспомнила еще что-то из правил хорошего тона, но я уже выбежал на улицу.

Стоял ясный летний день, светило солнце, были каникулы, и все вокруг было настолько замечательно, что скверное настроение быстро улетучивалось. И чем черт не шутит, возможно, Кэрол придет в голову идея затащить меня в постель. А я не буду сопротивляться. Возможно, мое личное обаяние будет сильнее отталкивающего действия вельветового костюма. К тому же, если Кэрол нравится Мирон Флорен, она спокойно воспримет и костюм.

Тут мне встретился Джо и на мгновение я снова почувствовал себя кретином. На нем были потрепанные

белые джинсы «Левис» и футболка. Он осмотрел меня с ног до головы, и я вздрогнул.

— Классный пиджак, — заметил Джо. — Ты похож на того парня из шоу Лоренса Белча. Ну, тот, который с аккордеоном...

— Мирон Флорен, — сообщил я и вздохнул с облегчением.

Он предложил мне жвачку. Это была пластинка «Блэк Джек». Лучшей жвачки невозможно и представить. Я перекачивал ее языком во рту и чувствовал, что настроение мое снова улучшается. Джо все же был моим другом. Пожалуй, единственным. Он относился ко мне очень лояльно, его даже не отпугивали мои странные манеры. Например, у меня была привычка, увлекшись какой-нибудь неожиданной мыслью, ходить взад-вперед с идиотской гримасой на лице, чего я, естественно, не замечал. Разве что по реакции окружающих... А Джо ко всему относился спокойно. Я превосходил его во всем, что касается умственной деятельности, зато он гораздо лучше меня умел заводить друзей и был вхож в любую компанию. У меня с коммуникабельностью дела обстояли похуже. Вы понимаете, что если у ребенка коэффициент интеллекта выше, чем у всех его товарищей, и при этом он не умеет даже играть в бейсбол, то едва ли он будет принят в компанию сверстников. Избыток серого вещества вызывает у окружающих легкую неприязнь. Но Джо был исключением. И поскольку все ребята любили Джо, они были вынуждены терпеть и меня, как приложение к нему. Я не могу сказать, чтобы я восхищался Джо, но какие-то теплые чувства он у меня вызывал.

Так мы и шли, наслаждаясь погодой, обществом друг друга и жвачкой «Блэк Джек», когда чья-то тяжелая рука легла мне на плечо. Я едва не поперхнулся. Конечно, это был не кто иной, как Дикки Кейбл.

Дикки был коренастый малый с квадратными плечами, напоминавший газонокосилку фирмы «Бриггз и Стрэттон». У него была квадратная улыбка, обнажавшая два ряда крепких белых зубов, похожих на зубья косилки.

— Послушай, да ты выглядишь гладеньким! — обратился ко мне Дикки, при этом заговорщицки подмигивая Джо. — Гладеньким и блестящим, как кучка свежего дерьма!

И снова хлопнул меня по спине. Я сжался. Все это мне сильно не нравилось, а хуже всего было смутное предчувствие, что сегодня мне предстоит крупное столкновение с этим типом. Решающая битва, которую я должен выиграть, но едва ли у меня хватит на это сил.

— Убери свои руки, о'кей? — сказал я. Но Дикки не отстал от нас, он шел рядом до самого дома Кэрол. Мгновение, когда я переступал порог, до сих пор вспоминается мне как кошмарный сон. Никто не был так выражен, как я. Посреди комнаты стояла именинница. Выглядела она прекрасно.

Я остановился, любуясь Кэрол. Она была чертовски хороша. Еще совсем девчонка, но легкий оттенок светского лоска уже коснулся ее. Конечно, она все еще была подвержена перепадам настроения и рыдала, запираясь от родителей в ванной, и все также любила «Битлз», но все это уже тщательно скрывалось. Она уже начинала становиться дамой света. На вид ей было лет шестнадцать, элегантно-коричневое платье облегло стройную фигурку, волосы были перехвачены платком цвета ржавчины. Она рассказывала о чем-то стоявшим рядом ребятам, смеясь и жестикулируя.

Дикки и Джо подошли, чтобы вручить подарки. Кэрол повернулась к ним, она улыбалась, кивала, благодарила... Господи, как она была прекрасна в тот момент!

Я решил незаметно исчезнуть. Меньше всего мне сейчас хотелось, чтобы она увидела меня в этом шутовском наряде. И чтобы я наблюдал, как она мило беседует с Дикки, этим уродом, на мой взгляд, а для нее — вполне приемлемым собеседником. Я думал, что смогу тихо смыться прежде чем кто-нибудь заметит мое присутствие. В кармане был доллар, который я заработал вчера, выпалывая сорняки в саду миссис Каценц, и я могу отправиться в кино...

Но прежде чем я взялся за дверную ручку, я понял, что отступать поздно. Меня заметила миссис Гренджер.

Да, это был несчастливый день. Стоит сказать пару слов о миссис Гренджер. Вообразите себе плиссированную юбку и прозрачную шифоновую блузу поверх туши слона, невообразимую прическу, напоминающую смерч, только ярко-желтого цвета, и вы получите еще далеко не полное представление об этой фурии.

— Чарли Деккер! — взвизгнула она, и широко раскинула руки, похожие на огромные хлебные батоны, надвигаясь на меня. Она казалась мне воплощенным кошмаром, всеми монстрами из фильмов ужасов в одном лице. Но самое скверное было не это, а то, что все — абсолютно все — в комнате обернулись ко мне.

Миссис Гренджер наградила меня влажным поцелуем в щеку и воскликнула:

— Ах, как ты прелестно выглядишь!

Почему-то мне показалось, что сейчас она добавит: «Гладенький, как собачье дерьмо!», и я вздрогнул.

Не буду утомлять вас подробным пересказом того, что творилось на протяжении следующих трех часов. Это и так можно себе хорошо представить. Периодически рядом со мной раздавался гаденький голос Дикки: «Ах, как ты прелестно выглядишь!», а еще пара ребят поинтересовалась, кто, собственно, умер.

Единственный человек, не оставивший меня в этой ситуации, был Джо. Но и его присутствие слегка раздражало меня. Я слышал, как он советовал народу оставить меня в покое, и это было неприятно. Я находился в положении деревенского дурачка.

И только Кэрол, одна из всех, вовсе не уделила мне внимания. Просто не заметила. Я не знал, что буду делать, если она подойдет и пригласит меня на танец, и сильно переживал по этому поводу. А когда она не подошла, это затронуло меня еще сильнее. Нет, я вовсе не хотел сейчас танцевать, но такое пренебрежение ранило самолюбие.

Я стоял, всеми покинутый, когда играла пластинка Битлз. И когда Бобби Шерман пел в своей великолепной

раскованной манере. Вечеринка была в самом разгаре, а я был лишним на этом празднике. Чем-то вроде мебели. Мне казалось, что это будет продолжаться вечно. За окном будут идти дни и годы, постареют и умрут родители, обратятся в руины дома, а я так и буду стоять здесь у стенки, как идиот. И когда остановится время, и архангел Гавриил пролетит над нами со своей трубой, здесь все так и будет, как сейчас: я с кислой миной в стороне, танцующие и смеющиеся одноклассники, громкая музыка и большой торт с надписью из мороженого «С днем рождения, Кэрол!» на столе.

Кто-то предложил сыграть в «бутылочку». Миссис Гренджер издавала похабное кудахтанье, обозначававшее у нее, видимо, смех: «Ах, нет, дети! Нет!»

Кэрол предложила выйти во двор и поиграть там. Все высыпали наружу. На секунду я оказался рядом с Кэрол, но она даже не посмотрела в мою сторону. Я медленно вышел на крыльцо. Слышались звонкие голоса и смех, иногда кто-нибудь из ребят пробегал мимо. Рядом со мной на крыльце стоял Джо и наблюдал за происходящим, облокотившись о перила.

— Зря она так, — задумчиво произнес он.

— Она просто очень занята. Много гостей, всем надо уделить внимание...

— Черт.

Некоторое время мы постояли молча. Кто-то позвал Джо, но тот не откликнулся.

— А посоветуй своей мамочке завести котенка и его опекать, — предложил Джо.

— В таком случае, лучше сразу двух, — ответил я.

— Иди к нам, Джо!

Теперь это была Кэрол. Она успела переодеться в довольно простые брюки, но и в них она смотрелась восхитительно. Джо взглянул на меня. Я понимал, что он чувствует ответственность за меня и не хочет оставлять меня одного. И это мне не нравилось. Я догадывался, что такие отношения ни к чему хорошему не приводят, и рано или поздно опекающий начинает тяготиться твоим обще-

ством и ненавидеть тебя, себе в этом не признаваясь. В двенадцать лет я еще не очень ясно осознавал все эти вещи, но многое интуитивно чувствовал.

— Иди, раз зовут, — сказал я ему.

— А ты?

— Я собрался домой.

— А ты уверен, что не хочешь остаться?

— Да. Ну, пока!

Я пошел через лужайку к калитке, все же несколько задетый тем, что Джо не предложил пойти домой вместе. Тут меня заметил Дикки.

— Ах, ты покидаешь нас, прелестный мальчик?

Я, конечно, должен был бы ответить что-нибудь нейтральное и идти своей дорогой. Неожиданно для себя я довольно резко посоветовал ему заткнуться.

Дикки тут же подскочил ко мне, будто только этого и ожидал. Отвратительная квадратная усмешка расплзлась по его тупой физиономии, и он произнес:

— Что ты сказал, прелестный мальчик?

Все это, весь сегодняшний день, вельветовый костюм, танцы, идиотские шутки, все так осточертело мне, что я уже не мог сдерживаться. Я сорвался с тормозов.

— Повторяю для недоумков, я попросил заткнуться. Дай мне пройти.

Ребята, находившиеся неподалеку, молча наблюдали эту сцену. Миссис Гренджер в доме пела романс тонким фальшивым голосом.

— Может, ты попробуешь сам меня заткнуть?

Дикки почесал грязный затылок, глядя на меня насмешливо.

Я толкнул его. Какая-то сила вынудила меня начать драку. В меня словно бес вселился, и остановиться было невозможно. Я уже не управлял своим поведением. Дикки сделал резкий выпад и ударил меня в плечо. Рука моя оказалась на мгновение парализована, боль пронзила ее от плеча до кончиков пальцев. Я никогда не владел приемами бокса, поэтому попробовал сделать захват и швырнуть противника на траву. Он вцепился мне в шею

и притянул к себе, будто собирался меня поцеловать. У него сильно воняло изо рта. Мы повалились на землю, и Дикки принялся молотить меня по спине другой рукой, но это не возымело эффекта. Он был сильнее, но я был обозлен до предела. Я ощущал себя, как минимум, карающим ангелом. И с таким увлечением предался своему занятию, словно избиение Дикки Кейбла и было моей миссией на земле. Кроме того, я был сверху и собирался там и оставаться.

Но внезапно он выскользнул из-под меня — не пойму, как это у него получилось — и тут же оказался в более выгодной позиции. Я пробовал освободиться, но усилия мои ни к чему не привели. Своими огромными ручищами Дикки пригибал мою голову к земле, а сам навалился сверху. Я подумал: интересно, где сейчас Кэрл? Наблюдает ли она эту безобразную сцену? Дикки увлеченно стучал меня головой о землю. Я чувствовал, как трещит по швам вельветовый пиджак, как одна за другой отлетают от него все пуговицы...

Дикки смеялся. Из глаз моих сыпались искры, голова гудела, трава набилась в рот. Теперь я походил на газнокосилку.

— Эй, прелестный мальчик, как ты теперь себя чувствуешь?

У меня выступили слезы на глазах.

— Ты похож на денди! — весело сообщил Дикки, сопровождая это заявление новым ударом.

— Ты великолепен! — продолжал Дикки.

Внезапно я почувствовал свободу. Моего противника оттащил Джо.

— Достаточно, кретин, ты не видишь, что пора прекратить? — кричал он на Дикки.

Я медленно поднялся. В волосах у меня была земля и травинки, но никаких видимых повреждений на голове не было. Ничего, оправдывающего слезы, которые продолжали катиться градом по щекам. Я не мог остановиться. Все смотрели на меня в эту минуту, и было заметно, что меньше всего им хочется сейчас на меня смотреть. В

воздухе висело неловкое молчание. Вид почти у всех был смущенный, многие оглядывались по сторонам: не видел ли происходящее кто-нибудь из взрослых, не пора ли смыкаться отсюда.

Кэрол была среди них, и она сделала шаг вперед, будто собиралась подойти ко мне. Затем оглянулась, не следует кто ее примеру, но все словно замерли на своих местах, и Кэрол тоже остановилась, молча глядя на меня. Дикки приглаживал пятерней волосы, растрепавшиеся во время драки.

Миссис Гренджер прекратила петь романс. Она стояла на крыльце, разинув рот.

Джо подошел и положил руку мне на плечо.

— Пойдем отсюда, Чарли, — сказал он.

Я хотел оттолкнуть его, но вместо этого сам повалился на землю: голова кружилась настолько сильно, что я плохо держался на ногах.

— Отстань от меня! — закричал я. Голос был хриплый и срывающийся, я с трудом признал его своим. Брюки были перепачканы травой. На пиджаке осталась только одна пуговица, я стал собирать остальные. У меня горели уши.

Дикки что-то напевал себе под нос, поправляя рубашку. По крайней мере, он вел себя естественно, не ломал комедию, и уже за это я мог его уважать.

Миссис Гренджер очутилась рядом со мной.

— Чарли! Чарли, дорогой...

— Заткнитесь! — заорал я. Все плыло у меня перед глазами. Казалось, что стоящие вокруг лица сливаются в сплошное кольцо, сжимающее мой мозг.

— Старая кошелка!

Выкрикнув эти слова, я вскочил на ноги и побежал, роняя собранные пуговицы. Я остановился только возле пустого дома на Виллоу-стрит. Там я присел на ступеньки и подождал, пока прекратятся слезы. Под носом у меня была грязь, я вытер ее рукавом. Мимо проходил бродячий кот, я хотел погладить его, но он вырвался и убежал. Я прекрасно понимал его настроение.

Костюм был в ужасном состоянии, но это меня волновало меньше всего. Не слишком беспокоило меня и то, что мама наверняка устроит из всего этого трагедию и позвонит родителям Дикки. Но скверным было то, что нужно будет говорить с отцом. Я уже представлял себе его спокойный взгляд и вопрос: «Ну, а как выглядит твой противник?»

И свою ложь.

Я сидел почти час, думая о том, что сейчас выйду на трассу, поймаю машину и уеду к черту из этого города. И никогда сюда не вернусь.

Но потом все же встал и пошел домой.

Глава 23

За окнами не прекращалось движение. Все новые копы подъезжали к зданию школы. Голубые машины военных, белые микроавтобусы полиции Левистона, черно-белые из Брунсвика и две из Обурна. Среди всего этого столпотворения сновали какие-то чины полицейского департамента, негромко перекрикиваясь между собой. Прибыли новые репортеры. Они возились со своими микрофонами и камерами, стараясь пристроиться поудобнее, чтобы иметь лучший обзор. На дороге выставили знак «Проезд закрыт», как будто сложно было придумать что-нибудь поинтереснее, например: «Осторожно! Опасный сумасшедший». Дон Грейс и старый добрый Том что-то пытались доказать внушительных размеров болвану в полицейской форме. Дон выглядел сильно раздраженным. Болван слушал их внимательно, но отрицательно качал головой. Похоже, это и был капитан Франк Филбрек из Главного Полицейского Управления. Интересно, догадывается ли он, что я сейчас держу его под прицелом...

Кэрол Гренджер прервала молчание. Голос ее дрожал, а на лице был легкий румянец смущения. Я вовсе не для того рассказывал эту историю, чтобы кого-нибудь пристыдить.

— Я была ребенком, Чарли.

— Знаю, — я улыбнулся, — но ты была такой очаровательной и вовсе не смотрелась как ребенок.

— И мне нравился в то время Дикки Кейбл.

— После всего этого?

Она смутилась еще больше:

— Да, даже сильнее. Я поехала с ним на пикник в восьмом классе. Он был таким... Ну, как бы это сказать... Таким решительным. Я была к нему благосклонна в тот день. Но это единственный раз, когда я куда-нибудь ездила с Дикки. Где он сейчас, понятия не имею.

— Плассервилльское кладбище, — бесцветным голосом произнес Дик Кин.

Мне стало не по себе. Примерно такое же ощущение, как если бы я увидел призрак миссис Андервуд. Мысль о том, что Дикки мертв, вселяла в меня необъяснимый ужас. И я видел отражение своих чувств на лице Кэрол.

«Он был таким решительным, я была к нему благосклонна», — сказала она. Что могут значить эти слова из уст приличной барышни в уездном городке? Возможно, он обнял ее. Или даже поцеловал в губы. Да, Бог хранил нас всех на том пикнике в восьмом классе. Дикки был таким решительным...

— Что с ним случилось? — спросил Дон Лорди.

Дик, некоторое время помолчав, медленно произнес:

— Авария. Как раз тогда, в прошлом октябре, он получил права. Он любил водить машину. Все время гонял как сумасшедший. Он не знал меры. Наверное, хотел показать окружающим, какой он герой. С ним невозможно было садиться в машину. У него был «Понтиак» 1966 года, и Дикки сам выполнял все ремонтные работы. Он покрасил автомобиль в зеленый цвет, а на боковой дверце нарисовал пикового туза.

— Да я видел эту машину, — сказал Мелвин. — Не знал, правда, что это Дикки, но действительно, он гнал как сумасшедший.

— ...Сделал сам все ремонтные работы. И почти никогда не ездил медленнее, чем девяносто километров в час. Однажды ночью мы ехали по Стэкпол-роуд, Дикки жал девяносто пять километров в час, и тут нас занесло. Ты прав, Чарли. Этот парень выглядел более

чем странно, когда улыбался. Не знаю, можно ли это сравнить с газонокосилкой, скорее, у меня были другие ассоциации, но он действительно выглядел слегка безумным. Все время, пока он пытался удержать управление, он улыбался в этой своей странной манере. И бормотал себе под нос, не переставая: «Я удержусь, я удержусь...» И тогда он действительно удержался. Я попросил его остановиться, вылез из машины и пошел домой на негнущихся ногах. Мне было очень дурно. А пару месяцев спустя он попал в аварию на Лизбон-стрит. Ренди Милликен был с ним в тот день. Ренди остался жив, и он говорил, что они не были ни пьяные, ни накуренные. Вина здесь была полностью на водителе грузовика. И он месяца три провел в тюрьме. А Дикки мертв. Странно.

Кэрол побледнела. Она выглядела так скверно, что я боялся, что она упадет в обморок. Чтобы как-нибудь ее отвлечь, я спросил:

— А твоя мама сильно тогда на меня разозлилась?

— Что? — Кэрол с непонимающим видом оглянулась по сторонам.

— Я назвал ее тогда старой кошелкой.

— Ах да, — Кэрол благодарно улыбнулась, поддерживая игру. — Она была очень зла. И говорила, что ты сам виноват, устроив эту потасовку.

— Помнишь, наши мамы ходили вместе в тот клуб?

— «Букс и Бридж»? Да, помню. По правде говоря, Чарли, я твою маму знаю плохо. Я пару раз с ней здоровалась. И все время слышала рассказы от своей мамочки о том, как потрясающе интеллигентна миссис Деккер, и что она говорит о какой-нибудь книге, и так далее, и тому подобное. И какой ты чудный, маленький джентльмен.

— Гладенький, как собачье дерьмо, — мрачно согласился я. — Знаешь, а я привык слышать от мамочки дифирамбы в твой адрес.

— Серьезно?

— Да.

Внезапно меня осенило. Как же я раньше не догадался! Право же, смешно.

— Знаешь, Кэрол, я понял, что все это значило, и зачем мама вынуждала меня одевать этот идиотский костюм. Это был совместный сценарий наших родителей под названием «Не правда ли, они составили бы чудную пару». Мальчик и девочка из хороших семей. Ну как, Кэрол, выходишь за меня замуж?

Кэрол смотрела на меня широко раскрытыми глазами:

— Ты думаешь, они...

— Ну конечно.

Она улыбнулась, а затем звонко расхохоталась. Конечно, с нашей стороны это было слегка некорректно. Неуважение к смерти. Если честно, миссис Андервуд не выходила у меня из головы. Ничего удивительного: ее труп был у меня прямо под ногами.

— Сюда идет этот тип, — сказал Билли Сойер.

И действительно, к школьному зданию двигался Франк Филбрек. Он решительно шагал к дверям, смотря строго вперед и не оборачиваясь. Наверное, репортеры сейчас снимают его со всех ракурсов, и Филбрек, зная это, старается придать своему лицу героическое выражение. Он зашел в дверь. Внизу слышались гулкие шаги, словно доносившиеся из другого измерения. Но они были реальностью. Капитан Филбрек становился реальным, войдя в здание. До меня внезапно дошло, что все, находящееся за окнами, было для меня чем-то вроде телевизионного шоу. Они были выдумкой, а не я. Похоже, остальные ребята ощущали то же самое. Это было написано на их лицах.

Недолгая пауза.

Звонок. Внутренняя связь.

— Деккер?

— Да, сэр, — ответил я.

Он тяжело и громко дышал. Можно было слышать хрипы и со свистом вырывающийся из легких воздух, словно где-то рядом огромный загнанный зверь отдыхал после неудачной охоты. Мне это сильно не нравилось.

Точно также разговаривал по телефону мой папочка. Когда в ваше ухо врывается столько шума, через некоторое время начинает казаться, что вы ощущаете перегар и табачный дым, исходящий от собеседника. Это отдавало антисанитарией... и гомосексуализмом, не знаю, почему.

— Ты поставил нас в неловкое положение, Деккер.

— Я догадываюсь, сэр.

— Нам не слишком нравится идея стрелять в тебя.

— Мне тоже, сэр. Я не рекомендовал бы вам так поступать.

Несколько тяжелых вздохов.

— Выходи отсюда, и давай поговорим спокойно. Какова твоя цена?

— Цена? — переспросил я.

Мне показалось, что он принимает меня за какой-нибудь предмет интерьера, кресло, например, предлагаемое выгодному покупателю. Моя цена. Сперва это на мгновение показалось мне забавным. Затем я начал раздражаться.

— За то, что ты дашь им возможность выйти. Что ты хочешь? Думаю, мы сможем договориться. Ты же разумный человек.

Сопение. Затем опять:

— Но не заставляй нас идти на крайний шаг. Говори, что ты хочешь.

— Вас, — ответил я.

Дыхание на несколько мгновений прекратилось. Затем оно возобновилось с новой силой. Это действительно начинало действовать мне на нервы.

— Объясни, о чем ты.

— Конечно, сэр. Мы можем договориться. Это же Ваши слова. Вы хотите со мной договориться?

Нет ответа. Сопение.

Филбрек часто выступал по радио на тему безопасности дорожного движения. Он призывал водителей соблюдать правила и быть внимательней на дорогах. Очень трогательно. И то же самое тяжелое дыхание, я его вспомнил.

Выступая по радио или телевидению, он сопел и пыхтел как бык, собирающийся покрыть корову на фермерском дворе.

— Что ты предлагаешь, Деккер?

— Сперва скажите мне кое-что. Там, снаружи, кому-нибудь приходит в голову, что я могу из интереса посмотреть, сколько человек я смогу пристрелить? Дон Грейс, например, придерживается такого мнения?

— Дерьма кусок! — произнесла Сильвия, услышав фамилию Грейс.

— Кто это сказал? — рявкнул Филбрек.

Сильвия побледнела.

— Я, кто же еще, — ответил я. — Знаете, сэр, у меня явные транссексуальные тенденции.

Естественно, он не знает значения этого длинного слова и едва ли решится спросить.

— Так как насчет моего вопроса?

— Некоторые люди считают, что ты способен на все, если окончательно слетишь с тормозов. Да, — произнес он весомо.

Кто-то из ребят хихикнул. Но не слишком громко, Филбрек едва ли услышал.

— О'кей, тогда излагаю свои условия. Вы будете героем. Зайдите сюда. Без пистолета. Руки за головой. Я выпускаю всех до одного, а затем одним выстрелом сношу Вам полголовы к такой-то матери. Вы согласны, сэр?

Сопение. Затем:

— Ты бы выбирал выражения, парень. Все же у тебя там девушки.

Ирма Бейтц оглянулась по сторонам, будто ее кто-то окликнул.

— Вот мои условия, — повторил я.

— Нет, не пойдет. Ты пристрелишь меня и не подумаешь выпускать заложников.

Несколько тяжелых вздохов.

— Но я сейчас спущусь к тебе. Может, до чего-нибудь договоримся.

— Дело в том, — терпеливо объяснил я, — что если через пятнадцать секунд я не увижу Вас выходящим из дверей, все заложники один за другим перейдут в лучший из миров.

Никто из присутствующих не выглядел испуганным такой перспективой.

Сопение.

— Твои шансы остаться в живых, Деккер, уменьшаются.

— А знаешь, Франк, никто из нас не выйдет отсюда живым. Банальная истина.

— Так ты не станешь договариваться?

— Нет.

— Как хочешь.

Голос Филбрека звучал достаточно безразлично.

— Там с тобой находится мальчик по фамилии Джонс. Я хотел бы с ним поговорить.

Я ничего не имел против.

— Подойди сюда, Тед. Тебе предоставляют такой шанс. Не упусти его, дитя мое.

Тед подошел.

— Я слушаю, сэр.

Однако, черт возьми, эти слова у него неплохо получаются.

— У Вас все в порядке, Джонс?

— Да, сэр.

— Что Вы можете сказать о намерениях Деккера?

— Я полагаю, он готов на все, сэр.

Тед глядел мне в глаза. Во взгляде его была дикая злость. Кэрол, явно возмущенная, хотела что-то возразить, но промолчала.

— Благодарю Вас, мистер Джонс.

Тед выглядел вполне удовлетворенным.

— Деккер?

— Да, это снова я.

Пыхтение, свисты.

— Хотелось бы тебя увидеть.

— Нет, это я предпочел бы увидеть Вас выходящим отсюда. Пятнадцать секунд. И еще, Филбрек...

— Что?

— У Вас есть одна дерьмовая привычка, Вы знаете? Я заметил это еще во время всех Ваших дурацких выступлений по радио и ТВ. Вы дышите в уши людям. Вы хрипите, как выброшенный на берег кит. Это скверная привычка. Вам стоило бы избавиться от нее.

Филбрек посопел задумчиво.

— Заткнись, парень, — наконец произнес он, и связь отключилась.

Ровно через двенадцать секунд он вышел из дверей и направился к полицейским машинам, стоявшим на лужайке. Копы устроили небольшое совещание. Филбрек что-то объяснял им, жестикулируя.

Никто ничего не сказал. Пэт Фитцджеральд задумчиво грыз ноготь. Пиг Пэн достал из кармана другой карандаш, точную копию первого, и уставился на него. Сандра Кросс неотрывно смотрела на меня. Какая-то странная связь установилась сегодня между нами.

— Что насчет секса? — неожиданно произнесла Кэрол. Все в комнате уставились на нее, и она покраснела.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

Кэрол выглядела смущенной. Она явно жалела о том, что раскрыла рот.

— Я просто хотела сказать, что когда кто-нибудь начинает вести себя... странно себя вести...

Она запнулась, но тут ей на помощь пришла Сюзанн Брукс.

— Все правильно, — заявила Сюзанн. — И вы все перестаньте ухмыляться. Все думают, что секс — это грязно. Поэтому у нас не все в порядке. Мы этим озабочены.

— Это именно то, что я хотела сказать, — кивнула Кэрол. — И ты, Чарли... У тебя был какой-нибудь неприятный опыт?

— Да нет, ничего особенного с тех пор, как я переспал со своей мамочкой, — спокойно произнес я.

У Кэрол вытянулось лицо на мгновение, но затем она поняла, что я шучу. Пиг Пэн горько усмехнулся, затем опять вернулся к своему карандашу.

— Нет, а действительно?

— Хорошо, я расскажу тебе о своей сексуальной жизни, но сначала ты расскажешь о своей.

— О...

Кэрол выглядела удивленной, на сей раз приятно удивленной.

Грейс Стэннор рассмеялась:

— Почему бы и нет, Кэрол?

Мне всегда казалось, что эти две девушки друг друга недолюбливают, теперь это было достаточно очевидно.

— Интересно, — усмехнулся Корки.

Кэрол ужасно покраснела.

— Я жалею, что спросила.

— Продолжайте, продолжайте, — произнес Дон Лорди.

— Секреты... Тайны... — прошептал Майк Гэвин, сделав загадочное лицо. — И побольше тайн...

Все рассмеялись, хотя ничего особого он не сказал.

— Ладно, хватит, это уже непорядочно, — заявила Сюзанн Брукс.

— Ты права, — согласился я, — давай закончим.

— Нет, что здесь такого. Я могу сказать, это несложно, — прервала меня Кэрол.

Настал мой черед удивляться. Все выжидающе смотрели на Кэрол. Не знаю, что они ожидали услышать? Рассказ о восхитительной ночи с пикантными подробностями? Нерезонно. Полагаю, они будут сильно разочарованы. Ничего шокирующего Кэрол не скажет. Провинциальная девственница, свеженькая, юная, хорошенькая. Однажды она покинет Пласервилль, и у нее начнется настоящая жизнь. Некоторые из этих барышень меняются уже в колледже. Они открывают для себя экзистенциализм и начинают покуривать травку. Иногда они так и не расстаются с розовыми мечтами своего детства. Как правило, такие девушки имеют постоянного друга, но позволяют себе не более, чем легкий флирт с ним. И нередко произносят фразу «А вот этого нельзя, не трогай меня здесь». Я достаточно хорошо знаком с этим типом. И если

вы ожидаете чего-то необычного, то рискуете разочароваться. Порядочные барышни все устроены на один манер. У них всегда все о'кей. По-моему, это скучно.

У Кэрол, насколько мне известно, действительно был постоянный приятель, некий Бак Торн. Превосходное американское имя, не правда ли? Он был центровым нападающим футбольной команды. Хорошо сложенный кретин. У Кэрол наверняка не было проблем с тем, чтобы держать его под контролем. Хорошенькие девочки, я думаю, могли бы даже тигров укрощать. К тому же, мне кажется, что самой возбуждающей вещью в мире Бак Торн считал угловой в ворота.

— Я девственница, — наконец произнесла Кэрол, отвлекая меня от моих мыслей. Она скрестила ноги, словно хотела символически подтвердить свое высказывание. — И я не думаю, что это плохо. Быть девственницей — это как быть незаурядной.

— Неужели? — в голосе Грейс Стэннор звучало сомнение.

— Да, и к этому приходится прилагать усилия, — продолжала Кэрол. — Не думайте, что это так просто.

— Ты хочешь сказать, что Бак никогда... — начал было я.

— Что ты, конечно, он хотел. Но с самого начала я недвусмысленно дала ему понять... Нет, я не фригидна. И не пуританка. Это просто... — Она остановилась, подбирая нужное слово.

— Ты боишься забеременеть, — предположил я.

— Нет! — нетерпеливо воскликнула Кэрол. — Я все об этом знаю.

Глядя на нее, я с удивлением обнаружил, что она начинает раздражаться. А в нашем возрасте трудно контролировать эмоции, особенно раздражение.

— Я все это время не в облаках витала. Я все знаю о контрацепции.

— Хорошо, — кивнул я. — Но ты же понимаешь, Кэрол, что если барышня хранит девственность, она знает, почему так поступает.

— Я знаю!

— Прекрасно.

Ребята заинтересованно смотрели на Кэрол.

— Потому что...

Молчание. За окном слышались свистки полицейских.

— Потому что...

Она оглянулась по сторонам. Несколько девушек быстро опустили глаза. Интересно, подумал я, а сколько всего девственниц в нашей компании?

— И вы все, — закричала Кэрол, — перестаньте на меня так смотреть! Я не просила на меня пялиться! Я не собираюсь ничего говорить! Я вовсе этого не должна!

Она злобно взглянула на меня.

— Люди чего-то от тебя хотят. Всегда. Они стремятся подавить тебя, как сказал Пиг Пэн. Они хотели бы опустить тебя до своего уровня и измазать грязью. Посмотри, что они делают с тобой, Чарли.

По-моему, ничего особенного они до сих пор не сделали, но я не стал возражать Кэрол. Она продолжала:

— В прошлом году, незадолго до рождества, я гуляла по Конгресс-стрит в Портленде. Со мной была Донна Тейлор. Мы покупали рождественские подарки. Я нашла чудный шарф для сестры, мы болтали, смеялись, все было очень мило. Было около четырех часов, начинало темнеть, шел крупный снег. Витрины магазинов горели разноцветными огнями, все было украшено гирляндами, а по улице вдалеке шел Санта Клаус с мешком. Он звенел колокольчиком. Я думала о том, как приду домой и выпью чашечку горячего шоколада. И настроение у меня было самое что ни на есть рождественское. А потом... Машина, проезжавшая мимо нас, притормозила и какой-то тип, бывший за рулем, высунулся в окошко и крикнул: «Эй, дырки!»

Энн Лески подпрыгнула на месте. Это слово из уст Кэрол действительно прозвучало шокирующе.

— Вот так, — подытожила Кэрол. — Тут же весь вечер был испорчен. Все разрушилось. Это как если бы вы собирались съесть яблоко, спелое, вкусное, а оно оказа-

лось бы все изъедено внутри червями. «Эй, дырки», сказал он. Как будто ты уже не человек, а...

Рот ее искривился.

— Вот почему я говорю, что это значит быть незаурядной. Они хотят сделать тебя вещью и набить твою голову всякой дрянью. Только и всего.

Сандра Кросс слушала этот рассказ, прикрыв глаза, будто дремала.

— Знаешь... — медленно произнесла она. — Знаешь, это все так забавно... Мне кажется...

Я хотел подскочить к ней и сказать, чтобы она немедленно замолчала, чтобы она не принимала участие в этом гнусном представлении. Я хотел сделать это, но не мог. Понимаете, не мог. Я должен был продолжать игру по мной же установленным правилам.

— Иногда я чувствую себя... Как бы это сказать... Опустошенной.

Кэрол внимательно посмотрела на нее:

— Ты действительно...

— Да.

Сандра задумчиво посмотрела на разбитые окна.

— Я... Понимаете, хочется принимать участие в жизни. Увлечься чем-нибудь... Ну, политика, общественная жизнь... В прошлом семестре я была на студенческой конференции... Но это все так нереально, так далеко. Скучно все это. И нечем, решительно нечем заинтересоваться. И вот я позволила Теду сделать это со мной.

Я смотрел на Теда. Лицо его абсолютно ничего не выражало. У меня потемнело в глазах, комок подступил к горлу.

— Это было не слишком захватывающе, — продолжала Сандра. — Не знаю, почему вокруг этого поднимают столько шума. Как будто...

Тут она встретилась взглядом со мной, глаза ее расширились, но я едва замечал ее сейчас. Зато я видел Теда, и очень ясно видел. В навалившейся на меня темноте его лицо выделялось светящимся пятном, словно окруженное сияющей аурой.

Я сжал пистолет и медленно начал поднимать его.

Я чувствовал, что какие-то силы толкают меня на этот поступок, чувствовал, что плохо владею собой.

Я застрелил бы его. Но они опередили меня.

Глава 24

Тогда я не понимал, что произошло, и лишь впоследствии узнал об этом.

Они привезли лучшего снайпера в штате, полицейского по имени Дэниэл Малверн. Его фотография после всех событий была напечатана в «Левистон Сан». Маленький тщедушный человечек, похожий на бухгалтера. Ему вручили огромный маузер с телескопическим прицелом. Дэниэл Малверн опробовал оружие в карьере, находящемся в нескольких милях отсюда, затем вернулся, выбрал удобную позицию за машинами, стоящими на лужайке, и принялся ждать удобного момента. В линзах телескопического прицела я был, наверное, огромным как бульдозер. Оконные стекла были разбиты моими выстрелами, и ничто не мешало снайперу хорошо прицелиться. В общем, задача была несложной. Просто Дэниэл Малверн оказался в нужном месте в нужное время. И он постарался не упустить свой шанс. Он выстрелил в меня. Зло наказано, справедливость восторжествовала. Мои внутренности должны были разлететься по комнате. Когда я приподнялся над столом, намереваясь пустить пулю в лоб Теду, Дэниэл нажал на курок. Прицелился он превосходно, и пуля попала как раз в нагрудный карман, за которым пока еще билось мое сердце.

Там и натолкнулась она на стальной замок «Тайтус».

Глава 25

Все это я узнал позже. А тогда я, все еще сжимая в руках пистолет, вдруг непонятно почему отлетел к доске, больно ударившись спиной о выступ для мела, затем упал на пол. Мне казалось, что началось светопреставление. Жуткая боль в груди перехватила мне дыхание, перед глазами поплыли разноцветные пятна.

Ирма Бейтц закричала. Она закрыла глаза, сцепила пальцы, лицо ее покрылось красными пятнами. Крик доносился как бы издалека, из туннеля, он казался мне нереальным.

Тед Джонс вскочил с места и направился к двери. Движения его выглядели неестественными, словно передо мной прокручивали киноплёнку, голос его тоже показался мне странным, далеким и слишком замедленным:

— Они подстрелили сукиного сына! Они его...

— Сядь на место.

Тед не слышал меня, и не удивительно. Я сам себя не слышал. В легких было недостаточно воздуха, чтобы я мог нормально говорить. Он взялся уже за дверную ручку, когда я выстрелил. Пуля ударила о косяк рядом с головой Теда, он остановился и медленно повернулся ко мне. На лице его одна за другой сменялись разнообразные эмоции: угасающая надежда, удивление, ненависть.

— Не может быть... Ты...

— Сядь.

На этот раз вышло лучше. Через несколько секунд я смог подняться и сесть на полу. Голова гудела.

— Перестань кричать, Ирма.

— Тебя убили, Чарли, — спокойно сообщила Грейс Стэннор.

Я выглянул в окно. Копы бежали к зданию. Я выстрелил пару раз и сделал глубокий вдох. Боль в грудной клетке, казалось, могла разорвать меня на части.

— Все назад! Или я стреляю!

Франк Филбрек остановился и посмотрел на меня безумными глазами. Он, наверное, был бы менее удивлен, услышав глас Божий. Он явно не понимал, что происходит, и я выстрелил еще раз в воздух. Спустя пару секунд Филбрек пришел в себя и заорал:

— Все назад! Назад, ради Бога!

Копы выполнили его приказ даже быстрее, чем можно было ожидать.

Тед Джонс медленно приближался ко мне. Нет, этот человек все больше напоминал мне плод больного воображения.

— Может, ты все же хочешь получить свою пулю? — поинтересовался я.

Он остановился, но лицо его было искажено все той же гримасой ненависти.

— Ты мертв, — прошипел он. — Ложись, тебя же убили, черт возьми.

— Сядь на место, Тед.

Боль в левой половине грудной клетки начинала меня всерьез пугать. Это было невозможно выносить. Такое ощущение, будто меня обработали отбойным молотком. Ребята смотрели на меня, в глазах их был ужас. Я боялся, если честно, опустить глаза на свою грудь, боялся увидеть расплзающиеся пятна крови. Часы показывали десять пятьдесят пять.

— ДЕKKEP!

— Присядь, Тед.

Рот его искривился. Мне неожиданно вспомнился дохлый пес, которого я видел в детстве на улице. Это

зрелище произвело на меня в то время большое впечатление. У него был похожий оскал. Тед постоял еще некоторое время, затем медленно сел.

— ДЕККЕР! МИСТЕР ДЕНВЕР СЕЙЧАС ЗАЙДЕТ В ШКОЛУ!

Голос Филбрека в громкоговорителе звучал не слишком уверенно, будто этот человек еще не пришел в себя после пережитого потрясения. Еще час назад этот факт позабавил бы меня, но сейчас я ничего не ощущал.

— ОН ХОЧЕТ С ТОБОЙ ПОГОВОРИТЬ!

Том вышел из-за одной из полицейских машин и медленно двинулся к школе через лужайку. Он шел неуверенно, как будто каждую секунду мог быть убит, и выглядел он лет на десять старше. Но и это не вызывало у меня никаких эмоций.

Некоторое время я выжидал, пока утихнет боль, затем поднялся на ноги. Я едва не упал, пришлось схватиться за край парты.

— О, Чарли...

В голосе Сильвии звучало сочувствие.

Я медленно опустил пистолет на стол, дулом к ребятам, затем решил наконец осмотреть свое тело.

Я был в голубой рубашке в тот день, и вот сейчас я ожидал увидеть на ней бурые пятна крови, но ничего этого не было. Была огромная дыра в левом нагрудном кармане и вокруг нее еще несколько мелких дырочек. Я залез в карман и вытащил замок, который незадолго до этого вынул из мусорной корзины и зачем-то взял себе. Я достал замок и положил на стол. Весь класс ахнул, как будто я был фокусником в цирке и перепилил барышню пополам или же вытащил из ноздри Пэна стодолларовую бумажку. Никто не спросил, почему это я таскаю в кармане замок. Я был счастлив. Тед злобно глядел на замок, и меня начало это бесить. Не помешало бы заставить этого типа съесть старый добрый «Тайтус» на обед.

Звонок внутренней связи.

— Чарли?

— Минуточку, Том. Не мешай мне.

— Чарли, ты должен...

— Закрой свой рот.

Я расстегнул рубашку, и класс ахнул еще раз. На коже был точный отпечаток замка пурпурного цвета. Зрелище не из приятных. Меня начинало тошнить, и я застегнул рубашку.

— Том, эти ублюдки пытались пристрелить меня.

— Они хотели...

— Не надо рассказывать мне, что они хотели! — крикнул я. Истеричность моего тона меня слегка обеспокоила.

— Уноси отсюда свою задницу и скажи этому недоумку Филбреку, что здесь будет море крови, понятно?

— Чарли...

— Помолчи, Том. Здесь я устанавливаю правила игры. Не ты, не Филбрек, не Господь Бог. Понятно?

— Чарли, дай мне объяснить.

— Тебе понятно, я спрашиваю?

— Да, но...

— Прекрасно. Тогда возвращайся и передай им мои слова, Том. Скажи, что я не хотел бы видеть ни Филбрека, ни кого-либо еще на протяжении следующего часа. Чтобы никто не заходил в это долбаное здание, и не пытался разговаривать со мной по этому долбаному радио, и не старался всадить в меня пулю. В двенадцать я буду разговаривать с Филбреком. Ты все запомнил, Том?

— Да, Чарли. Хорошо.

Он был абсолютно потерян и чувствовал себя не в своей тарелке.

— Они только просили меня передать тебе, Чарли, что произошла ошибка. Чье-то ружье случайно выстрелило и...

— Еще одна вещь, Том. Это очень важно.

— Что?

— Тебе следовало бы знать, с кем ты связываешься, Том. Я давал Филбреку возможность лично общаться со

мной, но он поберег свою задницу. Он предпочел подождать тебя. Взгляни на вещи реально, Том. Кто тебя окружает.

— Чарли, ты хоть понимаешь, какую идиотскую ситуацию ты создал?

— Выходи отсюда, Том.

Связь отключилась. Мы наблюдали, как Том выходит из дверей и медленно движется к полицейским машинам. Филбрек положил ему руку на плечо, но Том ее сбросил. Многие ребята улыбнулись при виде этой сцены. Но я уже не улыбался. Единственное, чего я хотел — лежать дома в кровати. И чтобы все это мне только снилось.

Сандра сидела с отсутствующим видом, погруженная в свои мысли.

— Ты собиралась рассказать нам о своем романе с Тедом, — напомнил ей я.

— Не говори ничего, Сандра, — перебил меня Тед и бросил на меня мрачный взгляд. — Он хочет всех нас измазать своей грязью. Сделать такими же придурками, как он сам. Не позволяй себя в это втягивать.

Сандра улыбалась. Она выглядела неотразимой, когда улыбалась как ребенок. Мне стало грустно. Было ли это чувство сожаления о придуманной чистоте, я не знаю. Что-то неуловимое, что я не могу выразить словами.

— Но я хочу продолжать. Почему бы и нет?

Было одиннадцать часов. Возня за окнами прекратилась. Я знал, что Филбрек предоставит мне мой час. Боль в груди постепенно утихала. Оставалось только какое-то странное ощущение в голове, словно мозги выворачивались наизнанку. Я постепенно начинал понимать, что сегодня имею дело только с одним настоящим заложником, и это Тед Джонс.

— Да, мы сделали это.

Сандра водила ногтем по парте и внимательно рассматривала остающийся след. Она слегка наклонила голову, и я видел, что волосы у нее зачесаны на пробор. Косой пробор, как у мальчика.

— Тед пригласил меня на танцы, я согласилась.

Она взглянула на меня.

— А ты никогда не звал меня на танцы, Чарли.

Все было так странно. Мне не верилось, что десять минут назад пуля ударила о замок в моем кармане. Мне хотелось спросить кого-нибудь, не снилось ли мне все это.

— Мы пошли на танцы, а потом в «Гавайян Хат». Тед знает хозяина этого заведения. И нам предложили там коктейли. Как взрослым.

Сложно было сказать, есть ли ирония в ее словах, или же это она серьезно.

Лицо Теда абсолютно ничего не выражало, но остальные смотрели на него с недоумением, как на диковинное насекомое. Живой человек, который знает хозяина этого заведения. Вот он сидит среди них.

— Я не думала, что мне понравится, потому что все говорят, что сперва ликеры отвратительны на вкус, но мне понравилось сразу. Джин слегка ударил мне по мозгам. А еще в стакане была соломинка, и я понятия не имела, нужно ли пить через нее или только размешивать, пока Тед не просветил меня. Все было замечательно. Тед рассказывал, как он играл в гольф, и обещал в следующий раз взять меня с собой, если я захочу. Он не был навязчив. Он поцеловал меня на прощание, совершенно не придавая этому значения. Некоторые ребята выглядят очень жалко, когда они всю дорогу думают, стоит ли поцеловать девушку на прощание или нет, и никак не могут решиться. Иногда я целую таких мальчиков первая, чтобы избавить их от этих страданий.

Я вспомнил, как мы с Сэнди однажды возвращались вместе с вечеринки. Всю дорогу я раздумывал, удобно ли будет поцеловать ее на прощание и наверняка выглядел при этом жалким. Поцеловать ее я так и не решился.

— После этого мы еще три раза проводили время вместе. Тед был очень мил. Он всегда знал, о чем стоит говорить, всегда умел развеселить, рассказать что-ни-

будь интересное. Но никакой пошлости и всех этих грязных шуточек... Потом некоторое время мы не встречались и не выезжали вместе. Однажды он спросил меня, не хочу ли я отправиться с ним на роликовый каток в Левистоне.

Я часто думал о том, что стоило бы пригласить Сэнди на танцы, но не мог набраться смелости. Джо, для которого это не составляет проблемы, спросил меня однажды, почему я до сих пор Сандру никуда не пригласил. Я разозлился и посоветовал ему отстать от меня. В итоге дело закончилось тем, что я позвонил ей. Но после того, как сняли трубку, бросил телефон и побежал в ванную. Я уже упоминал о своем скверном желудке.

— Мы славно проводили время на катке, когда началась драка посреди зала. Ребята из Харлоу против ребят из Левистона или что-то в этом роде. Некоторые дрались прямо в коньках, другие сняли их. Хозяин вышел и сказал, что если они сейчас же не прекратят, он закроет каток. Но потасовка продолжалась. Люди разбивали друг другу носы, падали, снова поднимались и выкрикивали всякие гадости, не заглушаемые даже включенной на полную громкость музыкой. Кажется, «Роллинг Стоунз».

Сандра остановилась на минуту, затем продолжала:

— Мы с Тедом были в углу катка, недалеко от музыкальной установки. Мимо проезжал какой-то патлатый парнишка, он расхохотался и прокричал Теду: «Трахни ее, парень, пока я тебя не опередил!» Тед тут же догнал его и дал по физиономии. Этот тип полетел в середину площадки, в самую толпу дерущихся. Тед усмехался. Наверное, это единственный раз, когда я видела на его лице такую довольную улыбку. Он сказал мне: «Я сейчас, подожди» и через всю площадку отправился к тому парню, который только вставал на ноги. Тед сгреб его в охапку и стал бить его, придерживая за жакет, который трещал по швам, и наконец порвался окончательно. И этот парень кричал: «Ты порвал мой лучший пиджак, скотина, я убью тебя!» Тед сбил его с ног, отбросил обрывок жакета,

который оставался у него в руках, подошел ко мне, и мы ушли с катка. Мы поехали в карьер, который находится по дороге в Лост Вэлей. Там все и произошло. На заднем сиденьи его машины.

Она провела на парте очередную бороздку.

— Я думала, что должно быть больно. Все так говорят. Но ничего подобного не было, на самом деле это приятно.

Она говорила так, будто обсуждала вчерашний телефильм.

— Хотя Тед не использовал всех тех вещей, о которых он говорил, ничего дурного не произошло. Я не залетела, вообще ничего не случилось.

Красная краска постепенно охватывала шею и лицо Теда. Однако он сохранял безразличный вид.

— Потом он извинялся за свою неосторожность. Я была обеспокоена, хотя и не слишком. Он говорил, что женится на мне, если что. И выглядел сильно озадаченным. Я посоветовала: «Не будем об этом раньше времени, не беспокойся, Тедди». А он сказал: «Не называй меня так, что еще за детское имя». Наверное, он и сам удивлялся тому, что между нами произошло. Но я не забеременела. Даже странно... Иногда я чувствую себя какой-то нереальной. И мир вокруг нереален. Я что-то делаю, расчесываю волосы, хожу на занятия, но все это как бы не всерьез. Вы понимаете, о чем я? Все это фальшиво. Иногда мне кажется, что стены моей комнаты рухнут, словно картонные декорации, а за ними обнаружатся режиссеры и постановщики, готовящие следующую сцену. И трава, и небо — все это будто нарисованное. Фальшивое.

Она взглянула на меня:

— Ты разве никогда не ощущал этого, Чарли?

Я подумал, прежде чем ответить:

— Нет, Сандра. Это никогда не приходило мне в голову.

— А у меня это почти никогда не выходит из головы. После того случая с Тедом это еще усилилось. Я думала,

что непременно должна забеременеть, потому что слышала, что это случается со всеми после первого раза. Я пыталась себе представить, как буду сообщать такую новость родителям. Отец будет в ярости и захочет узнать, кто этот сукин сын. А мама заплачет и скажет: «Я думала, мы вырастили тебя порядочной девушкой». Это было бы... Настоящее, реальное, понимаете? Но через некоторое время я уже не думала об этих вещах. Ничего не произошло. Я уже стала забывать, что это было за ощущение. Тогда я снова пошла на тот каток.

В комнате стояла гробовая тишина. Миссис Андервуд никогда, даже в мечтах, представить себе не могла такую тишину и такое внимание всей аудитории к рассказчику.

— Меня подцепил тот самый парень, с которым подался Тед. Я специально позволила ему это сделать. Я одела свою самую короткую юбку, голубую, и тонкую блузку. Через некоторое время мы ушли с катка. И это было реальным. Это не было разукрашенной фальшивкой. Он не ломал комедии, ничего не строил из себя... Вообще, я ничего о нем не знала. Возможно, он был маньяк. Или наркоман. Может, у него был нож в кармане... Я чувствовала себя живой, понимаете, живой и настоящей.

Тед глядел на Сандру широко раскрытыми глазами. Вся сцена выглядела как отрывок кошмарного сна.

— Была суббота, громко играла музыка. На стоянке автомобилей, куда мы пришли, музыка с катка была слышна, но уже тише. С задворок роликовый каток смотрится не так заманчиво: всюду валяются пустые коробки, бутылки из-под колы, но эта картина тоже меня возбуждала. Он тяжело дышал и сжимал мою руку так, как будто боялся, что я убегу. Он...

Тед будто поперхнулся. Мне было странно, что кто-то может быть затронут до такой степени происшествием иным, чем смерть родителей. Это вызывало у меня уважение.

— У него была старая черная машина, и мне вспомнилось, как в детстве мама говорила : «Если незнакомые

мужчины предлагают тебе сесть в машину, ни в коем случае не соглашайся!» И это меня тоже возбуждало. А что, если он украдет меня, думала я. Он открыл дверцу, мы влезли внутрь, и там он начал целовать меня. У него были жирные губы, он ел перед этим пиццу. Там, на катке, продавали пиццу по двадцать центов кусок. Он прижался ко мне, начал ощупывать, и я ощутила, как он размазывает остатки пиццы по моей блузке. Затем мы легли, я задрала юбку...

— Заткнись! — дико заорал Тед. Он стукнул кулаком по парте так, что многие подпрыгнули. — Ты не понимаешь, что такого не рассказывают при всем народе! Закрой свой рот или я его тебе закрою!

— Это ты заткнись, Тедди, или я выбью к чертям все твои зубы, — холодно произнес Дик Кин. — Ты уже получил свое, не правда ли?

Тед недоуменно уставился на него. Они часто совершали совместные выезды в свет на машине Теда, и их можно было вдвоем видеть в клубе Харлоу. Не знаю, останутся ли они теперь близкими приятелями. Сильно сомневаюсь.

— От него не слишком приятно пахло, — продолжала Сандра, как будто ничего не произошло. — Но он был таким большим. И тяжелым. Больше Теда. И у него было... Ну, эта штука... Такая огромная, что я боялась, что он мне что-нибудь повредит, хотя уже была не девственница. Еще я думала, что на стоянке нас может заметить полиция, они ведь прохаживаются там, чтобы следить за порядком. И от этой мысли у меня захватывало дух. И тут со мной начала происходить странная вещь. Я почувствовала такое удовольствие, даже до того, как он снял мне трусы. Я никогда не ощущала себя такой... настоящей. Что самое забавное, у него даже не получилось войти в меня. Он пробовал, я пыталась ему помочь, и все соскальзывало, и тут... Ну, вы понимаете. Он еще полежал на мне минуту и сказал: «Ты это специально подстроила, сучка». Вот и все.

Она встряхнула головой:

— Но это было реальным. Я до сих пор помню все до мельчайших подробностей: музыку, запах, звук расстегающей молнии, все.

Она улыбнулась задумчиво.

— А то, что происходит сейчас, может быть, даже лучше, Чарли.

Странное дело, я не мог понять, вызвал ли у меня этот рассказ неприятные эмоции или нет. Не думаю, хотя сложно сказать. Когда сворачиваешь с колеи, можно увидеть много интересного вокруг. «Интересно, как люди определяют, что они реальны», — прошептал я себе под нос.

— Что, Чарли?

— Ничего.

Я внимательно оглядел всех присутствующих. Они не были удрученными, никто из них. Я думал: «Как она могла рассказывать все это?» Но не видел подобного вопроса в глазах у кого-нибудь из ребят. Такие мысли могли быть у Филбрека. Или у старого доброго Тома. Но здесь... Пиг Пэн разглядывал свой карандаш. Сюзанн Брукс мило улыбалась. Дик Кин сидел с наполовину заинтересованным, наполовину отсутствующим выражением лица. Корки вертел головой. Грейси выглядела слегка удивленной, но не более. Ирме Бейтц, похоже, не было дела до этого всего. Наверное, она еще не отошла после того момента, как в меня выстрелили. Неужели эта жизнь взрослых настолько скучна, что рассказ Сандры произвел бы на них убийственный эффект? Или мои одноклассники такие странные и извращенные люди, что для них такое в порядке вещей? Мне не хотелось сейчас думать о вопросах морали, и я оставил эту тему.

Один Тед выглядел шокированным, но он не в счет.

— Я не знаю, что должно произойти, — обеспокоенно произнесла Кэрол Гренджер. — Я боюсь всех этих перемен. Мне нравится привычный ход событий, я не хочу, чтобы все вот так рушилось.

Что я мог на это ответить? События вышли из-под контроля. Было бессмысленно пытаться вернуть все в

привычное русло. Неожиданно мне стало смешно, все это слишком смахивало на шоу.

— Мне нужно в уборную, — неожиданно произнесла Ирма.

— Потерпи, — ответил я.

Сильвия засмеялась.

— Вернемся к нашей игре, — предложил я. — Я обещал рассказать вам о своей сексуальной жизни. Рассказывать особо нечего, разве что одна небольшая история, которую, возможно, вы найдете интересной.

И я начал свое повествование.

Глава 26

Летом прошлого года мы с Джо поехали на выходные в Бэнгор. Брат Джо подрабатывал там на каникулах. Питу МакКеннеди был двадцать один год, что мне тогда казалось глубокой старостью, и он специализировался на языках в университете.

Намечался великолепный уик-энд. Уже в пятницу вечером мы с Джо, Пит и пара его друзей как следует напились. Я напился первый раз в жизни, но никаких особых последствий наутро не было, даже голова не болела. Пит по субботам не работал, и с утра он повел нас осматривать окрестности. Было довольно безлюдно. Пит объяснил нам, что летом всегда так. Большинство студентов уезжает на озеро... А местечко было действительно чудное. Мы собирались уже возвращаться с прогулки, когда Пит увидел парня, шагающего к лодочной станции, и закричал:

— Скрэг! Эй, Скрэг!

Скрэг был громадным малым в вылинявших джинсах и голубой рубашке. Он курил ужасно выглядящую короткую черную сигару, которая воняла, как могло бы вонять только грязное тлеющее белье.

— Как жизнь? — спросил он.

— Нормально, — ответил Пит. — Это мой брат Джо и его приятель Чарли Деккер. Скрэг Симсон.

— Привет!

И Скрэг пожал нам руки. Затем, тут же забыв о нашем существовании, повернулся к Питу:

— А что ты делаешь сегодня ночью?
— Мы втроем собираемся в кино.
— Не делай этого, дитя мое. Мой тебе совет, — усмехнулся Скрэг.

— А ты можешь предложить что-нибудь получше? — спросил Пит, тоже усмехаясь.

— Дана Коллет устраивает сегодня вечеринку на базе, которую эти ребята снимают около Чудик-пойнт. Там будет сорок миллионов свободных девочек. Принеси травки.

— У Мюллера еще есть?

— Насколько я знаю, у него сейчас этого дела завались. Всех сортов.

Пит кивнул:

— Хорошо, мы будем, если ничего не произойдет.

Скрэг помахал рукой на прощание, бросил «До скорого!» и удалился.

Мы отправились к Джерри Мюллеру, который (по словам Пита) был главным поставщиком наркотиков во всей окрестности. Я, конечно, напустил на себя небрежный вид, будто каждый день только и делал, что общался с дельцами наркобизнеса. Но на самом деле я с трудом мог скрывать возбуждение и любопытство. Мне представлялось, что сейчас я увижу безумного обнаженного типа с венами, перетянутыми резиновым шнуром и огромным шприцем, торчащим прямо из руки. Или что-то в этом роде, не помню точно, но воображение мое рисовало самые потрясающие картины.

У Джерри был небольшой домик в Олд Тауне, рядом со студенческим городком. Олд Таун — типичный провинциальный город, среди достопримечательностей которого можно назвать разве что бумажную фабрику, лодочную мастерскую и настоящую индейскую резервацию неподалеку. Я видел этих индейцев. Почти все глядели на вас так, будто прикидывали, что лучше: сделать настоящее скальпирование или взамен повыщипывать вам волосы из задницы.

Джерри оказался невысоким парнем, постоянно улыбающимся, вполне нормально одетым, в здравом уме и

твердой памяти. Более того, вместо Рави Шанкара и его невообразимого ситара Джерри предпочитал слушать музыку «блю грасс». Когда я увидел альбомы «Гринбрайар Бойз», я спросил, не любит ли он «Тарр Бразерс». Мы тут же нашли общий язык. Джерри сворачивал косяк, болтая о музыке, Пит и Джо скучали.

— Держи, закуривай, — наконец сказал Джо, протянув свое творение Питу.

Пит поджег эту штуку, выглядящую почти как обыкновенная сигарета, только без фильтра и в более плотной бумаге. Пит глубоко затянулся, затем откинулся на спинку стула и передал косяк Джо. Я почувствовал странный запах, сладковатый, скорее приятный, чем отвратительный. Джо закашлялся. Джерри обернулся ко мне:

— Ты слышал когда-нибудь «Клинч Маунтин Бойз»?

Я отрицательно покачал головой:

— Нет, не приходилось.

— Послушай обязательно, это потрясающе.

Он поставил пластинку. Мне передали косяк.

— Ты обычные сигареты курил? — покровительственно спросил Джерри.

Я ответил, что не курю.

— Втягивай в себя дым медленно, осторожно, а то закашляешься, и весь кайф пропадет.

Я медленно затянулся, ощутив, как сухой'сладковатый дым заполняет мои легкие. Я задержал дыхание и, передав косяк Джерри, стал прислушиваться к музыке.

Полчаса спустя мы слушали «Флэт энд Скрагз». Мы выкурили еще два косяка к этому времени. Я собирался спросить, когда же эта трава наконец подействует, как вдруг понял, что слушая музыку, я отчетливо визуализирую струны банджо. Они казались мне яркими светящимися нитями, колеблющимися и подергивающимися в такт аккордам музыки. Образ становился ярче, когда я на нем концентрировался. Я попытался объяснить Джо, что я вижу, но Джо устался на меня как идиот, явно не понимая ни одного из произнесенных мною слов. Мы

рассмеялись. Пит внимательно разглядывал открытку с Ниагарским водопадом, висящую на стене.

Мы вышли от Джерри около пяти часов, и я чувствовал, что меня сильно пробрало. Пит купил травы, чтобы принести на вечеринку. Настроение было превосходное. Джерри стоял на пороге, махал нам рукой на прощанье и приглашал меня заходить еще послушать музыку.

Кажется, я был тогда на вершине блаженства.

Мы долго ехали по побережью. Слава Богу, у Пита не возникало проблем с координацией движений, и он спокойно вел машину. Но все трое были не в себе после травки, и любые попытки о чем-нибудь разговаривать приводили к приступам неудержимого смеха. Помню, я спросил Пита, как выглядит Дана, к которой мы едем, и он неожиданно злобно на меня взглянул. Это показалось мне настолько забавным, что я хохотал до боли в желудке. В голове моей по-прежнему раздавались звуки банджо.

Пит был здесь прошлый раз весной, он плохо помнил дорогу, и мы пропустили поворот, так что пришлось возвращаться. Мы ехали последние несколько миль по узкой гравийной дороге. Уже здесь была слышна громкая музыка, и стояло такое количество припаркованных автомобилей, что мы вынуждены были вскоре остановиться, найти место для нашей машины и идти пешком.

Я начинал понемногу приходить в себя. В голову лезли неприятные мысли о том, каким молодым и глупым я покажусь ребятам из колледжа. Я решил держаться Джо, побольше молчать и делать безразличное лицо.

Как только мы вошли в помещение, в нос мне ударил запах марихуаны, винных паров и потных тел. Вокруг было множество парней и девушек, и каждый был либо пьян, либо накурен, либо то и другое вместе. Громко звучала рок-музыка, и цветные огни прыгали по стенам, красные и синие. Люди подходили друг к другу, разговаривали, смеялись. Откуда-то появился Скрэг и стал махать нам рукой.

— Пит! — воскликнул кто-то прямо у меня над ухом. Я обернулся и едва не проглотил язык.

Передо мной была невысокая девушка, очень симпатичная. Волосы ее были обесцвечены. На ней было самое короткое платье, которое я когда-либо видел в своей жизни. Яркая оранжевая ткань переливалась и блестела.

— Привет, Дана! — прокричал Пит. — Это мой брат Джо и его приятель Чарли Деккер.

Дана поприветствовала нас.

— Не правда ли, крутая у меня вечеринка? — обратилась она ко мне. Когда она двигалась и поворачивалась, из-под платья выглядывали трусики.

Я подтвердил, что вечеринка великолепна.

— Ты принес что-нибудь, Пит?

Пит усмехнулся и вытащил из кармана спичечный коробок с травой. У Даны загорелись глаза. Она стояла так близко ко мне, что я чувствовал тепло ее тела. Возбуждение мое нарастало.

— Пойдемте, покурим, — предложила она.

Мы нашли укромное местечко в углу за одной из колонок, и Дана достала лист плотной бумаги с книжной полки, на которой были книги Гессе, Толкиена и кипа журналов «Ридерз Дайджест». Мы забили косяк и пустили его по кругу. Я чувствовал себя великолепно, голова моя была словно воздушный шар, наполненный гелием. К нам постоянно подходил народ, не прекращались знакомства и рукопожатия. Все имена я, конечно, тут же забывал. Но ситуация нравилась мне тем, что Дана все время вскакивала с места, чтобы обнять какого-нибудь своего приятеля или подругу, и тогда я мог отчетливо видеть ее самые интимные места сквозь прозрачные нейлоновые трусики. Народ вокруг разговаривал о Микеланджело, Курте Воннегута и последних новинках рока. Какая-то девушка спросила меня, читал ли я Сюзанн Браунмиллер. Я ответил, что не читал. Она стала горячо убеждать меня, что это потрясающе, это убийственно. Я смотрел на картинку, висящую на стене. На ней был изображен

парень у телевизора с огромной дебильной улыбкой и вылазящими на лоб глазами. Надпись внизу гласила: «Черт! И как это я так накурился!»

Я смотрел на Дану. Она то скрещивала ноги, то вновь раздвигала колени. Несколько темных волосинок торчали из-под трусов. Я никогда не чувствовал себя таким возбужденным. Не знаю, повторится ли это когда-нибудь еще. Я был вне себя, и всерьез уже начинал беспокоиться, не лопнут ли на мне штаны.

Дана разговаривала с Питом и с каким-то типом, которого, кажется, не представили. И вдруг, совершенно неожиданно, она повернулась ко мне, и желудок мой сжался в комок. Она наклонилась к моему уху, обдав его горячим дыханием, и прошептала:

— Сейчас выйдешь через заднюю дверь. Вот туда. — Она показала пальцем.

В это было невозможно поверить. Как во сне я смотрел на дверь. Она была реальна. Дана тихонько рассмеялась и прошептала:

— Весь вечер ты заглядываешь мне под платье. К чему бы это?

И прежде чем я успел что-нибудь сказать, она поцеловала меня в щеку и слегка подтолкнула к двери.

Я встал и оглянулся в поисках Джо, но его нигде не было. Ноги мои затекли от долгого сидения, и мне захотелось пройтись по комнате, размять их. Еще мне хотелось прокричать на всю комнату, что я не в своем уме. А еще — прикрыть чем-нибудь огромную выпуклость ниже пояса, чтобы никто не догадался о моем истинном состоянии.

Но ничего этого я не сделал, а просто пошел к двери.

Это был выход на пляж. Вниз вели ступеньки, я едва не упал и вынужден был передвигаться медленно, старательно держась за перила. Музыка здесь была едва слышна, ее заглушал шум волн, бьющихся о берег.

Дул легкий прохладный ветерок. Прямо передо мной простирался Атлантический океан, и луна отбрасывала серебряные блики на темную водную гладь. Пейзаж был

великолепен, и на секунду мне показалось, что я нахожусь на картине, на черно-белой открытке. Домик с музыкой, людьми, марихуаной казался далеким сном. Вдали слева различался силуэт какого-то островка. Наверное, на всем побережье сейчас не было никого. Только легкий ветерок, ритмичный звук набегающих волн, только я и океан...

Не знаю, как долго длилось мое ожидание. Часов у меня не было, и я был еще под воздействием травы, так что понятия не имел о времени. Я чувствовал, как меня захватывает и поглощает тихая печаль. Не знаю, то ли сплетение теней деревьев на песке, то ли шум ветра, то ли легкий холодок, но что-то сильно подействовало на меня. Может быть, безмерность океана. Но факт остается фактом, настроение мое сильно изменилось. И еще... Проще говоря, у меня пропала эрекция. Полностью пропала к тому времени, как рука Даны легла на мое плечо.

Она повернула меня к себе и поцеловала. Я ощущал ее нежную кожу, тепло ее бедер, но уже не мог возбуждаться.

— Я видела, как ты на меня смотришь. Ты такой милый. Все будет хорошо, да?

— Я попытаюсь, — ответил я, ощущая себя полным кретином. Я притронулся к ее груди, погладил шею. Бесполезно.

— Только не говори Питу, он убьет меня, — произнесла Дана.

Она взяла меня за руку, и мы отошли на несколько шагов вверх, к соснам. Трава блестела в лунном свете. Тело Даны казалось неестественно прекрасным, словно сошедшим с фламандских полотен, когда она снимала платье..

— Это так чудно, — произнесла она, и по голосу я понял, что она возбуждена.

Она подошла ко мне и, пока я расстегивал негнушимися пальцами пуговицы рубашки, запустила руки в ширинку. Я сжался от страха: никакого возбуждения, никаких при-

знаков эрекции. Сейчас она обманется в своих ожиданиях. Рука ее казалась мне словно неживой, прохладной, она не вызывала у меня никаких эмоций.

— Давай, — шептала она, — ну что же ты.

Я пытался подумать о чем-нибудь сексуальном. Вспомнил, как я смотрел однажды под платье Дарлин Эндрайсен, и она, кажется, знала это и позволяла мне смотреть. О французских порнографических открытках. Я представил себе Сандру Кросс в сексуальнейшем черном белье, и уже было появилась надежда, но тут... Это было сильнее меня. Ни с того ни с сего в памяти моей всплыл отец со своим рассказом об обычаях ирокезов.

(— О каких таких обычаях? — недоуменно спросил Корки. Я рассказал ему, что ирокезы делают с женщинами.)

Это меня добило. Теперь все попытки были бесполезны. Абсолютно ничего. И снова. И снова. Я уже лежал на ней, сбросив и джинсы, и трусы. Ощущал ее гибкое трепещущее тело. Я взялся рукой за свой член, словно спрашивая его, что случилось, и отчего он вдруг решил меня опозорить. Но ответа не последовало.

Я коснулся рукой ее лобка, затем провел пальцем по клитору. «Вот то самое место, о котором люди, подобные моему отцу, ведут бесконечные разговоры и отпускают шутки. И я должен сейчас... Должен...»

— Ну что же ты... — шептала Дана. — Давай, что ты медлишь, что случилось?

Я честно пытался. Но результатов никаких. И все это время мягкий звук волн звучал у меня в ушах, поглощал мое внимание.

Наконец я откатился от нее и неожиданно громко произнес:

— Извини.

Она вздохнула:

— Ничего, это бывает со всеми.

— Но не со мной, — ответил я, как будто это была первая неудача на десятки тысяч грандиозных сексуальных подвигов, когда орудие мое работало безотказно. Я

чувствовал себя разбитым и опустошенным. Наверное, я извращенец. Эта мысль бросила меня в холодный пот. Я читал, что вовсе необязательно иметь гомосексуальные контакты или что-нибудь вроде этого, просто если ты извращенец, то однажды это всплывет и как-нибудь проявится.

— Все нормально, не расстраивайся, — сказала Дана.

— Мне правда очень жаль.

Она улыбнулась, но мне ее улыбка показалась неестественной. Я обеспокоился и несколько мгновений внимательно присматривался к Дане. Хотелось верить, что она улыбалась не затем, чтобы успокоить меня.

— Это трава, — продолжала Дана. — Могу спорить, что когда ты отойдешь после травы, у тебя все будет о'кей. Ты чудный парень.

— Черт возьми.

— Сейчас я вернусь к своим. Подожди некоторое время, прежде чем подняться туда.

Мне хотелось попросить ее остаться, позволить мне еще одну попытку, но я понимал, что обречен на неудачу. Дана одела платье, застегнулась и пошла по ступеням. Я остался один. Низко нависшая луна заглядывала мне в лицо, будто интересуясь, стану ли я плакать. Но я не собирался. Я собрал разбросанную одежду, отряхнул ее от песка и травы, оделся и пошел в дом. Пита и Даны не было. Джо уже успел подцепить чудную девчонку, и теперь они сидели в уголке, обнявшись. Я сел в другом углу и стал ждать, пока закончится вечеринка.

Наконец мы втроем сели в машину и отправились домой. Уже светало, первые лучи восходящего солнца окрашивали нежно-розовым облака. Мы молчали. Я не чувствовал в себе сил что-либо рассказывать. Сегодняшний вечер был слишком богат впечатлениями, и не самого приятного свойства. Я смертельно устал.

Как только мы вошли в комнату, я упал на постель. Последнее, что я заметил, это солнечные лучи, пробивающиеся сквозь пыльные стекла и отбрасывающие блики на подушку. Я отключился.

Это был кошмарный сон. Тени на стене, страх... Почти как тогда, в детстве. Но на этот раз пугающий звук приближался к моей двери. И вот она отворилась. Медленно, со скрипом.

На пороге был отец. В руках он держал маму. Нос ее был разрезан, из раны текла кровь.

— Ты хочешь ее? — спросил отец. — Возьми ее, держи.

Он бросил маму на кровать ко мне. Я увидел, что она мертва, в ужасе закричал... И проснулся. С эрекцией.

Глава 27

Все молчали. Даже Сюзанн Брукс не сказала ни слова. Я почувствовал усталость. Кое-кто выглядывал за окно, но там не было ничего интересного. Ничего не изменилось за этот час. Я подумал, что история Сандры была интереснее.

Тед Джонс смотрел на меня с презрением. Правда, я полагаю, что теперь он скрывал за ним ненависть, и это слегка льстило мне. Сандра Кросс погрузилась в свои мечты. Пэт Фитцджеральд из куска валяющейся в классе бумаги для контрольных соорудил реактивный самолет.

Неожиданно Ирма Бейтц вызывающе поглядела на меня:

— Мне нужно в уборную!

Я вздохнул.

— Что ж, иди.

Казалось, она мне не верит. Дон Лорди хихикнул. Ирма произнесла:

— А ты в меня выстрелишь.

— Так ты собираешься в сортир или нет?

Она нахмурилась.

— Я потерплю.

Я надул щеки. Манера, которую я перенял от папочки.

— Хорошо, можешь идти, можешь терпеть, главное, не сделай лужу посреди класса. Это было бы неуместно.

Сара Пастерн, казалось, была шокирована этими словами.

Как будто нарочно, чтобы разозлить меня, Ирма встала и подошла к двери. Одно было приятно: теперь Тед глазел на нее, а не на меня. Ирма остановилась, взявшись за ручку, как бы раздумывая. Она обернулась:

— Ты будешь в меня стрелять?

— Ты собираешься идти в сортир или нет? — ответил я вопросом на вопрос. Я понятия не имел, буду ли стрелять. Меня слегка расстроило то, что история Сандры произвела больший эффект, чем моя, и я думал сейчас не об Ирме. У меня было странное ощущение, что вовсе не я держу в заложниках ребят, а дело обстоит как-нибудь иначе. Например, все мы держим в заложниках Теда Джонса.

Возможно, стоило выстрелить. Терять было нечего. Возможно, этот жест поможет мне избавиться от ощущения, что сейчас я проснусь. Или окажусь в другом кошмарном сне.

Ирма открыла дверь и вышла, тщательно прикрыв ее за собой. Ее шаги послышались в коридоре. Ровные спокойные шаги, не ускоряющиеся, не переходящие в бег.

Я почувствовал странное облегчение. Чувство, источник которого сложно объяснить.

Шаги затихли.

Тишина. Я ждал, что кто-нибудь еще захочет в уборную. Или что сейчас Ирма выбежит из школьных дверей с безумным лицом, которое тут же попадет на первые страницы всех газет. Но ничего не происходило.

Пэт Фитцджеральд шуршал крыльями своего самолета. Судя по звуку, это действительно был реактивный самолет.

— Выбрось к чертям эту штуку, — раздраженно произнес Билли Сойер, — и что за глупость делать самолетики из казенной бумаги.

Пэт не обернулся, и он явно не собирался выбрасывать чертову штуку. Билли больше ничего не сказал.

Новые шаги, теперь они приближались к нам.

Я поднял пистолет и направил его на дверь. Тед ухмылялся. Я видел на его лице отпечаток всех этих

летних развлечений, дорогих клубов, шикарных машин и девочек, а также представление о своей правоте и бесконечную самоуверенность... Неожиданно я понял, что именно такое лицо и должно быть у настоящего делового человека, у акулы бизнеса. Он напоминал мне сейчас моего отца. Что-то было в них общее. Ледяное спокойствие, отстраненность, как у олимпийских богов. Но я слишком устал, чтобы играть роль Самсона. Я не хочу и не могу больше свергать идолов.

Глаза его были ясны. Это взгляд человека, знающего, чего он хочет. Взгляд человека, уверенного в своей непогрешимости, взгляд политика.

Еще пять минут назад звук шагов не испугал бы меня до такой степени. Пять минут назад я, наверное, положил бы пистолет на стол и шагнул бы навстречу неизвестности. Теперь меня волновал звук сам по себе, а также мысль о том, что это может быть Филбрек, решивший вдруг согласиться на мои условия.

Тед продолжал зловеще ухмыляться.

Кто-то подошел к двери. Класс замер. Пэт перестал шуршать своим самолетиком. Дик Кин открыл рот, и я вдруг подумал, что он похож на своего брата Флэппера, который сейчас в тюрьме города Томастона работает механиком в прачечной.

За матовым стеклом двери возникла неопределенной формы тень. Я крепче сжал пистолет. Ребята наблюдали за мной, затаив дыхание, будто они смотрят кульминационную сцену в фильме о Джеймсе Бонде.

Дверь медленно открылась, и вошла Ирма Бейтц. Она огляделась, явно недовольная таким вниманием к своей скромной персоне. Джордж Янек захихикал и сказал:

— Смотрите, кто к нам пришел.

Но никто больше не засмеялся, все продолжали рассматривать Ирму:

— Что вы на меня уставились? — недовольно произнесла она. — Все мы иногда ходим в туалет, не так ли?

Она захлопнула дверь и прошла на свое место.

Было почти двенадцать.

Глава 28

В двенадцать раздался звонок внутренней связи. Это был капитан Филбрек, воплощенная пунктуальность. На этот раз он почему-то не сопел и не пыхтел. Последовал моему совету изменить манеру разговаривать или просто решил не раздражать меня. Странные вещи происходят на свете, видит Бог.

— Деккер?

— Да, это я.

— Послушай, этот выстрел час назад был совершенно случайным. Тут один тип из Левистона...

— Не стоит об этом, Франк. Ты ставишь в неловкое положение меня и себя, и ты считаешь людей, которые видели, как все было на самом деле, полными идиотами. Не надо лишней суеты, лучше ничего не говори.

Пауза. Наверное, он собирается с мыслями.

— О'кей. Чего ты хочешь?

— Почти ничего. Все ребята выйдут отсюда ровно в час дня. В точности, — я взглянул на часы, — через пятьдесят семь минут. Вот и все. Я обещаю.

— А почему не сейчас?

Я оглядел класс. В воздухе висело напряженное молчание и казалось, что невидимая связь возникла между нами, будто мы заключили договор, подписанный кровью.

— Дело в том, что у нас с ребятами есть еще одно невыполненное дело. Надо все довести до конца.

— Ты о чем?

— Тебя это никак не касается, Франк. Но мы все понимаем, о чем идет речь.

И действительно, я не встретил ни одного недоуменного взгляда, все все понимали. Тем лучше, будут сэкономлены силы и время. Я чувствовал себя очень уставшим.

— Слушай внимательно, Филбрек, чтобы не возникло никаких недоразумений, сейчас я скажу тебе, как начнется последний акт нашей маленькой комедии. В течение ближайших трех минут кто-нибудь опустит в классе шторы...

— Не вижу смысла, — резко произнес Филбрек.

Я глубоко вздохнул. Что за чудак!

— Когда до тебя наконец дойдет, старина Франк, что парадом команду я? Слушай внимательно и постарайся понять: сейчас кто-нибудь из ребят, вовсе не я, подойдет к окну и опустит шторы. Можешь пристрелить его, конечно. Но тогда, я полагаю, тебе стоит сразу нацепить свой полицейский значок на задницу и распрощаться с этими двумя столь дорогими твоему сердцу предметами.

Ответа не последовало.

— Молчание — знак согласия, — произнес я, стараясь, чтобы голос мой звучал весело. На самом деле никакого веселья в эту минуту я не испытывал. — Мне все равно, чем ты будешь сейчас заниматься. Но если опять начнется реализация каких-нибудь гениальных идей по моему устранению, я открываю огонь по присутствующим. Если же ты будешь пайнкой до часу дня, все будет замечательно, и все узнают, какой ты большой и храбрый полисмен, настоящий герой. Договорились?

Долгое время Филбрек молчал, затем медленно произнес:

— Разрази меня гром, если я слышу хоть каплю сумасшествия в твоем голосе.

— Мы договорились?

— Как я могу быть уверен, что ты не придумаешь что-нибудь новенькое, Деккер? Что придет тебе в голову в два часа? Или в три?

— Мы договорились? — неумолимо повторил я.

Очередная пауза.

— Хорошо, Деккер. Но если ты выстрелишь в кого-нибудь из ребят...

— Знаю, мне поставят двойку и выгонят из класса. Разговор окончен, Франк.

Я чувствовал, как хочется ему сейчас сказать мне на прощание что-нибудь нежное и ласковое, например: «Засунь себе язык в задницу, Деккер» или «Заткни свою вонючую пасть». Но таких реплик не последовало. Все же здесь были девушки.

— Значит, в час дня, — повторил Филбрек, и связь отключилась. Минуту спустя он уже шел по лужайке.

— Какие еще из своих грязных мыслишек ты хочешь принародно обматурбировать, Чарли? — поинтересовался Тед Джонс.

— Почему бы тебе не успокоиться, Тед? — тихо произнес Харман Джексон.

— Кто хочет задернуть шторы? — спросил я.

Нашлось сразу несколько желающих, и я выбрал Мелвина Томаса.

— Только медленно и аккуратно. Эти копы такие нервные...

Мелвин последовал моим инструкциям. Шторы медленно опустились, и комната погрузилась в таинственный полумрак. Тени метнулись по углам, словно стаи летучих мышей. Мне сделалось не по себе.

Я попросил Тенис Гэннон, сидящую на последней парте, включить свет.

Она робко глуповато улыбнулась и направилась к выключателю. В следующую секунду комнату залил неестественный холодный свет флюоресцентных ламп, что было ненамного лучше, чем тени. Мне захотелось видеть солнце и голубое небо, но я ничего не сказал. Да и что я мог сказать? Тенис вернулась на свое место и села, тщательно расправив юбку.

— Пользуясь замечательной терминологией Теда, — начал я, — осталось обматурбировать только одну историю. Или две половины одной истории, как вам будет

угодно. Это происшествие с мистером Карлсоном, бывшим нашим учителем химии и физики, которое старый добрый Том Денвер не внесет в свои бумажки, но которое, как говорится, останется в наших сердцах. И рассказ о моем последнем столкновении с отцом.

Я глядел на ребят, и отвратительная тупая боль в затылке постепенно нарастала. Кажется, все вышло из-под контроля. Я вызвал к жизни призраки, как в старом добром кино, но где тот волшебник, который сможет сказать три слова, и все вернется на свои места?

Боже, как все глупо.

Перед моими глазами проносились сотни образов, одни реальные, другие — лишь плод фантазии, и различить их между собой не представлялось возможным. Наверное, это и есть безумие, когда вы уже не можете провести грань между реальностью и бредом. Мне казалось, что есть еще шанс проснуться дома, в полной безопасности и более или менее в своем уме. И не было совершенно необратимых поступков. И все кошмары рассеиваются при дневном свете... Но я уже все меньше верил в счастливый исход.

Пэт Фитцджеральд машинально перебирал в руках бумажный самолетик, и его темные пальцы, медленно движущиеся по белой бумаге, казались пальцами самой смерти. Я начал рассказывать.

Глава 29

Не знаю, почему я начал таскать с собой в школу гаечный ключ.

На то было много причин, и среди них сложно выделить главную. У меня постоянно болел желудок. И мне казалось, что окружающие настроены ко мне враждебно, даже когда на то не было реальных оснований. Я боялся упасть во время физкультурных занятий, потерять сознание и увидеть, очнувшись, как все вокруг смеются и показывают на меня пальцами.

Я очень плохо спал, и мне снились дурные сны. Сны такого рода, после которых можно проснуться с мокрой простыней.

В одном из них я долго бродил по подземельям старинного замка, полуразрушенного, какие можно увидеть в исторических фильмах. Я внезапно натыкаюсь на гроб. Крышка его открыта. Я заглядываю внутрь и вижу отца в военно-морской форме. В него вбит кол. Он открывает глаза и улыбается мне, и зубы его превращаются в клыки.

В другом сне мама делает мне клизму. Я тороплю ее, потому что на улице ждет Джо. Однако я вижу Джо уже в комнате: он выглядывает из-за маминого плеча, обнимая ее за грудь. По розовому шлангу клизмы мне в задницу затекает мыльная пена.

Было и множество других снов похожего содержания, нет необходимости все перечислять. В общем спал я неважно.

Я нашел тот гаечный ключ в гараже. Он валялся в ящике со старыми инструментами. На вид не слишком большой, но тяжелый. Он был покрыт ржавчиной с одного конца. Была зима, и я носил в школу огромный вязаный свитер. Каждый год на день рождения и на рождество тетя присылала мне по такому свитеру. Он был длинный, прикрывал мне бедра, доходя едва ли не до колен. Так что ключ, который я стал носить в заднем кармане брюк, никто не замечал. А если кто и замечал, то ничего не говорил.

На некоторое время стало полегче. Потом все опять вернулось на круги своя. Я чувствовал себя как натянутая гитарная струна. Каждый день, приходя домой, я здоровался с мамой, а затем поднимался к себе и падал на кровать. Я иногда плакал в подушку, а иногда хихикал, пока не начинало казаться, что сейчас кишки мои вывалятся наружу. Такое состояние пугало меня. Согласитесь, все это было не вполне нормально.

И вот тогда я чуть не убил мистера Карлсона. Помню как сейчас, было третье марта. Шел дождь, и остатки снега превращались в грязные лужи слякоти, хлюпающие под ногами. Думаю, не надо особо подробно описывать происшествие, все вы были его свидетелями. Ключ был у меня в кармане. Мистер Карлсон вызвал меня к доске. Я терпеть не мог отвечать ему урок, потому что, слабо разбираясь в его предметах, ощущал себя кретином. Всегда, как он называл мою фамилию, меня бросало в пот.

Не помню точно, чего он от меня хотел в тот раз. Кажется, речь шла о наклонной плоскости, будь она проклята. Помню, с какой злобой я думал тогда об этой чертовой плоскости и об этом негодяе, которому доставляло удовольствие делать из меня посмешище перед всем классом. Он спрашивал меня, знаю ли я, сколько будет дважды два, и знаком ли я с делением столбиком, и называл меня «наш юный гений». Когда он в третий раз произнес: «Это замечательно, Чарли! Замечательно! Прекрасно!», он был похож на Дикки Кейбла. Тот же голос, те же интонации. Голос был так похож, что я невольно

оглянулся по сторонам. Так похож, что рука моя невольно потянулась к заднему карману брюк, где лежал ключ. Желудок сжался в комок. Я боялся, что не удержу в себе сегодняшний завтрак, и крепче сжал челюсти.

Ключ упал на пол, громко звякнув.

Мистер Карлсон удивленно взглянул на него:

— Это еще что?

И он протянул руку.

— Не трогайте, — быстро сказал я, наклонился и поднял ключ.

— Дай-ка мне сюда эту штуку, Чарли.

Мистер Карлсон протянул руку.

Я разрывался на части. Такое ощущение, будто бежишь одновременно во все стороны. Какая-то часть меня кричала — не слышно для окружающих, но вполне реально. Кричала, как испуганный ребенок в темной комнате.

— Нет, — ответил я.

Все смотрели на меня в этот момент. Наступила тишина.

— Тебе придется выбирать, отдашь мне или мистеру Денверу.

Затем со мной произошла забавная вещь. Наверное, в каждом из нас есть такая невидимая линия, отделяющая одну часть сознания от другой. Как линия, отделяющая освещенную половину планеты от темной. Кажется, это называется терминатор. Очень хорошее слово. Я вдруг неожиданно для себя пересек эту линию. Только что желудок мой выворачивался наизнанку, а щеки горели, и вот я стал абсолютно спокоен.

— Хорошо, сейчас Вы получите то, что хотите, — я медленно поднял ключ, как бы примериваясь, — сейчас, я прикину, куда Вы его получите.

Мистер Карлсон вытаращился сквозь свои огромные очки и поджал губы. Он был сейчас более чем когда-либо похож на клопа. Эта мысль вызвала у меня улыбку. Я опустил ключ.

— Хорошо, Чарли, — сказал он, — дай сюда эту штуку и иди к директору. Я подойду туда после урока.

— Иди в задницу, — ответил я и взмахнул ключом.

Ключ ударился о матовую поверхность доски. Полетели крошечные кусочки черной пластмассы и известковая пыль от мела. Мистер Карлсон вздрогнул, будто я нанес повреждения его любимой мамочке. Это было для меня открытием. Я снова ударил по доске. И снова.

— Чарли!

Что-то весело напевая себе под нос, уже не помню что, я продолжал молотить по доске. Мистер Карлсон вздрагивал и подпрыгивал. Глядя на его прыжки, я чувствовал себя все лучше и лучше. Трансакционный анализ, дети мои.

— Чарли, я вижу, ты...

Я повернулся к нему спиной и стал бить ключом по выступу для мела. В доске уже была порядочная дыра. Куски мела упали на пол, подняв облако белой и желтой пыли. В этот момент мистер Карлсон попробовал схватить меня за руку.

Я повернулся и заехал ключом ему по голове. Всего один раз. Но было море крови, он упал на пол, очки отлетели на несколько шагов в сторону. Возможно, именно это разрушило все очарование: вид его очков, валяющихся на перепачканном мелом полу, и его ставшее вдруг голым и незащищенным лицо. Похожее на лицо спящего человека, только залитое кровью. Я бросил ключ на пол и, не оборачиваясь, вышел из класса. Я пошел в директорскую и рассказал, что произошло.

Джерри Кессерлинг усадил меня в патрульную машину, а мистера Карлсона отправили в центральный госпиталь, где рентген показал у него перелом черепа. Я впоследствии узнал, что из его мозга вытащили четыре кусочка лобной кости. И еще хорошо, что все закончилось именно так.

Потом были переговоры. Бесконечные переговоры со старым добрым Томом, с Доном Грейсом, с моим отцом и со всеми перечисленными лицами во всевозможных комбинациях. Кажется, единственный человек, кто не принимал участие в решении моей судьбы, был наш сторож мистер Фазио.

Отец сохранял восхитительное спокойствие. Мама постоянно принимала транквилизаторы, но ему все это было ни к чему. Он все время оставался холоден как лед, и лишь по задумчивым взглядам, которые он иногда бросал на меня, я понимал, что меня ожидает серьезный разговор с ним наедине. Этот человек мог задушить меня голыми руками, сохраняя все то же бесстрастное выражение лица.

Были длинные и трогательные извинения, которые не без удовольствия выслушивали забинтованный мистер Карлсон и его жена, дама с каменным лицом: «...Чудовищный проступок... Я не помнил себя... Не знаю, как выразить свое сожаление...» Передо мной, правда, никто не извинялся за то, что я был выставлен круглым идиотом и стоял пол-урока, потев и пытаясь сдержать тошноту. Глупо было ожидать таких извинений, как и извинений от Дика Кейбла или Даны Коллет.

Я провел пять часов в камере, пока отец и бьющаяся в истерике мама («Почему ты сделал это, Чарли? Почему? Почему?») приходили к соглашению с полицейскими, вносили деньги в залог, договаривались с мистером Карлсоном... Но с его женой найти общий язык не удалось, она продолжала настаивать на том, чтобы мне дали как минимум десять лет.

По дороге домой отец бросил мне сквозь стиснутые зубы, что я должен буду зайти в гараж, как только переоденусь.

Пока я натягивал джинсы и старую рубашку, я не переставал думать об этом приглашении. Мне хотелось, как это обычно бывает в таких случаях, выйти на дорогу и уехать куда-нибудь подальше. Но сейчас что-то во мне отчетливо протестовало. Я был приглашен, и я должен пойти.

В конце концов, нам действительно есть что сказать друг другу.

Итак, я пошел в гараж.

Там пахло плесенью, машинным маслом, но чистота была необыкновенная. Папочка занимался этим сам. Га-

раж был его местом, в нем было все необходимое и ничего лишнего. К стене была прислонена косилка. На прочно вбитых в стену гвоздях аккуратными рядами были развешаны инструменты для ухода за садом и лужайкой. Шляпки гвоздей образовывали идеальную прямую. Аккуратность, граничащая с идиотизмом. Тачка стояла в углу, а рядом лежали тщательно перевязанные бечевкой пачки старых журналов: «Аргози», «Блюбук», «Тру», «Сэтэдэй Ивнинг Пост».

Отец стоял посреди гаража, одетый в старые вылинявшие форменные брюки и рубашку, в которой он ездил на охоту. Я заметил, что он стареет на глазах. Раньше у него была прекрасная спортивная фигура, но избыток пива привел к выпячиванию брюшка. На носу даже с такого расстояния были видны лопнувшие сосуды, и морщины вокруг глаз и у рта казались глубже, чем обычно.

— Что делает мама? — спросил он.

— Спит.

Она стала много спать последнее время, после того, как стала пить эти таблетки. Дыхание ее стало кислым и сухим.

— Прекрасно, — он кивнул, — это то, что нужно, не правда ли?

Он начал снимать ремень, сообщая мне при этом:

— Я собираюсь содрать с тебя шкуру.

— Нет, — ответил я. — Ты этого не сделаешь.

Он замер в недоумении:

— Что?

— Если ты попробуешь приблизиться ко мне с этой штукой, я выброшу ее к чертовой матери.

Голос мой дрожал и срывался.

— Я давно собираюсь это сделать, с тех пор, как я был маленьким, а ты швырял меня на землю, а потом лгал маме... Ты бил меня по лицу, как только я сделаю что-нибудь не так, не давая шанса исправить ошибку. Я собираюсь это сделать с той самой охоты. Помнишь, что ты сказал? Ты сказал: «Я отрежу ей нос, если застану в постели с кем-нибудь».

Он смертельно побледнел:

— Ты ничтожество, безмозглое и бесхарактерное существо, и эти бредни побереги для психиатра. Незачем обливать меня своими помоями.

— Ты скотина! — я уже перешел на крик. — Ты просрал свою семью, своего единственного сына. Твоя жена сидит на колесах, она скоро станет законченной наркоманкой. Ну, попробуй, возьми меня, если можешь! Да ты просто пьяный мерзавец, черт возьми!

— Лучше остановись, Чарли, — произнес он. — Пока вместо желания наказать тебя ты не вызвал у меня желания тебя убить.

— Попробуй! — заорал я еще громче. — Я хочу убить тебя уже несколько лет! Я ненавижу тебя! Ублюдок!

Он медленно двинулся на меня. Все это напоминало кадры какого-то кинофильма. Он сжал в руке свой морской ремень. Затем замахнулся им, но я успел нагнуться, и пряжка, скользя по моему плечу, с громким стуком ударилась о тележку.

Я смотрел на выпученные глаза отца и вспоминал, что именно так он выглядел, когда злился на меня за разбитые стекла. Неожиданно меня заинтересовал вопрос, не имел ли он привычки так вытаращивать глаза, когда занимался любовью с мамой. Боже, неужели она лежала под ним и смотрела в эти отвратительные глаза? Эта мысль потрясла меня так, что я замер и не успел уклониться от следующего удара.

Пряжка разорвала мне щеку, и кровь — почему-то было очень много крови, больше, чем можно было бы ожидать — полилась из раны. Я ощущал ее тепло на лице и шее.

— Боже, — произнес он, — о, Боже.

Он взялся за пряжку, но теперь я был готов. Я успел схватить конец ремня и потянуть его на себя. Он этого явно не ожидал. Отец потерял равновесие, и стоило мне потянуть сильнее, как он грохнулся на пыльный бетонный пол.

Возможно, он забыл, что мне уже не четыре года. И не девять, когда я сидел в палатке и сдерживал свое желание

пописать, пока он обсуждал всякие гадости со своими друзьями. Возможно, он забыл, что маленькие мальчики вырастают. И при этом они помнят все. И хотят сожрать своих отцов живьем.

Ударившись о пол, он издал странный звук, нечто вроде хрюканья. Он расставил руки, чтобы упасть на них, и я выхватил наконец ремень. Я ударил его по широкой заднице цвета хаки. Не думаю, чтобы я нанес достаточно сильный удар, но он закричал, скорее от неожиданности. Я улыбался. Щека невыносимо болела, кровь продолжала идти из нее.

Он поднялся на ноги.

— Чарли, прекрати этот цирк. Лучше поедem к доктору. Тебе нужно зашить щеку.

— Ты ни к чему не способен, раз собственный сын может сбить тебя с ног. Тебя во флоте только и научили, что выслуживаться.

Эти слова взбесили его, и он бросился на меня, но я успел ударить его в лицо. Он поднял руки, закрывая лицо, и тогда я отбросил ремень и ударил его в солнечное сплетение. Он согнулся. Брюшко его было мягким, даже более мягким, чем это могло показаться. Я ощутил горечь разочарования. Я понял в тот момент, что человек, которого я на самом деле ненавидел, был вне пределов моей досягаемости, скрытый наслоением прожитых лет.

Отец выпрямился, глядя на меня. Выглядел он сейчас скверно, лицо было абсолютно бледным, только красная полоса на лбу, там, куда я попал ремнем.

— О'кей, — произнес он и, обернувшись, снял со стены грабли.

— Если ты хочешь такого разговора...

— Что ж, хочу.

Я снял со стены топор, взвешивая его в руке.

— Сделай только шаг, и я снесу тебе голову к чертям.

Некоторое время мы стояли, глядя друг на друга. И ей-Богу, не слишком много любви и нежности было в наших взглядах. Потом он повесил на место грабли, и я последовал его примеру.

Он не сказал: «Сын, если бы пять лет назад ты был способен на такое поведение, ничего этого бы не было... Поедем лучше в бар, выпьем по кружечке пива».

И я тоже не сказал, что я сожалею о случившемся.

Все произошло так, как и должно было произойти. Просто потому, что я вырос. Теперь я понимаю, что действительно хотел убить его. Его, и никого другого. И этот труп на полу под ногами у меня — классический пример смещенной агрессии.

— Хватит, — сказал отец, — нужно заняться твоей щекой.

— Я и сам как-нибудь доберусь до врача.

— Я отвезу тебя.

Так он и поступил. Мы отправились в Брунсвик, и доктор зашил мне щеку, сделав шесть стежков. Я рассказал ему, как имел неосторожность споткнуться в гараже, упасть и пораниться о каминную решетку, которую чистил в этот момент мой папочка.

Маме было рассказано то же самое. Мы никогда больше не возвращались к этой теме. Вообще, с этого дня мы едва контактировали с отцом, хотя продолжали жить под одной крышей. Он больше не пытался учить меня жить, и я неплохо обходился без него... Как, впрочем, и он без меня.

В середине апреля мне опять было позволено посещать школу. Хотя меня предупредили, что дело все еще рассматривается, и я должен каждый день показываться мистеру Грейсу. При этом им казалось, что это — благодеяние, и я должен испытывать благодарность.

Но я не чувствовал себя осчастливленным. То, как на меня смотрели в коридорах, и как обо мне говорили в учительской, и то, что никто, кроме Джо, не общался со мной — все это угнетало меня.

Да, друзья, положение было скверное. И если что-то менялось, то только к худшему. Зато я получил и хорошо усвоил много полезных уроков. Я понял, как нужно разговаривать с людьми, чтобы они тебя воспринимали. Отец повесил грабли на стену после того, как увидел в

моих руках топор. А иначе он проломил бы мне череп, не задумываясь.

Я не вспоминал больше об этом гаечном ключе, черт с ним, это не слишком действенное орудие. Но я знал о пистолете, который лежал у отца в ящике стола. И с конца апреля начал носить его с собой в школу.

Глава 30

Часы показывали двенадцать тридцать.

— Итак, вы дослушали до конца печальную историю Чарльза Деккера, — подытожил я, — вопросы есть?

Из угла полутемной комнаты раздался негромкий голос Сюзанн Брукс:

— Мне жаль тебя, Чарли.

Похоже, эти слова сняли какое-то наложенное на меня проклятие.

Дон Лорди уже второй раз за день смотрел на меня так, что вспоминался фильм «Челюсти». Сильвия докуривала последнюю сигарету из своей пачки. Пэт Фитцджеральд закручивал крылья самолета. Обычное лукавое выражение его мордашки сменилось сейчас какой-то странной отстраненностью, словно его черты были вырезаны из дерева. Сандра Кросс была погружена в свои мысли. Даже Тед, казалось, задумался о чем-то своем.

— Если больше вопросов нет, давайте перейдем к заключительной части нашего мероприятия, — продолжал я. — Кто знает, каким будет последний акт сегодняшнего представления? Давайте подумаем вместе.

Молчание. Я боялся, что ответа не будет. Все мы настолько заморожены, загнаны в привычную колею, что сложно ожидать, будто за один день все изменится. Когда пятилетнему ребенку больно, он поднимает шум на весь свет. В десять лет он тихо всхлипывает. А когда вам исполняется лет пятнадцать, вы привыкаете зажимать себе

рот руками, чтобы никто не слышал ни звука, и кричите безмолвно. Вы истекаете кровью, но этого никто не видит. Вы привыкаете к отравленным плодам, растущим на дереве вашей боли. И так всю жизнь: издержки западного воспитания.

И тут Пиг Пэн оторвал взгляд от своего карандаша. Он оскалился и поднял руку. В пальцах другой руки он по-прежнему сжимал карандаш Би-Боп.

После того, как первый человек решился, остальным стало легче. Следующей подняла руку Сюзан Брукс. Затем несколько человек одновременно: Сандра, Грейс Стэннор, Ирма Бейтц. Корки. Дон. Пэт. Сара Пастерн. Некоторые улыбались, на лицах других было строгое, почти торжественное выражение. Тенис. Нэнси Каски. Дик Кин и Майк Гэвин, звезды нашей футбольной команды. Джордж и Харман, партнеры по шахматам. Мелвин Томас. Энн Лески... В результате все ребята подняли руки. Все, кроме одного.

Я указал на Кэрол Гренджер. Можно было подумать, что она станет испытывать затруднение с выражением этой мысли, с тем, чтобы позволить себе говорить. Но она с легкостью, как девчонка, скидывающая платье, когда пикник в лесу приближается к завершению, встала и произнесла:

— Мы должны помочь, — на секунду она призадумалась, проведя пальцем по губам и сморщив лоб. — Мы должны помочь Теду осознать, что он не прав.

Мне понравилась форма, в которую она облекла это предложение.

— Спасибо, Кэрол, — произнес я.

Она покраснела.

Я взглянул на Теда, который уже вернулся из своих грез в настоящее время. Он по-прежнему смотрел на меня вызывающе, но теперь с легкой долей смущения.

— Думаю, — продолжал я, — лучше всего, если я буду чем-то вроде судьи и прокурора в одном лице. Каждый из вас может быть свидетелем. А ты, Тед, обвиняемым.

Тед расхохотался.

— О, Боже, — произнес он сквозь смех. — Чарли. За кого ты себя принимаешь? Ты же совсем спятил.

— Имеете ли Вы что-нибудь сказать в свою защиту?

— Со мной у тебя не пройдут эти дешевые трюки, Чарли. Здесь я ничего говорить не буду. Я приберегу свои слова до того момента, когда мы выйдем отсюда.

Он обвел глазами класс:

— И мне будет, что сказать.

— Ты знаешь, что случается с предателями, Рокко, — произнес я голосом Джимми Кагней. Затем резко вскинул пистолет, прицелился ему в голову и вскрикнул: «Паф!»

От неожиданности Тед дернулся.

Энн Лески весело рассмеялась.

— Заткнись! — заорал на нее Тед.

— Почему ты предлагаешь мне заткнуться, — спросила Энн. — Чего ты боишься?

— Что...?

У Теда отвисла челюсть, а глаза, похоже, готовы были вылезти на лоб. В этот момент мне стало жаль его. Говорят, когда-то змей искушал Еву, предлагая ей яблоко. Интересно, что бы он стал делать, если бы его вынудили сожрать яблоко самому?

Тед приподнялся с места, голос его дрожал:

— Что я? Что я?

Он указал на Энн дрожащим пальцем.

— Тупица чертова! У него пистолет! Он безумен! Он убил уже двоих людей! Он держит нас здесь!

— Если кого и держит, то не меня, — возразила Ир-ма. — Я преспокойно могла уйти.

— Мы узнали много нового о себе, Тед, — холодно произнесла Сюзанн. — Не думаю, что тебе стоило бы продолжать замыкаться в себе, демонстрируя окружающим свое превосходство. Может, то, что происходит сейчас — самый значительный опыт в нашей жизни.

— Он убийца, — продолжал Тед. — Он уже убил двоих. И это не игрушки. Эти люди не встанут, чтобы

пойти за кулисы и смыть грим. Они действительно мертвы. Он действительно убил их.

— Убийца душ! — вдруг прошипел Пиг Пэн.

— Что ты о себе вообразил, недоносок? — обратился к Теду Дик Кин. — Сегодня всплыла кое-какая грязь из твоей паршивой личной жизни, кое-какие маленькие тайны, так? Ты же не думал, что кто-нибудь узнает, что ты трахнул Сандру? Или насчет твоей матери. Ты же не предполагал, что это всплывет. Ты считаешь себя чем-то вроде рыцаря на белом коне. А я скажу, кто ты на самом деле.

И Дик сказал. И присутствие юных девушек не остановило его.

— Свидетель! Свидетель! — весело воскликнула Грейс, поднимая руку. — Даю показания. Тед Джонс покупает журналы с девочками. Я лично видела его за этим занятием.

— Неплохо, Тед, — произнес Харман, улыбаясь.

— А еще был командиром скаутов, — печально промолвил Пэт.

Тед был похож сейчас на медведя, которого потехи ради деревенские жители привязали к столбу на площади. Он затравленно оглядывался и наконец закричал:

— Я не мастурбирую!

— Конечно, все верят, — кивнул Корки.

— И в постели он ведет себя, как говнюк, могу спорить, — сказала Сильвия, поворачиваясь к Сандре. — Так ведь?

— Ну, не знаю, как в постели, — задумчиво ответила Сандра, — мы ведь делали это в машине. И так быстро, что я ничего не запомнила...

— Вот-вот, это я и подразумевала.

— Прекрасно, — произнес Тед. На лбу его выступил пот. Он встал.

— Я ухожу. Вы все помешались. Я скажу им... — Он остановился и добавил вдруг с трогательной непоследовательностью:

— Я никогда не имел в виду того, что сказал о моей маме.

Он сделал глубокий вдох и продолжал:

— Ты можешь застрелить меня, Чарли. Но остановить меня ты не сможешь. Я уйду.

Я поставил пистолет на предохранитель и ответил:

— Стрелять в тебя никто не собирается. Но позволь напомнить, Тед, что ты не выполнил свои обязанности подсудимого.

— Тоже верно, — согласился Дик и прежде, чем Тед подошел к двери, обогнал его и преградил ему путь. На лице Теда появилось выражение крайнего недоумения.

— Эй, Дик, что с тобой?

— Я тебе не Дик, сукин сын.

Тед замахнулся, чтобы ударить его, но Пэт и Джордж Янек тут же подскочили, схватив его за руки.

Сандра Кросс медленно встала и направилась к Теду. Она шла не торопясь, скромно опустив глаза, как девушка на деревенской дороге. Она приблизилась к Теду, подняла руку и дотронулась до воротничка его рубашки. Тед отдернулся, но Дик и Пэт крепко его держали. Сандра начала аккуратно отрывать пуговицы от его рубашки. Одну за другой. В мертвой тишине, наступившей в классе, были слышны лишь звуки падающих на пол пуговиц. Сандра распахнула Теду рубашку. Майки под ней не было. Кожа его была белой и гладкой, и Сандра сделала вид, будто собирается его поцеловать.

Тед плюнул ей в лицо.

Из-за плеча Сандры вырос Пиг Пэн.

— Эй, приятель, — оскалился он, — я ведь могу выдавить тебе глаза. Знаешь, как это делается? Сейчас покажу. Это совсем несложно.

— Отпустите! Чарли, прекрати этот цирк...

— Он всегда жульничает! — громко произнесла Сара Пастерн. — Он всегда подглядывает в мою тетрадь на уроках французского. Всегда.

Сандра все еще стояла перед Тедом, зловеще улыбаясь.

— А вот теперь смотри, — прошептал Билли Сойер. Он взял Теда сзади за волосы и резко дернул.

Тед вскрикнул.

— И на стадионе, на беговой дорожке, он тоже мошенничает.

— Чарли, — обернулся ко мне Тед. — Пожалуйста.

Он продолжал улыбаться, но глаза его были полны слез. Сильвия медленно обошла вокруг него. Затем остальные ребята последовали ее примеру и медленно двинулись вокруг Теда. Это напоминало какой-то странный танец, показавшийся мне почти прекрасным. Звучали вопросы и обвинения, Ирма засовывала линейку Теду в штаны, Энн Лески терла ему переносицу ластиком. Рубашку с него сняли и отбросили в угол. Корки пошарил в столе, нашел флакон черной туши и вылил Теду на голову. Ребята весело растирали чернила по волосам Теда. Он бормотал что-то бессвязное.

— Получай свою звезду, герой, — сказал Дик Кин, нанося мастерский удар коленом.

Тед вскрикнул. Глаза его полезли на лоб.

— Пожалуйста, Чарли...

Он всхлипывал.

— Пожалуйста...

Нэнси Каски, скомкав тетрадную страницу, заткнула ему рот. Тед попробовал выплюнуть бумагу, но Сандра старательно затолкнула ее обратно, укоризненно сказав: — А плевать нехорошо.

Харман снял ботинок, потер его о перепачканные чернилами волосы Теда, затем прислонил подошву к его голой груди. Получился огромный черный след.

Кэрол, аккуратно примерившись, наступила каблуком Теду на ногу и покрутилась на пятке. Что-то хрустнуло. Тед издавал какие-то странные звуки, но ничего нельзя было разобрать. Пиг Пэн ударил его в нос.

Наступила небольшая пауза. Я заметил, что опять держу пистолет дулом к себе, словно целюсь себе в голову. Я разрядил его и осторожно положил на стол миссис Андервуд. Прямо на ее тетрадь с планом урока. Хотя такое в ее план вряд ли входило.

Ребята улыбались. В это мгновение они казались мне прекрасными, как юные боги. Только Тед выглядел пре-

отвратно. Чернила текли по его лицу, из носа шла кровь, взгляд был абсолютно безумен. Он тяжело дышал, изо рта торчала бумага.

Я подумал: «Мы должны были сделать это. Мы должны были идти до конца».

И тогда они навалились на него.

Глава 31

Корки поднял шторы. Он сделал это быстро, резкими движениями. Я выглянул в окно. Теперь там были, казалось, сотни полицейских машин. Толпа выросла в несколько раз. Я зажмурился: глаза заболели от солнечного света.

— Пока, — сказал я.

— Пока, — ответила Сандра.

Все попрощались со мной прежде, чем уйти. Шаги в коридоре звучали странно, и я представил себе, закрыв глаза, гигантскую сороконожку, идущую по школьному холлу. Затем я выглянул в окно и увидел, как ребята идут уже по лужайке. Все-таки лужайка была хороша. Даже после всего случившегося.

Последнее, что я запомнил, глядя на одноклассников — что руки их были измазаны черной тушью.

Копы окружили их плотным кольцом.

Один из репортеров, отбросив осторожность и увернувшись от трех копов, подбежал к ребятам.

Последней из дверей вышла Кэрол Гренджер. Мне показалось, что она обернулась, но точно сказать не могу. Филбрек флегматично двинулся к школе. Всюду сверкали вспышки фотоаппаратов.

Оставалось мало времени. Я подошел к Теду, сидящему на полу возле доски, на которой были наклеены заметки «Математического Общества», никем никогда не читанные, несколько комиксов (верх совершенства, на вкус

миссис Андервуд) и портрет Бертрана Рассела с изречением «Уже одна гравитация доказывает существование Бога». Думаю, сейчас любой школьник сказал бы старине Бертрону, что не так уж все просто с гравитацией, как ему казалось.

Я присел на корточки рядом с Тедом и вытащил у него изо рта бумажный ком, отбросив его в сторону.

— Тед.

Он глядел мимо меня.

— Тед, — повторил я, мягко до него дотронувшись.

Он отдернулся, бешено завращав глазами.

— Тебе станет лучше, — произнес я, — и ты забудешь этот день, как кошмарный сон.

Тед издавал нечленораздельные звуки.

— Или нет. Ты запомнишь этот день, и он изменит тебя, ты станешь другим человеком, Тед. Как тебе эта мысль? Кажется невозможной?

Так и было, для нас обоих. Я начинал нервничать.

Звонок внутренней связи. Это был Филбрек, снова пыхтящий как паровоз.

— Деккер?

— Да.

— Выходи с поднятыми руками.

Я вздохнул.

— Иди сюда, Филбрек, и сам меня заberi. Я чертовски устал. У меня раскалывается голова.

— Прекрасно, — жестко произнес он, — я могу помочь тебе ее расколоть, это несложно.

— Не стоит.

Я поглядел на Теда. Тед не обращал на меня никакого внимания, взгляд его был обращен в пустоту.

— Ты забыл пересчитать заложников. Один по-прежнему здесь. Ему нехорошо.

Мягко сказано.

— Кто? — голос Филбрека был по-прежнему воинственным.

— Тед Джонс.

— Что с ним?

— Сломан палец ноги.

— Ты лжешь.

— Ну разве я могу лгать, Филбрек, и тем осквернять нашу нежную дружбу?

Долгое сопение.

— Иди сюда, — пригласил я. — Пистолет уже не заряжен. Он лежит на столе. Ты выведешь меня и расскажешь всем, как голыми руками взял опасного преступника. Возможно, даже в «Тайм» поместят твоё интервью.

Связь отключилась.

Я закрыл глаза и уронил голову на руки. Передо мной был серый цвет. Ничего, кроме серой пустоты. Никакого света. Без всякой причины я вдруг подумал о праздновании Нового года. Толпы людей собираются на площади, орут, когда в небе взрываются разноцветные шары салюта, и готовятся прожить очередные триста шестьдесят пять дней мирно и счастливо в этом лучшем из миров. Я часто думал, как ощущают себя эти люди. Что это значит, стать вдруг частью толпы, потерять свою индивидуальность. Не надеяться, что кто-нибудь услышит твой голос.

Я заплакал.

Филбрек переступил порог и уставился на Теда, затем перевел взгляд на меня.

— О Боже, что ты натворил? — начал он.

Я сделал вид, будто собираюсь схватить пистолет, и заорал:

— Вот что, вонючий коп!

Он выстрелил в меня трижды.

Глава 32

«В ПОРЯДКЕ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ ПО ДЕЛУ ЧАРЛЬЗА ЭВЕРЕТТА ДЕККЕРА:

Заседание от 27 августа 1976 года рассмотрело обвинение Чарльза Деккера в преднамеренном убийстве Джона Даунза Вэнса и Джин Элис Андервуд.

Пятью психиатрами штата было установлено, что в настоящее время Чарльз Эверетт Деккер не может отвечать за свои действия вследствие невменяемости. Решением суда он помещается в государственную клинику Огаста, где будет находиться до тех пор, пока не будет признан способным нести ответственность за свои действия.

Настоящим удостоверяю:
Судья Самюэль К.Н. Деливни».

Другими словами, пока рак на горе не свистнет, дети мои.

Глава 33

КОМУ: Рич Госсэш, административный корпус.

ОТ КОГО: доктор Андерсен.

Рич,

я по-прежнему воздерживаюсь от применения к этому мальчику, Теду Джонсу, шоковой терапии. Хотя не могу объяснить даже себе причины такого решения. Назови это предчувствием. Конечно, объяснить такие вещи совету директоров или дяде Джонса, который оплачивает счета (довольно кругленькие, как и в любой частной клинике), я не могу. Если в следующие несколько недель не последует улучшения, придется применить стандартную электрошоковую терапию, но я все еще не оставляю надежды добиться успеха с помощью традиционных химических препаратов. А также некоторых нетрадиционных. Я имею в виду синтетический мескалин и псилоцибин. Вилл Гринбергер, насколько ты знаешь, весьма успешно применял эти галлюциногены в лечении кататонии.

Джонс — довольно странный случай. Боже, если бы мы могли знать наверняка, что происходило в тот критический день за закрытыми шторами.

Диагноз не изменился, кататоническое состояние.

Остается только добавить, Рич, что я уже не питаю особых надежд на улучшение.

3 ноября 1976 года.

Глава 34

5 декабря 1976 года

Дорогой Чарли!

Мне сказали, что теперь тебе разрешают получать письма, и я тут же решил написать. Возможно, ты обратил внимание на обратный адрес. Да, я теперь учусь в Бостоне. В Университете. Сильно халявлю, хотя в английском у меня серьезные успехи. К экзамену рекомендовали книгу «Почтальон звонит дважды», мне она показалась очень интересной, ты не читал? Я получил высший балл. И даже стал подумывать, что буду специализироваться на языке. Забавно, не правда ли? Возможно, твое влияние. У тебя всегда была светлая голова.

Перед отъездом из Пласервилля я видел твою маму. Она рассказала, что у тебя уже зажили раны. Я рад был это слышать. Еще она пожаловалась, что ты стал неразговорчив. Это на тебя не похоже, старик. Мир многое потеряет, если ты замолчишь и забьешься в угол, сдастся мне.

Дома я не был с тех пор, как началась учеба. Сандра Кросс недавно прислала письмо с новостями о наших одноклассниках. Попробую изложить их тебе, и надеюсь, что эти убудки, которые наверняка вскрывают всю твою почту, не подвергнут эту часть серьезной цензуре.

Сандра решила не поступать в колледж в этом году. Мне кажется, она ожидает, что случится что-нибудь из

ряды вон выходящее. Знаешь, я пару раз приглашал ее на вечеринки летом, но между нами ничего не было, она держалась очень отстраненно. Она просила передать тебе привет. Так что привет тебе от Сандры.

Возможно, ты слышал, что случилось с Пиг Пэном? Ну насчет него и Дика Кина? Никто не мог поверить...

(Дальнейший отрывок подвергнут цензуре во избежание негативного воздействия на психику пациента.)

...И никогда не скажешь, чего от людей ожидать.

Речь Кэрол Гренджер на прощальном собрании опубликовали в газете. Там было что-то о самосовершенствовании и цельности, куча подобной чепухи, я чуть не надорвался от смеха, когда читал.

Да, а Ирма Бейтц связалась с какими-то хиппи из Левистона. Они даже участвовали в демонстрации, когда в Портленд приезжал Доул, насчет предвыборной кампании. Ребят арестовали и выпустили, когда Доул улетел. Миссис Бейтц, наверное, не слишком довольна поведением дочери. Нет, ты можешь себе представить? Был бы ты здесь, Чарли, мы бы вместе посмеялись. Знаешь, мне тебя иногда чертовски не хватает.

Грейси Стэннор, эта милая крошка, собирается выходить замуж, и это тоже стало местной сенсацией. У меня в голове не укладывается...

(Дальнейший отрывок подвергнут цензуре во избежание негативного воздействия на психику пациента.)

...Вот уж точно, никогда не знаешь, чего ожидать.

Вот, кажется, и все новости. Надеюсь, что они там с тобой хорошо обходятся, старик, и ты выйдешь из этой чертовой конторы довольно скоро. А если тебе позволят посещения, срочно сообщай мне, я буду первым в длинной очереди желающих нанести визит.

Знаешь, многие ребята вспоминают тебя, Чарли. Часто вспоминают.

Ладно, не грусти, старик.

Всегда твой,
Джо.

Глава 35

Две недели у меня не было дурных снов. Я собрал множество мозаичных картинок. Мне дают заварной крем, я давлюсь им, но ем. Терпеть не могу заварной крем, а они думают, я люблю его. Значит, у меня опять появился секрет. Приятно все же, когда есть своя маленькая тайна.

Мамочка прислала мне учебник. Я еще даже не разрезал страницы, но на следующей неделе, возможно, смогу открыть книгу. Возможно, буду смотреть на эти страницы без содрогания. Как только я смогу поверить, что на их руках больше нет чернильных пятен. Что у них чистые руки. Возможно, на следующей неделе...

А насчет заварного крема: мелочь, а приятно. Тайна улучшает мое настроение. Я снова чувствую себя человеком.

Вот и все. Пора выключать свет. Спокойной ночи.

**НЕ ВЫНОШУ
МАЛЕНЬКИХ
ДЕТЕЙ**

Мисс Сидли была училкой.

Маленькая женщина, которой приходилось тянуться на цыпочках, когда она писала в верхней части доски, что она сейчас и делала. За ее спиной никто из учеников не хихикал, и не шептал, и не сосал исподтишка конфету, пряча ее в кулачке. Они хорошо знали убийственные инстинкты мисс Сидли. Мисс Сидли всегда могла сказать, кто жует резинку на задней парте, у кого в кармане рогатка, кто просится в туалет, чтобы меняться там бейсбольными фишками. Подобно Богу, она всегда знала все обо всех.

Волосы у нее седели, и корсет, которым она поддерживала слабеющий позвоночник, четко просматривался сквозь легкую ткань ее платья. Маленькая болезненная женщина с глазами-буравчиками. Тем не менее ее боялись. О ее язычке в школе ходили легенды. Когда она устремляла взгляд на того, кто хихикал или шептал, самые крепкие ноги делались ватными.

Теперь, выписывая слова, правописание которых сегодня надлежало проверить, она размышляла о том, что успех ее долгой педагогической карьеры можно выразить вот этим простым повседневным действием: она могла совершенно спокойно поворачиваться спиной к классу.

— Каникулы, — назвала она слово, заполняя доску четкими буквами. — Эдвард, пожалуйста, составь предложение со словом «каникулы».

— Я ездил на каникулы в Нью-Йорк, — пропел Эдвард. Затем, как учила мисс Сидли, повторил слово по слогам: — Ка-ни-ку-лы.

— Очень хорошо, Эдвард. — Она начала следующее слово.

У нее были, конечно, свои маленькие хитрости: успех, твердо верила она, зависит от мелочей в такой же степени, как и от главного. Этот принцип она неуклонно проводила в жизнь в классе, и он никогда не подводил.

— Джейн, — спокойно произнесла она.

Джейн, украдкой рассматривавшая картинки в хрестоматии, подняла глаза с виноватым видом.

— Пожалуйста, немедленно закрой книгу. — Книга захлопнулась; бледными от ненависти глазами Джейн уставилась в спину мисс Сидли. — Останешься в классе на пятнадцать минут после звонка.

У Джейн задрожали губы:

— Да, мисс Сидли.

Одним из ее трюков было умение ловко пользоваться очками. Весь класс отражался в ее толстых стеклах, и втайне она всегда наслаждалась видом виноватых, перепуганных физиономий тех, чьи мелкие шалости она разоблачала. Теперь она заметила, как бледный, искаженный очками Роберт за первой партой сморщил нос. Она промолчала. Пока. Роберт сам попадетсЯ на крючок, если просунуть его чуть дальше.

— Роберт, — она чеканила слоги. — Роберт, пожалуйста, составь предложение со словом «завтра».

Роберт задумался над задачей. Класс разморило на ярком сентябрьском солнышке. Электрические часы над дверью извещали, что остается еще полчаса до желанных трех, и единственное, что не давало детям уснуть над тетрадками по правописанию, была зловещая спина мисс Сидли.

— Я жду, Роберт.

— Завтра случится что-то плохое, — сказал Роберт. Слова звучали абсолютно безобидно, но мисс Сидли, которая, как и все блюстители дисциплины, обладала развитым седьмым чувством, они крайне не понравились. — Зав-тра, — закончил Роберт. Руки у него аккуратно лежали на парте, и он снова сморщил нос. А еще едва заметно улыбнулся краешком рта. Мисс Сидли вдруг ощутила необъяснимую уверенность, что Роберту известен ее трюк с очками.

Ну что ж, прекрасно.

Она начала молча выписывать следующее слово — ее прямая спина говорила сама за себя. Она внимательно следила краем глаза. Скоро Роберт покажет язык или сделает этот отвратительный жест пальцем, который они все знали (кажется, даже девочки теперь знают этот жест), просто чтобы проверить, действительно ли она видит то, что он делает. Вот тогда и последует наказание.

Отражение было слишком невелико, расплывчато и искажено. И она вся сосредоточилась на слове, которое писала, следя разве что совсем крохотным уголком глаза.

Роберт изменился.

До нее дошло лишь слабое отражение, просто пугающее мимолетное превращение лица Роберта во что-то... иное.

Она резко повернулась, бледная, не замечая протестующего прилива боли в спине.

Роберт мягко, вопросительно взирал на нее. Руки аккуратно сложены. На затылке первые признаки будущего вихра. Он не выглядел испуганным.

«Мне показалось, — подумала она. — Я на что-то смотрела, и, хотя там ничего не было, мне что-то привиделось. Просто так получилось. Однако...»

— Роберт? — Она пыталась произнести это властно, так, чтобы в ее голосе звучало невысказанное требование сознаться. Но не вышло.

— Да, мисс Сидли? — Его глаза были темно-карие, почти черные, будто ил на дне ленивого ручья.

— Ничего.

Она повернулась к доске. По классу пронесся шепоток.

«Спокойно!» — приказала она себе и снова обернулась к ним лицом.

— Еще один звук, и вы все останетесь после уроков вместе с Джейн! — Она обращалась ко всему классу, но смотрела прямо на Роберта. Его взгляд выражал оскорбленную невинность: «Кто, я? Только не я, мисс Сидли».

Она повернулась к доске и начала писать, уже не косясь даже краешком глаза. Истекли последние полчаса, и ей

показалось, что Роберт, выходя, бросил на нее странный взгляд. Он как бы говорил: «У нас с вами секрет, правда?»

Этот взгляд не выходил у нее из головы. Он застрял там, будто крохотный кусочек мяса между двумя резцами — вроде бы маленький, а ощущение такое, будто там целый камень.

В пять часов она принялась в одиночестве за обед (вареные яйца с поджаренными хлебцами), не переставая думать об этом. Она знала, что стареет, и воспринимала это спокойно. Она не из тех школьных старых дев, которых с воплями и причитаниями выпроваживают на пенсию. Такие напоминали ей картежников, которых не оторвешь от стола, когда они проигрывают. Она-то не проигрывала. Она всегда была в выигрыше.

Она опустила глаза на свой незатейливый обед.

Всегда ли?

Перед ней предстали чисто вымытые детские личики ее третьего класса, и отчетливее всех — лицо Роберта.

Она встала и зажгла свет.

Позже, когда она уже засыпала, перед ней проплыло лицо Роберта, неприятно ухмылявшееся в темноте. Лицо начало изменяться.

Но прежде чем она ясно представила, во что оно превратилось, его поглотила тьма.

Мисс Сидли провела бессонную ночь и пришла в класс с соответствующим настроением. Она ждала, почти надеялась, что кто-то зашепчет, захихикает, а то и пукнет. Но класс вел себя тихо — очень тихо. Они безропотно устали на нее, и казалось, что их глаза, словно слепые муравьи, давят на нее.

«Перестань! — строго приказала она себе. — Ты ведешь себя, как капризная выпускница учительского колледжа!»

Снова день тянулся бесконечно, и когда прозвучал последний звонок, она испытала большее облегчение, чем школьники. Дети выстроились у двери ровной шеренгой, по росту, взявшись за руки.

— Разойдитесь, — скомандовала она и огорченно слушала их радостные вопли, когда они выбегали через вестибюль на яркое солнышко.

«Во что же оно превратилось? Что-то луковицеобразное. Оно мерцало. Уставилось на меня, да, уставилось и ухмылялось, и это было вовсе не детское лицо. Оно было старое и злое и...»

— Мисс Сидли?

Голова у нее дернулась, и она произвольно икнула.

Это был мистер Ханнинг. Он сказал с извиняющейся улыбкой:

— Не хотел вас испугать.

— Все в порядке, — произнесла она более сухо, чем намеревалась. О чем она думала? Что с ней происходит?

— Давайте проверим бумажные полотенца в туалете для девочек, если вы не возражаете.

— Конечно. — Она встала, приложив руки к пояснице. Ханнинг сочувственно посмотрел на нее. «Ради Бога, — подумала она. — Старой деве вовсе не весело. И даже не интересно».

Она прошмыгнула мимо Ханнинга и направилась через вестибюль в туалет для девочек. Стайка мальчишек, которые несли ободранные и исцарапанные бейсбольные принадлежности, замолкла при виде ее и с виноватыми лицами просочилась за дверь, откуда вновь донеслись их крики.

Мисс Сидли нахмурилась, размышляя над тем, что в ее время дети были другими. Не вежливее — на это у детей никогда нет времени, и не то чтобы они больше уважали старших; у этих появилось какое-то лицемерие, которого раньше не было. Послушание с улыбкой на виду у взрослых — этого раньше не было. Какое-то тихое презрение — оно выводило из себя и нервировало. Как будто они...

«Скрываются под личиной? Так, что ли?»

Она отогнала от себя подобные мысли и вошла в туалет. Это было маленькое Г-образное помещение. Унитазы выстроились в ряд вдоль длинной стены, раковины — по обе стороны короткой.

Проверяя корзинки для бумажных полотенец, она взглянула на свое отражение в зеркале и вздрогнула, присмотревшись к нему. Ее не волновало то, что она увидела, нисколько. Появилось выражение, которого не было еще два дня назад, — испуганное, настороженное. С внезапным ужасом она осознала, что расплывчатое отражение бледного, почтительного лица Роберта в ее очках запало ей в душу и засело там, словно гнойник.

Дверь открылась, и она услышала, как вошли две девочки, хихикая над чем-то своим. Уже собравшись выйти из-за угла, она услышала собственное имя. Она повернулась к раковинам и начала вновь проверять корзинки для полотенец.

— А тогда он...

Тихие смешки.

— Она знает, но...

Опять смешки, тихие и липкие, как сильно раскисшее мыло.

— Мисс Сидли...

«Прекратить! Прекратить этот шум!»

Бесшумно крадучись, она могла видеть их тени, расплывчатые и нечеткие в рассеянном свете, который просачивался сквозь матовые стекла.

Ее осенила новая мысль.

«Они знали, что я здесь».

Да. Да, они знали. Маленькие сучки знали.

Она вытрясет из них душу. Будет трясти, пока не застучат зубы и смешки не превратятся в вопли, будет бить их головой о кафельные стены, пока не заставит их сознаться, что они знали.

И тут тени изменились. Казалось, они вытянулись, потекли, словно плавящийся воск, приобретая причудливые сгорбленные формы, и мисс Сидли вынуждена была прислониться спиной к фарфоровому умывальнику; сердце у нее бешено колотилось.

А они все хихикали.

Голоса изменились, они больше не принадлежали девочкам, они стали будто бесполоми, бездушными и очень,

очень зловредными. Медленный, набухающий звук, подобно нечистотам, затекал в уши, где она стояла.

Глядя на сгорбленные тени, она вдруг истошно завопила. Вопль разрастался, разбухая у нее в голове до градуса полного безумия. Хихиканье, словно смех демонов, последовало за ней во тьму.

Конечно, она не могла рассказать им правду.

Мисс Сидли поняла это сразу, как только открыла глаза и увидела встревоженные лица мистера Ханнинга и миссис Кроссен. Миссис Кроссен совала ей под нос нюхательную соль из аптечки. Ханнинг обернулся и отправил домой двух маленьких девочек, которые с любопытством рассматривали мисс Сидли.

Они обе улыбнулись с видом «ага, а мы знаем секрет» и вышли.

Очень хорошо, она сохранит их секрет. На какое-то время. Она не даст повода считать, что сошла с ума или что у нее преждевременные признаки старческого маразма. Она будет играть в их игру. Пока не разоблачит их зловредность и не вырвет ее с корнем.

— Наверное, я поскользнулась, — спокойно произнесла она, усаживаясь и не обращая внимания на дьявольскую боль в спине. — В одном месте было мокро.

— Это ужасно, — сказал Ханнинг. — Просто страшно. Как вы...

— Ваша спина не пострадала, Эмили? — прервала его миссис Кроссен. Ханнинг с благодарностью взглянул на нее.

— Нет, — ответила мисс Сидли. — На самом деле падение произвело маленькое ортопедическое чудо. Моей спине уже много лет не было так хорошо.

— Можно вызвать врача, — предложил Ханнинг.

— Не нужно, — холодно улыбнулась она.

— Я вызову вам такси.

— Не стоит беспокоиться, — произнесла мисс Сидли, направляясь к двери туалета и открывая ее. — Я всегда езжу автобусом.

Ханнинг вздохнул и посмотрел на миссис Кроссен. Миссис Кроссен молча закатила глаза.

На следующий день мисс Сидли оставила Роберта после уроков. Он не сделал ничего, заслуживающего наказания, поэтому она просто прибегла к ложному обвинению. Угрызений совести она не испытывала: он ведь чудовище, а не маленький мальчик. Она обязана заставить его сознаться в этом.

Спина у нее была в плачевном состоянии. Она поняла, что Роберт знает и ожидает, что это ему поможет. Не выйдет! Это еще одно ее маленькое преимущество. Спина у нее болит постоянно уже двенадцать лет, и уже много раз она испытывала подобное — ну, *почти* подобное.

Она закрыла дверь, чтобы исключить свидетелей.

Некоторое время она стояла неподвижно, пристально глядя на Роберта. Она ждала, когда он опустит глаза. Не дождалась. Он посмотрел на нее, и вдруг легкая улыбка заиграла в уголках его рта.

— Почему ты улыбаешься, Роберт? — мягко спросила она.

— Не знаю, — ответил Роберт, продолжая улыбаться.

— Скажи мне, пожалуйста.

Роберт ничего не сказал.

И по-прежнему улыбался.

Шум от детских игр во дворе доходил словно издалека, глухо. Реальным осталось только гипнотизирующее тиканье стенных часов.

— Нас немало, — вдруг вымолвил Роберт таким тоном, будто сообщал о погоде.

Настала очередь мисс Сидли замолчать.

— Только в этой школе одиннадцать.

«Всюду зло, — подумала она, пораженная до глубины души. — Страшное, немыслимое зло».

— Маленькие мальчики, которые выдумывают всякие истории, попадают в ад, — четко произнесла она. — Я знаю, что многие родители теперь не сообщают своим... своим *потомкам*... об этом обстоятельстве, но уверяю

тебя, это *вполне* достоверный факт, Роберт. Маленькие мальчики, которые выдумывают всякие истории, попадают в ад. Маленькие девочки, кстати, тоже.

Улыбка у Роберта стала еще шире; она сделалась коварной:

— Хотите посмотреть, как я изменяюсь, мисс Сидли? Показать вам интересное представление?

У мисс Сидли закололо в спине.

— Уходи, — сухо сказала она. — И приведи завтра в школу маму или папу. Мы обсудим этот вопрос. — Так. Снова на твердую почву. Она ждала, что это лицо искривится, ожидала слез.

Вместо этого улыбка Роберта еще растянулась — так, что показались зубы.

— Это будет вроде «покажи-расскажи», да, мисс Сидли? Роберт — *тот* Роберт — любил играть в «покажи-расскажи». Он еще прячется где-то у меня в голове. — Улыбка скрылась в уголках его рта, словно обугливающаяся бумага. — Иногда он начинает носиться — прямо зудит. Просит выпустить его наружу.

— Уходи, — оцепенело произнесла мисс Сидли. Тиканье часов громом отдавалось в ушах.

Роберт изменился.

Лицо его вдруг расплылось в разные стороны, будто плавящийся воск, глаза сделались плоскими и растеклись, как яичные желтки, когда их отделяют от белков, нос расширился и сплющился, рот исчез. Голова удлинилась, а вместо волос появились скрученные, спутанные веревки.

Роберт начал хихикать.

Какой-то пещерный звук донесся из того, что было носом, но сам нос провалился в нижнюю половину лица, ноздри сошлись и слились в черную яму, образуя нечто вроде громадного орущего рта.

Роберт встал, продолжая хихикать, и за всем этим она еще могла рассмотреть последние жалкие остатки другого Роберта, настоящего маленького мальчика, которого поглотило это жуткое чудовище, мальчика, который в ужасе вопил, умоляя, чтобы его выпустили.

Она убежала.

Она с криком мчалась по коридору, и немногие задержавшиеся школьники недоуменно оглядывались. Ханнинг распахнул свою дверь и выглянул как раз в тот момент, когда она вылетела через широкую стеклянную входную дверь — дикое, размахивающее руками пугало на фоне яркого сентябрьского неба.

Он побежал вслед за ней, тряска кадыком:

— Мисс Сидли! Мисс *Сидли!*

Роберт вышел из класса и с любопытством наблюдал за всем этим.

Мисс Сидли ничего не видела и не слышала. Она промчалась по ступенькам через тротуар на проезжую часть, опережая свой собственный крик. Раздался отчаянный сигнал, и громада автобуса надвинулась на нее; лицо водителя от страха превратилось в белую маску. Пневматические тормоза взвыли и зашипели, как разъяренные драконы.

Мисс Сидли упала, и огромные колеса, дымясь, замерли в двадцати сантиметрах от ее хрупкого, затянутого в корсет тела. Она лежала, содрогаясь, на асфальте, слыша, как вокруг собирается толпа.

Обернувшись, она увидела, как дети рассматривают ее. Они образовали тесный кружок, будто гробовщики вокруг открытой могилы. А у края могилы стоял Роберт, маленький трезвый служака, готовый бросить первый ком земли ей на лицо.

Издали доносилось бормотание дрожащего водителя: «Крыша поехала, что ли... еще десяток сантиметров...»

Мисс Сидли разглядывала детей. Их тени закрыли ее. Бесстрастные лица. Некоторые улыбались странными ухмылками, и мисс Сидли поняла, что сейчас снова закричит.

Тут Ханнинг разорвал их тесный круг, приказал уйти, и мисс Сидли начала беззвучно рыдать.

Целый месяц она не появлялась в своем классе. Она предупредила Ханнинга, что чувствует себя не очень

хорошо, и тот предположил, что мисс Сидли пойдет к серьезному врачу и все с ним обсудит. Она согласилась, что это единственный разумный выход. Она сказала также, что если школьный совет хочет ее отставки, она немедленно напишет заявление, хотя ей будет очень больно это сделать. Ханнинг, испытывая неловкость, заметил, что не видит в том особой необходимости. Решено было, что мисс Сидли выйдет на работу в конце октября, готовая снова играть в эту игру и зная теперь правила.

Первую неделю она не вмешивалась в ход событий. Казалось, весь класс теперь рассматривает ее холодными, враждебными глазами. Роберт снисходительно улыбался ей с первой парты, и она не осмеливалась вызывать его.

Однажды, во время ее дежурства на спортплощадке, улыбающийся Роберт подошел к ней с бейсбольным мячом в руках.

— Нас теперь столько, что вы и не поверите, — сообщил он. — И никто другой не поверит. — Он ошеломил ее, подмигнув с невероятной хитрецей. — Если вы, знаете ли, попытаетесь им сказать.

Девочка на качелях пристально посмотрела на мисс Сидли с другого конца площадки и рассмеялась.

Мисс Сидли безмятежно улыбнулась Роберту:

— Да ну, Роберт, о чем это ты говоришь?

Но Роберт с прежней ухмылкой продолжил игру.

На следующий день мисс Сидли принесла в школу в своей сумочке пистолет. Он принадлежал ее брату. Тот отобрал его у убитого немца после битвы в Арденнах. Джим уже десять лет как умер. По крайней мере лет пять она не открывала ящик, где лежал пистолет, но когда открыла, увидела, что он все еще находится там, отливая вороненой сталью. Обоймы с патронами тоже оказались на месте, и она старательно зарядила пистолет, как ее учил Джим.

Она весело улыбнулась своему классу, Роберту в первую очередь. Тот улыбнулся в ответ, но она почувствовала, что под этой улыбкой сгустилось что-то чуждое и мрачное, полное липкой грязи.

Она понятия не имела, что на самом деле находится в теле Роберта, и ее это не волновало; она надеялась только, что настоящий маленький мальчик полностью исчез. Она не хотела быть убийцей. Она решила, что настоящий Роберт или умер, или сошел с ума, живя внутри грязной ползучей твари, которая хихикала над ней в классе и заставила ее с воплем выбежать на улицу. Так что даже если он еще жив, прекратить такое жалкое существование было бы актом милосердия.

— Сегодня у нас будет большой Тест, — объявила мисс Сидли.

Класс не проявил ни страха, ни одобрения; они просто смотрели на нее. Их глаза прямо-таки давили на нее, тяжелые и неотступные.

— Это специальный Тест. Я буду вызывать вас в ротапринтную одного за другим и задавать этот Тест. Потом каждый получит конфетку и пойдет домой до окончания занятий. Разве плохо?

Они изобразили пустые улыбки и не сказали ничего.

— Роберт, пойдешь первым?

Роберт встал со своей рассеянной улыбкой. Он нагло сморщил нос прямо ей в лицо:

— Да, мисс Сидли.

Мисс Сидли взяла сумочку, и они пошли вместе по пустому, гулкому коридору, куда доносился усыпляющий шум уроков. Ротапринтная находилась в дальнем конце вестибюля, за туалетами. Два года назад там сделали звуконепроницаемую обивку, потому что старенькая машина ужасно шумела.

Мисс Сидли закрыла за собой дверь и заперла ее.

— Никто тебя не услышит, — спокойно произнесла она. Она достала пистолет из сумочки. — Ни тебя, ни это.

Роберт улыбнулся с невинным видом.

— Все равно нас очень много. Гораздо больше, чем здесь. — Он положил свою маленькую руку на лоток ротапринта. — Хотите еще посмотреть, как я изменяюсь?

Прежде чем она успела раскрыть рот, лицо Роберта начало проваливаться в яму вокруг рта, и мисс Сидли

застрелила его. Прямым попаданием. В голову. Он упал на заполненную бумагой полку и свалился на пол, маленький мертвый мальчик с круглой черной дырочкой над правым глазом.

Мисс Сидли стояла над ним, тяжело дыша. У нее отлила кровь от лица.

Сгорбленная фигурка не шевелилась.

Это был человек.

Это был Роберт.

Нет!

«Тебе все это привиделось, Эмили. Просто привиделось».

Нет! Нет, нет, *нет!*

Она поднялась в классную комнату и стала вызывать их одного за другим. Она перебила двенадцать и уничтожила бы всех, если бы миссис Кроссен не явилась за пачкой бланков. У миссис Кроссен от ужаса расширились глаза; одна рука непроизвольно потянулась вверх и зажала рот. Она заорала и продолжала орать, пока мисс Сидли не подошла к ней и не положила ей руку на плечо.

— Это нужно было сделать, Маргарет, — сказала она плачущей миссис Кроссен. — Ужасно, но надо. Они все чудовища.

Миссис Кроссен смотрела на пестрые пятнышки распростертых на полу детских фигурок и продолжала кричать. Маленькая девочка, которую мисс Сидли держала за руку, монотонно плакала:

— Ва-а-а... ва-а-а... ва-а-а-а-а.

— Изменись, — приказала мисс Сидли. — Изменись для миссис Кроссен. Покажи ей, как это делается.

Девочка, ничего не понимая, продолжала рыдать.

— Черт побери, *изменись!* — взвизгнула мисс Сидли. — Грязная сука, подлая тварь, гнусная нечеловеческая сука! Будь ты проклята, изменись! — Она подняла пистолет. Девочка съежилась от страха, и тогда миссис Кроссен прыгнула, как кошка, и спина мисс Сидли не выдержала.

Суда не было.

Пресса требовала его, убитые горем родители истерически проклинали мисс Сидли, а город был потрясен, но в конце концов возобладало здравомыслие, и суда решили не устраивать. Законодательное собрание штата ужесточило требования к учителям на экзаменах, школа на Саммер-стрит закрылась на неделю для похорон, а мисс Сидли тихонько спровадили в сумасшедший дом в Огасте. Ей делали самые сложные анализы, давали самые современные лекарства, проводили сеансы трудотерапии. Год спустя под строгим контролем подвергли экспериментальной шоковой терапии.

Бадди Дженкинс сидел за стенкой из матового стекла с папкой в руках и наблюдал за помещением, оборудованным под детский сад. На дальней стене были нарисованы корова, прыгающая под луной, и мышка, бегающая вокруг часов. Мисс Сидли сидела в кресле с книгой, окруженная группой доверчивых, визжащих, смеющихся детей. Они улыбались ей и трогали ее влажными пальчиками, а санитары за другим окном внимательно следили за малейшими проявлениями агрессивности с ее стороны.

Какое-то время Бадди казалось, что она реагирует нормально. Она громко читала, гладила девочку по головке, утешала маленького мальчика, когда он споткнулся об игрушечный кирпич. Потом она увидела что-то, видимо, озабовавшее ее; брови ее нахмурились, и она отвернулась от детей.

— Уведите меня отсюда, — сказала мисс Сидли тихо и бесстрастно, ни к кому конкретно не обращаясь.

И они увели ее. Бадди Дженкинс следил, как дети наблюдают за ее уходом: в их широко раскрытых глазах за видимой пустотой просматривалось что-то глубоко скрытое. Один улыбался, другой хитро сунул палец в рот. Две маленькие девочки, хихикая, толкали друг друга.

Той же ночью мисс Сидли перерезала себе горло осколком разбитого зеркала. После этого Бадди Дженкинс стал пристальнее наблюдать за детьми. Он просто не спускал с них глаз.

**ЗНАЕТЕ,
ОНИ КЛАССНО
ИГРАЮТ**

Когда Мэри проснулась, оказалось, что они заблудились. Она это сразу поняла, да и Кларк понимал, хотя вначале не хотел этого признать; его лицо приняло такое выражение: «я и так лажанулся, так отцепитесь от меня», рот у него сжался и становился все меньше, пока почти совсем не исчез. И он не принимал формулировку «заблудились» — он предпочитал «где-то не там свернули», и даже такое признание было для него верхом поражения.

Они выехали из Портленда вчера. Кларк работал в одной из гигантских компьютерных фирм — и это была его идея посмотреть ту часть Орегона, которая находилась за пределами приятного, но скучноватого пригорода Портленда, где они жили, — района, населенного сливками верхнего среднего класса и именуемого в просторечии Городком программистов.

«Говорят, там, на воле в пампасах, очень красиво, — сказал он ей. — Хочешь посмотреть? У меня свободная неделя, и уже пошли слухи о переводе. Если мы не посмотрим настоящий Орегон, то последние шестнадцать месяцев останутся в моей памяти лишь черной дырой».

Она охотно согласилась (занятия в школе закончились десять дней назад, а летней группы ей не дали), предвкушая удовольствие от путешествия наудачу, забыв о том, что проводимый на авось отпуск часто заканчивается довольно плачевно — отдыхающие теряются на каком-нибудь проселке, который, петляя в зарослях, ведет в никуда. «Это будет приключение, — думала она, — по крайней мере, можно на это и так посмотреть», — но ей

в январе исполнилось тридцать два, и она считала себя чуть староватой для приключений. В ее понимании настоящий отпуск означал чистый мотель со сверкающей ванной, купальными халатами на кровати и работающей сушилкой для волос.

Первый день, однако, был прекрасным — местность оказалась необычайно красивой, и даже Кларк, что было весьма непривычно, несколько раз в восхищении замолкал. Они провели ночь в чудесной деревенской гостинице западнее Юджина, занимались любовью не один, а два раза (для этого она определенно не считала себя староватой), а утром направились на юг, рассчитывая попасть на водопад Кламат-Фоллс. Они ехали по шоссе штата №58, и это было правильно, но потом, после ленча в городке Окридж, Кларк предложил съехать с трассы, забитой грузовиками и лесовозами.

— Ну, не знаю... — Мэри отвечала с осмотрительностью женщины, которая от своего мужа уже наслышалась подобных предложений и навидалась их последствий. — Я не хочу там заблудиться, Кларк. Там слишком пусто. — Она ткнула ухоженным ноготком в зеленое пятно на карте с надписью «Пустынный район Боулдер-Крик». — Видишь, «пустынный»; значит, ни заправочных станций, ни комнат отдыха, ни мотелей.

— Давай, поехали, — сказал он, отодвигая остатки бифштекса. Из музыкального автомата доносилась песня «Шесть дней в пути» в исполнении Стива Эрла и группы «Дьюкс», а за заляпанными грязью окнами носились на роликах мальчишки со скучающими лицами. Вид у них был такой, словно они лишь отбывают номер в ожидании, когда подрастут и разнесут к чертям весь этот город, и Мэри прекрасно понимала их состояние. — Ничего страшного. Через несколько миль к востоку мы вернемся на 58-е... потом свернем на юг, на шоссе штата №42... вот тут, видишь?

— Ага. — Она увидела также, что шоссе №58 обозначено жирной красной линией, тогда как 42-е — лишь еле заметной черной рисочкой. Но она наелась мяса с карто-

фельным пюре и, чувствуя себя удавом, только что проглотившим козленка, не хотела вступать в спор с инстинктом первопроходца своего мужа. Ей хотелось только разложить сиденье их доброго старого «мерседеса» и немножко поспать.

— Потом, — продолжал Кларк, — вот эта дорога. Она без номера, значит, просто проселок, но зато ведет прямо в Токети-Фоллс. А оттуда остается только выскочить на федеральное шоссе №97. Ну так как?

— Скорее всего, ты заблудишься, — ответила она — проблеск мудрости, о котором она потом вспоминала с запоздалым сожалением. — Но это не страшно, лишь бы нашлось где развернуться нашей «Принцессе».

— Вот это истинно по-американски! — просиял он и снова придвинул к себе тарелку. И принялся сосредоточенно доедать.

— Тьфу, — сказала она, прикрывая рот рукой и морщась. — И как ты можешь это есть?

— Совсем неплохо, — произнес Кларк таким бесцветным тоном, что только жена могла понять его значение. — Кроме того, путешественнику надлежит питаться туземной пищей.

— Похоже, кто-то вычихнул нюхательный табак на осклизлую котлету, — продолжала она. — Повторяю: тьфу.

Они выехали из Окриджа в хорошем расположении духа, и поначалу все шло замечательно. Неприятности начались, когда они свернули с шоссе №42 на необозначенный проселок, который, по мнению Кларка, должен был вывести их прямо в Токети-Фоллс. Первое время было нормально: проселок был гораздо лучше 42-го, которое даже летом было все в ухабах и ямах. Они весело ехали, по очереди меняя кассеты в плеере. Кларк обожал Уилсона Пикетта, Эла Грина и группу «Поп стейплз». Вкусы Мэри были диаметрально противоположными.

— Что ты находишь во всех этих белых парнях? — спросил он, когда она поставила свою любимую вещь — «Нью-Йорк» Лу Рида.

— За одного из них я вышла замуж, — ответила она, и Кларк рассмеялся.

Первый признак тревоги появился пятнадцать минут спустя, когда они доехали до развилки. Оба участка выглядели одинаково многообещающими.

— Ну и ну, — произнес Кларк, протягивая руку и щелкая кнопкой отделения для перчаток, чтобы достать карту. Он долго изучал ее. — Этого нет на карте.

— Приехали, — сказала Мэри. Она уже засыпала, когда Кларк наткнулся на развилку, и поэтому была слегка раздражена. — Хочешь совет?

— Нет, — ответил он тоже несколько раздраженным тоном, — но, видимо, все равно его получу. А я терпеть не могу, когда ты вот так пялишься на меня, хотя сама ничего не знаешь.

— Что это за дорога, Кларк?

— Я чувствую себя, как старый пес, который пукнул под столом, где обедает семья. Давай, говори все, что ты обо мне думаешь. Изливай все это на меня. Твоя очередь.

— Давай вернемся, пока еще есть время. Вот мой совет.

— Ага. Отчего бы тебе не вывесить на дороге знак «ПОКАЯНИЕ»?

— Это что, шутка?

— Не знаю, Мэри, — мрачно произнес он и уселся, поглядывая то на карту, то на местность за заляпанным ветровым стеклом. Они были женаты почти пятнадцать лет, и Мэри достаточно хорошо знала его и была уверена, что он будет настаивать на том, чтобы ехать вперед... не только несмотря на неожиданную развилку, а как раз из-за нее.

«Когда Кларка Уиллингема гладят против шерсти, он не отступит», — подумала она, прикрывая рот, чтобы он не заметил ее усмешки.

Она не успела. Кларк взглянул на нее, приподняв бровь, и ее кольнула неприятная мысль: если она за столько времени научилась читать его так же легко, как

школьную хрестоматию, то ведь и для него она так же ясна.

— В чем дело? — спросил он чуть-чуть повышенным тоном. Вот тут-то — даже до того, как она уснула, дошло до нее теперь, — рот у него начал стремительно уменьшаться. — Хочешь принять участие, дорогая?

Она покачала головой:

— Просто горло прочищаю.

Он кивнул, сдвинул очки на лоб и склонился над картой, почти уткнувшись в нее носом.

— Ладно, — сказал он, — свернуть надо налево, потому что так мы попадем на юг, в Токети-Фоллс. Другое ответвление ведет на восток. Наверно, к какому-то ранчо.

— Если на ранчо, то почему дорога имеет разметку посередине?

Рот Кларка еще чуть уменьшился.

— Дорогая, ты не представляешь, какие богачи бывают среди этих фермеров.

Она хотела сказать ему, что времена разведчиков и пионеров давно прошли, что он вовсе не рискует головой, а потом решила, что ей гораздо больше хочется подремать на солнышке, чем грызться с мужем, особенно после такой восхитительной прошлой ночи. В конце концов, куда-то же они приедут, так ведь?

С этой утешительной мыслью, под тихое мурлыканье Лу Рида о последнем великом американском ките Мэри Уиллингем уснула. К тому времени, когда выяснилось, что выбранная Кларком дорога никуда не годится, ей снилось, что они вернулись в то кафе в Окридже, где накануне ели ленч. Она пытается всунуть монетку в музыкальный автомат, но щель забита чем-то, похожим на мясо. Один из мальчишек, игравших на стоянке, проходит мимо нее с роликовой доской под мышкой и в сбитой набекрень ковбойской шляпе.

«В чем тут дело?» — спрашивает его Мэри.

Мальчишка подходит, бросает равнодушный взгляд и пожимает плечами. «Просто труп какого-то типа разодран

на кусочки для вас и для других. Мы тут ничего плохого не делаем; это массовая культура, дорогуша».

Потом протягивает руку, неожиданно шиплет ее за грудь и топает дальше. Оглянувшись на автомат, она видит, что он весь залит кровью и в нем плавают что-то расплывчатое, отдаленно похожее на части человеческого тела.

«Может, отложить бы этот альбом Лу Рида», — думает она, и в луже крови за стеклом на диск ложится пластинка — именно та, что ей хотелось, — и Лу начинает петь «Целый автобус веры».

Пока Мэри снился этот тягостный сон, дорога все ухудшалась, ухабы становились все больше, пока не слились в один сплошной ухаб. Альбом Лу Рида — очень большой — кончился и завелся сначала. Кларк не обращал на это внимания. Приятная улыбка, с которой начинался день, исчезла без следа. Рот у него сжался до размеров розового бутона. Если бы Мэри не спала, она бы заставила его развернуться обратно. Это он знал, как знал и то, каким взглядом она посмотрит на него, когда проснется и увидит эту узкую полоску крошащегося щебня, сдавленную с обеих сторон густым сосновым лесом, в который никогда не заглядывало солнце. Ни одна встречная машина не попала с тех пор, как они свернули с шоссе №42.

Он знал, что нужно было вернуться — Мэри терпеть не могла, когда он вставал в подобное дерьмо, забывая при этом, что гораздо чаще ему удавалось безошибочно находить путь в переплетениях дорог (Кларк Уиллингом принадлежал к тем миллионам американских мужчин, которые убеждены, что у них в голове компас), — но он продолжал катить вперед, поначалу из упрямой уверенности, что они обязательно попадут в Токети-Фоллс, а потом лишь слабо надеясь на это. Впрочем, развернуться действительно было негде. Если попробовать, то «Принцесса» по ступицы колес завязнет в болотистой канаве, примыкавшей к тому, что по недоразумению называлось

дорогой, и Бог знает, сколько времени пройдет, пока не появится буксировщик, или сколько миль надо будет идти за ним пешком.

Потом наконец он выехал на место, где можно было развернуться, — очередная развилка, и все же решил не делать этого. Причина была проста: правая дорога была из гравия с глубокими колеями, поросшими густой травой, а левая — широкая, асфальтированная и разделена пополам желтой чертой. Согласно компасу в голове Кларка, эта дорога вела на юг. Он уже чуял Токети-Фоллс. Пятнадцать километров, ну двадцать пять—тридцать максимум.

Однако он еще раз поразмыслил, стоит ли разворачиваться. Когда позже он рассказал об этом Мэри, то увидел сомнение в ее глазах, но это действительно было так. Он решил ехать дальше потому, что Мэри зашевелилась, и он был совершенно уверен, что на разбитом, ухабистом участке, который он только что проехал, она проснется... и только взглянет на него своими прекрасными голубыми глазами. Только взглянет. Этого будет достаточно.

И вообще, зачем тратить полтора часа на обратную дорогу, когда до Токети-Фоллс рукой подать? «Посмотри на дорогу — подумал он. — Разве такая трасса может иссякнуть?»

Он выжал сцепление, выехал на левую дорогу, и, конечно же, она иссякла. За первым же холмом исчезла желтая полоса. За вторым кончился асфальт, и он катил по грунтовой дороге, и темный лес все ближе подступал к обочине, а солнце — Кларк впервые обратил на это внимание — было уже по другую сторону горизонта.

Асфальт кончился так внезапно, что Кларк не успел притормозить и перевести «Принцессу» на другую передачу: взвизгнули рессоры, и ее сотряс мощный толчок, от которого Мэри проснулась. Она вскочила и перепуганно огляделась. «Где...» — начала она, а затем в довершение всех событий этого дня послышался неразборчивый голос Лу Рида, который выстреливал слова медленной песни

«Добрый вечер, мистер Вальдхайм» со скоростью группы «Элвин и бурундуки».

— Ох! — произнесла она и нажала кнопку выброса. Голос Рида захлебнулся; длинные уродливые жеванные полосы магнитной ленты полезли из щели.

«Принцесса» въехала в огромную лужу, вильнула влево, а затем выползла, словно чайный клипер, счастливо миновавший шторм.

— Кларк?

— Не говори ничего, — процедил он сквозь плотно сжатые зубы. — Мы не заблудились — через пару минут появится асфальт, может быть, за следующим поворотом. Мы не заблудились.

Угнетенная сном (хотя она и не помнила точно, что видела), Мэри уложила испорченную пленку на колени и принялась разглаживать ее. Может быть, удастся купить другую... но не здесь же. Она взглянула на ветви могучих деревьев, нависавшие над дорогой, словно голодные гости над столом, и поняла, что отсюда далековато до ближайшего магазина грамзаписи.

Она взглянула на Кларка, отметила про себя, что щеки у него пунцовые, а рта почти не существует, и решила, что пока что разумнее будет помолчать. Если не бросаться на него с обвинениями, он, может быть, успеет образумиться до того, как это жалкое подобие дороги превратится в яму или зыбкое болото.

— И потом, я всегда смогу развернуться, — добавил он, как будто именно это она сейчас предложила.

— Вижу, — бесстрастно ответила она.

Он взглянул на нее, может быть, готовясь к бою, а может быть, просто растерянно, в надежде, что она не слишком злится на него — пока, во всяком случае, — а потом сосредоточился на дороге. Теперь проезжая часть заросла травой и сорняками и настолько сузилась, что, если бы им попалась встречная машина, одной из них пришлось бы сдавать назад. Почва по краям выглядела все более ненадежной: низенькие деревца, казалось, хватаются друг за друга в поисках опоры в болоте.

Электрических столбов по краям дороги не было. Она чуть не сказала об этом Кларку, но вовремя прикусила язык. Он вел молча, пока они не съехали со спуска. Он надеялся, что за поворотом дорога станет лучше, но это была все та же заросшая тропа. Правда, чуть заметнее и чуть пошире, в какой-то степени напоминая Кларку дороги в его любимой эпической фантастике таких авторов, как Терри Брукс, Стивен Дональдсон и, конечно, Дж. Р. Р. Толкиен, духовный отец их всех. В их сказках персонажи (как правило, с волосатыми ногами и остроконечными ушами) выбирали именно такие заброшенные дороги, несмотря на собственные мрачные предчувствия, и дело кончалось дракой с троллями, или гоблинами, или скелетами, размахивающими булавой.

— Кларк...

— Знаю, — произнес он и вдруг нанес по рулевому колесу короткий, сдержанный удар, имевший последствием только сдавленное «би-би». — Знаю. — Он затормозил «мерседес», который теперь занимал всю ширину дороги (дороги? Черт возьми, да ее назвать «тропинкой» и то будет большая честь), поставил нейтральную передачу и вышел. Мэри осторожно вылезла с другой стороны.

Деревья источали божественный запах бальзама, и она ощутила какую-то красоту в тишине, не нарушаемой ни гулом моторов (ни даже отдаленным жужжанием самолета), ни человеческим голосом... но было в этом и что-то настораживающее. Даже те звуки, которые она слышала: «фюить!» птички в тенистом ельнике, шорох ветра, еле различимое ворчание дизеля «Принцессы», — лишь подчеркивали окружающую их стену молчания.

Она взглянула на Кларка поверх серой крыши «мерседеса», и в этом взгляде не было ни упрека, ни гнева, а лишь мольба: «Давай убираться отсюда! Пожалуйста!»

— Извини, дорогая, — сказал он, и тревога в его голосе совсем не успокоила ее. — Правда.

Она пыталась заговорить, но слова не могли выйти из пересохшего горла. Она прокашлялась и попробовала опять:

— Как насчет того, чтобы вернуться назад, Кларк?

Он некоторое время подумал — снова слышались призывное «фюить!» птички и ответ откуда-то из глубины леса, — затем покачал головой:

— Только в крайнем случае. Отсюда не меньше трех километров до последней развилки...

— А что, была еще одна?

Он вздрогнул, опустил глаза и кивнул:

— Понимаешь... ты же видишь, какая узкая дорога и какие вязкие кюветы. Если мы свернем... — Он покачал головой и вздохнул.

— Значит, едем дальше.

— Видимо, да. Если уж дорога станет совсем никудышной, тогда придется попробовать.

— Но тогда мы заберемся еще глубже, так? — Пока что ей удавалось, и небезуспешно, как ей казалось, не допускать в свой голос обвинительную нотку, но делать это становилось все труднее. Она злилась на него, и весьма, злилась на себя — за то, что позволила ему затащить их сюда, во-первых, и за то, как сейчас обхаживает его, во-вторых.

— Да, но лучше рискнуть проехать вперед и найти широкое место, чем рисковать разворачиваться на этой дряни. Если уж не будет другого выхода, мне придется разворачиваться постепенно — пять минут заднего хода, десять минут отдыха, еще пять минут заднего хода... — Он выдавил подобие улыбки. — Это целое приключение.

— О да, конечно, — сказала Мэри, про себя определив это не как приключение, а как кучу неприятностей себе на голову — Ты продолжаешь переть напролом, потому что в глубине души до сих пор уверен, что за следующим поворотом покажется Токети-Фоллс?

Какое-то мгновение казалось, что рот у него вообще исчез, и она приготовилась к вспышке настоящей мужской ярости. Потом у него опустились плечи, и он лишь покачал головой. Ей показалось, что он выглядит, как тридцать лет назад, и это напугало ее гораздо больше, чем перспектива

застрять на грязном проселке в совершенно безлюдном месте.

— Нет, — сказал он. — Видимо, Токети-Фоллс не получится. Одно из правил движения в Америке гласит: дороги, вдоль которых нет электрических столбов, ведут в никуда.

Значит, и он это заметил.

— Поехали, — сказал он, забираясь в машину. — Я разобьюсь в лепешку, но выберусь отсюда. И в следующий раз буду слушать тебя.

«Ну да, — подумала Мэри со смесью иронии и усталого негодования, — это я уже не раз слышала». Но не успел он переключиться с нейтральной передачи, как она положила свою руку на его.

— Знаю, что будешь, — сказала она, превращая тем самым его слова в твердое обещание. — А теперь давай сматываться отсюда.

— Будь спокойна, — сказал Кларк.

— Повнимательнее.

— Насчет этого тоже будь спокойна. — Он слегка улыбнулся, отчего ей стало немного лучше, и затем занялся рычагом передачи. Большой серый «мерседес», выглядевший таким чужеродным в этом дремучем лесу, снова пополз по темной тропе.

Они проехали еще два километра, и ничего не изменилось, кроме ширины проселка: он сделался еще уже. Мэри подумала, что еловые лапы похожи уже не на голодных гостей на банкете, а на патологически любопытных зевак на месте дорожного происшествия. Если тропа станет еще уже, эти лапы начнут стучать в окна машины. Тем временем подлесок превратился из грязи в настоящее болото: кое-где различались озерца стоячей воды, присыпанной пылью и иголками. Сердце у нее билось слишком часто, и дважды она поймала себя на том, что кусает ногти — привычка, от которой она избавилась за год до того, как вышла за Кларка. До нее дошло, что если они

застрянут, то, несомненно, ночевать придется внутри «Принцессы». А в этих лесах водятся дикие звери — она, казалось, слышала их. Некоторых по звуку можно было принять за медведей. При мысли о том, как они стоят у своего безнадежно застрявшего «мерседеса», а навстречу выходит медведь, ей пришлось проглотить нечто похожее по размеру и вкусу на комок ваты.

— Кларк, по-моему, лучше все-таки попробовать задний ход. Уже четвертый час, и...

— Смотри, — указал он вперед. — Вроде бы знак?

Она прищурилась. Впереди тропа взбиралась на гребень густо поросшего лесом холма. На вершине виднелось что-то ярко-синее и продолговатое.

— Да, — ответила она. — Это действительно знак.

— Здорово! Ты можешь разобрать?

— М-да... «ЕСЛИ ВЫ ДОБРАЛИСЬ СЮДА, ЗНАЧИТ, ВЫ ТРОНУТЫЙ».

Он взглянул на нее со смесью любопытства и раздражения:

— Очень остроумно, Мэри.

— Спасибо, Кларк. Буду стараться.

— Поднимемся на вершину, прочтем знак и посмотрим, что там за гребнем. Если не увидим ничего хорошего, попробуем задний ход. Лады?

— Лады.

Он потрепал ее по бедру и осторожно повел машину дальше. «Мерседес» полз так медленно, что слышен был шорох мягко цепляющейся за шасси травы. Теперь Мэри действительно могла разобрать надпись на знаке, но сперва просто отвергла ее, посчитав ошибкой, — слишком уж это было нелепо. Но они подъезжали все ближе, а слова не менялись.

— Там написано то, что я думаю? — спросил Кларк.

Мэри коротко, испуганно рассмеялась:

— Да... но это больше похоже на шутку. Как по-твоему?

— Я уже никак не считаю — вот что меня беспокоит. Но я вижу кое-что, не похожее на шутку. Смотри, Мэри!

Метров за десять до знака — у самой вершины — дорога вдруг резко расширилась, на ней появились и асфальт, и разделительная полоса. У Мэри словно камень свалился с сердца.

Кларк ухмыльнулся:

— Здорово, правда?

Она весело кивнула, тоже расплываясь в улыбке.

Они доехали до знака, и Кларк затормозил. Они вновь прочли:

Добро пожаловать в Рок-н-Ролл-Рай,
штат Орегон

МЫ ГОТОВИМ НА ГАЗЕ!
И ВЫ БУДЕТЕ ТОЖЕ!

Слоны Торговая палата Львы Лоси

— Это, конечно, розыгрыш, — повторила она.

— Может быть, и нет.

— Город под названием Рок-н-Ролл-Рай? Опомнись, Кларк.

— Почему бы и нет? Есть же Стон в Нью-Мексико, Акула в Неваде, а один городок в Пенсильвании называется Коитус. Так почему не быть в Орегоне Рок-н-Ролл-Раю?

Она весело рассмеялась. Облегчение было почти невероятным.

— Ты это придумал.

— Что?

— Коитус, штат Пенсильвания.

— Ничего подобного. Ральф Гинцберг когда-то пытался отправить оттуда журнал под названием «Эрос». Ради штемпеля. На почте отказались. Клянусь. Так что кто знает? Может, город основан коммуной хиппи, которых в шестидесятых тянуло назад, к природе. Они втянулись в буржуазную жизнь — «Слоны», «Львы», «Лоси», — но первоначальное название осталось. — Его

захватила новая идея; она казалась ему смешной и ностальгически прекрасной одновременно. — В общем-то, неважно. Важно то, что мы выбрались на мощеную дорогу, милая.

Она кивнула:

— Так поезжай. Но осторожно.

— Да уж. — «Принцесса» коснулась мощеной поверхности — это был не асфальт, а какой-то материал, гладкий, без заплат и температурных швов. — Куда уж озор...

Тут они въехали на гребень холма, и последнее слово замерло у него на губах. Он с такой силой нажал на тормоз, что ремни безопасности застегнулись сами по себе, а затем перевел рычаг передачи в нейтральное положение.

— Святый Боже! — вырвалось у Кларка.

Они сидели в неподвижном «мерседесе» и, раскрыв рты, рассматривали городок внизу.

Это был прямо-таки городок в табакерке, приютившийся в крохотной долине. Напрашивалось сравнение с картинами Нормана Рокуэлла. Она пыталась уверить себя, что это просто география: дорога, круто спускающаяся в долину, густой темно-зеленый лес, окружающий город, — скопление толстых, древних елей на фоне золотых полей; но это была совсем не просто география, и Кларк, видимо, тоже это понимал. Все находилось в такой тонкой гармонии, например, церковные шпили — один к северу от ратуши, другой к югу. Кирпично-красное здание на востоке — это, конечно, школа, а вон то большое белое к западу от него, с башенкой, на верхушке которой виднелась спутниковая антенна, — ясное дело, мэрия. Домики выглядели до невозможности чистенькими и ухоженными, как на рекламе в довоенных журналах вроде «Сэтердей ивнинг пост» или «Америкэн меркьюри».

«Из каких-то труб должен виться дымок», — подумала Мэри, и при ближайшем рассмотрении так и оказалось. Вдруг она вспомнила рассказ из «Марсианских

хроник» Рея Брэдбери. Он назывался «Третья экспедиция», и в нем марсиане ловко замаскировали бойню под то, что всем казалось ожившими воспоминаниями детства.

— Разворачивайся, — резко сказала она. — Здесь достаточно места, если маневрировать осторожно.

Он медленно обернулся, но ее уже не волновало выражение его лица. Он уставился на нее, как на сумасшедшую:

— Дорогая, что ты...

— Мне это не нравится, вот и все. — Она чувствовала, как лицо у нее наливается кровью, но все равно стояла на своем. — Мне это напоминает страшный рассказ, который я читала в детстве. — Она помолчала. — А еще напоминает о домике-конфетке в сказке про Ганзеля и Гретель.

Он все еще сохранял это свое выражение «а я не верю», и она поняла, что он хочет спуститься вниз — продолжение того идиотского гормонального взрыва, который охватил его утром на шоссе. Ему хотелось совершать открытия, Господи помилуй! И, конечно, хотелось купить сувенир. Например, майку с надписью вроде «Я БЫЛ В РОК-Н-РОЛЛ-РАЕ, И, ЗНАЕТЕ, ОНИ КЛАССНО ИГРАЮТ».

— Дорогая, — начал он нежным, вкрадчивым голосом, каким всегда убеждал ее вляпаться в очередную авантюру.

— Перестань. Хочешь сделать мне приятное — разворачивайся и возвращайся на шоссе №58. Если сделаешь это, вечером получишь вознаграждение. Даже два раза, если захочешь.

Он глубоко вздохнул — руки на рулевом колесе, глаза устремлены прямо вперед. Наконец, не глядя на нее, произнес:

— Посмотри на ту сторону долины, Мэри. Видишь, там вверх вьется дорога.

— Да.

— Видишь, какая широкая? Гладкая? Прекрасно мощеная?

— Кларк, это вряд ли...

— Смотри! По-моему, там самый настоящий автобус. — Он указал на желтое пятнышко, движущееся по дороге в сторону города, отблескивая металлическим верхом на жарком солнце. — Вот мы и встретили еще одну машину в этой части света.

— И все-таки.

Он схватил карту, лежавшую на приборной доске, и, когда обернулся к ней, Мэри с ужасом поняла, какая злость скрывается за этим веселым, лстивым голосом:

— Слушай, Мэри, и внимательно, чтобы потом не было вопросов. Может, я и могу развернуться здесь, а может, и нет — тут шире, но не настолько, чтобы быть уверенным. А грунт, по-моему, еще хлипкий.

— Кларк, пожалуйста, не кричи на меня. У меня голова болит.

Он сделал над собой усилие и понизил голос:

— Если я развернусь, до 58-го остается двадцать километров той гадости, по которой мы проехали...

— Двадцать километров — это немного. — Она пыталась быть твердой, хотя бы для самоутверждения, но чувствовала, что ее сопротивление слабеет. Она ненавидела себя за это, но ничего не могла изменить. В нее закралось ужасное подозрение, что именно так мужчины всегда добиваются своего: не потому что они правы, а потому что безжалостны. Они спорят, словно играют в футбол, и, если поддаваться, твоя душа будет вся в синяках.

— Нет, двадцать километров — это немного, — продолжал он своим самым вкрадчивым «я стараюсь не задуть тебя, Мэри» голосом, — а как насчет по крайней мере сотни, которые нам придется тащиться через эти леса, если мы выберемся на 58-е?

— Ты так говоришь, будто мы опаздываем на поезд, Кларк!

— Просто это меня злит, вот и все. Ты только взглянула на маленький городок внизу и уже кричишь, что он тебе напоминает какую-то «Пятницу, 13-е число, часть XX»

или что-то в этом роде, и уже хочешь дать деру. А вон та дорога, — он указал на противоположный край долины, — ведет на юг. По этой дороге, наверно, максимум полчаса до Токети-Фоллс.

— То же самое ты говорил в Окридже, прежде чем мы отправились в Страну Волшебных Тайн.

Он опять всмотрелся в нее — рот у него будто свело судорогой, — а затем взялся за рычаг передач.

— К черту, — прорычал он. Разворачиваемся. Но если по пути встретится хоть одна машина, Мэри, всего одна, мы вернемся в Рок-н-Ролл-Рай. Итак...

Второй раз она положила свою руку на его прежде, чем он выжал сцепление.

— Поезжай, — сказала она. — Ты, вероятно, прав, а я, вероятно, сглупила. Просто сглупила — ты поступаешь разумнее меня, я это признаю по крайней мере, и готова подчиниться, но все равно я здесь чувствую что-то не то. Так что ты должен меня простить, если я не буду размахивать юбкой с лозунгом: «Вперед за Кларком».

— Господи! — ужаснулся он. На его лице все еще сохранялось неуверенное выражение, придававшее ему необычный — и довольно неприятный — мальчишеский вид. — Ты загрустила, да, лапочка?

— Думаю, что да, — ответила она в надежде, что он не заметит, как ей противно такое подлизывание. В конце концов, ей тридцать два, а ему сорок один. Она чувствовала себя староватой для того, чтобы быть чьей-то лапочкой, а его староватым для того, чтобы в лапочке нуждаться.

Тогда озабоченное выражение исчезло с его лица, и он стал прежним Кларком, которого она любила и с которым надеялась прожить остаток дней своих.

— Ты бы классно выглядела, размахивая юбкой, — хмыкнул он, измеряя рукой длину ее бедра. — Просто здорово.

— Ты дурак, Кларк, — сказала она и улыбнулась как бы против собственной воли.

— Точно, мэм, — согласился он, выжимая сцепление.

У городка не было никаких окраин, если не считать таковыми окружавшие его небольшие поля. После мрачной тропинки, зажатой между деревьями, они вдруг очутились среди высокой пшеницы, а мгновение спустя уже проезжали мимо чистеньких, аккуратных домиков.

В городке было тихо, но далеко не пустынно. Несколько машин лениво ползали взад-вперед по четырем-пяти пересекающимся улочкам, а по тротуарам шествовало немало пешеходов. Кларк поднял руку, приветствуя толстяка в расстегнутой до пупа рубашке, который одновременно поливал газон и пил пиво из банки. Толстяк с поросшей густыми волосами грудью наблюдал за их машиной, но руки в ответ не поднял.

Главная улица тоже навевала сравнение с картинами Нормана Рокуэлла — настолько сильное, что возникало чувство уже виденного однажды. Тротуары закрывала тень крепких, старых дубов, как и следовало ожидать. Не надо было быть большим провидцем, чтобы угадать, что единственное в городе питейное заведение называется «Росинка» и что над стойкой виднеются большие освещенные часы с рекламой пива «Будвайзер». Стоянки для машин были с пандусами; над парикмахерской «Острое лезвие» был вывешен красно-бело-синий флаг, а над аптекой, которая называлась «Ритм фармации», — ступка с пестиком. Зоомагазин (с объявлением «СИАМСКИЕ КОТЫ ДЛЯ ЖЕЛАЮЩИХ») именовался «Белый кролик». Все верно до омерзения. А правильное всего — мэрия в центре городка. Там на протянутом над эстрадой канате висело объявление, которое Мэри смогла прочесть еще за сотню метров: «КОНЦЕРТ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ».

Она вдруг сообразила, что знает этот город — видела его сто раз по ночному телевидению. При чем здесь Рей Брэдли с его зловещими картинками Марса или сказочный домик с конфетками; это был тот самый Типичный Маленький Городок, в который то и дело попадают персонажи сериала «Сумеречная зона».

Она наклонилась к мужу и произнесла многозначительным шепотом:

— Мы сейчас не в мире зрения и слуха, а в мире целостного восприятия. Смотри! — Она повела рукой, не указывая ни на что конкретно, но женщина, стоявшая у автомобильного салона, заметила этот жест и недоверчиво взглянула на нее.

— Смотри на что? — переспросил он. В голосе его опять слышалось раздражение, на этот раз, как она догадалась, вызванное тем, что он прекрасно понимал, о чем речь.

— Вон знак впереди! Мы въезжаем...

— О, замолчи, Мэри, — сказал он, резко заворачивая на стоянку в стороне от Мейн-стрит.

— Кларк! — взвизгнула она. — Что ты делаешь?

Он указал сквозь окно на заведение с несколько нетипичным названием: «Ресторан «Рок-энд-Буги».

— Я хочу пить. Зайду туда и возьму огромную фляжку пепси. Тебе не нужно туда идти. Сиди здесь. Запри все двери, если хочешь.

— Кларк, пожалуйста, не ходи.

Он взглянул на нее так, что она пожалела о своем сравнении с «Сумеречной зоной» — не потому, что ошиблась, а потому, что была права. Он на самом деле остановился не потому, что хотел пить; он остановился потому, что этот странный городишко пугал и его. Насколько сильно, она не знала, но была уверена, что он не собирался туда идти, пока не уверил себя, что ни капельки не боится.

— Я только на минутку. Может, тебе пива принести?

Она расстегнула ремень безопасности.

— Вот чего я не хочу, так это оставаться одной.

Он одарил ее снисходительным взглядом — мол, так и знал, что ты тоже пойдешь.

— А еще я хочу дать тебе по заднице за то, что ты втянул нас в это дело, — закончила она, с удовольствием наблюдая, как снисходительность на его лице сменяется уязвленным удивлением. Обернувшись, она увидела двоих

длинноволосых юнцов, стоявших на другой стороне улицы. Они пили пиво и рассматривали чужаков. Один из них был в мятом цилиндре. Подвешенная к нему на ленточке пластиковая гвоздика раскачивалась на ветру. Руки его приятеля были испещрены выцветшей татуировкой. Мэри они показались парнями того типа, которые сидят третий год в десятом классе, чтобы иметь побольше времени поразмыслить над тем, что лучше: торговать наркотиками или насиловать.

Как ни странно, их лица тоже показались ей знакомыми.

Они заметили ее взгляд. Тот, что в цилиндре, торжественно поднял руку и растопырил пальцы. Мэри испуганно отвела глаза и повернулась к Кларку:

— Давай напьемся и смотаемся отсюда.

— Конечно, — ответил он. — И не надо кричать на меня, Мэри. То есть я был прав и...

— Кларк, видишь двух парней на той стороне?

— Каких двух парней?

Когда она оглянулась, Тот, что в цилиндре, и Татуированный исчезли в дверях парикмахерской. Татуированный оглянулся через плечо и, хотя Мэри не была вполне в том уверена, подмигнул ей.

— Вот заходят в парикмахерскую. Видишь?

Кларк посмотрел в ту сторону, но увидел только, как закрылась дверь и от нее пошли солнечные зайчики.

— В чем дело?

— Они мне показались знакомыми.

— Да ну?

— Ага. Но мне как-то трудно поверить, чтобы кто-то из моих знакомых переехал в Рок-н-Ролл-Рай, штат Орегон, и занял престижные, высокооплачиваемые должности уличных хулиганов.

Кларк рассмеялся и взял ее под руку.

— Пошли, — сказал он, и они направились в ресторан «Рок-энд-Буги».

* * *

Ресторан далеко не соответствовал страхам Мэри. Она ожидала увидеть какую-нибудь убогую забегаловку, вроде жалкой (и довольно грязной) столовки в Окридже, где они завтракали. Вошли же они в залитый солнечным светом, уютный небольшой зал в духе пятидесятих годов: стены выложены голубым кафелем, хромированные подносы, чистенькая дубовая дверь; под потолком лениво вращались деревянные лопасти вентиляторов. Две официантки в голубых ацетатных передниках, которые показались Мэри срисованными из тогдашних журналов, стояли в отделанном нержавеющей сталью проходе между залом и кухней. Одна была молодая — не больше двадцати, но явно потрепанного вида. Другая, невысокая женщина с копной завитых рыжих волос, обдала Мэри таким уничтожающим взглядом, что той стало не по себе... И вот еще что было в ней: уже второй раз за пару минут Мэри ощутила странную уверенность, что знает кое-кого в этом городе.

При их появлении зазвенел звонок над дверью. Официантки переглянулись.

— Привет, — сказала младшая. — Добро пожаловать.

— Не-а, пускай чуток подождут, — отрезала рыжая. — Мы ужасно заняты. Не видите, что ли? — Она обвела рукой зал, пустой, насколько может быть пуст зал ресторана в крохотном городке в перерыве между ленчем и обедом, и громко расхохоталась собственному остроумию. Как и голос, смех у нее был низкий, надтреснутый и в понимании Мэри прочно связывался с виски и сигаретами. «Но мне же знаком этот голос, — подумала она. — Могу поклясться».

Она обернулась к Кларку и увидела, что он устался на официанток, возобновивших болтовню между собой, словно зачарованный. Ей пришлось дернуть его за рукав, чтобы привлечь его внимание, и еще раз дернуть, когда он было направился к столам, теснившимся в левой половине зала. Она хотела, чтобы они сели у стойки. Она хотела, чтобы они выпили по стакану содовой и побыстрее убрались отсюда.

— В чем дело? — прошептала она.

— Ни в чем, — ответил он. — Догадываюсь.

— Ты что, язык проглотил?

— На какое-то время — да, — сказал он и, не успевшая она потребовать объяснений, направился к музыкальному автомату.

Мэри села у стойки.

— Сейчас займусь вами, мэм, — сказала молодая официантка и наклонилась, чтобы расслышать то, о чем ей говорила товарка с пропитым голосом. Присмотревшись, Мэри поняла, что на самом деле ей абсолютно не интересно, что та ей говорит.

— Мэри, какой колоссальный автомат! — с восхищением воскликнул Кларк. — Тут все вещи пятидесятых! «Лунный свет»... «Сатиновая пятерка»... «Шеп» и «Липовый свет»... Лаверн Бейкер! Господи, Лаверн Бейкер поет «Твидл-ди»! Я этого с детства не слышал!

— Побереги денежки. Мы зашли только напиться, помнишь?

— Да, да.

Он последний раз взглянул на радиолу, раздраженно вздохнул и уселся рядом с ней у стойки. Мэри вытянула меню из зажима между перечницей и солонкой, стараясь не замечать, как он нахмурился и выпятил губу. «Смотри, — говорил он, не раскрывая рта (этому, как она открыла, можно научиться в длительном браке). — Я прорывался через пустыню, пока ты спала, убил бизона, сражался с индейцами, доставил тебя в целости и сохранности в этот маленький оазис, а что я получаю в благодарность? Ты мне даже не разрешаешь послушать «Твидл-ди» из автомата!»

«Ничего, — подумала она. — Мы скоро уйдем, так что ничего страшного».

Хороший совет. Она последовала ему, углубившись в меню. Оно соответствовало ацетатным передникам, неоновым часам, радиоле и общему убранству (которое с некоторой натяжкой можно было бы охарактеризовать как рибоп середины века). Пончики, естественно, назывались

«Гончие». Чизбургер был не просто чизбургер, а «Чабби Чеккер», а двойной чизбургер — «Большой боппер». Фирменным блюдом была пицца с начинкой: меню обещало «Там все, кроме Сэма Кука!»

— Класс, — сказала она. — Ла-ба-ду-ба-да!

— Что? — переспросил Кларк, но она покачала головой.

Подошла молодая официантка, доставая блокнот из ацетатного кармашка. Она одарила их улыбкой — вымученной, как показалось Мэри; женщина выглядела усталой и нездоровой. На верхней губе у нее было засохшее пятно от лихорадки, а слегка налитые кровью глаза беспрерывно бегали. Они останавливались, казалось, на всем, кроме клиентов.

— Что вам?

Кларк взял меню у Мэри. Она отобрала его назад и произнесла:

— Большую «пепси» и большое имбирное пиво. И пожалуйста, побыстрее.

— Вы обязательно должны попробовать вишневый пирог! — хриплым голосом вскричала рыжая. Молодая официантка вздрогнула при звуке этого голоса. — Рик только что испек! Вы почувствуете, что умерли и вознеслись на небо! — Она с ухмылкой подбоченилась. — Но вы и так в Раю, ну, вы понимаете, что я хочу сказать.

— Спасибо, — сказала Мэри, — но мы действительно спешим и ...

— Конечно, а почему бы и нет? — раздумчиво произнес Кларк. — Два кусочка вишневого пирога.

Мэри лягнула его в лодыжку — больно, — но он, казалось, не заметил этого. Он снова уставился на рыжую официантку, до боли стиснув губы. Рыжая, несомненно, заметила это, но не подала виду. Она лениво взбила одной рукой свои немислимые волосы.

— Две бутылки с собой, два пирога здесь, — повторила молодая официантка. Она опять нервно улыбнулась им, пока ее глаза изучали обручальное кольцо Мэри, сахарницу, вентилятор под потолком. — Пирог вам прямо

сюда? — Она нагнулась и положила на стойку две салфетки и две вилки.

— В-вы... — начал Кларк, но Мэри твердо и быстро перебила его:

— Нет.

Хромированный поднос находился на дальнем конце стойки. Как только официантка направилась туда, Мэри прошипела:

— Зачем ты это делаешь, Кларк? Ты же знаешь, я хочу поскорее убраться отсюда!

— Эта официантка. Рыжая. Это же...

— Да перестань глазеть на нее! — зло прошептала Мэри. — Ты как пацан, заглядывающий девчонкам под юбки!

Он отвел взгляд... но с немалым усилием.

— Это же вылитая Джанис Джоплин, или я сумасшедший!

Пораженная, Мэри снова посмотрела на официантку. Та слегка повернулась в профиль, разговаривая с поваром в кухне, но Мэри видны были две трети ее лица, и этого оказалось достаточно. У нее как будто щелкнуло в голове, и лицо рыжей совместилось с лицом на пластинках, которые у нее хранились до сих пор. Это были пластинки в виниловых конвертах, выпущенные в том году, когда еще ни у кого не было переносных магнитофонов «сони», а компакт-диски воспринимались как чистая фантастика; пластинки, которые теперь уложены в картонный ящик из-под виски и пылятся где-то в углу чердака; пластинки с такими названиями, как «Большой брат и акционерная компания», «Дешевая дрожь» и «Жемчужина». И лицо Джанис Джоплин — доброе, некрасивое лицо, которое очень быстро сделалось старым, огрубевшим и измученным. Кларк прав: лицо этой женщины — точная копия лица на тех старых пластинках.

Но было не только лицо, и Мэри ощутила, как в ее душу заползает ужас и сердце колотится в предчувствии опасности.

Был еще голос.

В памяти у нее всплыл ледящий душу, взмывающий вверх звук — почти вой — в начале песни «Кусочек моего сердца». Она наложила этот мрачный, пропитой выкрик на голос рыжей официантки, от которого несло виски и «Мальборо», как только что накладывала друг на друга лица, и поняла, что если официантка запоет эту песню, она запоет ее голосом умершей знаменитости из Техаса.

«Потому что она и есть умершая знаменитость из Техаса. Поздравляю, Мэри, тебе пришлось ждать до тридцати двух лет, но ты своего добила — увидела наконец свое первое привидение».

Она попробовала спорить с собой, пыталась убедить себя, что совпадение разных факторов, среди которых не последнее место занимал стресс от того, что они заблудились, заставило ее придавать слишком большое значение случайному сходству, но все эти рациональные соображения не могли состязаться с уверенностью, засевшей глубоко внутри: она видит призрак.

В ее теле происходили какие-то странные глубинные изменения. Биение сердца достигло уже галопа, и оно готово было взорваться, как марафонец на олимпийской жаре. От прилива адреналина мышцы живота напряглись, а в диафрагме сделалось тепло, как после глотка виски. Подмышки и виски увлажнились потом. Самым удивительным был свет, заливавший все — неон на циферблате часов, отделанный нержавеющей сталью проход в кухню, вращающиеся круги на лицевой панели музыкального автомата — так, что все казалось и призрачным и в то же время чересчур реальным. До нее доносилось жужжание вентилятора, рассекавшего лопастями воздух, слабый ритмичный звук, будто кто-то выбивал шелковую занавеску, запах мяса, жарящегося на невидимом вертеле в соседнем помещении. И в то же время было ощущение, что она вот-вот свалится с вертящегося стула на пол в глубоком обмороке.

«Возьми себя в руки, женщина! — строго приказала она себе. — У тебя приступ страха, вот и все, — никаких

призраков, никаких гоблинов, никаких демонов. Просто старомодный приступ всеохватывающего ужаса, такое с тобой и раньше случалось перед экзаменами, в первый день работы в школе и когда ты первый раз выступала на родительском собрании. Ты знаешь, что это такое, и можешь с ним справиться. Никто тут не собирается падать в обморок, так что возьми себя в руки, слышишь?»

Она изо всех сил сжала пальцы на ногах, сосредоточившись на этом ощущении, пытаясь тем самым вернуться в реальный мир, подальше от ослепительного порога, за которым маячила потеря сознания.

«Дорогая, — голос Кларка откуда-то издалека, — с тобой все в порядке?»

— Да, конечно. — Ее собственный голос тоже слышался из далекой дали... но все равно, понимала она, ближе, чем если бы она попыталась заговорить еще пятнадцать секунд назад. Все еще сжимая пальцы ног, она взяла оставленную официанткой салфетку, чтобы рассмотреть ткань, — еще один способ вернуться в мир и справиться с паническим, иррациональным (действительно иррациональным, правда же? — ясное дело!) чувством, которое с такой силой охватило ее. Она поднесла салфетку к лицу, чтобы вытереть пот, и увидела, что на обороте что-то написано прыгающим карандашом, который рвал бумагу в клочья. Мэри прочла написанное большими печатными буквами:

«УБИРАЙТЕСЬ ОТСЮДА, ПОКА ЕЩЕ МОЖЕТЕ».

— Мэри, что это?

Официантка с лихорадкой на губе и бегающими, испуганными глазами возвращалась с пирогом. Мэри уронила салфетку на колени.

— Ничего, — спокойно произнесла она. Когда официантка расставляла тарелки, Мэри заставила себя заглянуть девушке в глаза.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что, — пробормотала та, лишь на краткий миг встретившись глазами с Мэри, после чего снова бесцельно заскользила взглядом по залу.

— Решила все-таки попробовать пирог, я вижу, — говорил ее муж своим доводящим до бешенства тоном — мол, де, Кларку лучше знать. «Женщины! — возглашал этот тон. — Господи, они же ничто. Их мало подвести к колодцу — надо еще ткнуть носом, чтобы они начали пить. Такая работа. Трудно быть мужчиной, но я стараюсь изо всех сил».

— С виду ничего, — произнесла она, удивляясь своему ровному тону. Она широко улыбнулась ему, уверенная, что рыжая, похожая как две капли воды на Джанис Джоплин, бдительно следит за ними.

— Не могу успокоиться, как она похожа... — начал Кларк, но на этот раз Мэри пнула его в лодыжку как следует, без дураков. Он обиженно зашипел, глаза расширились, но прежде чем он раскрыл рот, она сунула ему в руку салфетку с нацарапанным призывом.

Он нагнулся. Взглянул туда. Она поймала себя на том, что молится, самым настоящим образом молится — впервые, наверное, за двадцать лет.

«Прошу тебя, Господи, сделай так, чтобы он понял, что это не шутка. Заставь его понять, что эта женщина не просто похожа на Джанис Джоплин — это и есть Джанис Джоплин, и я ужасно себя чувствую в этом городе, действительно ужасно».

Он поднял голову, и сердце у нее упало. На его лице присутствовали растерянность и раздражение, но и только. Он раскрыл рот, собираясь заговорить... и раскрыл его так широко, словно кто-то убрал штифты, скреплявшие челюсти.

Мэри тоже повернулась в ту сторону. Повар в белоснежном халате и бумажной пилотке набекрень вышел из кухни и прислонился к кафельной стене, сложив руки на груди. Он разговаривал с рыжей, а молодая официантка наблюдала за ними со смесью ужаса и усталости.

«Если поскорее не уйти отсюда, останется только усталость, — подумала Мэри. — Или апатия».

Повар был невыносимым красавцем — таким, что Мэри даже не могла определить его возраст. Где-то от тридцати

до сорока пяти, но точнее не могла. Он взглянул на них широко расставленными голубыми глазами в обрамлении роскошных густых ресниц, слегка улыбнулся и опять повернулся к рыжей. Он сказал что-то, вызвавшее у той короткий квакающий смешок.

— Господи, это же Рик Нельсон, — прошептал Кларк. — Не может быть, немыслимо, он же погиб в авиакатастрофе шесть или семь лет назад, но это так!

Мэри собралась было возразить, что он ошибается, что это просто смешно, хотя сама никак не могла поверить, что рыжая официантка — это давно умершая блюзовая певица Джанис Джоуплин. Не успела она открыть рот, как снова послышался щелчок — тот самый, знаменовавший переход туманного сходства в однозначное узнавание. Кларк первым назвал имя, потому что он был на девять лет старше ее, он слушал радио и смотрел «Американские оркестры» по телевизору еще в те времена, когда Рик Нельсон был просто Рикки Нельсоном, и такие песни, как «Бибоп бэби» и «Одинокый город», были гвоздями сезона, а не пыльным старьем, которое немногие специализированные радиостанции время от времени прокручивают для седеющих детей послевоенного поколения. Кларк первым увидел это и, когда показал ей, она уже не могла сопротивляться очевидному.

Как сказала рыжеволосая официантка? «Вы обязательно должны попробовать вишневый пирог! Рик только что испек!»

Там, в нескольких метрах от них, жертва смертельной авиакатастрофы рассказывала анекдот — похабный, судя по выражению их лиц, — жертве злоупотребления наркотиками.

Рыжая откинула голову и разразилась своим будто ржавым смехом. Повар ухмылялся, у него появились приятные ямочки на полных щеках. А молодая официантка, та, что с лихорадкой на губе и с перепуганными глазами, смотрела на Кларка и Мэри, как бы спрашивая: «Вы на это смотрите? Вы это видите?»

Кларк все еще тарашил глаза на повара и официантку с тревожным выражением изумленного узнавания; лицо у него вытянулось, словно в комнате смеха.

«Они это увидят, если уже не заметили, — думала Мэри, — и мы потеряем всякий шанс выбраться из этого кошмара. Думаю, тебе пора принимать командование, детка, и побыстрее. Вопрос только: что ты собираешься делать?»

Она потянулась к его руке, собираясь сдвинуть ее, потом решила, что этим не закрыть его отвисшую челюсть. Вместо этого она ущипнула его за мошонку... изо всех сил. Кларк дернулся и так резко повернулся к ней, что она чуть не свалилась со стула.

— Я забыла бумажник в машине, — сказала она. Голос казался ей самой слишком тонким и слишком громким. — Сходи за ним, пожалуйста, Кларк.

Она пристально смотрела ему в глаза, растянув губы в улыбке. Где-то она читала — в каком-то паршивом женском журнальчике в парикмахерской, — что, если живешь с одним и тем же мужчиной десять или двадцать лет, между вами устанавливается какое-то подобие телепатической связи. Такая связь, утверждалось в статье, может оказать-ся очень кстати, когда ваш дражайший вздумает привести босса домой, предварительно не позвонив, и вы захотите послать его в винный магазин за бутылочкой «амаретто» или в универсам за сливками. Теперь она пыталась — всю себя вкладывая в это — передать ему нечто гораздо более важное.

«Иди, Кларк. Пожалуйста, иди. Даю тебе десять секунд, потом беги. И если ты не окажешься за рулем со вставленным ключом зажигания, я чувствую, нам тут придется очень хреново».

И в то же время другая, глубоко скрытая Мэри с робкой надеждой вопрошала: «Это все ведь сон, да? По-моему...»

Кларк внимательно вглядывался в нее глазами, увлажнившимися от боли, которую она ему причинила... но хотя бы не жаловался на это. Он мельком посмотрел на

рыжеволосую и повара, увидел, что они поглощены разговором (теперь, похоже, она рассказывала анекдот), затем повернулся к ней.

— Наверно, упал под сиденье, — говорила она этим слишком тонким, слишком громким голосом, не давая ему вставить слово. — Знаешь, красный.

После недолгого молчания — ей оно показалось бесконечным — Кларк слегка кивнул.

— Ладно, — сказал он, и она мысленно благословила его за почти небрежный тон, — но смотри, не трогай мой пирог, пока меня нет.

— Возвращайся, пока я не успела справиться со своим, и все будет в порядке, — сказала она и положила в рот кусочек пирога. Он оказался абсолютно безвкусным, но она улыбалась. Улыбалась, как «мисс Нью-Йорк — королева яблок», каковой она когда-то была.

Кларк начал отодвигать стул, и тут откуда-то донеслись усиленные аппаратурой гитарные переборы — не аккорды, а просто треньканье. Кларк рванулся, и Мэри схватила его за руку, чтобы удержать. Сердце у нее, уже было успокоившееся, понеслось тем же отвратительным галопом.

Рыжеволосая, и повар, и даже молоденькая официантка — к счастью, ни на какую знаменитость не похожая, — лениво выглянули в витринное окно ресторана «Рок-энд-Буги».

— Не увлекайся, дорогой, — сказала рыжая. — Они просто настраиваются к вечернему концерту.

— Верно, — подтвердил повар. Он обратил на Мэри взгляд своих васильковых глаз. — У нас тут в городе почти каждый вечер концерт.

«Да, — подумала Мэри. — Конечно. Разумеется».

Со стороны мэрии докатился голос, одновременно бесцветный и божественный, и такой громкий, что зазвенели стекла. Мэри, которая в свое время перебивала на многих рок-концертах, сразу определила, что происходит: усталые долгогривые подсобники носятся по сцене перед тем, как погаснет свет, с ловким изяществом пробираясь сквозь

джунгли усилителей и микрофонов, то и дело становясь на колени, чтобы соединить силовые кабели.

— Проверка! — заорал тот же голос. — Проверка — раз, проверка — раз, проверка — раз!

Опять перебор гитары, еще не совсем аккорд, но ближе к нему. Потом барабанная дробь. Быстрый рифф на трубе — отрывок из темы «Мгновенная карма» — в сопровождении легкого громохання бонг. «СЕГОДНЯ КОНЦЕРТ» — было написано на лозунге, протянутом вдоль здания мэрии в духе Нормана Рокуэлла, а Мэри, выросшая в Элмайре, штат Нью-Йорк, с детства навидалась концертов на открытых площадках. Те концерты действительно были в стиле Нормана Рокуэлла: оркестр, одетый в форму добровольной пожарной охраны, потому что настоящая музыкантская форма была им не по карману), исполнял на ходу марши Союза, слегка фальшивя, а местный «парикмахерский квартет» импровизировал на темы «Шенандоа» и «У меня девушка из Каламазу».

Она предположила, что концерты в Рок-н-Ролл-Рае мало похожи на эти детские представления, когда она с друзьями, зажигая бенгальские огни, бегала по улицам в сгущающихся сумерках.

— Пойду за твоим бумажником, — сказал он. — Ешь пирог.

— Спасибо, Кларк. — Она откусила еще кусочек безвкусного пирога и посмотрела, как он направляется к двери. Он шествовал нарочито медленно, что при ее лихорадочном состоянии казалось глупым и даже отталкивающим. «Я понятия не имею, что нахожусь в одном помещении с парочкой знаменитых трупов, — казалось, говорила легкая, небрежная походка Кларка. — С чего бы мне волноваться?»

Ей подумалось, что здешние концерты на открытом воздухе больше напоминают Гойю, чем Рокуэлла.

«Поторопись! — захотелось крикнуть ей. — Забудь, что ты идешь по канату и мотай быстрее!»

В тот момент, когда Кларк взялся за ручку, зазвонил звонок, и дверь открылась, впуская еще двоих мертвых

техасцев. Тот, что в темных очках, был Рой Орбисон. Тот, что в пенсне, — Бадди Холли.

«Свинопасы из Техаса», — перепуганно подумала Мэри, ожидая, что они сейчас схватят ее мужа и уволокут куда-то.

— Извиняюсь, сэр, — вежливо произнес тот, что в темных очках, и вместо того, чтобы хватать Кларка, отступил в сторону.

Кларк молча кивнул — говорить он, естественно, не мог, как поняла Мэри, — и вышел на улицу, «оставив ее здесь одну с мертвяками». Из этой мысли естественно вытекала следующая, еще более ужасная: Кларк уедет сам, без нее. Вдруг она поверила, что так и будет. Не потому, что он так хочет, и не потому, что трус, — в такой ситуации нельзя говорить о смелости или трусости, и она полагала, что единственная причина, почему они не свалились в обмороке на пол, бессвязно лепеча и пуская слюну, не в том, что все происходило так быстро, а в том, что он просто не смог бы сделать ничего другого. То пресмыкающееся, притаившееся на самом доньшке мозга, что отвечает за самосохранение, просто выползло бы из темноты своей норки и приняло бы командование на себя.

«Тебе пора уматывать отсюда, Мэри», — сказал внутренний голос, принадлежавший ее собственному пресмыкающемуся, и тон этого голоса напугал ее. Он был разумнее, чем ему полагалось в такой ситуации, но ей показалось, что разумная сдержанность в любой момент может уступить место воплям безумия.

Мэри сняла ногу с выступа под стойкой и опустила ее на пол, стараясь подготовить себя к бегству, но не успела она собраться с мыслями, как узкая рука опустилась ей на плечо и она увидела перед собой добродушное, улыбающееся лицо Бадди Холли.

Он умер в 1959 году, как ей запомнилось из фильма, в котором его играл Гэри Бьюзи. С тех пор прошло больше тридцати лет, однако Бадди Холли все еще походил на двадцатитрехлетнего недотепу, которому на вид можно

дать и семнадцать; зрачки у него будто плавали за стеклами очков, а кадык подпрыгивал вверх-вниз, как обезьянка на палочке. На нем был уродливый клетчатый пиджак и галстук-тесемочка. На галстук-тесемочке был зажим в виде огромной хромированной велосипедной вилки. Лицо и вкус неотесанного лоха, скажете вы, но в уголках рта скрывалось нечто слишком мудрое, даже заумное, а когда он крепко сжал ее плечо, она почувствовала плотные мозоли на подушечках пальцев — от гитары.

— Привет, чувишка, — сказал он; изо рта у него разило чесноком. Вдоль левого стекла очков зигзагом извивалась тоненькая, как волосок, трещинка. — Я тебя здесь раньше не видал.

Невероятно, но она продолжала подносить ко рту очередной кусочек пирога, хотя прежний вывалился обратно на тарелку. Более того, она ответила слабой вежливой улыбкой.

— Нет, — сказала она. Она интуитивно чувствовала, что нельзя дать понять этому человеку, что узнала его; тогда исчезнет даже ничтожный шанс, что им с Кларком удастся вырваться. — Мы с мужем просто... ну, проездом тут.

«А может, Кларк уже едет, отчаянно стараясь не превысить разрешенную скорость, вытирая пот с лица и то и дело переводя взгляд с зеркала на ветровое стекло и обратно? Неужели?»

Человек в клетчатом спортивном пиджаке ухмыльнулся, обнажая слишком большие и слишком острые зубы.

— Ага, я хорошо знаю, как это, — услышали свисток, а теперь собираетесь ловить кайф. Так, что ли?

— По-моему, это был свисток, — строго произнесла Мэри, отчего вновь вошедшие удивленно переглянулись, а потом громко расхохотались. Молодая официантка переводила с одного на другого взгляд испуганных, налитых кровью глаз.

— Не слабо, — заметил Бадди Холли. — Однако тебе с супругом стоило бы покантоваться тут. Хотя бы остат-

ся на сегодняшний концерт. Тут у нас классное шоу, я тебе скажу. — Мэри вдруг сообразила, что глаз за треснувшим стеклом наполнен кровью. Когда Холли ухмыльнулся шире, скосив глаза, алая капелька вытекла у него из-под века и покатилась по щеке, словно слеза. — Точно, Рой?

— Да, мэм, — подтвердил тот, что в темных очках. — Пока не увидите, не поверите.

— Я верю, что это так, — тихо произнесла Мэри. Да, Кларк уехал. Теперь она была в этом уверена. Нашпигованный Гормонами Храбрец смылся, как заяц, и она полагала, что вскоре перепуганная девушка с лихорадкой на губе отведет ее в подсобку, где ее уже ожидают ацетатный передник с блокнотом для заказов.

— Об этом стоит написать домой, — гордо продолжал Холли. — Я имею в виду рассказать. — Капля крови скатилась с его лица и упала на сиденье, которое только что оставил Кларк. — Оставайся. Будешь довольна. — Он посмотрел на приятеля, ожидая поддержки.

Человек в темных очках стоял рядом с поваром и официантками; он обнял рыжую за талию, а та положила свою руку поверх его и улыбалась. Мэри заметила, что ногти коротких, некрасивых пальцев этой женщины обгрызены до краев. У Роя Орбисона в вырезе рубашки красовался мальтийский крест. Он кивнул и тоже расплылся в улыбке:

— С удовольствием примем вас, мэм, и не только на сегодня, — расслабься и отдохни, как говорили у нас дома.

— Я спрошу мужа, — услышала она собственные слова, а про себя добавила: «Если, конечно, увижу его».

— Давай, дорогуша! — ободряюще сказал Холли. — Это будет в самый раз! — Затем, как ни странно, он напоследок еще раз сжал ей плечо и отошел в сторону, освободив ей путь к двери. Еще более странно — она как будто видела характерные радиатор и звезду «мерседеса» за окном.

Бадди направился к своему приятелю Рою, подмигнул ему (вытекла еще одна кровавая слеза), потом подошел

сзади к Джанис и ущипнул ее. Она возмущенно вскрикнула, при этом у нее изо рта полезли черви. В основном они попадали на пол, но некоторые застряли на нижней губе, непристойно подергиваясь.

Молодая официантка отвернулась с гримасой мрачного отвращения, заслонив лицо рукой. А для Мэри Уиллингема, которая вдруг сообразила, в какие страшные игры с ней играют, бегство из замысла превратилось в настоятельную необходимость. Она вскочила со стула и ринулась к двери.

— Эй! — завопила рыжая. — Эй, ты не заплатила за пирог! И за пепси тоже! Здесь тебе не благотворительная столовая, сука! Рик! Бадди! Держите ее!

Мэри ухватила за дверную ручку, но она выскользнула у нее из пальцев. Сзади послышался топот ног. Она снова взялась за ручку, на этот раз сумела ее повернуть и так сильно распахнула дверь, что звонок сорвался. Узкая рука с твердыми мозолями на подушечках пальцев схватила ее за локоть. Теперь пальцы не просто давили, а впивались в кожу; она почувствовала, что нервы у нее на пределе — сначала боль тонкой струйкой разошлась от локтя вплоть до левой стороны челюсти, а потом рука онемела.

Она ткнула правым кулаком, словно крокетным молотком, в то, что показалось ей тонкой тазовой костью над пахом. Раздался сдавленный вопль — значит, они чувствуют боль, мертвяки они там или нет, и хватка вокруг ее руки ослабла. Мэри рванулась и проскочила в дверь; волосы на ее голове встали дыбом, будто густая солнечная корона безысходного ужаса.

Глаза ее остановились на «мерседесе», все еще стоявшем на улице. Она благословляла Кларка за то, что он остался. И, видимо, полностью уловил ее передачу; он сидел за рулем, а не рылся под сиденьем в поисках бумажника, и вставил ключ в замок зажигания «Принцессы» как раз в тот момент, когда она выскочила из ресторана «Рок-энд-Буги».

Парень в цилиндре с цветочком и его татуированный приятель снова стояли возле парикмахерской и бесстра-

стно наблюдали, как Мэри открывает правую дверь. Кажется, она узнала того, что в цилиндре: у нее были три пластинки группы «Линирд Скинирд», и она была почти уверена, что это Ронни Ван Зант. И сразу же поняла, кто такой второй, с татуировкой: Дуэйн Оллмен, мотоцикл которого врезался в тракторный прицеп двадцать лет назад. Он что-то достал из кармана джинсов и надкусил. Мэри нисколько не удивилась, сообразив, что это персик.

Рик Нельсон выскочил из ресторана. За ним появился Бадди Холли, у которого теперь вся левая половина лица была залита кровью.

— Садись! — заорал Кларк. — Садись в чертову машину, Мэри!

Она плюхнулась на пассажирское сиденье, а Кларк повернул ключ, прежде чем она успела захлопнуть дверь. Задние шины «Принцессы» взвизгнули, подняв облачка сизого дыма. Мэри швырнуло вперед, когда Кларк изо всей силы рванул тормоз — головой прямо о приборную доску. Она потянулась к открытой двери, пока Кларк с отчаянной руганью переводил рычаг передачи обратно на ход.

Рик Нельсон бросился на серый капот «Принцессы». Глаза у него блестели. Наглая ухмылка обнажила невероятно белые зубы. Поварской колпак слетел с него, и темные волосы космами торчали над висками.

— Вы поедете на концерт! — орал он.

— Пошел вон! — крикнул ему Кларк. Он выжал сцепление и надавил акселератор. Обычно спокойный дизельный двигатель «Принцессы» глухо взревел, и она рванула вперед. Призрак продолжал цепляться за капот, глядя на них со злобной ухмылкой.

— Застегни ремень! — рывкнул Кларк Мэри, когда она уселась.

Она схватила пряжку и вставила ее в паз, с восхищенным ужасом наблюдая, как существо на капоте протягивает левую руку и хватается за дворник перед ней. Оно поползло вперед. Дворник оторвался. Тварь посмотрела

на него, отшвырнула и потянулась к дворнику на водительской стороне. Прежде чем она схватила второй дворник, Кларк снова надавил на тормоза, теперь уже обеими ногами. Замок ремня Мэри шелкнул, больно впиваясь ей под грудь. Возникло ужасное ощущение давления изнутри, будто чья-то безжалостная рука вталкивает все ее кишки в воронку горла. Призрак на капоте слетел и упал на асфальт. Мэри услышала тихий хруст, и кровь забрызгала всю мостовую вокруг головы.

Она оглянулась и увидела, как остальные бегут к машине. Их возглавляла Джанис с перекошенным от ненависти и возбуждения лицом.

Впереди машины она увидела поднявшегося с легкостью мягкой куклы повара. На его лице по-прежнему расплывалась широченная ухмылка.

— Кларк, они догоняют! — вскрикнула Мэри.

Он глянул в зеркало заднего вида и снова нажал на акселератор. «Принцесса» рванулась вперед. Мэри успела заметить, как сидящий на мостовой прикрыл рукой лицо, и искренне желала, чтобы это было все, что она видела, но она рассмотрела и кое-что похуже — под рукой пряталась все та же ухмылка.

Потом две тонны лучшей немецкой техники проехали по нему. Послышались какие-то лопающиеся звуки, будто дети игрались с воздушными шариками. Она обхватила голову руками — слишком поздно, слишком поздно — и зарыдала.

— Не волнуйся, — сказал Кларк. Он мрачно смотрел в зеркало заднего вида. — Вряд ли мы ему сильно навредили — он уже встает.

— Что?!

— Не считая следа шины на рубашке, он... — Вдруг он замолчал и посмотрел на нее. — Кто тебя ударил, Мэри?

— Что такое?

— У тебя рот в крови. Кто тебя ударил?

Она потрогала пальцем уголок рта, с удивлением рассматривая красную слизь, потом попробовала ее.

— Это не кровь — пирог, — сказала она и издала отчаянный, надтреснутый смешок. — Давай убираться отсюда, Кларк, пожалуйста.

— Да уж, — сказал он и снова посмотрел на Мейн-стрит, которая была широка и — пока, во всяком случае, — пуста. Мэри заметила, что, несмотря на усилители и гитары в мэрии, линий электропередачи нигде не было видно. Она понятия не имела, откуда Рок-н-Ролл-Рай получает энергию (хотя... какие-то понятия возникали), но, во всяком случае, не от Энергетической компании Центрального Орегона.

«Принцесса» набирала скорость, как все дизельные машины, — не быстро, но неумолимо, оставляя за собой густой бурый выхлоп. Мэри успела заметить универмаг, книжный магазин и магазин детских вещей под названием «Колыбельная рок-н-ролла». Молодой парень с кудрями до плеч стоял у биллиардной, скрестив руки на груди и упираясь сапогом из змеиной кожи в белый кирпич. Это красивое, капризно надутое лицо Мэри узнала сразу. Кларк тоже.

— Это сам Лизард Кинг, — произнес он сухим, бесстрастным тоном.

— Я знаю. Я видела.

Да — она видела, но появлявшиеся образы, словно пересохшая бумага, мгновенно сгорали под безжалостным, сфокусированным светом, который зажегся внутри нее; страх, который она испытывала, как бы превратил ее в увеличительное стекло, и она понимала, что, если им удастся вырваться отсюда, никаких воспоминаний об этом городке не останется: память станет золой, развеянной по ветру. Вот как это, конечно же, действует. Человек не может сохранить такие чудовищные образы, такие чудовищные воспоминания и остаться в здравом уме, поэтому мозг превращается в печь, которая мгновенно сжигает все это.

«Вот почему большинство людей еще может позволить себе роскошь не верить в привидения и заколдованные дома, — подумала она. — Потому что когда разум обра-

щается к чему-то пугающему и иррациональному, вроде человека, которого заставляют взглянуть в глаза Медузы Горгоны, он забывает. Он обязан забыть. И Господи! Кроме того, чтобы вырваться из этого ада, я прошу только одну вещь в мире — забыть».

Она увидела кучку людей на асфальте возле заправочной на выезде из города. У них были перепуганные, обычные лица, и носили они выцветшую обычную одежду. Мужчина в замасленном комбинезоне. Женщина в медицинском халате — когда-то белом, а теперь грязно-сером. Старички — она в ортопедических ботинках, он со слуховым аппаратом, прильнувшие друг к другу, словно дети, которые боятся заблудиться в дремучем лесу. Мэри не нужно было объяснять, что эти люди, наряду с молодой официанткой, были живыми жителями Рок-н-Ролл-Рая, штат Орегон. Их заманили сюда таким образом, как хищный цветок ловит насекомых.

— Пожалуйста, давай выберемся отсюда, Кларк, — сказала она. — Пожалуйста. — Что-то застряло у нее в горле, и она зажала руками рот, опасаясь, что вырвет. Но она лишь громко рыгнула: ей обожгло горло, словно огнем, и она почувствовала вкус пирога, который съела в «Рок-энд-Буги».

— Все будет в порядке. Успокойся, Мэри.

Дорога — теперь, когда город кончался, ее уже нельзя было считать Мейн-стрит — проходила между пожарным депо слева и школой справа (даже в том состоянии всеобъемлющего ужаса, в котором она пребывала, ей показалось несколько экзистенциалистским название «Грамматическая школа Рок-н-Ролл»). Трое детей стояли на игровой площадке, безразлично глядя на проносившуюся мимо «Принцессу». Выше дорога огибала холмик, на котором стоял знак в форме гитары: «ВЫ ПОКИДАЕТЕ РОК-Н-РОЛЛ-РАЙ. ДОБРОЙ НОЧИ, ДОРОГАЯ, ДОБРОЙ НОЧИ».

Кларк свернул, не сбрасывая скорость; на дальнем конце витка дорога была заблокирована большим автобусом.

Это был не обычный желтый автобус, который они видели, когда въезжали в город: этот сверкал сотнями немыслимых красок и тысячами психоделических фигур, словно громадный сувенир Лета любви. В окнах висели липучки от мух и листовки движения за мир, и даже когда Кларк закричал и отчаянно надавил на тормоза, Мэри с фаталистическим равнодушием прочла слова, летящие над разрисованной стенкой автобуса, как пузатые дирижабли: «ВОЛШЕБНЫЙ АВТОБУС».

Кларк старался изо всех сил, но полностью остановить машину не смог. «Принцесса» врезалась в Волшебный Автобус со скоростью около двадцати пяти километров в час, колеса у нее забуксовали, а шины отчаянно задымались. С глухим стуком «Принцесса» ударилась в середину привязанного канатами автобуса. Мэри опять швырнуло вперед, несмотря на ремень. Автобус же слегка качнуло на рессорах, и все.

— Бежим! — крикнула она Кларку, но ее уже охватило удушающее предчувствие, что все кончено. Двигатель стучал с перебоями, из-под помятого капота вырывался пар, подобно дыханию раненого дракона. Когда Кларк переключил на реверс, машина дважды выстрелила, дернулась, как старая взмыленная собака, и застыла.

Сзади доносился вой сирены. Интересно, кто в этом городе полицейский. Не Джон же Леннон, который жил под лозунгом «Не доверяй власти», и не Лизард Кинг, который в городе явно числится криминогенным элементом. Кто? И какое это имеет значение? «Может быть, — подумала она, — им окажется Джимми Хендрикс». Это звучало глупо, но она лучше разбиралась в рок-н-ролле, чем Кларк, и где-то читала, что Хендрикс был инструктором-парашютистом в 101-й воздушно-десантной дивизии. А разве не считается, что из военных выходят прекрасные служители закона?

«Ты сходишь с ума», — сказала она себе, затем кивнула. Конечно, сходит. Даже какое-то облегчение при этом испытываешь.

— Что теперь? — обреченно спросила она Кларка.

Он открыл дверь, сильно поддав плечом, потому что дверь слегка перекосило.

— Бежим, — ответил он.

— Какой смысл?

— Ты их видела. Хочешь быть такой?

Страх немного рассеялся. Мэри отстегнула ремень и открыла дверцу. Кларк обошел вокруг «Принцессы» и взял ее за руку. Когда они обернулись к Волшебному Автобусу, он больно сжал ей руку, заметив, кто выходит оттуда, — высокий мужчина в белой рубашке с отложным воротником, темных брюках и громадных солнечных очках. Густые иссиня-черные волосы были зачесаны от висков назад, напоминая утиную гузку. Он был немыслимо, невообразимо красив — даже темные очки не могли его испортить. Полные губы приоткрылись в еле заметной, чуть ироничной улыбке.

Из-за поворота вылетел сине-белый патрульный автомобиль с надписью «ПОЛИЦИЯ РОК-Н-РОЛЛ-РАЯ» на борту и затормозил почти у самого бампера «Принцессы». Человек за рулем был черный, но совсем не похожий на Джимми Хендрикса. Мэри не была уверена, но ей показалось, что представителем закона был Отис Реддинг.

Мужчина в солнечных очках и темных джинсах теперь стоял прямо перед ними, засунув большие пальцы в петли на поясе; его бледные руки свисали, как мертвые пауки.

— Как поживаете? — Несомненно, тот самый протяжный мемфисский акцент. — Хотел бы приветствовать вас в нашем городе. Надеюсь, вы останетесь с нами на некоторое время. Городок наш небольшой, но мы гостеприимны и можем позаботиться о себе сами. — Он протянул руку, на которой сверкали три неимоверно громадных перстня. — Я мэр в здешних местах. Звать меня Элвис Пресли.

... Сумерки летнего вечера.

По дороге в мэрию Мэри снова вспомнила концерты, на которых бывала ребенком в Элмайре, и тоска по

безвозвратно утраченному на мгновение пробила оболочку ужаса, окутывающую ее. Так похоже... и в то же время так не похоже. Никаких детей, размахивающих бенгальскими огнями: здесь было всего с десятков мальчишек, сбившихся в кучку подальше от эстрады, с настороженными бледными личиками. Были среди них и те, кого они с Кларком видели возле школы, когда пытались вырваться в горы.

И никакого эксцентричного духового оркестра, который вот-вот заиграет — а по всей эстраде (которая Мэри показалась не меньше Голливудской Чаши) рассеяны инструменты и принадлежности, видимо, самого большого в мире — и самого громкого, судя по усилителям — рок-ансамбля, апокалипсического сборища музыкантов бибопа, от звуков которого, когда оно врубит все децибелы, должны сотрясаться окна на десять километров вокруг. Она насчитала дюжину гитар и бросила. Четыре полные ударные установки... бонги... конги... ритм-группа... круглые подставки для хора... стальной лес микрофонов.

Амфитеатр был уставлен складными стульчиками — по оценке Мэри, от семисот до тысячи, но она считала, что зрителей будет самое большее человек пятьдесят. Она видела механика, теперь в чистых джинсах и шерстяной рубашке; рядом с ним сидела бледная, некогда красивая женщина, очевидно, жена. Медсестра сидела одна в середине длинного пустого ряда. Задрав голову, она рассматривала первые появлявшиеся на небе звезды. Мэри отвернулась, чувствуя, что если она и дальше будет смотреть на это грустное, вытянувшееся лицо, у нее разорвется сердце.

Более знаменитые горожане пока еще не появлялись. Конечно — завершив дневные труды, они скопились за сценой, прихорашиваясь и репетируя свои реплики. Готовились к классному представлению.

Кларк молчал, пока они шли по заросшему травой центральному проходу. Вечерний ветерок ерошил ему волосы, и Мэри они показались сухими, как солома. На

лбу и в углах рта у Кларка прорезались морщинки, которых она прежде не видела. Выглядел он так, словно после ленча в Окридже похудел на пятнадцать килограммов. Никаких следов Нашпигованного Гормонами Мальчишки, и Мэри решила, что он исчез навсегда. И еще решила, что ей это безразлично.

«Кстати, лапочка, а ты-то сама как выглядишь?»

— Где мы сядем? — спросил Кларк. Голос его был слабым и равнодушным — голос человека, которому кажется, что все происходящее вокруг — это сон.

Мэри высмотрела официантку с лихорадкой на губе. Она сидела четырьмя рядами ниже, теперь одетая в светло-серую блузку и хлопчатобумажную юбку. На плечи был наброшен свитер.

— Там, — сказала Мэри, — рядом с ней. — Кларк, ни слова не говоря, повел ее туда.

Официантка подняла глаза на Мэри с Кларком, и Мэри заметила, что глаза у нее уже не бегают — все-таки облегчение. И тут же поняла, в чем дело: она явно находилась в ступоре. Мэри опустила глаза, избегая этого пустого взгляда, и заметила, что левая рука у официантки почти вся перевязана бинтом. Мэри с ужасом осознала, что у нее не хватает одного пальца, а может, и двух.

— Привет, — произнесла девушка. — Я Сисси Томас.

— Привет, Сисси. Я Мэри Уиллингем. А это мой муж, Кларк.

— Очень приятно, — ответила официантка.

— Ваша рука... — Мэри запнулась, не зная, как продолжить.

— Это Фрэнки. — Сисси говорила с глубоким равнодушием человека, который едет на розовой кобыле по бульвару Мечты. — Фрэнки Лаймон. Все говорят, что живым он был замечательнейший парень, а испортился, когда попал сюда. Он был из первых... из пионеров, можно сказать. Я не знаю. То есть не знаю, был ли он когда-то хорошим. Я только знаю, что сейчас он самая гнусная

сволочь. А мне наплевать. Если бы только вам удалось уйти, и я сделаю это снова. И вообще, Кристал обо мне заботится.

Сисси кивком показала на медсестру, которая перестала изучать звезды и теперь смотрела на них.

— Кристал очень хорошо заботится. Она вам устроит, если хотите, — вам не нужно терять пальцы, чтобы застрять в этом городе.

— Мы с женой не употребляем наркотиков, — несколько напыщенно заявил Кларк.

Сисси молча рассматривала его. Потом сказала:

— Так будете.

— Когда начнется представление? — Мэри почувствовала, что окутавшая ее оболочка ужаса начинает рассеиваться, и это ее мало беспокоило.

— Скоро.

— А долго будет продолжаться?

Сисси не отвечала почти минуту, и Мэри готова была повторить вопрос, думая, что девушка не расслышала или не поняла, но та сказала:

— Долго. То есть представление закончится в полночь, такое есть постановление, но... они тянут долго. Потому что время здесь другое. Оно может тянуться... ну, не знаю... думаю, если парни разойдутся, то может быть и год, и больше.

Смертельный холод охватил руки и спину Мэри. Она попыталась представить, как можно высиживать год на рок-концерте, и не смогла. «Это сон, и сейчас ты проснешься», — сказала она себе, но эта мысль, достаточно убедительная, когда они слушали Элвиса Пресли, стоя на солнце перед Волшебным Автобусом, здесь утрачивала силу и доказательность.

— По этой дороге вы никуда не выедете, — говорил им Элвис Пресли. — Она ведет прямо в болото Умпквэ. Никаких дорог здесь нет, только лесные тропки. И зыбучие пески. — Он помолчал; стекла его темных очков на ярком солнце отблескивали, как печные топки. — И вообще...

— Медведи, — добавил полицейский, похожий на Оти-са Реддинга.

— Ага, медведи, — согласился Элвис, и губы его расплылись во всезнающей улыбке, столь знакомой Мэри по телепередачам и фильмам. — И всякое такое.

Мэри начала:

— Если мы останемся на концерт...

Элвис энергично кивнул:

— Концерт! О да, вы обязательно должны остаться на концерт. У нас настоящий рок. Если не видели, то увидите.

— Истинный факт, — добавил полицейский.

— Если мы останемся на концерте... сможем ли мы уйти, когда он закончится?

Элвис и полисмен обменялись взглядами, вроде бы серьезными, но как бы сдерживая улыбки.

— Ну, знаете, мэм, — протянул наконец былой Король Рок-н-Ролла, — мы тут сидим в дыре, и публика к нам собирается очень медленно... хотя любой, кто нас услышит, хочет остаться еще... и мы надеемся, что вы останетесь тоже. Посмотрите несколько концертов и вкусите нашего гостеприимства. — Он поднял очки на лоб, обнажив на мгновение окруженные морщинами пустые глазницы. Потом снова появились темно-синие глаза Элвиса, рассматривавшие их с неподдельным интересом.

— Думаю, — сказал он, — вам даже захочется остаться насовсем.

Звезд на небе прибавилось; сделалось уже совсем темно. Оранжевые пятнышки выбегали на сцену, словно ночные цветы, и включали микрофоны один за другим.

— Они дадут нам работу, — отстраненно произнес Кларк. — Он даст нам работу. Мэр. Который похож на Элвиса Пресли.

— Он и есть Элвис, — возразила Сисси Томас, но Кларк по-прежнему рассматривал сцену. Он еще не был готов даже думать об этом, не то чтобы слушать.

— Мэри будет работать в парикмахерской «Бибоп», — продолжал он. — У нее учительский диплом и степень

магистра по английскому языку, но теперь ей предстоит Бог знает сколько времени подавать шампуни. На меня он лишь взглянул и процедил: «А вы кто такой, сэр? У вас какая специальность?» — Кларк подражал мемфисскому выговору мэра, и, наконец, в окаменевших глазах официантки начало появляться осмысленное выражение. Мэри показалось, что это был ужас.

— Не надо передразнивать, — предостерегла она. — Здесь ты можешь иметь неприятности... а ты не хочешь иметь неприятности. — Она медленно подняла свою забинтованную руку. Кларк взглянул на нее, влажные губы у него затряслись, и когда она опустила руку на колено, он продолжал значительно тише.

— Я сказал ему, что я программист, а он ответил, что в городе нет ни одного компьютера... хотя они бы с удовольствием взяли парочку синтезаторов. Тут другой парень засмеялся и сказал, что в универсаме нужен грузчик на склад, и...

На подиуме засветилось ярко-белое пятно. Коротышка в спортивном пиджаке столь дикой расцветки, что Бадди Холли рядом с ним выглядел бы монахом, поднял руки, как бы успокаивая шквал аплодисментов.

— Кто это? — спросила Мэри у Сисси.

— Какой-то древний диск-жокей, который ведет эти концерты. То ли Алан Твид, то ли Алан Брид, что-то в этом роде. Его только здесь и увидишь. Думаю, пьет по-черному. Целыми днями спит — это я точно знаю.

И как только девушка произнесла это имя, оболочка, окутывавшая Мэри, как будто лопнула и остатки ее сомнений исчезли. Они с Кларком действительно попали в Рок-н-Ролл-Рай, только он на поверку оказался Рок-н-Ролл-Адом. Это произошло не потому, что они были плохими людьми, и не потому, что старые боги решили наказать их; случилось это потому, что они заблудились в лесу, вот и все, а в лесу заблудиться может каждый.

— Сегодня для вас потрясающий концерт! — возбужденно выкрикивал в микрофон ведущий. — Здесь с нами

великий музыкант... Фредди Меркьюри, прямо из города Лондона... Джим Кроче... мой любимец Джонни Ас...

Мэри наклонилась к девушке:

— Ты давно здесь, Сисси?

— Не знаю. Тут теряется ощущение времени. Лет шесть, не меньше. А может, восемь. Или девять.

— Кит Мун из группы «Ху»... Брайан Джонс из «Роллинг стоунз»... самая настоящая Флоренс Баллард из «Сьюпримз»... Мэри Уэллс...

Не в силах сдержать свои худшие опасения, Мэри спросила:

— Сколько тебе было лет, когда ты сюда попала?

— Кисс Эллиот... Джанис Джоплин...

— Двадцать три.

— Кинг Кертис... Джонни Бернетт...

— А сейчас тебе сколько?

— Слим Харпо... Боб Хайт по прозвищу Медведь... Стиви Рей Вozn...

— Двадцать три, — сказала Сисси, а на сцене Алан Фрид продолжал выкрикивать имена в почти пустой зал. И по мере того, как на небе зажигались звезды — сначала сотня звезд, потом тысяча, потом их стало невозможно сосчитать, звезды, возникавшие из синевы и теперь мерцавшие там и сям в черноте, — он перечислял жертв наркотиков, жертв алкоголя, жертв авиационных катастроф и убийств; тех, кого находили в пустынных аллеях, и тех, кого находили в собственных бассейнах, и тех, кого находили в кюветах с пробитой рулевой колонкой грудью и полуоторванной головой; он выпевал имена молодых и старых, но преимущественно молодых, а когда он назвал имена Ронни Ван Занта и Стива Гейнса, у нее в памяти всплыли слова одной из песен этой группы: «У-у этот запах, неужели ты не чувствуешь этот запах», — и да, черт возьми, она действительно чуяла этот запах: даже здесь, на чистом орегонском воздухе, она чуяла этот запах, и когда она взяла Кларка за руку, это показалось ей тем же, что взять руку трупа.

— У-У-У-У-PPPP-AAAA! — завопил Алан Фрид. Позади него, в темноте, сотни теней выбежали на сцену, освещаемую ручными фонариками в руках подсобников. — Вы готовы к ТУ-У-У-У-СОВКЕ?

Никакого ответа от немногочисленных зрителей в зале не последовало, но Фрид замахал руками и засмеялся, будто публика неистовствовала в согласии. Последние проблески света позволили Мэри заметить, как старик протянул руку и сорвал слуховой аппарат.

— Вы готовы к БУ-У-У-У-ГИ?

На этот раз он получил ответ — тени позади него демонически взвыли в свои саксофоны.

— Тогда поехали... ПОТОМУ ЧТО РОК-Н-РОЛЛ НИКОГДА НЕ УМИРАЕТ!

Когда погасли огни и оркестр заиграл первую песню этого долгого, долгого концерта — «Будь я проклят», партия вокала Марвина Гея, — Мэри подумала: «Вот чего я боялась. Именно этого я боялась...»

ПАЛЕЦ

В тот момент, когда слышался шорох, Говард Митла сидел один в своей квартире в Куинсе. Говард был обыкновенным бухгалтером, которых в Нью-Йорке множество. Его жена Вайолет Митла была обыкновенной медсестрой, работающей у зубного врача, которых в Нью-Йорке также немало. Дождавшись конца теленовостей, она побежала в магазин на углу за мороженым. После новостей шло «Поле чудес», которое ее не интересовало. Она говорила, что ведущий, Алекс Требек, похож на хитрого евангелиста, но Говард-то знал, в чем дело: в «Поле чудес» она чувствовала себя душой.

Шорох доносился из ванной, которую от спальни отделял крохотный отрезок коридора. Говард сразу же определил место. На вора не похоже — он еще в позапрошлом году навесил на окна толстую сетку за свой счет. Больше походило на мышку в раковине или в ванне. Может быть, даже крыса.

Он подождал нескольких первых вопросов, надеясь, что шорох исчезнет сам по себе, но он не прекращался. Когда пошла реклама, Говард неохотно встал и пошел к двери ванной. Она была распахнута, так что шорох слышался еще громче.

Скорее всего мышь или крыса — как будто лапки скребут о фарфор.

— Черт, — разозлился Говард и направился в кухню.

В углу, между газовой плитой и холодильником стояли принадлежности для уборки — швабра, ведро с тряпками, совок с гибкой ручкой. Говард взял в одну руку швабру, поближе к щетине, а в другую совок. Вооружившись таким образом, он не спеша прошагал через ма-

ленькую гостиную к двери ванной. Насторожился. Прислушался.

Царап-царап.

Очень слабый звук. На крысу не похоже. Но что-то внутри твердило — крыса. Не простая, а нью-йоркская — уродливая мохнатая тварь с глазами-крапинками, длиннющими, как бы проволочными усами и с громадными зубами, торчащими из V-образной верхней губы. Породистая крыса.

Звук был слабый, даже нежный, но тем не менее...

У него за спиной Алекс Требек задавал вопрос:

— Этого русского застрелили, отравили и задушили... и все в одну и ту же ночь.

— Наверно, Ленин? — отозвался кто-то из участников.

— Распутин, идиот, — пробурчал Говард Митла. Он переложил совок в ту руку, что держала щетку, и свободной рукой повернул выключатель в ванной. Он быстро направился к ванне, которая приютилась в углу под грязным, затянутым сеткой окном. Он терпеть не мог крыс и мышей, вообще любых мохнатых тварей, которые пищали и бегали (а иногда и кусались), но с детства усвоил, что, если хочешь избавиться от них, лучше делать это сразу. Если сидеть на стуле и не обращать внимания на шорох, будет еще хуже: Вай выпила пару банок пива, пока смотрела новости, и, вернувшись из магазина, первым делом направится в туалет. Если мышка в унитазе, она поднимет крышку... и потребует, чтобы он исполнил свой мужской долг и прогнал ее. Все равно никуда не денешься.

В ванне не было ничего, кроме гибкого душа. Он свернулся на эмалированной поверхности, словно мертвая змея.

Шорох прекратился, когда Говард входил в ванную, но теперь послышался вновь. Сзади. Он обернулся и сделал три шага к раковине, на ходу замахиваясь щеткой.

Рука, державшая щетку, взлетела до уровня подбородка и остановилась. Он остолбенел. У него отвисла челюсть. Если бы он посмотрел на себя в заляпанное зубной пастой зеркало над раковиной, то увидел бы, как у него между языком и небом мерцают струйки слюны, тоненькие, словно паутинки.

Из отверстия сливной трубы раковины высовывался палец.

Человеческий палец.

На мгновение он замер, будто понял, что его обнаружили. Потом снова начал двигаться, прокладывая себе путь, словно червь, по розовому фарфору. Он добрался до белой резиновой пробки, ощупал ее, опять спустился на фарфор. Шорох производили не крохотные мышьи лапки. Это ноготь на конце пальца постукивал по фарфору, описывая круги.

Говард издал дикий, испуганный вопль, уронил щетку и бросился вон из ванной. Он ударился плечом о кафельную стену, отскочил и снова побежал. Благополучно выбравшись, захлопнул за собой дверь и, тяжело дыша, уперся в нее спиной. Сердце у него где-то под самым горлом словно отстукивало морзянку.

Вряд ли он долго стоял там — когда он пришел в себя, Алекс Требек все еще вел троих участников через первый тур, — но он утратил всякое ощущение времени, не понимал, где он и кто он.

Вывел его из этого состояния пронзительный звонок, который возвестил начало второго тура.

— Тема у нас — «Космос и авиация», — говорил Алекс. — У вас сейчас семьсот долларов, Милдред, — сколько вы ставите? — Милдред, отнюдь не выглядевшая уверенным в себе эрудитом, пробормотала в ответ что-то невразумительное.

Говард отступил от двери и вернулся в гостиную, словно на ходулях. В руке у него все еще был совок. Он посмотрел на него и разжал пальцы. Совок упал на ковер с тихим стуком.

— Я этого не видел, — уныло пробормотал Говард Митла и свалился на стул.

— Хорошо, Милдред, пятьсот долларов: испытательный центр ВВС, который первоначально назывался Майрок?

Говард уставился в телевизор. Милдред, маленькая, похожая на мышку женщина со слуховым аппаратом величиной с будильник, глубоко задумалась.

— Я этого не видел, — проговорил он чуть увереннее.

— Авиабазы Ванденберг? — спросила Милдред.

— Авиабазы Эдвардс, дура, — сказал Говард. И когда Алекс Требек подтвердил сказанное, Говард повторил: — Я этого вообще не видел.

Но скоро вернется Вайолет, а он оставил щетку в ванной.

Алекс Требек объявил участникам и зрителям, что пока еще игра открыта для всех, а через пару минут начнется суперигра, где счет может всерьез измениться. На экране появился какой-то политик и принялся объяснять, почему его необходимо избрать на следующий срок. Говард неохотно встал. Теперь он в большей степени ощущал свои ноги как ноги, а не как ходули, но возвращаться в ванную ему все равно не хотелось.

«Вот, — сказал он себе, — это очень просто. Такое часто бывает. У тебя была галлюцинация, как у многих. Ты об этом редко слышишь только потому, что о таких вещах не любят говорить... галлюцинации не приняты в обществе. Говоря о них, люди чувствуют себя так, как ты, если оставишь щетку на полу, а Вай войдет и спросит, в чем дело».

— Послушайте, — говорил политик в телевизоре густым, вкрадчивым баритоном. — Если вникнуть в суть дела, все очень просто: хотите ли вы, чтобы бюро актов гражданского состояния округа Нассо возглавлял честный, компетентный человек или проходимец с севера штата, который никогда...

— Думаю, это воздух в трубах, — сказал Говард, и хотя шорох, из-за которого он направился в ванную, несколько не напоминал шум воздушных пузырей в трубах, сам звук его голоса — разумного, снова управляемого — придал ему чуть больше решимости.

И опять-таки — Вай скоро вернется. В любую минуту. Он встал за дверью, прислушиваясь.

Царап-царап. Вроде как слепой карлик постукивает тросточкой о фарфор, нащупывая путь наружу.

— Воздух в трубах! — громко продекламировал Говард и смело рванул дверь ванной. Он нагнулся, схватил щетку и потащил ее к двери. Ему пришлось сделать не больше

двух шагов в крохотное помещение с выцветшим, покорбленным линолеумом и видом на тусклое, забранное мелкой сеткой вентиляционное отверстие, и, скорее всего, он даже не заглядывал в раковину.

Он стоял снаружи, прислушиваясь.

Царап-царап. Царап-царап.

Он поставил щетку и совок на законное место между плитой и холодильником в кухне и вернулся в гостиную. Там он постоял, поглядывая на ванную. Дверь была распахнута, льющийя оттуда свет веером расходился в крохотном закутке в прихожей.

«Надо бы пойти выключить свет. Ты же знаешь, какой Вай поднимает шум из-за этого. Тебе даже не нужно входить. Просто просунуть руку за дверь и щелкнуть».

А если что-то схватит его за руку, пока он будет тянуться к выключателю?

Вдруг чужой палец схватит его за палец?

Как насчет этого, дамы и господа?

Тот звук все еще был слышен. В нем было нечто до ужаса неумолимое. Можно было сойти с ума.

Царап. Царап. Царап.

По телевизору Алекс Требек объяснял условия супер-игры. Говард подошел и прибавил звук. Потом снова уселся на стул и сказал себе, что из ванной ничего не слышится, абсолютно ничего.

Разве что воздух в трубах.

Вай Митла была из тех женщин, которые двигаются с таким изяществом, что кажутся чуть ли не хрупкими... но Говард был на ней женат двадцать один год и прекрасно знал, что никакой хрупкости в ней нет и в помине. Она ела, пила, работала, танцевала и занималась любовью в одном и том же темпе — напористом. Она ворвалась в квартиру, как небольшой ураган. Правой рукой она прижимала к груди объемистый бумажный мешок. Не останавливаясь, она внесла его в кухню. Говард слышал, как мешок раскрылся, хлопнула дверца холодильника и затем закрылась. Вернувшись, она швырнула Говарду свое пальто.

— Повесь, пожалуйста! — попросила она. — Я сейчас описаюсь! Ей богу! Фью!

«Фью!» было любимым междометием Вай.

— Конечно, Вай, — произнес Говард и встал с темно-синим пальто Вай на руках. Он не сводил с нее глаз, пока она бежала по коридору и через дверь ванной.

— Электрокомпания очень любит, когда ты оставляешь включенным свет, Гови, — крикнула она через плечо.

— Я нарочно, — ответил он. — Знал, куда ты сразу помчишься.

Она засмеялась. Он слышал шорох ее белья.

— Ты слишком хорошо меня знаешь — у посторонних это называется любовью.

«Надо сказать ей — предупредить ее», — подумал Говард, зная, что не сможет этого сделать. Что он ей скажет? Берегись, Вай, там из трубы раковины торчит палец, не дай ему ткнуть тебя в глаз, когда наклонишься за стаканом воды?

Кроме того, это ведь просто галлюцинация из-за воздуха в трубах и из-за того, что он боится мышей. Теперь, когда прошло несколько минут, он в это почти верил.

Как бы там ни было, он стоял с пальто Вай на руках, ожидая, когда она завизжит. И спустя десять-пятнадцать бесконечных секунд услышал:

— Боже мой, Говард!

Говард подскочил, еще крепче прижимая пальто к груди. Сердце, уже было успокоившееся, снова начало выстукивать морзянку. Он порывался заговорить, но слова застревали в горле.

— Что? — наконец выговорил он. — Что такое, Вай?

— Полотенца! Попадали на пол! Что случилось?

— Не знаю, — отозвался он. Сердце колотилось еще быстрее, и он не мог определить, чем было тошнотворное ощущение где-то в самом низу живота — облегчением или ужасом. Наверное, он свалил полотенца, когда налетел на стену.

— Наверное, привидения, — сказала она. — Кроме того, не хочу тебя пилить, но ты забыл закрыть раковину.

— Извини, — произнес он.

— Ну да, ты всегда так говоришь, — донесся ее голос. — Ты, наверное, хочешь, чтобы я туда свалилась и утонула. Когда-нибудь так и случится! — Чавкающий звук — она сама заткнула пробку. Говард выжидал, затаив дыхание, все еще сжимая ее пальто.

— У кого рекорд по количеству удалений за одну игру? — спрашивал Алекс Требек.

— Том Сивер? — Милдред слегка откинулась.

— Роджер Клеменс, бестолочь, — сказал Говард.

Пш-ш-ш! — донесся шум сливаемой воды. Вот сейчас наступит момент, которого он ждет (до Говарда только сейчас дошло). Пауза, казалось, длится бесконечно. Потом взвизгнул кран с горячей водой (он все собирался починить этот кран и все забывал), вода потекла в раковину, и Вай начала мыть руки.

Никакого визга.

А откуда быть визгу, если никакого пальца нет?

— Воздух в трубах, — более уверенно произнес Говард и пошел вешать пальто жены.

Она вышла, оправляя юбку.

— Я принесла мороженое, — сказала она, — вишневое с ванилью, как ты хотел. Но для начала давай попробуем пиво, Гови. Новый сорт. Называется «Американское зерно». Я о таком никогда не слышала, но оно было на дешевой распродаже, и я взяла шесть банок. Не рискуешь — не выиграешь, так ведь?

— Точно, — сказал он, морща нос. Когда Вай принесла ему из кухни стакан со своим новым приобретением, он понял, что страх прошел. Он решил, что лучше страдать галлюцинациями, чем наблюдать, как настоящий палец высовывается из слива раковины — живой, указующий во все стороны.

Говард опять уселся на стул. Когда Алекс Требек объявил тему последней суперигры — шестидесятые годы, он задумался над тем, что ему было известно из различных телепередач: галлюцинации бывают у людей, страдающих либо а) эпилепсией, либо б) опухолью мозга. И таких передач он помнил немало.

— Знаешь, — сказала Вай, возвращаясь в комнату с двумя стаканами пива, — не нравятся мне вьетнамцы, которые держат этот магазин. И, наверно, никогда не понравятся. По-моему, они подлые.

— Ты видела, чтобы они делали что-нибудь подлое? — спросил Говард. Он и сам считал, что супруги Ла какие-то не такие... но сегодня это его мало волновало.

— Нет, — ответила Вай, — не видела. Тем более они подозрительные. И еще они все время улыбаются. Отец меня всегда учил: «Нельзя доверять улыбающемуся мужчине». И еще он говорил... Говард, с тобой все в порядке?

— Что он говорил? — спросил Говард, делая слабую попытку вернуться на землю.

— Очень мило, дорогой. Ты бледный, как молоко. Что с тобой? Тебе плохо?

«Нет, — хотелось сказать ему, — мне не плохо — это слишком мягко сказано. Я думаю, нет ли у меня эпилепсии или опухоли в мозгу, Вай, — может от этого стать плохо?»

— Наверно, заработался, — сказал он. — Я тебе рассказывал про эту новую налоговую декларацию. Больница Святой Анны.

— А что там?

— Клубок змей, — произнес он, что тут же вызвало ассоциации с ванной — с раковиной и сливом. — Нельзя доверять монахиням вести бухгалтерские книги. Это надо записать в Библии для полной надежности.

— Ты позволяешь мистеру Латропу садиться себе на шею, — отрезала Вай. — Так и будет, пока не научишься стоять за себя. Хочешь иметь инфаркт?

— Нет.

«И эпилепсии, и опухоли в мозгу тоже не хочу. Прошу тебя, Господи, сделай это одноразовым явлением. Ладно? Однажды привиделось — и чтобы больше не повторялось. Ладно? Пожалуйста. И чтоб с сахарком, ладно?»

— Да уж, конечно, — печально заметила она. — Арлин Кац на днях говорила, что если с мужчинами моложе пятидесяти случается инфаркт, им очень редко удастся

выкарабкаться. А тебе только сорок один. Ты должен уметь постоять за себя, Говард. Не быть таким размазней.

— Видимо, да, — задумчиво произнес он.

Алекс Требек задал финальный вопрос суперигры: «Группа хиппи, которые проехали на автобусе из конца в конец Соединенных Штатов с писателем Кеном Кизи?» Заиграли музыкальную заставку финала. Двое мужчин-участников сосредоточенно писали. Милдред, женщина с микроволновой печью в ухе, выглядела растерянной. Наконец и она принялась что-то царапать. Энтузиазма у нее явно не наблюдалось.

Вай отхлебнула большой глоток.

— Э-э! — воскликнула она. — Неплохо! И всего два шестьдесят семь за шесть банок!

Говард тоже отпил. Ничего особенного, но пиво все же было влажное и к тому же холодное. Уже утешительно.

Оба мужчины даже и близко не попали. Милдред тоже ошиблась, но по крайней мере хоть что-то знала. — «Веселые ребята?» — написала она.

— «Веселые проказники», жопа, — буркнул Говард.

Вай восхищенно посмотрела на него:

— Ты все на свете знаешь, Говард, правда?

— Если бы, — вздохнул тот.

Говард не был особым любителем пива, но в этот вечер осилил три банки из приобретения Вай. Он надеялся, что пиво поможет ему быстрее уснуть. Он боялся, что всю ночь будет ворочаться, думая о том, что привиделось ему в раковине. Но, как часто объясняла ему Вай, в пиве полно витамина Р, и около восьми тридцати она отправилась в спальню переодеться в ночную рубашку. Говард с явной неохотой проследовал в ванную облегчиться.

Прежде всего он подошел к раковине и заставил себя заглянуть туда.

Ничего.

Уже облегчение (в конце концов, лучше галлюцинация, чем настоящий палец, отметил он про себя, несмотря на вероятность опухоли в мозгу), но изучать слив глубже все

равно не хотелось. Медная крестовина внутри, предназначенная для того, чтобы улавливать клочья волос или, допустим, булавки, исчезла много лет назад, так что слив представлял собой просто темную дыру, окруженную кольцом из нержавеющей стали. Она смотрела на тебя, как пустая глазница.

Говард взял резиновую пробку и заткнул отверстие. Так лучше.

Он отошел от раковины, приподнял крышку унитаза (Вай всегда ругала его за то, что он забывает опускать ее после себя, но почему-то не испытывала острой необходимости делать это за собой) и наклонился над ним. Он был из тех мужчин, которые способны начать мочиться немедленно только при крайней необходимости (а в переполненных общественных туалетах не мог вообще — мысль о том, что позади стоит очередь, мгновенно блокировала ему сфинктер), и сейчас делал то, что и всегда, в течение нескольких секунд промежутка между тем, как он настроит инструмент, и моментом, когда он начнет действовать: считал про себя простые числа.

Он дошел до тринадцати и вот уже было начал, как вдруг сзади донесся резкий звук: тук-тук! Мочевой пузырь, опознав еще раньше, чем мозг, звук с силой выталкиваемой из дыры резиновой пробки, мгновенно закрылся (с режущей болью).

Спустя мгновение этот звук — звук ногтя, легонько постукивающего по фарфору при вращении любопытного пальца, — раздался снова. Кожа у Говарда похолодела и, казалось, съежилась так, что уже не закрывала плоть под ней. Вырвалась единственная капля мочи, плюхнувшись в унитаз, и пенис сжался у него в руке, как черепаха, ищущая спасения под панцирем.

Говард, пошатываясь, отошел к раковине. Он заглянул туда.

Палец вернулся. Он был очень длинный, но во всем остальном выглядел нормальным. Говард видел ноготь, не обкусанный и не чрезмерно длинный, и первые две фаланги. На его глазах палец остукивал и исследовал путь вокруг отверстия.

Говард нагнулся и заглянул в раковину. Труба, восходящая от пола, была диаметром никак не больше восьми сантиметров. Рука там поместиться не могла. Кроме того, труба резко изгибалась там, где был сифон. На чем же держится палец? На чем он может держаться?

Говард выпрямился, и какое-то время казалось, что голова у него просто оторвется от тела и улетит. Перед глазами у него поплыли черные пятна.

«Я сейчас упаду в обморок!» — подумал он. Он вцепился в мочку правого уха и дернул изо всех сил, как пассажир поезда в минуту опасности хватается за стоп-кран. Головокружение прошло... но палец оставался на месте.

Это не галлюцинация. Как это может быть? Он видел поверх ногтя крохотную капельку воды, а под ним — белую полоску — мыло, скорее всего — мыло. Вай мыла руки после туалета.

«Все равно это может быть галлюцинация. Может. Если ты видишь на нем воду и мыло, это ведь не значит, что тебе это не привиделось. И послушай, Говард, — если это не привидение, то что он там делает? Как он туда попал, прежде всего? И почему Вай его не видела?»

«Тогда позови ее, позови! — приказывал ему разум, а в следующую микросекунду отменял собственный приказ: — Нет! Не зови! Потому что если ты по-прежнему видишь его, а она нет...»

Говард зажмурил глаза и какое-то время находился в мире, где существовали только красные вспышки света и бешено колотящееся сердце.

Когда он открыл глаза, палец оставался на месте.

— Что ты? — прошептал он сквозь плотно сжатые губы. — Что ты есть и что тут делаешь?

Палец немедленно прекратил метаться вслепую. Он распрямился и указал на Говарда. Тот отшатнулся, прикрывая рот руками, чтобы не заорать. Он хотел оторвать взгляд от этой злой, отвратительной штуки, хотел опрометью выскочить из ванной (и пусть Вай говорит, что хочет)... но на какое-то время оказался парализованным,

не способным оторваться от этого розоватого чудовища, напоминавшего перископ из плоти.

Потом палец согнулся во втором суставе. Кончик его опустился, коснулся фарфора, и постукивание по кругу возобновилось.

— Гови? — позвала Вай. — Ты что там, уснул?

— Сейчас! — откликнулся он неестественно веселым тоном.

Он смыл ту единственную каплю мочи, которая попала в унитаз, и направился к выходу, обходя раковину кругом. Однако он заметил свое отражение в зеркале: огромные глаза, неестественно бледная кожа. Он пощипал себя за обе щеки, выходя из ванной, которая всего за какой-то час сделалась самым страшным и необъяснимым местом в мире.

Когда Вай зашла в кухню посмотреть, что он так долго делает, Говард заглядывал в холодильник.

— Что ты хочешь? — спросила она.

— Пепси. Пойду, наверно, к Ла и куплю баночку.

— После трех банок пива и вишнево-ванильного мороженого? Ты же лопнешь, Говард.

— Не лопну, — пробормотал он. — Но это произойдет, если я не отолью то, что скопилось в почках, — уточнил он про себя.

— Ты уверен, что все в порядке? — Вай критически осмотрела его, но тон ее стал мягче — с оттенком подлинного сочувствия: — Потому что выглядишь ты ужасно. Правда.

— Слушай, — выдавил он, — у нас в конторе грипп. Я полагаю...

— Я тебе дам соды, если действительно нужно, — предложила она.

— Не надо, — поспешно вмешался Говард. — Ты в ночной рубашке. Смотри, я уже надеваю пальто.

— Когда ты в последний раз пробовал диету из супа и орехов, Говард? Это было так давно, что я уже забыла.

— Поищу ее завтра, — неопределенно ответил он, выходя в маленькую прихожую, где висели пальто. — Она, наверно, где-то среди страховых полисов.

— Это было бы лучше. А если уж ты спятил и собрался выходить, то надень мой шарф!

— Ладно. Это правильно. — Он надел пальто и застегивал его, стоя к ней спиной, чтобы она не заметила, как у него дрожат руки. Когда он повернулся, Вай уже скрылась в ванной. Он молча постоял в предвкушении того, что теперь уж она завизжит, но тут вода полилась в раковину. Затем он услышал, как Вай чистит зубы в своей обычной манере — с напором.

Он постоял еще и вдруг мысленно вынес себе приговор тремя простыми словами: «Я схожу с ума».

Возможно... но это не меняет того факта, что, если он в ближайший момент не провернет кое-что, его ждут крайне неприятные последствия. По крайней мере, эту проблему он способен решить, и Говард испытал некоторое утешение. Он открыл дверь, уже было вышел, потом вернулся, чтобы взять шарф Вай.

«Когда ты намерен рассказать ей о последних удивительных событиях в жизни Говарда Митла?» — вдруг решил он осведомиться у самого себя.

Говард тут же отогнал эту мысль и сосредоточился на том, чтобы затолкать концы шарфа за отвороты пальто.

Квартира Митла была на пятом этаже десятиэтажного здания на Хокинг-стрит. За полквартала, на углу Хокинг и Куинс-бульвара, находился работавший круглосуточно магазин «Деликатесы и удобства Ла». Говард повернул налево и дошел до конца здания. Здесь была узкая тропинка, которая вела к мусоропроводу. По обе ее стороны стояли контейнеры для мусора. Здесь бездомные, далеко не все из которых были пропащими алкоголиками, устраивали себе неудобный ночлег из газет. В этот вечер, кажется, никто не собирался поселиться на тропе, за что Говард был им очень благодарен.

Он зашел в укромный промежуток между двумя контейнерами, расстегнул джинсы и обильно помочился. Сначала он испытал такое облегчение, что почти забыл недавние удары судьбы, но по мере того как напор ослабевал,

опять начал обдумывать свое положение, и отчаяние опять овладело им.

Положение его было, прямо скажем, безвыходным.

Вот он стоит и мочится на стену дома, в котором имеет теплую, уютную квартиру, оглядываясь через плечо, не заметил ли его кто-нибудь.

Появись здесь бандит или грабитель, пока он находится в таком незащищенном состоянии, ничего хорошего не будет, но гораздо ужаснее, если его увидит кто-то из знакомых — Фенстеры, например, из 23-й или Дэтлбаумы из 35-й. И что скажет Вай эта языкастая Алисия Фенстер?

Он застегнул штаны и вернулся к началу тропинки. Тщательно осмотревшись по сторонам, он зашел в магазин и купил банку пепси-колы у улыбающейся бронзовокожей миссис Ла.

— Что-то вы сегодня бредный, мистер Митра, — произнесла она со своей неизменной улыбкой. — Все в порядке?

«О да, — подумал он. — Я действительно брежу, спасибо, миссис Ла. Просто замечательно».

— Поймал таракана в раковине, — пояснил он ей. Она нахмурилась, не переставая улыбаться, и он сообразил, что ляпнул что-то не то. — В конторе, я имею в виду.

— Ручше одевайтесь тепрей, — сказала она. Складка на ее почти идеально гладком лбу разошлась. — Радио говорит, будет хорошо.

— Спасибо, — поблагодарил он и вышел. По пути домой он открыл банку и вылил ее в канаву. Учítывая, что ванная теперь стала вражеской территорией, ему менее всего хотелось пить на ночь.

Когда он вошел, Вай похрапывала в спальне. Три банки пива хорошо на нее подействовали. Он поставил пустую банку на столик в кухне, затем постоял за дверью ванной. Потом прижался ухом к дереву.

Царап-царап. Царап-царап-царап.

— Вонючий сукин сын, — прошептал он.

Он отправился спать не почистив зубы — впервые с тех пор, как мать забыла положить ему, двенадцатилетнему, зубную щетку, когда отправляла в летний лагерь.

Он лежал в постели рядом с Вай и не спал.

Слышно было, как палец продолжает свои бесконечные поиски в ванной, постукивая ногтем. На самом деле он не мог слышать сквозь закрытые двери и знал это, но представлял, как он это слышит, что было ничуть не лучше.

«Нет, — говорил он себе, — по крайней мере ты знаешь, что это лишь воображение. Насчет самого пальца ты не уверен».

Впрочем, это мало утешало. Он все еще не мог уснуть и не приблизился к решению проблемы. Он знал, что не сможет до бесконечности выдумывать предлоги, чтобы выйти помочиться возле мусорных ящиков. Он сомневался, получится ли это даже на протяжении двух суток. А что будет, когда приспичит большая нужда, леди и джентльмены? Вот вопрос, который никогда не задавали в суперигре, и он не имел ни малейшего представления, как на него ответить. Не под ящиками же — тут он был совершенно уверен.

«Может быть, — осторожно предположил внутренний голос, — со временем ты привыкнешь к этой штуке».

Нет. Немыслимо. Он двадцать один год жил с Вай и все еще не в силах был зайти в ванную, когда она была там. Эти цепи просто замыкало от перенапряжения. Она могла весело сидеть на унитазе и болтать с ним о том, что делала на работе у доктора Стоуна, пока он брился, но он на это был не способен. Не то воспитание.

«Если этот палец не уйдет сам по себе, значит, тебе придется пересмотреть свое воспитание, — настаивал голос, — потому что кое-что, по-видимому, нуждается в коренной перестройке».

Он повернул голову и взглянул на будильник. Четверть третьего... и, меланхолично сообразил он, опять необходимо помочиться.

Он осторожно поднялся с кровати, миновал ванную, из-за закрытой двери которой доносилось все то же непрекращающееся царапанье и постукивание, и направился в кухню. Он придвинул табуретку к кухонной раковине,

влез на нее и тщательно прицелился в сливное отверстие, настороженно прислушиваясь, не проснулась ли Вай.

Наконец получилось... лишь когда он перебрал все простые числа вплоть до трехсот сорока семи. Рекорд всей жизни. Он поставил табуретку на место и побрел обратно в постель, размышляя про себя: «Я так не смогу. Долго не протяну. Просто не смогу».

Проходя мимо двери ванной, он оскалился.

Когда в шесть тридцать зазвонил будильник, он вскочил с постели, прошаркал в ванную и вошел внутрь.

В сливе было пусто.

— Слава Богу, — прошептал он дрожащим голосом. Волна облегчения, почти священное вдохновение, охватила его. — О, слава Б...

Палец высунулся, как ванька-встанька, словно привлеченный звуком его голоса. Он молниеносно крутнулся три раза и застыл, словно сеттер перед прыжком. И указывал прямо на него.

Говард отскочил, издавая бессвязное рычание.

Верхняя фаланга пальца сгибалась и разгибалась, словно приманивая его. Доброе утро, мистер, рад вас видеть.

— Сволочь, — пробормотал Говард. Он повернулся к унитазу. Решительно вознамерился помочиться... и ничего. Вдруг его охватило бешенство... жгучее желание просто наброситься на наглого пришельца в сливе, вытащить его из пещеры, бросить на пол и топтать босыми ногами.

— Говард? — сонно спросила Вай. Она постучала в дверь. — Уже?

— Да, — ответил он насколько мог спокойным тоном. Он спустил воду в унитазе.

Ясно было, что Вай мало интересуется его тон и его вид. Она страдала от непредвиденного похмелья.

— Чуть не напустила лужу, но могло бы быть и хуже, — пробормотала она, вихрем пронесшись мимо него, задирая ночную рубашку и усаживаясь на унитаз. Она потрогала свой лоб. — В рот больше не возьму этой дряни, благодарю покорно. «Американское зерно» — это страшное говно. Кто бы подсказал этим типам, что удобрение в хмель

следует сыпать до того, как сажаешь, а не после. Три паршивые банки — и голова разваливается. Господи! Ну что ж, какова цена — таков и вкус вина. Особенно если продают такие гады, как эти Ла. Будь лапочкой, дай мне аспирина, а, Гови?

— Конечно, — сказал он и осторожно приблизился к раковине. Палец снова исчез. Вай, кажется, и на этот раз его спугнула. Он достал аспирин из аптечки и высыпал две таблетки. Ставя пузырек обратно, он заметил, как кончик пальца на мгновение высунулся из дыры. На полсантиметра, не более. И опять как бы поднял волну, прежде чем скрыться.

Он дал Вай аспирин и сказал:

— Минуточку — налью тебе воды.

— Не надо, — тоскливо пробормотала Вай и принялась крушить таблетки зубами. — Так быстрее действует.

— Да он же тебе все кишки сожжет, — настаивал Говард. Он обнаружил, что не против оставаться в ванной, пока Вай с ним.

— Не беспокойся, — произнесла она еще более мрачным тоном. Она спустила воду в унитазе. — Как ты сейчас?

— Не лучшим образом, — честно признался он.

— У тебя тоже?

— Похмелье? Нет. Скорее грипп, о котором я говорил. Горло болит, и палец беспокоит.

— Что?

— Пятна, говорю. Пятна какие-то на щеках.

— Знаешь что, лучше оставайся дома. — Она подошла к раковине и стала энергично чистить зубы.

— Может, и тебе лучше остаться, — сказал он. Он, однако, не хотел, чтобы Вай была дома; он хотел, чтобы она помогала доктору Стоуну ставить пломбы и прочищать каналы, но было бы невежливо не сказать что-то.

Она взглянула на его отражение в зеркале. У нее уже появлялся легкий румянец, глаза чуть засветились. Приходила в себя Вай тоже энергично.

— В тот день, когда я не выйду на работу из-за похмелья, я брошу пить совсем, — сказала она. — И потом,

я нужна доку. Мы сегодня ставим полную верхнюю чешую. Грязная работа, но кто-то должен ее делать.

Она сплюнула прямо в слив, и Говард восхищенно подумал: «В следующий раз он появится, весь заляпанный зубной пастой. Господи!»

— Сиди дома, укутайся и пей побольше жидкости, — наказывала Вай тоном старшей медсестры, который следовало понимать: «не будешь выполнять предписаний — сам будешь виноват». — Почитай. И дай понять этому вонючке Латропу, что он теряет, когда тебя нет. Пусть дважды подумает.

— Неплохая идея, — поддержал Говард.

Она поцеловала его на бегу и подмигнула:

— Твоя Увядаящая Вайолет кое-что в жизни понимает, — похвасталась она. Когда через полчаса она побежала на свой автобус, то беззаботно напевала, забыв о похмелье.

Первое, что сделал Говард после ухода Вай, — приставил табуретку к кухонной раковине и помочился туда. Без Вай было легче: не успел он дойти до двадцати трех — девятого по счету простого числа, — как дело пошло.

Уладив эту проблему хотя бы на ближайшие несколько часов, он прошел в прихожую и просунул голову в ванную. Он сразу увидел палец, и это было ненормально. Немыслимо — потому что из двери он мог видеть только край раковины. А раз видел, значит...

— Что ты делаешь, подонок? — заорал Говард, и палец, который вертелся во все стороны, как бы пробуя ветер, обратился к нему. Он был испачкан зубной пастой, как и следовало ожидать. Он изогнулся по направлению к нему... но теперь изогнулся в трех местах, что было уж вовсе невозможно, совершенно невозможно, потому что на любом пальце третий сустав находится на стыке с кистью.

«Он удлиняется, — промелькнуло у него в мозгу. — Я не знаю, как это может быть, но это так — он уже выходит за край раковины по крайней мере сантиметров на восемь... если не больше!»

Он осторожно прикрыл дверь в ванную и вернулся в гостиную. Ноги снова превратились в негнущиеся ходули.

Ледокол в мозгу исчез, расплющенный под тяжестью белого ужаса и растерянности. Это был не айсберг, а целый ледник.

Говард Митла сел на стул и закрыл глаза. За всю свою жизнь он не ощущал себя таким одиноким, таким растерянным и бессильным. Он просидел так довольно долго, застыв в оцепенении. Всю ночь он не спал, и теперь уснул, пока все удлиняющийся палец в раковине стучал и царапал, царапал и стучал.

Ему снилось, что он участвует в «Поле чудес» — не новом варианте с большими ставками, а в обычной дневной передаче. Вместо компьютерных экранов ассистент позади игрового стола просто выставлял карточку, когда участник называл ответ. Вместо Алекса Требека ведущим был Арт Флеминг с гладко зализанными волосами и простецкой улыбкой. В центре стола сидела та же Милдред с той же спутниковой антенной в ухе, но с пышным начесом под Жаклин Кеннеди и в роскошных дымчатых очках вместо пенсне.

И все изображение было черно-белым, включая его самого.

— Ладно, Говард, — произнес Арт, указывая на него. У Арта был странный указательный палец в полметра длиной; он торчал из неплотно сжатого кулака, словно учительская указка. На ногте засохла зубная паста. — Твоя очередь ставить.

Говард взглянул на доску и сказал:

— Тема «Вредные насекомые» за сто долларов, Арт.

Сняли квадрат «100 долларов», и Арт прочел: «Лучший способ избавиться от зловредных пыльцев в раковине».

— Это... — начал Говард и запнулся. Черно-белая аудитория в студии пялила на него глаза. Черно-белый оператор наезжал крупным планом на его залитое потом черно-белое лицо. — Это... гм...

— Быстрее, Говард, твое время истекает, — ласково приговаривал Арт Флеминг, указывая на него своим неизменно длинным пальцем, но Говард остоленел. Он готов был пропустить вопрос, пусть с него вычтут сто долларов, пусть он вообще окажется в минусах, пусть он совсем

проиграет, пусть ему даже не дадут заглянуть в эту проклятую энциклопедию...

На улице громко фыркнул грузовик. Говард мгновенно проснулся, дернувшись всем телом и едва не слетев со стула.

— Это жидкость для чистки раковин! — орал он. — Жидкость для чистки раковин!

Это и был ответ. Правильный ответ.

Он расхохотался. Пять минут спустя, все еще продолжая смеяться, он застегивал пальто и открывал дверь.

Говард рассматривал пластмассовый флакон, который ковырявший в зубах продавец в магазине хозяйственных товаров «Счастливый умелец» на Куинс-бульваре выставил на прилавок. Там была нарисована женщина в фартуке. Она одной рукой подбоченилась, а другой лила струю жидкости то ли в заводской сифон, то ли в биде из фильмов Орсона Уэллеса. «РАКУШКА» — было написано на этикетке. — «ВДВОЕ сильнее лучших известных средств! Прочищают ванны, души и раковины ЗА СЧИТАННЫЕ МИНУТЫ. Растворяет волосы и органические загрязнения!»

— Органические загрязнения, — повторил Говард. — Как это понимать?

Лысый продавец с усеянным прыщами лбом пожал плечами. Зубочистка перекатывалась у него во рту из одного конца в другой.

— Жратва, наверное. Но лучше не ставить этот флакон рядом с жидким мылом, если вы понимаете, о чем я говорю.

— Что, разъедает руки? — спросил Говард, надеясь, что в его голосе слышится надлежащий испуг.

Продавец снова передернул плечами:

— Думаю, это не такое мощное средство, как то, что мы продавали раньше — с щелочью, но то теперь запрещено. По крайней мере, я так думаю. Но вот это видите? — Он ткнул коротким толстым пальцем в нарисованные череп и кости с надписью «ЯД». Говард внимательно рассматривал этот палец. Он теперь присматривался ко всем пальцам.

— Да, — сказал Говард. — Вижу.

— Это, знаете ли, не для красоты рисуют. Если у вас дети, им этого никак нельзя. И сами не полощите им горло. — Он захохотал, перекатывая зубочистку по нижней губе.

— Не буду, — сказал Говард.

Он повернул флакон и принялся читать надпись: «Содержит гидроксид натрия и гидроксид калия. При попадании на кожу вызывает сильные ожоги». Годится. Неизвестно, в какой степени годится, но как узнать?

Внутренний голос задумчиво сказал: «А что если он только взбесится, Говард? Что тогда?»

Гм... что тогда? Он же в раковине?

«Да... но он вроде бы растет».

Что же все-таки выбрать? Тут голос почему-то молчал.

— Мне бы не хотелось торопить вас с такой важной покупкой, — сказал продавец, — но я сегодня один, а мне еще обрабатывать накладные, так что...

— Я беру это, — сказал Говард, доставая бумажник. И тут ему бросилась в глаза другая витрина с вывеской «ОСЕННЯЯ РАСПРОДАЖА». — А что там? — спросил он. — Вон то?

— То? — переспросил продавец. — Электрические ножницы для стрижки кустарника. Мы их в июне получили две дюжины, но они почему-то не пошли.

— Дайте мне пару, — сказал Говард Митла. Он улыбнулся, и продавец потом рассказывал полиции, что эта улыбка ему не понравилась. Нисколько.

Говард, придя домой, выложил покупки на кухонный стол; коробку с электрическими ножницами он отодвинул подальше, надеясь, что до них не дойдет. Конечно, не дойдет. Потом внимательно изучил инструкцию на флаконе «Ракушки».

«Медленно вылить 1/4 флакона в раковину... дать отстояться пятнадцать минут. При необходимости повторить».

Ну, до этого, конечно, не дойдет, или... а вдруг дойдет?

Для верности Говард решил вылить сразу полфлакона. Может, даже чуть больше.

После долгих мытарств ему удалось открутить колпачок. Потом через гостиную он с мрачным видом направился в прихожую, неся в вытянутых руках белый пластмассовый флакон — словно солдат, знающий, что в любую минуту может получить приказ подниматься в атаку.

«Подожди минутку! — заорал внутренний голос, когда он взялся за дверь, и рука у него отдернулась. — Это идиотизм! Ты знаешь, что это идиотизм! Тебе не нужна жидкость для раковин, тебе нужен психиатр! Тебе нужно лечь на кушетку и рассказать кому следует, что ты выдумал — да, именно так, выдумал, — будто в раковине сидит палец и растет!»

— О нет, — твердо произнес Говард, покачав головой. — Пути назад нет.

Он не мог — никак не мог — представить, как он рассказывает все это психиатру... да кому бы то ни было. А вдруг это дойдет до мистера Латропа? Может прийти — через отца Вай. Билл Де Хорн был аудитором в фирме «Дин, Грин и Латроп» уже тридцать лет. Именно он устроил Говарду прием у Латропа, дал ему блестящую рекомендацию... словом, сделал все, чтобы устроить его на эту работу. Сейчас Де Хорн на пенсии, но они часто видятся с Джоном Латропом. Если Вай узнает, что ее Гови ходил к психиатру (а как скрыть такое от нее?), то расскажет мамочке — она ей все сообщает. Миссис Де Хорн, разумеется, передаст мужу. А мистер Де Хорн...

Говард представил, как двое пожилых мужчин — его тесть и хозяин — сидят в кожаных креслах в каком-то мифическом клубе — на обивке кресел поблескивают маленькие золотые гвоздики. Ему ясно привиделось, как они пьют шерри; рюмка с золотым ободком стоит на столике справа от мистера Латропа. (Говард ни разу не видел, чтобы кто-то из них пил шерри, но в такой фантазии это был обязательный элемент). Он увидел, как Де Хорн — которому уже под восемьдесят и налицо явные признаки маразма — доверительно наклоняется к собеседнику и шепчет: «Представляете, что делается с моим зятем Говардом, Джон! Он собирается к психиатру. Думает, что у него в

раковине сидит палец, видите ли. Вам не кажется, что он пристрастился к наркотикам или что-нибудь в этом роде?»

А может быть, не следует опасаться всерьез, что именно так получится? Он думал, что подобное вероятно — в той или иной форме, — а если нет? Все равно он не может пойти к психиатру. Что-то в нем — очень близкое к тому, что не позволяло ему мочиться в общественном туалете, если сзади стояла очередь, — просто отрицало такое предположение. Он не ляжет на кушетку и не скажет: «У меня в раковине торчит палец», — чтобы какой-нибудь очкарик с козлиной бородкой потом донимал его вопросами. Это то же самое, что «Поле чудес».

Он снова взялся за ручку.

«Тогда позови водопроводчика! — отчаянно завопил голос. — Сделай хотя бы это! Не надо говорить ему, что ты видел! Просто скажи, что засорилась труба! Или что твоя жена уронила в раковину обручальное кольцо! Скажи ему что угодно!»

Но это еще бесполезнее, чем обращаться к психиатру. Это Нью-Йорк, а не какой-нибудь провинциальный Де-Мойн. Здесь можно уронить в раковину алмаз «Шах» и все равно неделю дожидаться, пока сантехник соизволит явиться. Говард Митла не собирался целую неделю болтаться по Куинсу в поисках заправочных станций, где оператор за пятерку позволил бы ему опорожнить кишечник в заплыванном туалете под прошлогодним календарем.

«Тогда делай это быстро — сдался голос. — Хотя бы быстро».

Итак, два противоборствующих Говарда Митлы соединились. По сути дела, он опасался, что если не станет действовать быстро, то не в состоянии будет действовать вообще.

«Атакуй его внезапно, если получится. Сними туфли».

Говард решил, что это действительно ценная идея. Он решил осуществить ее немедленно, снял сначала одну туфлю, потом другую. При этом он пожалел, что забыл надеть резиновые перчатки на случай, если жидкость выплеснется обратно, и подумал, лежат ли они еще у Вай под кухонной раковиной. Ладно. Деваться некуда. Если он

еще пойдет искать перчатки, то утратит решимость... может, ненадолго, а может, и насовсем.

Он распахнул дверь ванной и проскользнул внутрь.

Ванная в их доме никогда не была особенно приятным местом, но сейчас, ближе к полудню, в ней было хотя бы более или менее светло. С видимостью проблем не будет... к тому же ничто не указывало на присутствие пальца. Пока, во всяком случае. Говард на цыпочках прошел через помещение с флаконом жидкости, крепко зажатым в правой руке. Он нагнулся над раковиной и заглянул в круглую черную дыру посреди поблекшего розового фарфора.

Но она не была темной. Что-то копошилось в этой черноте, лезло вверх через эту узенькую дырочку, чтобы приветствовать своего друга Говарда Митлу.

— Вот тебе! — закричал Говард, наклонив флакон с «Ракушкой» над отверстием. Синевато-зеленая жидкость полилась в дыру как раз в тот момент, когда появился палец.

Она подействовала немедленно и страшно. Вязкая масса покрыла ноготь и кончик пальца. Он взбесился, выплясывая, словно дервиш, по краям небольшой окружности слива и разбрызгивая «Ракушку» сине-зеленым веером. Несколько капель попали на голубую рубашку Говарда и моментально прожгли в ней дыры. По их обгоревшим краям образовалось темное ожерелье, но рубашка была ему велика, и на грудь или живот ничего не попало. Другие капли обожгли правую ладонь, но он этого не почувствовал. Адреналин не просто поступал в кровь — он шел бурным потоком.

Палец начал высовываться из дыры — сустав за суставом. Он дымился, будто резиновый сапог, поджаренный на огромном вертеле.

— Вот тебе! Кушать подано, сволочь! — вопил Говард, продолжая лить жидкость, а палец тем временем поднялся уже сантиметров на тридцать над отверстием, будто кобра из корзинки укротителя. Он почти достиг горлышка пластикового флакона, вроде бы вздрогнул и вдруг мгновенно втянулся обратно в дыру. Говард нагнулся над раковиной и увидел лишь, как что-то белое промелькнуло в глубине. Столбы дыма еще валили оттуда.

Он глубоко вздохнул, и это было ошибкой. Он втянул слишком много паров «Ракушки». Его вдруг отчаянно затошнило. Он вырвал в раковину и отошел в сторонку, все еще кашляя и тужась.

— Я это сделал! — торжествующе закричал он. Его мучило от смешанных ароматов крепкой щелочи и горелого мяса. Тем не менее он был в восторженном состоянии. Он боролся с врагом и, благодарение Богу и всем святым, победил его. Ододел!

— Ура! Ура, мать его так! Я его ододел! Я...

Комок снова подступил к горлу. Он дополз до унитаза, все еще крепко сжимая бутылку «Ракушки» в правой руке, и слишком поздно понял, что Вай опустила бублик и крышку, когда утром вставала с трона. Его вырвало прямо на розовую крышку унитаза, и он рухнул без чувств прямо головой в свои собственные извержения.

Вряд ли он долго был без сознания, потому что солнечный свет даже в разгар лета держался в ванной не более получаса — потом его заслоняли соседние здания, и помещение снова погружалось во мрак.

Говард медленно поднял голову, ощущая, что все лицо у него вымазано липкой, вонючей дрянью. Еще лучше он ощущал другое. Царапающий звук. Он исходил откуда-то снизу и приближался.

Он медленно повернул голову, тяжелую, словно мешок с песком. Глаза у него расширились. Он захлебнулся и хотел закричать, но звук застрял в горле.

Палец охотился за ним.

Он достиг уже не менее двух метров и становился все длиннее. Он вытекал из раковины жесткой дугой, образованной не менее чем дюжиной суставов, опускался до пола и снова загибался кверху («Двойные суставы!» — с интересом отметил некий посторонний комментатор в его воспаленном мозгу). Теперь, постукивая по линолеуму, палец приближался к нему. Последние двадцать-тридцать сантиметров были обесцвечены и дымились, ноготь приобрел зеленовато-черный цвет. Говард подумал, что под

первой фалангой должна обнажиться белая кость. Он был сильно обожжен, но никоим образом не растворился.

— Убирайся, — прошептал Говард, и на мгновение все это чудовищное скопище суставов остановилось, напоминающая картинку новогодней вечеринки, нарисованную сумасшедшим художником. Потом потянулось к нему. Последние полдюжины суставов изогнулись, и конец чудовищного пальца обвился вокруг лодыжки Говарда Митлы.

— Нет! — взвизгнул он, когда дымящиеся братья Гидроксиды Калия и Натрия проели ему нейлоновый носок и обожгли кожу. Он резко рванул ногу. Какое-то мгновение палец удерживал ее — он был очень силен, а потом отпустил. Говард пополз к двери; слипшаяся от рвоты копна волос застилала ему глаза. На ходу он попробовал оглянуться, но ничего не увидел сквозь этот колтун. Горло разблокировалось, и он издавал какие-то лающие, жуткие звуки.

Он не видел палец, по крайней мере временно, но слышал, как тот быстро гонится — тук-тук-тук-тук — вслед за ним. Все еще пытаясь оглянуться, он ударился левым плечом о стену. Полотенца снова свалились с полки. Он начал подниматься на ноги, и тут палец ухватил его своим обугленным, дымящимся концом за вторую лодыжку.

Палец потащил его назад к раковине. Именно поволок назад.

Говард издал животный вопль — такой звук никогда прежде не исходил из вежливых голосовых связок аудитора — и ухватился за край двери. Вцепившись в него правой рукой, он отчаянно рванулся. Рубашка выбилась из-под ремня, и шов под правой подмышкой треснул с тихим мурлыканьем, но ему удалось высвободиться, оставив врагу только обрывок носка.

Он вскочил на ноги, обернулся и увидел, что палец снова на ощупь пробирается к нему. Ноготь на его конце сильно треснул и кровоточил.

«Тебе нужен маникюр, дружок», — подумал Говард и выдавил смешок. Потом побежал в кухню.

* * *

Кто-то колотил в дверь. Изо всех сил.

— Митла! Эй, Митла! Что там у вас происходит?

Фини, сосед по лестничной площадке. Здоровенный, шумливый, вечно пьяный ирландец. Извините: здоровенный, шумливый, вечно пьяный, всюду сующий свой нос ирландец.

— Я сам тут разберусь, мой друг из болотной глуши! — крикнул Говард, направляясь в кухню. Он рассмеялся и отбросил волосы со лба. Попытка удалась, но через полминуты тот же колтун свалился на глаза. — Сам разберусь, уж не сомневайтесь! Можете пойти в банк и положить мои слова на свой счет!

— Как ты меня назвал? — спросил Фини. Голос его, прежде подозрительный, сделался откровенно враждебным.

— Заткнись! — заорал Говард. — Я занят!

— Прекрати кричать или я вызову полицию!

— Отвали! — рявкнул на него Говард. Не до него. Он убрал волосы со лба, и бац! — они снова там.

— Я не намерен слушать такое дерьмо, тварь ты четырехглазая!

Говард провел пятерней по склеенным рвотой волосам, а затем распустил их перед лицом небрежным, истинно галльским жестом — мне, мол, наплевать. Бесформенные осклизлые куски пищи разлетелись по всем белым кухонным шкафам Вайолет. Говард не обратил на это внимания. Отвратительный палец хватал его за лодыжки, и теперь они горели, словно он прыгал через огненные кольца. Это его тоже не волновало. Он схватил коробку с электрическими садовыми ножницами. На картинке улыбающийся джентльмен с трубкой в зубах подстригал кусты вокруг родового поместья.

— У вас там наркоманы собрались, что ли? — допытывался Фини на лестнице.

— Проваливай, Фини, а то я тебя представлю моему другу! — крикнул Говард. Это высказывание показалось ему необычайно остроумным. Он подпрыгнул, ударившись головой о потолок кухни; волосы его торчали во все стороны острыми зубцами и иглами, отблескивая желудоч-

ным соком. Он походил на человека, только что провернувшего бурное любовное дельце с тубиком бриолина.

— Ну ладно, — процедил Фини. — Ладно. Я вызываю полицию.

Говард его не слушал. Деннису Фини придется подождать; нам надо поджарить рыбку покрупнее. Он достал электрические ножницы из коробки, лихорадочно осмотрел их, увидел отделение для батареек и раскрыл его.

— Сухие элементы, — со смехом бормотал он. — Прекрасно! Замечательно! Никаких проблем!

Он с такой силой рванул один из ящичков слева от мойки, что сорвал стопор: ящик перелетел через всю кухню, ударился о плиту и, перевернувшись, упал на пол с ужасающим лязгом и грохотом. Среди разной ерунды — плоскогубцы, ножи для рыбы, терки, разделочные ножи и мешки для мусора — там было и сокровище — коробка с батарейками, в основном девятивольтовыми, и сухими элементами. Все еще смеясь — видимо, он уже не мог перестать смеяться, — Говард опустил на колени и принялся разрывать эту кучу. Он успел сильно порезать ладонь лезвием разделочного ножа, когда доставал два сухих элемента, но обратил на это не больше внимания, чем на ожоги, полученные в единоборстве с пальцем. Теперь, когда Фини наконец заткнул свою ослиную ирландскую глотку, до Говарда снова донеслось постукивание. Но теперь не о раковину, хотя... нет, не там. Поврежденный ноготь стучал в дверь ванной... а может, и прихожей. Он же забыл захлопнуть дверь, вспомнилось ему.

— Кто кого? — спросил Говард, а потом заорал: — КТО КОГО, Я СПРАШИВАЮ! Я ГОТОВ СРАЗИТЬСЯ, ДРУГ МОЙ! Я ТЕБЯ ВЫШВЫРНУ ПОД ЗАД И ПЛЮНУ ВСЛЕД ЖЕВАТЕЛЬНУЮ РЕЗИНКУ! ЛУЧШЕ БЫ ТЫ СИДЕЛ В РАКОВИНЕ!

Он вставил батарейки в гнездо, сделанное в рукоятке ножниц, и попробовал включить их. Никакого эффекта.

— Дурак! — пробормотал Говард. Он вынул одну из батареек, повернул ее другим полюсом и поместил обратно. На этот раз включенные ножницы зажужжали, щелкая

в воздухе с такой скоростью, что толком их и нельзя было рассмотреть.

Он направился к двери кухни, затем выключил прибор и вернулся к столу. Ему не хотелось тратить время на то, чтобы закрыть гнездо для батареек, когда он изготовился к битве, но последний проблеск благоразумия убедил его, что иначе нельзя. Если у него соскользнет рука, когда он будет орудовать ножницами, батарейки могут вывалиться из открытого гнезда, а что тогда? Все равно что идти на всю банду Джеймса с незаряженным ружьем.

Итак, он попытался водрузить на место крышку для батареек, выругался, когда ничего не вышло, и попробовал повернуть ее другой стороной.

— Эй, подожди меня! — кричал он через плечо. — Сейчас иду! Нам еще остается кое-что уладить!

Наконец крышка стала на место. Говард промчался через гостиную с ножницами в правой руке. Волосы у него по-прежнему торчали зубцами и иглами. Рубашка, разорванная под мышками и в нескольких местах прожженная, свободно свисала с его круглого животика. Босые ноги шлепали по линолеуму. Обрывки носков болтались вокруг лодыжек.

Фини орал за дверью:

— Я вызвал их, кретин! Я вызвал полицию и, надеюсь, те, которые приедут, все будут ирландцами из болотной глуши, вроде меня!

— Засунь их себе в задницу, — машинально произнес Говард, совершенно не беря в расчет Фини. Деннис Фини был в другой вселенной; только его квакающий голос едва доносился оттуда сквозь субэфирное пространство.

Говард встал у двери ванной, словно полицейский из телефильма... только вместо «кольта» 38-го калибра кто-то по ошибке дал ему садовые ножницы. Он решительно нажал кнопку, расположенную на верху рукоятки ножниц. Глубоко вздохнул... и голос рассудка, уже едва мерцавший, в последний раз высказался, прежде чем умолкнуть навсегда:

«Можно ли доверять свою жизнь паре электрических ножниц, купленных на распродаже?»

— У меня нет выбора, — пробормотал Говард, слегка улыбаясь, и шагнул внутрь.

Палец по-прежнему высовывался из раковины жесткой кривой, напоминая Говарду новогоднюю петарду, которая с отвратительным пуканьем бросается под ноги ничего не подозревающему прохожему, если хлопнуть по ней. Он схватил одну туфлю Говарда, приподнял ее и разочарованно поставил обратно на линолеум. По виду разбросанных вокруг полотенец Говард догадался, что несколько из них палец пытался убить, пока не занялся туфлей.

Злобная радость вдруг охватила Говарда — как будто внутри его головы, которая гудела, как с похмелья, зажегся зеленый свет.

— Вот я, скотина! — завопил он. — Иди же ко мне!

Палец прекратил играть с туфлей, поднялся, треща своими чудовищными суставами, и быстро поплыл в воздухе к нему. Говард включил ножницы, и они зажужжали в охотничьем азарте. Пока все хорошо.

Обожженный, весь в пятнах кончик пальца качался перед его лицом, треснувший ноготь мистически перемещался взад-вперед. Говард бросился на него. Палец уклонился влево и обвинил его левое ухо. Боль была адской. Говард одновременно ощутил ее и услышал неприятный треск, когда палец пытался отделить его ухо от головы. Он прыгнул вперед, схватил палец и, зажав его в левый кулак, начал резать. Ножницы резко дернулись, дойдя до кости, жужжание моторчика на высоких тонах перешло в низкий рев, но они и были рассчитаны на тонкие, жесткие ветки, так что ничего особенного. Абсолютно ничего. Настал второй раунд, настоящая суперигра, где счет действительно может измениться и Говард Митла загребет деньги лопатой. Кровь брызнула мелким дождиком, а потом обрубок отклонился назад. Говард следил за ним, а последние тридцать сантиметров пальца какое-то время свисали у него с уха подобно вешалке, пока не отпали.

Палец бросился на него. Говард присел, и палец со свистом пролетел над головой. Он, конечно, слепой. В

этом у него преимущество. Учитывая, как палец схватил его за ухо, — конечно, Говарду повезло. Он сделал выпад ножницами, как фехтовальщик, и отсек еще полметра пальца. Отрубленный кусок свалился на линолеум и корчился там.

То, что осталось, пробовало втянуться обратно.

— Нет, — запыхавшись, кричал Говард. — Нет, не уйдешь!

Он побежал к раковине, поскользнулся в луже крови, чуть не упал, но сумел устоять. Палец исчезал в трубе, сустав за суставом, словно товарный поезд, скрывающийся в туннеле. Говард схватил его, попробовал удержать и не смог — палец скользил по его ладони, как промасленная бельевая веревка. Тем не менее он нанес удар и успел отсечь последние полметра пальца чуть выше того места, где он соприкасался с его кулаком.

Он наклонился над раковиной (теперь затаив дыхание) и заглянул в черное отверстие. И опять увидел, как там стремительно исчезает нечто белое.

— Возвращайся! — заорал Говард Митла. — Возвращайся, когда захочешь! Я тут буду ждать!

Он обернулся и сделал резкий выдох. В ванной еще стоял запах средства для чистки раковин. Не до него, еще много дел. За краном с горячей водой лежал большой кусок мыла. Говард схватил его и швырнул в окно ванной; разбив стекло, мыло отскочило от мелкой сетки, установленной снаружи. Он помнил, как ставил эту сетку — как гордился этим. Он, Говард Митла, тихий бухгалтер, ПЕКСЯ О РОДОВОМ ПОМЕСТЬЕ. Теперь он знал, что значит на самом деле ПОПЕЧЕНИЕ О РОДОВОМ ПОМЕСТЬЕ. Неужели было время, когда он боялся зайти в ванную, потому что думал, что там сидит мышка и ее придется убить щеткой? Видимо, было, но то время — и тот Говард Митла — было уже древней стариной.

Он осмотрелся. В ванной все было перевернуто вверх дном. На полу лужи крови и два обрубка пальца. Третий лежал в раковине. Мелкие брызги крови повсюду на стенах и зеркале. Ванна тоже залита кровью.

— Ладно, — вздохнул Говард. — Пора убирать, мальчики и девочки. — Он снова взялся за ножницы и принялся резать обрубки пальца на мелкие кусочки, чтобы их можно было спустить в туалет.

Полицейский был молодой, и был он ирландец по фамилии О'Бэннион. Когда он наконец появился, под дверью квартиры Митла и на лестнице уже толпилась кучка соседей. Кроме Денниса Фини, пылавшего яростью, вид у всех у них был озабоченный.

О'Бэннион постучал в дверь, потом хрюкнул, а затем уже принялся колотить.

— Ломайте ее, — предложила миссис Хавьер. — Мне на восьмом этаже было слышно.

— Он спятил, — сказал Фини. — Наверно, убил жену.

— Нет, — возразила миссис Дэттлбаум. — Она утром ушла, как обычно.

— Она же могла и вернуться, — снисходительно заметил Фини, и миссис Дэттлбаум замолчала.

— Мистер Миттер! — крикнул О'Бэннион.

— Митла, — поправила миссис Дэттлбаум. — Через «Л».

— О черт, — разозлился О'Бэннион и поддал дверь плечом. Она распахнулась, и он вошел в квартиру, а Фини последовал за ним по пятам. — Стойте здесь, мистер, — остановил его О'Бэннион.

— Черта с два, — проворчал Фини. Он рассматривал кухню, где на полу валялись разбросанные инструменты, а шкафы были забрызганы блевотиной. Его маленькие глазки были исполнены любопытства. — Это мой сосед. И, в конце концов, я вызвал полицию.

— Мне наплевать, хоть Москву вызывайте по горячей линии, — отрезал О'Бэннион. — Проваливайте к чертям или я заберу вас в участок вместе с этим типом Митли.

— Митла, — поправил Фини и неохотно вышел в прихожую, оглядываясь на то, что творилось в кухне.

О'Бэннион отослал Фини в основном из-за того, что не хотел, чтобы тот видел, как он растерян. Во-первых,

раскардаш в кухне. Во-вторых, запах — за сильной вонью химической лаборатории ощущалось нечто другое. О'Бэннион опасался, что этим другим могла оказаться кровь.

Он обернулся, чтобы удостовериться, что Фини совсем ушел, а не топчется в прихожей, где висели пальто, а затем осторожно двинулся в гостиную. Убедившись, что никто не смотрит, он выхватил пистолет из кобуры. Заглянув в кухню, он убедился, что там пусто. Все вверх дном, но пусто. А... что это налипло на шкафы? Он не уверен, но, судя по запаху...

Звук позади него — легкое шарканье — прервал эту мысль, и он резко обернулся с пистолетом в руке.

— Мистер Митла?

Ответа не было, но снова послышалось шарканье. Из прихожей. Значит, либо в ванной, либо в спальне. Сержант О'Бэннион направился на звук, нацелив пистолет вверх. Он держал его точно так же, как Говард ножницы.

Дверь ванной была распахнута настежь. О'Бэннион был вполне уверен, что звук доносится оттуда, как и тот подозрительный запах. Он пригнулся, затем толкнул дверь дулом пистолета.

— О Боже, — тихо произнес он.

Ванная напоминала бойню в конце смены. Стены и потолок в потеках крови. Лужи крови на полу, широкие полосы снаружи и внутри раковины — вот где ее больше всего. Окно разбито, валяется пустой флакон средства для чистки раковин (вот откуда ужасный запах), мужские туфли в разных концах помещения. Одна из них изодрана в клочья.

Когда дверь раскрылась шире, он увидел мужчину.

Говард Митла, разделавшись с кусками пальца, забился в промежуток между ванной и стеной. Электрические садовые ножницы лежали у него на коленях, но батарейки сели — видимо, кость оказалась все же прочнее веток. Волосы торчали во все стороны, как иглы дикобраза. На щеках и лбу запеклась кровь. Широко раскрытые глаза были совершенно пусты — такое выражение О'Бэннион всегда наблюдал у ненормальных.

«Господи Иисусе, — подумал он. — Этот тип был прав — он таки убил жену. Во всяком случае, кого-то он убил. Но где же труп?»

Он заглянул в ванну, но ничего там не увидел. Это было, казалось, самое подходящее место, но в то же время оно оказалось единственным, где не было ни одного пятнышка крови.

— Мистер Митла? — спросил он. Он не целился прямо в Говарда, но дуло пистолета глядело куда-то рядом.

— Да, это я, — ответил Говард отстраненным, вежливым тоном. — Говард Митла, аудитор, к вашим услугам. Хотите воспользоваться туалетом? Валяйте. Теперь вас ничто не побеспокоит. Думаю, эта проблема разрешена. По крайней мере на ближайшее время.

— Гм, вы бы лучше отдали оружие, сэр.

— Оружие? — Говард недоумевающе взглянул на полицейского, потом понял. — Вот это? — Он поднял ножницы для резки кустарника, и в первый раз дуло пистолета сержанта О'Бэнниона нацелилось на самого Говарда.

— Да, сэр.

— Разумеется, — произнес Говард. — Он равнодушно швырнул ножницы в ванну. Батарейки со стуком выскочили наружу. — Оно уже не действует. Батарейки сели. Но... что я говорил насчет туалета? По зрелом размышлении я вам все-таки не советовал бы.

— Да ну? — Теперь, разоружив этого человека, О'Бэннион не представлял, как действовать дальше. Было бы гораздо проще, если бы существовала жертва. Он думал, что следовало бы надеть наручники на этого типа, а потом вызвать подкрепление. Единственное, что он знал точно, — ему следует убираться из этой вонючей, жуткой ванной.

— Да, — продолжал Говард. — В конце концов, подумайте сами, сержант: на руке пять пальцев... на одной руке, заметьте... а вы когда-нибудь задумывались, сколько выходов в подземный мир из одной обыкновенной ванной? Считая отверстия кранов? Я насчитал семь. — Говард помолчал, а затем добавил: — Семь — это простое число, то есть число, которое делится только на единицу и на себя.

— Прошу подержать руки вместе, сэр, — предложил сержант О'Бэннион, отстегивая наручники от пояса.

— Вай говорит, что я знаю все на свете, — сказал Говард, — но Вай неправа. — Он медленно протянул руки.

О'Бэннион присел на корточки и ловко надел браслет на правое запястье Говарда.

— Кто это Вай?

— Моя жена, — ответил Говард. Он уставился на сержанта пустыми, блестящими глазами. — Она спокойно идет в туалет, когда там есть кто-то еще. Она бы, наверно, и вас не постеснялась.

Сержанта О'Бэнниона осенила ужасная, но вполне правдоподобная мысль: этот странный маленький человечек убил жену садовыми ножницами, а потом каким-то образом растворил труп жидкостью для чистки раковин — и все потому, что она не хотела убираться из ванной, когда тот пытался промыть слив.

Он защелкнул наручники.

— Вы убили свою жену, мистер Митла?

Говард, казалось, удивился. Но тут же снова погрузился в странную, вязкую апатию.

— Нет, — сказал он. — Вай у доктора Стоуна. Они ставят полную верхнюю челюсть. Вай говорит, это грязная работа, но кто-то же должен ее делать. Зачем мне убивать Вай?

Теперь, когда этот тип был в наручниках, О'Бэннион более твердо ощущал почву под ногами.

— Ну, похоже, кого-то вы все-таки убили.

— Просто палец, — ответил Говард. Руки у него по-прежнему были вытянуты вперед. Отблеск света лежал на цепочке наручников, словно капли ртути. — Но на руке не один палец. И потом, у руки есть хозяин. — Глаза Говарда бегали по ванной, уже погрузившейся в полумрак. — Я сказал, что он может приходить в любое время, но я тогда был в истерике. Я понял что... не справлюсь. Он рос, понимаете. Рос, как только попадал на воздух.

Что-то вдруг плеснуло под закрытой крышкой унитаза. Говард скосил глаза в ту сторону. Сержант О'Бэннион тоже. Плеск повторился. Похоже, там билась форель.

— Нет, я ни в коем случае не стану пользоваться туалетом, — твердо заявил Говард. — На вашем месте я бы крепился, сержант. Крепился, сколько мог, а потом пошел бы к мусорным ящикам.

О'Бэннион вздрогнул.

«Сматывайся отсюда, парень, — сказал он себе. — Держись, а то спятишь, как этот тип».

Он взглянул на унитаз.

— Не стоит, сержант, — предостерег Говард. — Явно не стоит.

— Что здесь произошло, мистер Митла? — спросил О'Бэннион. — И что вы держите в унитазе?

— Что произошло? Это как... как... — Говард напряженно искал сравнение, потом улыбнулся. Это была улыбка облегчения... но глаза по-прежнему не отрывались от закрытого унитаза. — Как «Поле чудес», — закончил он. — Вернее, как суперигра. Тема: «Необъяснимое». Ответ последнего тура: «Потому что оно может произойти». А знаете, какой вопрос последнего тура, сержант?

Остолбенело, не сводя глаз с Говарда, сержант О'Бэннион покачал головой.

— Вопрос последнего тура суперигры, — произнес Говард охрипшим от бесконечного крика голосом, — таков: «Почему с хорошими людьми иногда происходят ужасные вещи?» Вот какой вопрос последнего тура. Это все следует хорошенько обдумать. Но у меня масса времени. Если только я не буду подходить... к сливам.

Снова послышался плеск. На этот раз сильнее. Заблеванное сиденье начало дергаться вверх-вниз. Сержант О'Бэннион встал, подошел туда и наклонился. Говард с интересом наблюдал за ним.

— Суперигра, сержант, — сказал Говард Митла. — Сколько ставите?

О'Бэннион минутку подумал... затем, схватившись за крышку унитаза, обреченно сказал:

— Ставлю все...

КУСАЧИЕ ЗУБЫ

Рассматривая витрину, он словно вглядывался через грязное стекло в собственное детство — в те прекрасные годы от семи до четырнадцати, когда его восхищали такие вещи. Хоган нагнулся, не обращая внимания на завывание ветра снаружи и сухой стук песчинок о стекло. На витрине было полно всякой волшебной дряни, в основном корейского и тайваньского производства, но на мусор он не обращал внимания. Там были самые большие Кусачие Зубы, которые он когда-либо видел. Да еще с ножками — большими оранжевыми картонными ножками в белых пятнах. Действительно закачаешься.

Хоган взглянул на толстуху за прилавком. Она была в майке с надписью «НЕВАДА — СТРАНА ГОСПОДНЯ» (многие буквы скрывались в ложбинке между ее немислимыми грудями) и джинсах, обтягивавших ее зад в полгектара. Она продавала пачку сигарет бледному подростку, длинные белесые волосы которого были стянуты на затылке в хвостик шнурком от кроссовок. Подросток с личиком неглупой лабораторной крысы расплачивался мелочью, старательно отсчитывая ее из потной ладони.

— Простите, мэ? — обратился Хоган.

Она бросила на него короткий взгляд, и тут открылась задняя дверь. Вошел худой мужчина, закрывавший рот и нос платком. Ворвавшийся следом ветер внес вихрь песчинок и принялся трясти красотку на календаре, кнопками прикрепленном к стене. Вошедший катил за собой тележку, на которой стояли одна поверх другой три проволоочные клетки. На верху одной сидел тарантул. В двух нижних находились гремучие змеи. Они быстро сворачивались

клубком и снова разворачивались, возбужденно постукивая своими кольцами.

— Закрой дверь, Скутер, ты что, в конюшне родился, — проворчала женщина за прилавком.

Он взглянул на нее красными, воспаленными от песка глазами:

— Подожди, женщина! Не видишь, у меня руки заняты? Глаза у тебя есть? Господи! — Он потянулся поверх тележки и захлопнул дверь. Песок, кружась, осыпался на пол, а он потащил тележку в подсобку, не переставая ворчать.

— Это последние? — спросила женщина.

— Все. Кроме Волка. — Он произносил «Во-ока». — Его я пристрою возле заправочных насосов.

— Ни в коем случае, — отрезала толстуха. — Волк — наша звезда, если ты не забыл. Давай его сюда. По радио говорят, будет еще хуже, пока не станет лучше. Гораздо хуже.

— И кого ты думаешь обмануть? — Худой мужчина (муж, надо полагать), подбоченившись, смотрел на нее с какой-то усталой свирепостью. — Всего лишь паршивый миннесотский койот. Кто посмотрит, сразу разберется.

Ветер крепчал, постанывая в стропилах «Придорожного бакалейного и зоологического магазина Скутера», швыряя в окна пригоршни сухого песка. Действительно становилось хуже, и Хоган мог только надеяться, что сможет благополучно проехать. Он обещал Лите и Джеку вернуться домой к семи, максимум к восьми, а он был из тех, кто выполняет обещания.

— Займись им, — приказала громадина и раздраженно вернулась к подростку с крысиной мордочкой.

— Мэм? — снова спросил Хоган.

— Минуточку, сейчас, — недовольно сказала миссис Скутер. Она вела себя так, будто ее осаждала толпа покупателей, хотя, кроме Хогана и похожего на крысу мальчишки, в магазине никого не было.

— Десяти центов не хватает, паренек, — заметила она белобрысому, быстро окинув взглядом монеты на прилавке.

Мальчишка уставился на нее широко раскрытыми невинными глазами:

— Может, вы мне поверите в долг?

— Сомневаюсь, что папа римский курит «Мерит-100», но если бы и курил, я бы и ему не поверила.

Невинное выражение исчезло. Крысоподобный подросток какое-то время смотрел на нее с мрачным отвращением (что гораздо больше соответствовало его лицу, подумал Хоган), а потом принялся медленно рыться в карманах.

«Убирайся отсюда, — сказал себе Хоган. — Ты никак не попадешь в Лос-Анджелес к восьми, если не будешь ехать, есть там буря или нет. Здесь такое место, где бывают только две скорости — медленная и нулевая. Заправился — и вон отсюда, выбирайся на шоссе, пока буря не разыгралась».

Он готов был уже последовать мудрому совету левого полушария, как вдруг снова взглянул на Кусачие Зубы в витрине, Кусачие Зубы на больших оранжевых картонных ножках. С белыми пятнышками! Убийственно. *«Джеку они понравятся, — сказала правое полушарие. — И вправду, Билл, старина, если не Джеку, то тебе ведь они нравятся. Может, тебе где-то и попадутся Китовые Кусачие Зубы, чего не бывает, но такие, что ходят на больших оранжевых ножках? Вот тут уж я сомневаюсь».*

Он прислушался к правому полушарию... и последовало все остальное.

Мальчишка с косичкой все еще рылся в карманах; всякий раз, вынимая пустую руку, он делался все мрачнее. Хоган не любил курящих — его отец, выкуривавший по две пачки в день, умер от рака легких, — но он представил, сколько еще придется ждать.

— Эй! Пацан!

Подросток обернулся, и Хоган сунул ему двадцать пять центов.

— О! Спасибо, дядя!

— Не за что.

Парнишка завершил расчет с толстомясой миссис Скутер, сунул в один карман пачку, а в другой — пятнадцать центов сдачи. Он и не подумал вернуть сдачу Хогану, на что тот и не надеялся. Таких мальчиков и девочек в наше

время уйма — они катятся, словно перекасти-поле, по всем дорогам от океана до океана. Наверное, они были всегда, но Хогану нынешнее поколение казалось неприятным и слегка жутковатым, вроде гремучих змей, которых Скутер сейчас принес в подсобку.

Змеи в убогих придорожных магазинчиках вроде этого не способны убить; яд у них сцеживают дважды в неделю и продают в больницы, чтобы делать лекарства. Это так же надежно, как алкаши, которые каждый вторник и четверг являются сдавать кровь. Но все равно змеи могут укусить, и очень больно, если подойти к ним слишком близко и разозлить. Такая же, подумал Хоган, и нынешняя шатающаяся по дорогам молодежь.

Миссис Скутер выплыла из-за прилавка; при этом слова у нее на майке колыхались вверх и вниз, вправо и влево.

— Вам чего? — спросила она. Тон ее был таким же агрессивным.

Запад славится своим гостеприимством, и за двадцать лет, что он торговал здесь, Хоган имел много случаев убедиться, что эта репутация чаще всего не заслуженна, но этой бабенке было присуще все очарование бруклинской продавщицы, которую за последние две недели побеспокоили целых три раза. Хоган считал, что такой сервис все больше становится столь же неотъемлемой принадлежностью Нового Запада, как и ошивающиеся вдоль дороги юнцы. Печально, но это так.

— Сколько это стоит? — спросил Хоган, указывая через давно не мытое стекло на то, что называлось «КИТОВЫЕ КУСАЧИЕ ЗУБЫ — ОНИ ХОДЯТ!» В витрине было полно новинок — китайские напальчники, жевательная резинка с перцем, нюхательный порошок доктора Уэкки, рентгеновские очки, пластиковая блевотина («О, как реалистично!»), всяческие жужжалки.

— Не знаю, — рывкнула миссис Скутер. — Где коробка, интересно?

Зубы единственные в витрине не имели упаковки, но они действительно были китовыми, думал Хоган, даже сверхкитовыми, раз в пять больше тех надувных зубов,

которые так восхищали его в бытность мальчишкой в Мэне. Отрежь игрушечные ножки, и это будет похоже на челюсти какого-то библейского великана — клыки были, как огромные белые кирпичи, а резцы выпирали из невероятно красных пластмассовых десен, словно шесты для палатки. В одну из десен был вставлен ключик. Челюсти скреплялись толстой резиновой прокладкой.

Миссис Скутер сдула пыль с Кусачих Зубов, потом перевернула их, пытаясь отыскать ценник на подошвах оранжевых ножек. Но не нашла.

— Не знаю, — холодно произнесла она, разглядывая Хогана так, будто это он украл ценник. — Только Скутер мог купить такое дерьмо. Они тут лежат, наверно, с Ноева потопа. Придется спросить его.

Хогану вдруг осточертела эта баба вместе с «Придорожным бакалейным и зоологическим магазином Скутера».

Кусачие Зубы были действительно на славу, и Джеку они, конечно, понравились бы, но он обещал — не позже восьми.

— Ладно, — махнул он рукой, — я просто...

— Эти зубы стоили вроде 15.95, можете мне поверить, — сказал Скутер у него за спиной. — Это не пластик — это металл покрашен в белый цвет. Они бы здорово кусали, если б работали... но она их уронила на пол в позапрошлом году, когда вытирала пыль, и они полопались.

— О-о, — разочарованно протянул Хоган, — жаль, конечно. Я никогда не видел таких, чтоб с ножками.

— Таких теперь полно, — продолжал Скутер. — Их продают в магазинах новинок в Лас-Вегасе и Драйг-Спрингсе. Но таких громадных я нигде не видал. Страшно было уморительно, как они шагали по полу, вроде как крокодил. Жаль, что старуха их уронила.

Скутер с укором посмотрел на нее, но она разглядывала тучи песка за окном. Выражение ее лица Хоган не мог понять — то ли печаль, то ли отвращение, то ли все сразу.

Скутер обернулся к Хогану:

— Если хотите; я вам могу отдать за три пятьдесят. Мы все равно избавляемся от игрушек. Хотим здесь устроить

видеопрокат. — Он закрыл дверь подсобки. Платок теперь спал у него с лица на грязный перед рубашки. Лицо у него было изможденным и чересчур уж худым. Под пустынным загаром можно было разглядеть признаки серьезной болезни.

— Не делай этого, Скутер! — резко повернулась к нему толстуха, чуть ли не наваливаясь на него.

— Дура, — ответил Скутер. — Смотреть на тебя не могу.

— Я тебе сказала отвести Волка.

— Майра, хочешь, чтоб он был здесь, в магазине, — поди приведи его сама. — Он замахнулся, и Хоган был удивлен — прямо поражен до глубины души, — когда она уступила. — Все равно это паршивый миннесотский койот. Слушай, друг, три доллара — и эти Кусачие Зубы твои. Добавь еще один и забирай майриного Во-ока впридачу. А за пять я тебе уступлю весь этот вонючий магазин. Все равно он ни хрена не дает с тех пор, как построили новую магистраль.

Длинноволосый подросток стоял в дверях, срывая целлофановую верхушку с пачки сигарет и с интересом наблюдая за этой маленькой комической сценкой. Он переводил сверкающие серо-зеленые глазки со Скутера на его жену и обратно.

— Черт с тобой, — резко произнесла Майра, и Хоган понял, что она вот-вот разрыдается. — Не хочешь быть паинькой — придется мне самой. — Она прошла мимо, чуть не задев его своей грудью величиной с валун. Хоган подумал, что еще бы чуть-чуть — и маленький человечек вряд ли устоял бы на ногах.

— Слушайте, — сказал Хоган, — я, наверно, поеду.

— Ладно, — успокоил его Скутер. — Не обращай внимания на Майру. У меня рак, а она все на себе тянет, и не мое дело, какие там у нее сложности. Бери эти распроклятые зубы. Спорю, твоему пацану они понравятся. И вообще, там, наверно, просто зубчик немного съехал. Спорю, рукастый мужик может сделать так, чтобы они снова топали и хлопали.

Он глянул по сторонам с растерянным видом. Ветер тонко взвыл, когда мальчишка открыл дверь и выскольз-

нул в нее. Он, видимо, решил, что представление закончилось. Мгновенно кучка мелкого песка намелась в проход между консервами и собачьим питанием.

— Я сам когда-то немного мастерил, — признался Скутер.

Хоган долго не отвечал. Он никак не мог сообразить, что же сказать. Он взглянул на Китовые Кусачие Зубы, стоявшие на замызганном исцарапанном прилавке, лихо-радочно гадая, как бы нарушить молчание (теперь, когда Скутер стоял прямо перед ним, видно было, что глаза у того странно блестят и сильно расширены от боли и какого-то мощного наркотика... дарвона или, может быть, морфия), и произнес первое, что пришло в голову:

— Смотрите, *не похоже*, что они поломаны.

Он взялся за Зубы. Они действительно были металлические (слишком тяжелы для любого другого материала), и когда он слегка разжал челюсти, то удивился, на какой мощной пружине они держатся. С такой пружинной, конечно, они могут не только клацать, но и ходить. Как сказал Скутер? *«Они бы здорово кусали, если б работали»*. Хоган слегка оттянул резиновую ленту, затем отпустил. Он внимательно рассматривал Зубы, чтобы не смотреть в темные, полные боли глаза Скутера. Он взялся за ключик и рискнул взглянуть на того. С удивлением он заметил слабую улыбку на лице этого изможденного человека.

— Вы не против? — спросил Хоган.

— Что ты, парень, давай.

Хоган улыбнулся и повернул ключ. Сначала все шло хорошо: послышались слабые щелчки, и он заметил, как взводится пружина. Потом, на третьем обороте, раздался громкий треск внутри, и ключ безжизненно обвис в скважине.

— Видите?

— Да, — сказал Хоган. Он поставил Зубы обратно на прилавок. Там они неподвижно стояли на оранжевых ножках.

Скутер просунул толстый ноготь между сжатыми левыми коренными зубами. Челюсти разошлись. Одна оранжевая ножка приподнялась и задумчиво сделала полшага

вперед. Затем Зубы остановились и завалились набок. Кусачие Зубы уперлись в заводной ключик, изображая кривую, бестелесную ухмылку. Через полминуты громадные челюсти медленно защелкнулись. И все.

Хоган, который никогда в жизни не испытывал предчувствий, вдруг ощутил абсолютно четкое видение — жуткое и неприятное одновременно.

Пройдет год, этот человек уже восемь месяцев будет в могиле, и если кто-то выкопает его гроб и снимет крышку, то увидит точно такие же зубы, сверкающие на его высохшем мертвом лице, словно эмалированная дверца.

Он заглянул Скутеру в глаза, сверкающие, словно изумруды в тусклой оправе, и вдруг понял, что дело не в том, *хочется* ли ему убраться отсюда; убраться *надо*.

— Ладно, — сказал он (искренне надеясь, что Скутер не протянет руку для пожатия), — мне пора. Всего хорошего, сэр.

Скутер действительно протянул руку, но не для пожатия: Он обернул Кусачие Зубы резиновой лентой (Хоган не понял, зачем, — они ведь не работали), поставил их на картонные ножки и подтолкнул через замызганный прилавок.

— Спасибо, — сказал он. — И возьми эти Зубы. Бесплатно.

— О-о... спасибо, но я не могу...

— Можешь, — отрезал Скутер. — Возьми, дашь своему пацану. Он их с удовольствием поставит себе на полку, хоть они и не работают. Я-то знаю мальчишек. Трех вырастил.

— Откуда вы знаете, что у меня сын? — вырвалось у Хогана.

Скутер осклабился. Эта ухмылка была исполнена ужаса и патетики одновременно.

— У тебя на лице написано, — сказал он. — Давай, бери.

Ветер усилился настолько, что стены дома застонали. Песок бился в окна, словно снежная крупа. Хоган взял Зубы за тонкие ножки, снова удивившись их тяжести.

— Вот, — Скутер протянул бумажный мешок, такой же помятый и сморщенный, как его лицо. — Положи их туда. Если положишь Зубы в карман, они там поломаются.

Он положил мешок на прилавок, как бы понимая, как не хочется Хогану прикасаться к собеседнику.

— Спасибо, — сказал Хоган. Он сунул Кусачие Зубы в мешок и скатал его. — И от Джека спасибо — это мой сын.

Скутер улыбнулся, обнажив ряд зубов, таких же железных (но отнюдь не таких больших), как те, что в мешке.

— Рад был помочь, мистер. Будьте осторожны, пока не кончится ветер. Когда спуститесь с гор, будет спокойнее ехать.

— Я знаю. — Хоган прочистил горло. — Еще раз спасибо. Надеюсь, вы скоро... гм... выздоровеете.

— Было бы неплохо, — спокойно произнес Скутер, — но вряд ли карты так выпадут, как по-вашему?

— Г-м. Ладно. — Хоган с отчаянием понял, что не знает, как расстаться. — Берегите себя.

Скутер кивнул:

— Вы тоже.

Хоган отступил к двери, распахнул ее и еле удержался на ногах — таким сильным был ветер, чуть не расплющивший его о стенку. Мелкий песок засыпал ему лицо, и он зажмурил глаза.

Закрыв за собой дверь, Хоган натянул ворот спортивной куртки на нос, спустился со ступенек и направился к своему «доджу»-фургону, который стоял возле заправки. Ветер трепал ему волосы, а песок стегал по щекам. Он собирался открыть дверь, когда кто-то тронул его за руку.

— Мистер! Эй, мистер!

Он обернулся. Это был белобрысый парнишка с бледным крысиным личиком. Одетый в майку и выцветшие джинсы, он ежился на ветру. Поодаль миссис Скутер тащила на цепи облезлого зверя к задней двери магазина. Волк-миннесотский койот походил на изголодавшегося щенка немецкой овчарки, притом из малорослого помета.

— В чем дело? — спросил Хоган, прекрасно зная, в чем.

— Вы меня не подвезете? — мальчишке на ветру приходилось кричать.

Хоган вообще-то никого не подвозил — после одного случая пять лет назад. Он подобрал девушку на окраине

Тонопы. Стоявшая у обочины девушка походила на несчастное дитя с печальными глазами на плакатах Детского фонда, у которого мама и единственный друг погибли в одном и том же пожаре с неделю назад. Однако, когда она очутилась в машине, Хоган заметил позеленевшую кожу и сумасшедшие глаза наркоманки со стажем. Впрочем, было уже поздно. Она направила ему в лицо пистолет и потребовала бумажник. Пистолет был старый и ржавый, рукоятка его была обмотана изодранной изоляцией. Хоган сомневался, заряжен ли он вообще и сможет ли выстрелить, но... у него были жена и ребенок в Лос-Анджелесе, да если бы он и был холост, стоило ли рисковать жизнью ради ста сорока долларов? Он так не думал даже тогда, когда только начал осваиваться на новой работе и сто сорок долларов значили для него гораздо больше, чем теперь. Он отдал девице бумажник. К тому времени рядом с его фургоном (тогда это был «форд-эконолайн», не шедший ни в какое сравнение с нынешним «доджем» ХРТ), остановился грязный синий «шевроле» с ее приятелем за рулем. Хоган попросил девицу оставить ему права и фотографию Литы и Джека. «Отсоси, дорогой», — сказала она и изо всей силы ударила его по лицу его же собственным бумажником, а потом выскочила и перебежала в синюю машину.

С голосующими лучше не связываться.

Но буря становилась все сильнее, а у мальчишки даже куртки не было. Что ему сказать? Отсоси, дорогой, заползи под камень со всеми прочими ящерами, пока ветер стихнет?

— Ладно, — произнес Хоган.

— Спасибо, отец! Большое спасибо!

Подросток подбежал к пассажирской двери, дернул ее, увидел, что она заперта, и остановился в ожидании, пока его впустят, втянув голову в плечи. Ветер парусом надувал майку у него на спине, обнажая худую прыщавую кожу.

Направляясь к водительской двери, Хоган оглянулся на «Придорожный бакалейный и зоологический магазин Скутера». Хозяин стоял у окна, наблюдая за ним. Он поднял руку в торжественном приветствии — ладонью наружу.

Хоган помахал в ответ, вставил ключ в замок и повернул. Открыв водительскую дверь, отпустил фиксатор и жестом пригласил парнишку.

Тот сел и с трудом, двумя руками, закрыл дверь. Завывающий ветер слегка покачивал фургон.

— *Ого!* — прохрипел мальчишка и пятерней пригладил волосы (шнурок он потерял, и теперь волосы беспорядочно болтались по плечам). — Ну и буря! Что надо!

— Да, — сказал Хоган. Между двумя передними сиденьями был подлокотник — в инструкциях он называется капитанским мостиком, — и Хоган сунул бумажный мешок в одно из его отделений. Потом повернул ключ зажигания. Двигатель сразу же заработал с добродушным урчанием.

Мальчишка вертелся на сиденье, одобрительно разглядывая внутренность фургона. Там были постель (сейчас сложенная), маленькая печка на сжиженном газе, несколько багажных отделений, где Хоган держал коробки с образцами, и крохотный туалет в конце.

— Не слабо, отец! — воскликнул подросток. — Все удобства. — Он повернулся к Хогану. — Куда едем?

— Лос-Анджелес.

Юнец ухмыльнулся:

— Ну, класс! И я туда же! — Он достал только что купленную пачку «Мерит» и выщелкнул сигарету.

Хоган включил фары и выжал сцепление. Затем отвел рычаг передач назад и повернулся к мальчишке:

— Давай я тебе кое-что объясню, — сказал он.

Тот уставился на него широко открытыми невинными глазами:

— Конечно, чувак, — нет проблем.

— Во первых, я в принципе никого не подвожу. С этим уже были некоторые неприятности, так что у меня вроде как прививка. Я тебя довезу до подножия холмов Санта-Клары, и все. Там напротив автобусная остановка — Сэмми. Рядом с трассой. Там ты сойдешь. Понял?

— Понял. Годится. Заметано, — взгляд тех же широко открытых глаз.

— Во вторых, если ты действительно намерен курить, то выйдешь прямо сейчас. *Это* ты усек?

На какое-то мгновение Хоган заметил совсем другой взгляд парнишки (несмотря на столь краткое знакомство, Хоган искренне хотел бы верить, что их было только два) — пристальный, изучающий. И тут же тот принял невинный вид безобиднейшего существа. Он сунул сигарету за ухо и показал Хогану пустые руки. При этом Хоган заметил непрофессиональную татуировку на левом бицепсе: «ДЕФ ЛЕППАРД 4-КРАТНЫЙ».

— Никаких сигарет, — произнес юнец. — Все.

— Годится. Билл Хоган. — Он протянул руку.

— Брайан Адамс, — сказал мальчик, быстро пожимая руку Хогана.

Хоган снова выжал сцепление и начал потихоньку выезжать на дорогу №46. При этом его взгляд упал на кассету, лежавшую на приборной доске. «Безрассудный» Брайана Адамса.

«Ну конечно, — подумал он. — Ты Брайан Адамс, а я, ясное дело, Дон Хенли. Мы только что заехали в «Придорожный бакалейный и зоологический магазин Скутера», чтобы запастись материалом для наших новых альбомов».

Выезжая на трассу и пытаясь что-то рассмотреть в тучах пыли, он поймал себя на мысли, что не перестает думать о девице — той, с окраины Тонопы, которая ударила его по лицу его же бумажником перед тем, как убежать. Все это начинало ему крайне не нравиться.

Потом сильнейший порыв ветра чуть не отбросил машину вправо, и он сосредоточил все внимание на дороге.

Некоторое время они ехали молча. Когда Хоган скосил глаза вправо, он заметил, что парнишка откинулся с закрытыми глазами — то ли спит, то ли дремлет, то ли притворяется, чтобы не разговаривать. Это-то ладно: Хогану и самому не хотелось разговаривать. Во-первых, он не знал, о чем можно беседовать с мистером Брайаном Адамсом из Ниоткуда, США. Можно спорить, что юный мистер Адамс не имеет отношения к торговле этикетками со штрих-ко-

дами, которой занимался Хоган. К тому же просто ехать по шоссе уже было достаточно трудной задачей.

Как и предупреждала миссис Скутер, буря усиливалась. Шоссе превратилось в туманный призрак, пересекавшийся через неравные промежутки бурыми ребрами песчаных наметов. Они носились, как бешеные, и Хогану приходилось ползти на скорости не выше сорока. А он этого не выносил. Кое-где, однако, песок более равномерно распределялся по асфальту, полностью закрывая его, и тут Хогану приходилось сбрасывать скорость до двадцати пяти километров в час и ориентироваться по расплывчатому отражению света фар от столбов по краям шоссе.

То и дело из бешено крутящегося песка навстречу выскакивала машина, словно доисторическое ископаемое с круглыми сверкающими глазами. Одна из них, старый «линкольн-IV» размером с крейсер, шла точно по середине шоссе №46. Хоган отчаянно засигналил и принял вправо, ощущая трение песка о шины, чувствуя, как губы у него отделяются от зубов в беспомощном оскале. Когда он уже был уверен, что придется свернуть в кювет, «линкольн» резко вывернул, так что они еле-еле, но все же смогли разойтись. Он как будто бы слышал, как его бампер пронзительно скрежещет, зацепив задний бампер «линкольна», но, скорее всего, это ему лишь почудилось в диком завывании ветра. Он только успел заметить водителя — лысого старика, неподвижно сидящего за рулем и сосредоточенно, чуть ли не маниакально вглядывающегося в круговерть песка. Хоган показал ему кулак, но старый чудака даже не обратил на него внимания. *«Наверное, даже не заметил меня, — решил Хоган, — хотя мы едва не поцеловались».*

Некоторое время ему казалось, что он вообще съехал с трассы. Песок ударял в правые колеса с большей силой, и чувствовалось, насколько неустойчиво держится фургон. Инстинкт подсказывал ему резко принять влево. Вместо этого он лишь прибавил газ и шел прямо, чувствуя, как пот заливает его последнюю приличную рубашку. Наконец шины перестали подсасывать, и фургон снова сделался управляемым. Хоган перевел дыхание.

— Классно водишь, отец.

Он так сосредоточился на дороге, что забыл о пассажирах, и от удивления чуть было не вывернул резко влево, что могло бы причинить новые неприятности. Повернув голову, Хоган увидел, как белобрысый мальчишка наблюдает за ним. Его серо-зеленые глазки были необычайно оживлены, никакой сонливости в них не было.

— Просто повезло, — ответил Хоган. — Если бы пришлось ехать на одних левых колесах... но я знаю этот участок. Тут главное — добраться до Сэмми. Как только спустимся, будет лучше.

При этом он промолчал о том, что сто с лишним километров туда им придется добираться часа три.

— Вы коммивояжер, да?

— Абсолютно точно.

Хоть бы мальчишка помолчал. Не мешал вести. Из туманной мглы впереди выплыли огни, словно желтые призраки. За ними проследовал «ирокез-Z» с калифорнийскими номерами. Фургон и «ирокез» разошлись, как старушки в коридоре богадельни. Краем глаза Хоган заметил, что юнец вынул сигарету из-за уха и крутит ее в руках. Ну да, Брайан Адамс. Зачем он назвался таким именем? Как в старинном фильме, из тех, что крутят по телеку уже под утро, в черно-белом фильме, где бродячий торговец (его, конечно, играет Рей Милленд) подбирает опасного молодчика (в исполнении, скажем, Ника Адамса), только что сбежавшего из тюрьмы в Габбсе, или Боббсе, или как там...

— Что ты продаешь, чувак?

— Этикетки.

— Этикетки?

— Ну да. С нанесенным универсальным штрих-кодом. Вроде как марка с определенным количеством черных черточек.

Мальчишка кивнул, что удивило Хогана:

— Ну да — их пропускают через фотоэлемент в универсаме, и на кассовом аппарате загорается цена, как по волшебству, так, что ли?

— Вот именно. Только никакого волшебства там нет, и фотоэлемента тоже. Там лазерное считывающее устройство. Их я тоже продаю. И большие, и портативные.

— Усек, чувачок. — В голосе юнца слышался слабый, но отчетливый сарказм.

— Брайан?

— Меня зовут Билл — не отец, не чувак и уж никак не чувачок.

Ему страстно захотелось вернуться назад, к Скутеру, и отказать этому щенку, когда тот просился в машину. Скутеры неплохие люди; они разрешили бы сопляку переждать у них, пока не стихнет буря. Может, миссис Скутер даже дала бы ему пятерку, чтобы он посторожил тарантула, гремучих змей и *Во-ока* — потрясающего миннесотского койота. Хогану все меньше нравились эти серовато-зеленые глаза. Он буквально ощущал, как они давили ему на лицо, словно камни.

— Ну да — Билл. Билл Этикеточный Чувак.

Билл не ответил. Юнец сплел пальцы и свел руки за головой, хрустнув костяшками пальцев.

— Ну, как говорила моя старуха, может, и немного, да жить можно. Так, что ли, Этикеточный Чувак?

Хоган что-то промычал и сосредоточился на дороге. Ощущение, что он совершил ошибку, переросло в уверенность. Когда он в тот раз подобрал девицу, Бог сподобил его отделаться от нее. *«Пожалуйста, — молился он. — Еще разок, ладно, Господи? А еще лучше, если я ошибаюсь насчет пацаненка — может, это все из-за низкого давления, сильного ветра и имени, которое, в конце концов, довольно распространено».*

Впереди показался громадный грузовик «мак» — серебристый бульдог над радиатором, казалось, всматривался в клубящуюся пыль. Хоган принял вправо, пока не почувствовал, как песок, наметенный у обочины, снова жадно вгрызается в шины. Громадный контейнер, который вез «мак», полностью заслонил вид слева от Хогана. Он полз сантиметрах в десяти от фургона, и, казалось, ему не было конца.

Когда он наконец исчез, белобрысый парнишка спросил:

— Ты, видно, не слабо башляешь, Билл, — такая тачка тянет шток на тридцать, не меньше. Так почему...

— Гораздо меньше, — Хоган не знал, ощущает ли «Брайан Адамс» ледяную нотку в его голосе, но *сам* ее хорошо ощущал. — Я вкалывал как проклятый.

— Все равно, голодный ты, конечно, не ходишь. Так почему бы тебе не бросить все это дерьмо и не вознестись в голубое небо?

Такой вопрос Хоган иногда задавал себе, отматывая бесконечные мили между Тимпом и Тусоном или Лас-Вегасом и Лос-Анджелесом, такой вопрос волей-неволей возникает, когда по радио не ловится ничего, кроме обрывочного синтетического попа или затертых старых пластинок, и ты уже прослушал последнюю кассету с текстом нынешнего бестселлера, а впереди ничего, кроме бесконечных оврагов и кустов во владениях Дяди Сэма.

Он мог бы сказать, что лучше понимает своих клиентов и их нужды, разъезжая там, где они живут и торгуют, и это было правдой, но не в том дело. Мог бы сказать, что таскать коробки с образцами, которые не умещаются под самолетным креслом, страшно утомительно, а сдав их в багаж, томительно ожидать, когда они появятся на другом конце ленты в аэропорту, — целое приключение (однажды коробка с пятью тысячами этикеток от «пепси» залетела в Хило на Гавайи, вместо Хиллсайда, штат Аризона). И это было правдой, но опять не в этом дело.

Дело было в том, что в 1982 году он летел самолетом местной линии «Гордость Запада», который разбился в горах в тридцати километрах севернее Рино. Шесть из девятнадцати пассажиров и оба члена экипажа погибли. У Хогана был поврежден позвоночник. Он провел четыре месяца в больнице и еще десять месяцев носил тяжелый корсет, который его жена Лита называла Железной леди. Говорят (неважно, кто), что, если тебя сбросила лошадь, надо снова вскочить на нее. Уильям И. Хоган сказал, что это все чушь, и с тех пор ни разу не садился в самолет —

только летал в Нью-Йорк на похороны отца, истратив при этом две упаковки валиума.

Отбросив все эти мысли, он заметил про себя две вещи: после «мака» с прицепом дорога была свободна, а мальчишка все смотрел на него своими бегающими глазками, ожидая ответа на вопрос.

— Я однажды попал в катастрофу, — сказал он. — С тех пор я предпочитаю такой транспорт, где можно съехать на обочину, если откажет двигатель.

— Тебе, видно, крупно не везло, Билл-чувак, — произнес паренек. В его тоне слышалось деланное сочувствие. — А теперь, извини, тебе предстоит еще одна неприятность. — Раздался резкий металлический шелчок. Хоган повернул голову и почти не удивился, заметив, что юнец держит финский нож с широким сверкающим лезвием.

«Ох, дерьмо, — подумал Хоган. Теперь, когда оно пришло, предстало перед глазами, он не ощущал особой обиды. Только усталость. — *Ох, дерьмо, всего за шестьсот километров от дома. Черт побери*».

— Выметайся, Билл-чувак. Тихо и спокойно.

— Чего тебе надо?

— Если ты хочешь, чтобы я ответил, значит, ты еще глупее, чем я думал. — Легкая улыбка играла в уголках рта мальчишки. Самодельная татуировка извивалась на его руке. — Мне нужны твои бабки и, наверно, этот бордель на колесах — хотя бы на время. Но не беспокойся — тут не очень далеко автобусная остановка. Сэмми. Рядом с трассой. Кто-нибудь тебя подвезет. Те, которые не захотят останавливаться, будут, конечно, глядеть на тебя, как на собачье дерьмо под ногами, и тебе придется малость помучиться, но в конце концов кто-то тебя подберет. Теперь *выметайся*.

Хоган с удивлением обнаружил, что он не только устал, но и зол. Был ли он зол в тот раз, когда девица украла у него кошелек? Он уже не помнил.

— Кончай это дерьмо, — сказал он, поворачиваясь к сопляку. — Я тебя взял, когда ты попросился, и при этом тебе не пришлось унижаться. Если бы не я, ты бы до сих

пор глотал песок с поднятой рукой. Так что убери эту штуку. Мы...

Мальчишка вдруг резко наклонился, и Хоган почувствовал жгучую боль в правой руке. Фургон дернулся, затем застыл, въехав в очередной намет песка.

— Выкидывайся, я сказал. Или ты пойдешь пешком, Этикеточный Чувак, или ляжешь в ближайшей канаве с перерезанным горлом и твоей лазерной машинкой на заднице. И знаешь, что еще? Я буду курить до самого Лос-Анджелеса и каждый бычок буду гасить о твою вонючую приборную доску.

Хоган взглянул на свою руку и заметил диагональный разрез поперек кисти. Тут его снова охватила злость... но теперь это было настоящее бешенство, а усталость, если еще и была, то спряталась где-то очень глубоко. Он попытался вызвать в памяти лица Литы и Джека, чтобы загнать это чувство внутрь, пока оно еще не охватило его целиком и не побудило натворить глупостей, но образы получались какие-то смазанные. Перед ним встал *очень* четкий образ, но совсем не тот — образ девицы из Тонопы, девицы со злобным ртом под печальными глазами невинного ребенка, девицы, которая сказала ему: «*Отсоси, дорогой*» и ударила его же собственным бумажником.

Он надавил педаль сцепления, и фургон поехал быстрее. Стрелка спидометра зашла за пятьдесят.

Сопляк удивился, потом задумался, потом обозлился.

— Что ты делаешь? Я же сказал тебе — выметайся! Ты что, хочешь собирать свои кишки в канаве?

— Возможно, — ответил Хоган. Он продолжал давить на газ. Стрелка дрожала уже около отметки «70». Фургон преодолевал одну дюну за другой и трясся, словно больная собака. — Чего тебе надо, сосунок? Сломать шею? Мне для этого достаточно крутнуть руль. Я привязался ремнем. А ты нет, как я заметил.

Серовато-зеленые глаза юнца теперь расширились, в них сверкнула смесь страха и злости. «Тебе же сказали выметаться, — говорили эти глаза. — Так и должно было быть, раз я выставил нож, — неужели ты не знаешь?»

— Ты не разобьешь машину, — произнес парнишка, но Хоган решил, что это он сам себя уговаривает.

— Почему бы и нет? — Хоган обернулся к юнцу. — В конце концов, я всегда смогу уйти, а фургон застрахован. Ты проиграл, жопа. Как по-твоему?

— Ты, — начал мальчишка, но тут его глаза расширились, утратив всякий интерес к Хогану. — *Берегись!* — взвизгнул он.

Хоган бросил взгляд вперед и увидел, как из мглы надвигаются четыре громадные белые фары. Это была цистерна, видимо, с бензином или пропаном. Сирена оглашала воздух, словно крик гигантского разозленного гуся: ГА! ГА! ГА-А-А-А!

Фургон съехал в сторону, пока Хоган вел переговоры с мальчишкой; теперь он перегораживал дорогу. Хоган резко рванул руль вправо, зная, что это ничего не даст — слишком поздно. Но и приближающийся грузовик двигался, пытаясь уйти вбок, как и Хоган, когда он раскопался с «линкольном». Две машины танцевали в тучах песка в опасной близости друг от друга. Хоган опять почувствовал, как правые шины вгрызаются в песок, и понял, что теперь, на скорости семьдесят километров в час, ему уже не удастся удержать фургон на асфальте. Когда громада цистерны проползала мимо (на ее борту была видна надпись: «КАРТЕР — ОРГАНИЧЕСКИЕ УДОБРЕНИЯ»), он почувствовал, что рулевое колесо перестало слушаться его и все больше тянет вправо. И краем глаза заметил, что юнец с ножом наклонился к нему.

«Что с тобой, ты что, спятил? — хотелось ему заорать, но это был бы дурацкий вопрос, даже если бы было время его произнести. Ясное дело, сопляк спятил — стоило только всмотреться в эти серовато-зеленые глаза. Хоган сам спятил, впустив его в машину, но не в этом теперь дело; он столкнулся с ситуацией, из которой требовалось найти выход, и не мог позволить себе роскошь считать, будто все это происходит не с ним, даже на секунду, иначе завтра его найдут с перерезанным горлом

и с пустыми глазницами, потому что глаза успеют выклевать ястребы. Это происходило на самом деле.

Юнец пытался всадить нож в шею Хогану, а машина раскачивалась, все сильнее увязая в засыпанной песком канаве. Хоган уклонился от ножа, выпустив руль из рук, и считал уже, что ему повезло, но тут почувствовал, как теплая кровь стекает по горлу. Нож расцарапал правую щеку от челюсти до виска. Он размахивал правой рукой, пытаясь перехватить запястье мальчишки, и тут левое колесо фургона наскочило на камень размером с телефонный автомат, и машину подбросило так высоко, как в кинотрюках, которые, несомненно, любил этот сопляк. Она продолжала двигаться в воздухе, вращая всеми четырьмя колесами, все еще со скоростью пятьдесят километров в час, и Хоган ощутил, как ремень безопасности больно врезался ему в грудь и живот. Как и в прошлой катастрофе в воздухе, Хоган не сознавал, что все это происходит на самом деле.

Мальчишку, который все еще держал в руке нож, подбросило вверх. Голова его ударилась о крышу, когда верх и низ фургона поменялись местами. Хоган видел, как тот нелепо размахивает левой рукой, и с удивлением сообразил, что мальчишка *все еще* пытается ударить его. Он действительно гремучая змея, это была правда, но у него никто не отцеживал яд.

Тут фургон ударился о твердую землю пустыни, багажные полки сорвались, и юнец снова ударился головой о крышу, на сей раз гораздо сильнее. Нож выскользнул у него из руки. Шкафчики в задней части фургона раскрылись, папки с образцами и лазерные считывающие устройства рассыпались по полу. До Хогана донесся невообразимый визг — крыша «доджа» долго царапала каменистую землю на противоположном конце кювета, и он подумал: *«Вот что происходит внутри консервной банки, когда ее открывают ножом»*.

Ветровое стекло провалилось внутрь, усеянное миллионами зигзагообразных трещин. Хоган закрыл глаза, прикрыл лицо руками, а фургон по прежнему катился, пока не разбилось боковое стекло со стороны водителя и не

посыпались камешки и пыль и снова не задрался нос. Фургон покачался, будто собирался опрокинуться в сторону парнишки... и затих.

Хоган секунд пять сидел неподвижно, закрыв глаза, уперевшись в подлокотники и чувствуя себя так, как капитан Керк после атаки на Клингон в фильме «Взвод». Он отметил про себя, что на колени ему сыплется грязь, битое стекло и что то еще, но не понимал, что именно. Он ощущал, что ветер наносит тучи пыли сквозь выбитые окна.

Потом его внимание привлекло что-то быстро движущееся. Это была мешанина из белой кожи, бурой земли, ободранных пальцев и красной крови. Это был кулак, и он угодил Хогану прямо в нос. Боль была невыносимой и резкой — будто кто-то выстрелил из ракетницы прямо перед глазами. На мгновение все перед глазами расплылось в огромную белую вспышку. Не успел он опомниться, как пальцы юнца сжались у него на горле, так что невозможно стало дышать.

Мальчишка, мистер Брайан Адамс из Ниоткуда, США, перегнулся через широкий подлокотник между сиденьями. Кровь из дюжины ран на голове стекала у него по щекам, лбу и носу, словно индейская боевая краска. Серо-зеленые глаза с безумной яростью уставились на Хогана.

— *Посмотри, что ты наделал!* — вопил сопляк. — *Посмотри, сволочь, что ты сделал со мной!*

Хоган попытался высвободиться и смог перевести дыхание, когда хватка мальчишки на мгновение ослабла, но, поскольку он по-прежнему был пристегнут ремнем, двинуться ему было некуда. Мгновение спустя руки мальчишки снова сошлись у него под подбородком, и на сей раз большие пальцы впились в дыхательное горло, отчего он стал задыхаться.

Хоган пытался высвободить свои руки, но пальцы юнца, жесткие, как прутья тюремной решетки, мешали ему. Он пытался отодвинуть его руки, но они не поддавались. Теперь был слышен другой ветер — высокий, ревущий звук в его собственном мозгу.

— Посмотри, что ты наделал, кретин! Я истекаю кровью! — донесся голос паренька, но откуда-то очень издалека.

«Он убивает меня, — подумал Хоган, и какой-то голос ответил: «Конечно, отсоси, дорогой».

Это вернуло ему прежнюю злость. Он пощупал то, что у него было на коленях, кроме грязи и стекла. Это оказался бумажный мешок с каким-то объемистым предметом внутри — Хоган не помнил, каким. Зажав его в руке, он двинул мальчишку снизу в челюсть. Раздался глухой стук. Мальчишка завизжал от внезапной боли и, разжав пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в горло Хогана, отлетел назад.

Хоган судорожно вздохнул и вдруг услышал звук, похожий на свист закипающего чайника.

Это от меня такой звук? Господи, что это со мной?

Он еще раз перевел дыхание. В воздухе было полно пыли, он закашлялся, но все равно это было божественно. Он взглянул на свой кулак и увидел, что внутри мешка четко вырисовываются контуры Кусачих Зубов.

И вдруг ощутил, что они движутся.

В этом движении было нечто настолько человеческое, что Хоган вздрогнул и выронил мешок; это было все равно, что коснуться человеческой челюсти, которая вдруг затевает беседу с вашей рукой.

Мешок ударил парнишку по спине и свалился на покрытый ковром пол машины, пока «Брайан Адамс» с трудом поднимался на колени. Хоган слышал, как щелкнула резиновая лента... и раздались звуки, в которых безошибочно угадывалось клещанье сходящихся и расходящихся зубов.

«Видимо, зубчик немного съехал, — говорил Скутер. — Рукастый мужик может сделать так, чтобы они снова топали и хлопали».

«А может, это случилось от сильного удара, — подумал Хоган. — Если я останусь жив и еще раз проеду здесь, я обязательно расскажу Скутеру, что все, что нужно для того, чтобы завести пару поломанных Кусачих Зубов, — это перевернуть машину а потом двинуть ими

чокнутого пассажира, который хотел задушить тебя; так просто, что и ребенок поймет».

Зубы клацали и щелкали внутри порванного бумажного мешка, бока которого вздувались, будто трепещущее ампутированное легкое. Мальчишка отползал от мешка, даже не глядя на него, — полз в конец фургона, качая головой из стороны в сторону. Кровь мелким дождем стекала с его слипшихся волос.

Хоган сообразил, что зажат ремнем, и попытался растегнуть его. Ничего не вышло. Квадрат в середине пряжки не сдвинулся ни на миллиметр, а ляжки будто судорогой свело, и они по-прежнему врезались в слой жирка выше его талии и больно давили на грудь. Он стал ерзать в кресле, надеясь таким образом ослабить ремень. Кровь отлила у него от лица, щеки начали хлопать, как отклеившиеся обои, — и только. В ужасе он принялся брыкаться, но при этом повернул голову, чтобы проследить за парнишкой.

Ничего хорошего. В дальнем углу фургона он отыскал свой нож, заваленный кучей реклам и инструкций. Он схватил его, отбросил волосы с лица и взглянул на Хогана. Он ухмылялся, и в этой ухмылке было что-то такое, отчего мошонка у Хогана съежилась до размеров двух персиковых косточек.

«Ага, вот ты где! — говорила эта ухмылка. — На пару минут я вышел из строя — это было всерьез, но вот со мной все в порядке. Было небольшое отклонение от текста, но теперь мы будем опять строго следовать ему».

— Ты застрял, Этикеточный Чувак? — спросил юнец, стараясь перекрычать рев ветра. — Ну да. У тебя заело ремень, да? Класс.

Парнишка попробовал встать, но у него подкосились колени. Лицо его приняло удивленное выражение, которое в других обстоятельствах можно было бы счесть комичным. Он снова откинул с лица окровавленные волосы и пополз к Хогану, сжимая сделанную под кость рукоятку ножа левой рукой. С каждым сокращением его хилого бицепса показывалась татуировка «Деф Леппард», напоминая Хо-

гану, как менялись на ходу слова «НЕВАДА — СТРАНА ГОСПОДНЯ» на майке Майры.

Хоган, схватившись обеими руками за пряжку ремня, вцепился в захваты большими пальцами с не меньшей силой, чем мальчишка в его дыхательное горло. Никакой реакции. Ремень заморозило. Он снова обернулся к мальчишке.

Тот дополз до складной постели и остановился. Его лицо снова приняло комичное выражение крайней растерянности. Он смотрел прямо перед собой — видимо, на что-то на полу, и Хоган вдруг вспомнил о Китовых Кусачих Зубах. Они все еще клацали.

Вдруг Зубы вышли из раскрытого конца порванного бумажного мешка на своих смешных оранжевых ножках. Клыки, резцы и коренные зубы быстро сходились и расходились, производя звуки, подобные биению кусочка льда в шейкере. Оранжевые, в крохотных белых пятнышках туфельки, казалось, *шлепали* по серому ковру. Хогану вспомнился Фред Астер, отбивающий чечетку на авансцене и при отходе, Фред Астер с тросточкой под мышкой и с соломенной шляпой в вытянутой руке.

— О, дерьмо! — насмешливо произнес подросток. — Этим ты меня бил? Я убью тебя, Этикеточный Чувак, и тем принесу пользу миру.

«Ключ, — подумал Хоган. — Ключик сбоку, которым они заводятся... не вращается».

И вдруг его опять осенило: он точно понял, что сейчас произойдет. Мальчишка хотел их достать.

Зубы вдруг перестали идти и клацать. Они просто остановились на наклонном полу фургона, чуть-чуть разведя челюсти. Хотя у них не было глаз, они, казалось, с любопытством рассматривали молокососа.

— Кусачие Зубы, — удивленно произнес мистер Брайан Адамс из Ниоткуда, США. Он потянулся и обхватил их правой рукой точно так, как предвидел Хоган.

— Кусайте его! — закричал Хоган. — Откусите ему чертовы пальцы *немедленно!*

Голова сосунка отдернулась, в серовато зеленых глазах застыло изумление. Он взглянул на Хогана с идиотским

видом, а потом принялся хохотать. Смех его звучал на высоких тонах визгливо, в унисон с ветром, который завывал во всем фургоне и развевал шторы, словно призрак.

— Кусайте меня! *Кусайте* меня! *Ку-у-у-сайте меня!* — причитал юнец, будто это был самый страшный анекдот, который он слышал в жизни. — Эй, Этикеточный Чувак! А я-то думал, что это я ударился головой!

Он зажал рукоятку ножа в зубах и сунул указательный палец левой руки между Кусачими Зубами.

— ...сайте-е-е! — кричал он с ножом во рту. Он хихикал и вертел пальцем между гигантскими челюстями. — *Сайте-е-е! ...вайте... сайте-е-е!*

Зубы не двигались. Оранжевые ножки тоже. Предчувствие Хогана улетучилось, как сон. Парнишка еще раз повертел пальцем между Кусачими Зубами, начал вытягивать его... и вдруг завопил во всю глотку:

— *О, дерьмо! ДЕРЬМО! СВОЛОЧЬ!*

У Хогана сердце чуть не выскочило из груди, а потом он понял, что, хотя юнец еще вопит, на самом деле он смеется. Смеется над ним. Зубы все это время оставались совершенно неподвижными.

Сопляк взял Зубы в руки, чтобы присмотреться к ним, а нож вынул изо рта. Он поводил длинным лезвием перед Зубами, словно учитель перед нерадивым учеником.

— Кусаться нельзя, — сказал он. — Это очень плохое повед...

Одна оранжевая ножка вдруг сделала шаг вперед на грязной ладони подростка. Тут же раскрылись челюсти, и прежде чем Хоган сообразил, что происходит, Кусачие Зубы сомкнулись на носу сопляка.

Тут уж Брайан Адамс завопил по-настоящему — от боли и неизбежного изумления. Он вцепился в Зубы правой рукой, пытаясь стащить их, но они вцепились в его нос так же крепко, как ремень вокруг Хогана. Кровь с обломками хрящей потекла красными струйками между клыками. Паренек подался назад, и какое-то время Хоган видел только его дергающееся тело, мельтешащие локти и брыкающиеся ноги. Потом сверкнул нож.

Мальчишка снова завопил и уселся на пол. Длинные волосы как занавеской закрывали ему лицо; сцепленные зубы торчали, будто руль какого-то странного корабля. Ему как-то удалось просунуть лезвие ножа между Зубами и тем, что осталось от его носа.

— Убейте его! — хрипло выкрикнул Хоган. Он терял рассудок; где-то в глубине он сознавал, что теряет рассудок, но сейчас это не имело никакого значения. — *Давайте, убейте его!*

Парнишка издал долгий, пронзительный, как пожарная сирена, вопль и повернул нож. Лезвие хрустнуло, но ему удалось немного развести челюсти. Они упали ему на колени. Вместе с частью носа.

Сопляк откинул назад волосы. Он скосил свои серовато-зеленые глаза, пытаясь увидеть искромсанный обрубок посреди лица. Рот исказился гримасой боли; вены на шее вздулись, как провода.

Мальчишка потянулся за Зубами. Они немного отбежали назад на своих карикатурных оранжевых ножках. Они маршировали на месте, ухмыляясь юнцу, который сидел на корточках. Кровь хлестала ему на рубашку.

Мальчишка сказал то, что подтвердило убеждение Хогана в том, что он, Хоган, спятил — только в белой горячке можно произнести такое:

— Д-дай бне бмешок дозы, с-сукин с-сын!

Подросток снова потянулся за Зубами, но теперь они побежали из-под его руки *вперед*, между расставленными ногами, и тут донесся чавкающий звук — они захлопнулись на выступе в выцветших джинсах, чуть ниже того места, где кончается змейка.

Глаза у Брайана Адамса широко раскрылись. И рот. Он поднял руки на высоту плеч, широко разведя их, и какое-то время напоминал пародиста, который изображает, как Эл Джолсон поет «Мамми». Нож перелетел через его плечо и врезался в стенку фургона.

— *Боже! Боже! Бо-о-о-о...*

Оранжевые ножки топтались, будто исполняли шотландский танец. Розовые десны Китовых Кусачих Зубов в

бешеном темпе сходились и расходились, будто произнося «да! да! да!», а потом забегали взад-вперед в том же темпе, словно говоря «нет! нет! нет!».

Когда начала рваться джинсовая ткань — и не только она, судя по звуку, Билл Хоган потерял сознание.

Он приходил в себя дважды. В первый раз, видимо, прошло немного времени, потому что буря еще завывала и было еще светло. Он стал оглядываться, но ощутил чудовищную боль в шее — конечно же, порез. И, наверное, не так уж плохо, как могло бы быть... или как еще будет завтра.

Он всегда загадывал не дальше завтрашнего дня.

Сопляк, — надо проверить, точно ли он мертв.

Не надо. Конечно, мертв. Иначе был бы мертв ты.

Тут донесся новый звук — размеренное клацанье Зубов.

Они идут за мной. С сопляком они покончили, но они еще голодные и идут за мной.

Он снова положил руки на пряжку ремня, но замок заело напрочь, а в руках уже не оставалось никакой силы.

Зубы медленно приближались — судя по звуку, они уже были у спинки сиденья, — и воспаленный рассудок Хогана начал сочинять стишок в ритме их беспрестанного чавканья: «*Клац-чавк, клац-чавк! Мы — Зубы, топ-топ-топ! Мы идем, мы дудим, его съели, тебя съедим!*»

Хоган закрыл глаза.

Клацающий звук исчез.

Хоган ждал. Прошло томительно долгое время, прежде чем послышался щелчок, затем тихий звук рвущихся волокон. Пауза, снова щелчок, снова треск волокон.

Что происходит?

Третий раз щелкнуло, что-то порвалось, он почувствовал, как слегка дернулась спинка сиденья, и понял. Зубы добираются до него. Каким-то образом добираются до него.

Хоган вспомнил, как Зубы сошлись под змейкой на джинсах мальчишки, и приказал себе отключиться. Песок, задуваемый сквозь выбитое стекло, хлестал его по щекам.

Щелк... хрясь. Щелк... хрясь. Щелк... хрясь.

Звуки раздавались совсем близко. Хоган не хотел туда смотреть, но не смог удержаться. Зубы подбирались к нему.

И за своим правым бедром, там, где подушка сиденья переходила в спинку, он увидел широкую белую ухмылку. Она отвратительно медленно продвигалась вверх, на немыслимых оранжевых ножках, зацепив складку серого обивочного материала между резцами... потом челюсти разошлись, и складка конвульсивно подалась вперед.

Когда Зубы уперлись в карман брюк Хогана, он снова потерял сознание.

Когда он пришел в себя во второй раз, ветер утих и стало почти темно: воздух приобрел мрачный пурпурный оттенок, которого Хоган еще никогда не видел в пустыне. Кучки песка, которые виднелись через остатки разбитого окна, напоминали игривых детей привидений.

Сначала он ничего не мог вспомнить; последним, что всплыло в памяти, было то, что он глянул на индикатор горючего, увидел, что в баке осталась только восьмая часть, а потом заметил вывеску у дороги: **«ПРИДОРЖ-
НЫЙ БАКАЛЕЙНЫЙ И ЗООЛОГИЧЕСКИЙ МАГАЗИН
СКУТЕРА — БЕНЗИН — ЗАКУСКИ — ХОЛОДНОЕ
ПИВО — ЖИВЫЕ ГРЕМУЧИЕ ЗМЕИ!»**

Он сообразил, что надо некоторое время придерживаться этой амнезии; на какой-то период подсознание должно иметь возможность не пускать опасные воспоминания. Но не вспомнить тоже опасно. Очень опасно. Потому что...

Подул ветер. Песок ударял в плохо защищенный левый борт фургона. Звук очень напоминал

(Зубы! Зубы! Зубы!)

Хрупкая амнезия рассеялась, отпустив поток воспоминаний, и Хоган весь похолодел. Он вздрогнул, припомнив звук *(чавк!)* Кусачих Зубов, когда они приблизились к мошонке мальчишки, и рукой прикрыл свою собственную, бешено вращая глазами при виде удаляющихся Зубов.

На самом деле он их не видел, но удивился, с какой легкостью его плечи последовали за движением рук. Он взглянул на свои колени и медленно убрал руки с мошонки. Ремень безопасности больше не удерживал его. Его огрызки валялись на полу. Металлический язычок еще сидел в

пряжке, но позади него был лишь оборванный кусочек красной ткани. Ремень не был обрезан — он был перекушен.

Он взглянул в зеркало заднего вида и увидел кое-что еще: задняя дверца фургона была распахнута, и только слабый отпечаток, по форме отдаленно напоминавший человека, остался на сером ковре там, где находился мальчишка. Мистер Брайан Адамс из Ниоткуда, США, исчез.

И Кусачие Зубы тоже.

Хоган медленно выбрался из фургона, словно у него был острый приступ радикулита. Он обнаружил, что если держать голову прямо, то вполне терпимо... но стоило ему забыть об этом и повернуть ее в любом направлении, как боль взрывалась в шее, плечах и верхней части спины. А о том, чтобы запрокинуть голову назад, даже подумать было страшно.

Он медленно дошагал до задней дверцы, слегка щупая рукой зазубренную поверхность с облезшей краской и прислушиваясь к хрусту стекла под ногами. Он боялся свернуть за угол. Он боялся, что увидит там юнца на корточках, с ножом в левой руке и с бессмысленной ухмылкой. Но он не мог стоять так до бесконечности, когда уже совсем стемнело, осторожно держа голову на израненной шее, как сосуд с нитроглицерином, и Хоган наконец решился.

Никого. Парнишка действительно исчез. Хотя, быть может, только на первый взгляд.

Порыв ветра разметал волосы Хогана по исцарапанному лицу и вдруг успокоился. И тогда послышался резкий скрежет позади фургона. Он взглянул туда и увидел, как подошвы кроссовок подростка исчезают за насыпью канавы.

Носки кроссовок расходились под углом. На минуту они перестали двигаться, как будто то, что тащило тело юнца, немного передохнуло, а потом снова поползли рывками.

Перед мысленным взором Хогана внезапно с ужасной, невыносимой отчетливостью предстала картина: Китовые Кусачие Зубы на своих смешных оранжевых ножках стоят над краем канавы, в пурпурном свете, разлитом над этими пустынными просторами к западу от Лас-Вегаса. Их поступь заглушается копной длинных белокурых волос подростка.

Кусачие Зубы работали.

Кусачие Зубы утаскивали мистера Брайана Адамса в Никуда, США.

Хоган отвернулся и поплелся в другую сторону, бережно неся на плечах свою взрывоопасную голову. У него ушло пять минут на то, чтобы преодолеть кювет, и пятнадцать, чтобы уговорить водителя, но то и другое ему удалось. И за все это время он ни разу не обернулся.

Девять месяцев спустя, в ясный жаркий июньский день, Билл Хоган снова проезжал мимо «Придорожного бакалейного и зоологического магазина Скутера»... только он оказался переименованным. Теперь вывеска гласила: «У МАЙРЫ — БЕНЗИН — ХОЛОДНОЕ ПИВО — ВИДЕО». Под словами был нарисован волк — а может, просто *Во-ок*, — воющий на луну. Сам *Во-ок*, замечательный миннесотский койот, сидел в клетке в тени под верандой, нелепо расставив задние лапы и опершись мордой о передние. Он не пошевелился, когда Хоган вышел из машины заправиться. Никаких признаков тарантулов или гремучих змей не было.

— Привет, *Во-ок*, — сказал он, поднимаясь по ступенькам. Обитатель клетки перекатился на спину и высунул длиннющий красный язык, поглядывая на Хогана.

Внутри магазин выглядел просторнее и чище. Хоган подумал, что отчасти дело в том, что погода хорошая, но не только в этом: окна были вымыты, а это совсем другой коленкор. Стены вместо сухой штукатурки были отделаны сосновыми панелями, пахнущими свежей смолой. Возле двери в подсобку появился бар с пятью стульями. Прилавок с игрушками оставался, но там не было сигарет, жужжалок и нюхательного порошка доктора Уэкки.

Витрина была заставлена коробками с видеокассетами. Объявление, написанное от руки, гласило: «ФИЛЬМЫ КАТЕГОРИИ «Х» В ПОДСОБКЕ — СТАРШЕ 18 ЛЕТ».

Женщина за кассой стояла вполоборота к Хогану, подсчитывая что-то на калькуляторе. Хоган решил было, что это дочь Скутеров — дополнение к трем мальчикам, которых Скутер, по его словам, воспитал. Тут она подняла

голову, и Хоган увидел, что это миссис Скутер собственной персоной. Трудно было поверить, что это та самая женщина, чья слоновья грудь едва умещалась в майку с надписью «НЕВАДА — СТРАНА ГОСПОДНЯ», но так и было. Миссис Скутер потеряла самое малое килограммов двадцать пять и выкрасила волосы в ярко-каштановый цвет. Только морщины у глаз и по краям рта были те же.

— Заправились? — спросила она.

— Да. На пятнадцать долларов. — Он вручил ей двадцатку, и она бросила ее в кассу. — Много изменений с тех пор, как я тут был в последний раз.

— Да, много изменений после смерти Скутера, — согласилась она и достала пятерку сдачи. Вручая ее, она впервые взглянула на него и, поколебавшись, сказала:

— Скажите... вы не тот парень, который чуть не убили в ту бурю в прошлом году?

Он кивнул и протянул руку:

— Билл Хоган.

Она больше не колебалась: просто потянулась через прилавок и крепко пожала его руку. Видимо, смерть мужа повлияла на нее в лучшую сторону... а может, просто завершилась полоса изменений в ее жизни.

— Жаль вашего мужа. Он мне казался хорошим парнем.

— Скут? Да, был хороший, пока не заболел, — согласилась она. — А вы как? Выздоровели?

Хоган кивнул:

— Я шесть недель ходил с корсетом на шее — кстати, уже не в первый раз, но сейчас все в порядке.

Она смотрела на шрам.

— Он это сделал? Тот сопьяк?

— Да.

— Вам крепко досталось.

— Да.

— Я слышала, что он пострадал в столкновении, заполз в пустыню и помер. — Она с хитрецей всматривалась в Хогана. — Это так?

Хоган слегка улыбнулся:

— Примерно так, надо полагать.

— Шериф сказал, что звери хорошо над ним поработали. Пустынные крысы, они, знаете ли, просто ужасные.

— Об этом я ничего не знаю.

— Шериф говорил, что собственная мать не могла опознать пацана. — Она положила руку на свою значительно уменьшившуюся грудь и открыто взглянула ему в глаза. — Помереть мне на месте, если вру.

Хоган громко рассмеялся. Теперь, когда прошло много месяцев после той бури, он все чаще делал это. Ему иногда казалось, что с того дня он вступил в несколько иные отношения с жизнью.

— Хорошо, что он вас не убил, — заявила миссис Скутер. — Еще чуть-чуть бы... Видно, вас Бог хранил.

— Точно, — согласился Хоган. Он взглянул на витрину с видеокассетами. — Я вижу, вы убрали игрушки.

— То паршивое старье? Ясное дело! Самое первое, что я сделала после... — Глаза у нее вдруг расширились. — Ой! Господи! У меня же одна ваша вещь! Если бы я забыла, пришел бы призрак Скутера и преследовал бы меня!

Хоган удивленно нахмурился, но женщина уже зашла за прилавок. Она встала на цыпочки и что-то достала с полки высоко над пачками печенья. Это были, как без всякого удивления заметил Хоган, Китовые Кусачие Зубы. Миссис Скутер положила их рядом с кассой.

Хоган смотрел на этот холодный оскал с глубоким убеждением, что он это уже видел. Вот они, самые большие в мире Кусачие Зубы на своих смешных оранжевых ножках, рядом с игрушечным Хитрым Джимом, холодные, как горный ветер, будто с ухмылкой говорят ему: *«Привет! Ты нас не забыл? Мы-то ТЕБЯ, дружок, не забыли. Так-то»*.

— Я их нашла на крыльце на следующий день, как утихла буря, — пояснила миссис Скутер и засмеялась, — как старый Скут отдал их вам бесплатно и положил в дырявый мешок. Я хотела их выбросить, а он велел положить куда-нибудь на полку и отдать вам. Он сказал, что коммивояжер, который заехал раз, скорее всего появится снова... и вот вы тут.

— Да, — согласился Хоган, — вот я тут.

Он взял Зубы и сунул палец между слегка разведенными челюстями. Подушечкой пальца провел по коренным зубам сзади, и ему вспомнились вопли мальчишки, мистера Брайана Адамса из Ниоткуда, США, там, в фургоне: *«Кусайте меня! Кусайте меня! Кусайте-е-е-е меня!»*

Осталась ли сзади на Зубах легкая ржавчина от крови парня? Хогану показалось, что он что то видит, но, может, это просто падала тень.

— Я их берегла, потому что Скутер сказал, что у вас есть мальчик.

— Да, — кивнул Хоган и подумал: *«У мальчика пака что есть отец. И я знаю, почему. Интересно, шли ли они пешком на этих маленьких оранжевых ножках через пустыню потому, что это их дом... или потому, что они как-то знали то, что знал Скутер? Рано или поздно человек, живущий разъездами, обязательно возвращается туда, где был хоть раз, так же как убийцу тянет на место преступления?»*

— Что ж, если они вам нужны, они ваши, — сказала она. Какой-то миг это звучало торжественно... а потом она рассмеялась. — Черт, я бы их, наверно, выбросила, если б не забыла. Конечно, они по-прежнему поломаны.

Хоган повернул ключик, торчащий из челюсти. Он дважды провернулся с легким щелчком и безжизненно обвис в скважине. Сломаны. Разумеется, они были сломаны. И будут, пока сами считают нужным. Дело не в том, как они вернулись сюда, а зачем. Вопрос: что им нужно?

Он опять сунул палец в эту белую стальную ухмылку и прошептал:

— Кусайте меня — хотите?

Зубы только стояли на холодных оранжевых ножках и скалились.

— Похоже, они не разговаривают, — заметила миссис Скутер.

— Нет, — подтвердил Хоган и вдруг поймал себя на том, что думает о мальчишке. О мистере Брайане Адамсе из Ниоткуда, США. Сейчас полно таких мальчишек. И таких взрослых. Они, как перекаати-поле, кишат вдоль

дорог, всегда готовые забрать у вас бумажник, сказать: «Отсоси, дорогой» — и убежать. Можно не подвозить никого (он так и делал), можно поставить охранную систему в доме (и это он сделал), но все равно вокруг жестокий мир, где самолеты иногда падают с неба и сумасшедшие способны появиться где угодно, так что небольшая дополнительная страховка никогда не помешает. В конце концов у него есть жена. И сын.

Было бы неплохо, если бы у Джека на столе стояли Китовые Кусачие Зубы. На всякий случай. Просто на случай.

— Спасибо, что сохранили их, — сказал он, осторожно поднимая Кусачие Зубы за ножки. — Думаю, мой пацан будет в восторге, хоть они и поломаны.

— Спасибо скажите Скуту, не мне. Дать мешок? — Она ухмыльнулась. — У меня пластиковый, точно без дырок.

Хоган покачал головой и сунул Кусачие Зубы в карман куртки.

— Повезу их так, — сказал он и улыбнулся ей. — Так удобнее.

— Дело ваше. — Когда он направился к двери, она крикнула:

— Пойдите! Я вам сделаю классный сэндвич из курицы с салатом!

— Не сомневаюсь, спасибо, — сказал Хоган. Он спустился по ступенькам и с минуту постоял на ярком солнце пустыни, весело улыбаясь. Он был весел — очень весел в эти дни. Он начинал думать, что так и надо жить — весело.

Слева от него Во-ок — удивительный миннесотский койот — встал на ноги, просунул морду через прутья клетки и залаял. В кармане Хогана Кусачие Зубы щелкнули разок. Звук был негромкий, но Хоган его услышал... и почувствовал, что они движутся. Он похлопал по карману.

— Спокойно, ребята, — сказал он.

Он неторопливо зашагал по двору, уселся за руль нового «шевроле» и покатил в Лос-Анджелес. Он обещал Лите и Джеку быть дома к семи, самое позднее — к восьми, а он был из тех, кто выполняет обещания.

НОЧНОЙ ЛЕТУН

Хотя Диз и имел пилотские права, интерес к этому делу у него появился лишь тогда, когда произошли убийства в маленьком аэропорту в Мэриленде — третье и четвертое подряд. Вот тут он учуял запах крови и выпущенных кишок, столь обожаемый читателями «Биде ньюс». В сочетании с дешевой таинственностью... были все основания предполагать резкий рост тиража, а в газетном деле тираж — не просто игра, а божество, которому приносятся любые жертвы.

Для Диза, однако, новость была не только хорошей, но и плохой. Хорошо было то, что он получил место на первой полосе, обойдя всех прочих; значит, он еще непобедимый чемпион, главный жеребец в конюшне. Плохое заключалось в том, что лавровый венок на самом деле принадлежал Моррисону... пока, во всяком случае. Моррисон, новоиспеченный редактор, продолжал копать это чертово дело даже после того, как Диз, ветеран редакции, уверил его, что там ничего серьезного нет. Дизу не нравилась сама мысль, что Моррисон почуял кровь первым — он выходил из себя при этой мысли, что вызывало у него вполне понятное желание убрать этого человека с дороги. И он знал, как это сделать.

— Даффри, штат Мэриленд, так?

Моррисон кивнул.

— Никто в большой прессе еще не допер? — спросил Диз, с удовлетворением наблюдая, как Моррисон сразу ошетинился.

— Если ты имеешь в виду, сообразил ли кто-то, что здесь серия убийств, я отвечу «нет», — холодно произнес тот.

«Но это ненадолго», — подумал Диз.

— Но это ненадолго, — произнес Моррисон. — Еще одно...

— Дай досье, — сказал Диз, указывая на папку цвета буйволовой кожи, лежавшую на невероятно аккуратном столе Моррисона.

Лысеющий редактор положил на нее руку, и Диз понял две вещи: Моррисон даст ему досье, но сперва покуражится в отместку за первоначальное неверие... и вообще за поведение образца «я тут опытнее вас всех». Что ж, может быть, он и прав. Может быть, даже главному жеребцу в конюшне надо время от времени накручивать хвост, просто чтобы показать, каково его настоящее место в системе.

— Я думал, что ты в музее естественной истории берешь интервью у того парня, что занимается пингвинами, — сказал Моррисон. Уголки его рта изогнулись в слабой, но, несомненно, зловещей улыбке. — Который считает, что они умнее людей и дельфинов.

Диз указал на единственную, помимо досье и фотографии унылой жены с тремя унылыми детьми, вещь, лежавшую на столе Моррисона, — большую проволочную корзину с ярлыком «ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ». Там находились тоненькая рукопись — семь или восемь страниц, скрепленных фирменной красной скрепкой Диза, — и конверт с надписью «КОНТАКТНАЯ БУМАГА, НЕ СГИБАТЬ».

Моррисон снял руку с папки, открыл конверт и вынул два листа с черно-белыми фотографиями размером не больше почтовой марки каждая. На каждом снимке длинные процессии пингвинов молча взирали на зрителя. Что-то в них вызывало необъяснимый ужас — Мертону Моррисону они показались зомби, одетыми во фраки. Он кивнул и сунул фото обратно в конверт. Диз не любил редакторов как класс, но должен был признать, что этот по крайней мере умеет оценить все, что заслуживает оценки. Редкое свойство, которое, как подозревал Диз, со временем навлекает на человека кучу болячек. А может,

болячки уже начались. Вот он сидит: еще нет тридцати пяти, а череп на семьдесят процентов уже голый.

— Неплохо, — отметил Моррисон. — Кто снимал?

— Я, — ответил Диз. — Я всегда сам делаю снимки к своим репортажам. Ты что, никогда не смотришь на подписи под снимками?

— Обычно нет, — сказал Моррисон и взглянул на временный заголовок, который Диз прикрепил поверх своего репортажа о пингвинах. Конечно, Либби Граннит в компьютерной сделает его более броским, добавит цвета — это, в конце концов, ее работа, но Диз инстинктивно чувствовал заголовки и всегда находил если не дом и номер квартиры, то уж улицу правильно. «ЧУЖОЙ ИНТЕЛЛЕКТ НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ» — гласил этот. Пингвины, конечно, не чужие, и Моррисон смутно подозревал, что они живут на Южном полюсе, но это не имело ни малейшего значения. Читатели «Биде ньюс» с ума сходили по чужакам и интеллекту (видимо, потому, что первыми большинство из них себя ощущали, а второго им катастрофически не хватало), и важно было именно это.

— Заголовок немного не завершен, — начал Моррисон, — но...

— Либби доделает, — закончил за него Диз. — Итак?

— Итак? — спросил Моррисон. Глаза его за стеклами в золотой оправе оставались широко открытыми, и голубыми, и простодушными. Он снова положил руку на папку, улыбнулся Дизу и ждал.

— Итак, что ты хочешь? Чтобы я признал свою ошибку?

Улыбка Моррисона стала на миллиметр-два шире:

— Признай, что ты можешь ошибаться. Думаю, этого хватит — ты же знаешь, какой я лапочка.

— Ну да, рассказывай, — вымолвил Диз, но в душе испытал облегчение. Небольшое унижение он еще мог снести; чего он не терпел, так это пресмыкаться всерьез.

Моррисон сидел, глядя на него и прикрыв рукой папку.

— Хорошо: я могу ошибаться.

— Как великодушно с твоей стороны, — восхитился Моррисон, вручая ему папку.

Диз жадно схватил ее, положил на стул у окна и раскрыл. То, что он прочел на сей раз, — а это была всего лишь неупорядоченная сводка сообщений телеграфных агентств и вырезок из провинциальных газет, потрясло его.

«Я раньше этого не видел, — подумал он, и тут же: — Почему я раньше не видел?»

Он не знал... но знал же он, что если он еще раз упустит такую тему, ему уже не быть первым жеребцом в газетной конюшне. И еще он знал наверняка: если б они с Моррисоном поменялись местами (а Диз сверг уж двоих редакторов «Биде ньюс» за последние семь лет), он бы заставил Моррисона ползать змеей по полу, прежде чем отдал бы ему папку.

«Да нет, — подумалось ему. — Просто вышиб бы его пинком под зад».

Промелькнула мысль, что он может сорваться. В его профессии уровень срывов крайне высок, как известно. Можно много лет писать о летающих тарелках, которые уносят с собой целые деревни в Бразилии (обычно это сопровождается снимками со смещенным фокусом электрических лампочек, висящих посреди елочного серпантина), о собаках, которые умеют считать, о безработных папашах, которые рубят из своих детей лучину. И вдруг в какой-то день ты сдаешь. Как Дотти Уолш, которая однажды вечером пришла домой и залезла в ванну, надев на голову пластиковый мешок от стирального порошка.

«Не будь дураком», — сказал он себе, но все равно испытывал какую-то растерянность. Вот она, тема, огромная, как жизнь, и втрое более отвратительная. Как он, черт возьми, мог ее упустить?

Он оглянулся на Моррисона, который откинулся в кресле, сложив руки на животе, и наблюдал за ним.

— Ну? — спросил Моррисон.

— Да, — вымолвил Диз. — Может быть, крупная рыба. Мало того. Это, по-моему, настоящий товар.

— Мне плевать, настоящий товар или нет, — сказал Моррисон, — пока растет тираж. А здесь тираж может быть очень большим, да, Ричард?

— Да. — Он встал и сунул папку под мышку. — Я хочу проследить путь этого типа, начиная с первого известного случая в Мэне.

— Ричард?

Он обернулся, стоя в дверях, и увидел, что Моррисон снова рассматривает фотоснимки. Он улыбался.

— Что, если мы дадим лучшие из этих снимков рядом с фотографией Дэнни Де Вито в рекламе сериала «Бэтмен?»

— Сработает на меня, — ухмыльнулся Диз и вышел. Все вопросы и сомнения вдруг исчезли: он снова чуял запах крови, сильный и властно зовущий, и хотел только одного — чтобы этот запах вел его по следу до самого конца. Конец наступил неделю спустя — не в Мэне, не в Мэриленде, а гораздо южнее, в Северной Каролине.

2

Стоял летний день, что, согласно известной опере «Порги и Бесс», означало, что жизнь должна быть приятной, а хлопок — созреть, но у Ричарда Диза все не ладилось, пока этот бесконечный день медленно тянулся к вечеру.

Главная проблема состояла в том, что он никак не мог попасть — до сих пор, по крайней мере, — в маленький аэропорт Уилмингтон, который обслуживал только один магистральный рейс, несколько местных и множество частных самолетов. В этом районе бушевала сильная гроза, и Диз ходил по кругу в ста пятидесяти километрах от аэродрома, ныряя вверх-вниз в беспокойном воздухе и ругаясь на чем свет стоит, потому что шел последний час светлого времени. Когда ему дадут добро на посадку, будет уже 7.45 вечера. До календарного захода солнца останется сорок минут. Он не знал, будет ли Ночной Летун придерживаться своих традиций, но если будет, то, значит, близится его час.

А Летун был здесь — в этом Диз не сомневался. Он нашел то самое место, тот самый «сесна скаймастер». Он мог выискать Вирджиния-Бич, или Шарлотт, или Бирмингем, или место еще дальше к югу, но попал именно сюда. Диз не знал, где тот прятался между моментом исчезно-

вения из Даффри, штат Мэриленд, и появлением здесь, и не это его заботило. Достаточно знать, что интуиция сработала правильно — парень продолжал действовать согласно схеме ветров. Чуть ли не половину прошлой недели Диз обзванивал все аэропорты к югу от Даффри, где мог очутиться Летун, соединяясь снова и снова, пока у него не заболел палец от непрерывного нажимания кнопок на телефонной трубке в мотеле и пока собеседников на другом конце провода не стала раздражать его настырность. Но в конце концов настырность, как это часто случается, дала плоды.

Прошлой ночью частные самолеты садились на всех подозреваемых им аэродромах, и среди них было множество «сесна-337 скаямастеров». Ничего удивительного — в частной авиации они не менее распространены, чем «тойоты» среди автомобилей. Но «сесна-337», которая приземлилась прошлой ночью в Уилмингтоне, была именно той, за которой он охотился, — нет сомнений. Он достал того парня.

Точно вышел на него.

— 471В, вектор ILS, дорожка 34, — раздалась лаконичные команды в наушниках. — Курс полета 160. Спускайтесь и держите 900 метров.

— Курс 160. Спускаюсь с 2 000 на 900 метров, прием.

— И поосторожнее, у нас тут еще паршивая погода.

— Понял, — произнес Диз, размышляя над тем, что старина Лох, который сидит в Уилмингтоне в так называемой диспетчерской, переоборудованной из какой-то пивной бочки, несомненно, редкостный зануда, раз сообщает ему все это. Он и так знал, что погода паршивая: видел молнии, которые то и дело вспыхивали там, подобно гигантским фейерверкам, кружил уже сорок минут над грозой, чувствуя себя скорее внутри мешалки, чем в кабине двухмоторного «бичкрафта».

Он отключил автопилот, который так долго водил его над этим дурацким пейзажем возделанной земли, которая то появлялась, то исчезала, и ухватился за руль. Никакой хлопок внизу не рос. Только полосы бывших табачных плантаций, которые теперь засеивали травой

кудзу. Диз с удовольствием развернул самолет в сторону Уилмингтона и под управлением радиомаяка начал снижение по вектору ILS.

Он взял микрофон, размышляя, рывкнуть ли на Лоха-диспетчера, спросить ли у него, не произошло ли там внизу чего-нибудь такого, что любят читатели «Биде ньюс», но отставил его. До захода еще оставалось некоторое время — он сверил часы с Вашингтоном. «Нет, — подумал он, — вопросы я пока придерживу при себе».

Диз верил в то, что Ночной Летун настоящий вампир не более, чем в Зубастую Фею, которая в детстве клала ему подарки под подушку, но если этот тип считает себя вампиром — а это, по убеждению Диза, так и было, — то он должен обязательно придерживаться правил игры.

В конце концов, жизнь — это подражание искусству.

Граф Дракула на личном самолете.

«Надо признать, — подумал Диз, — это гораздо интереснее, чем зловещие замыслы пингвинов истребить род человеческий».

«Бич» тряхнуло — он вошел, снижаясь, в густые кучевые облака. Диз выругался и выровнял самолет, которому погода явно не нравилась.

«И мне тоже, детка», — подумал Диз.

Вывавшись в свободное пространство, он четко увидел огни Уилмингтона и Райтсвилл-Бич.

«Да, сэр, толстопузым, которые делают покупки на Седьмой авеню, это должно понравиться, — пришло ему в голову, когда по правому борту сверкнула молния. — Они раскупят миллионов семьдесят, отправляясь за сосисками и пивом».

Но в этом было нечто большее, и он это знал.

То, что может быть... ну... просто замечательно.

Может быть законно его.

«Были времена, когда такое слово ни за что не пришло бы тебе в голову старина, — подумал он. — Может быть, ты сдаешь».

Тем не менее громадные буквы заголовка плясали у него в голове, словно засахаренные сливы: «РЕПОРТЕР

«БИДЕ НЬЮС» ОТЛАВЛИВАЕТ СПЯТИВШЕГО НОЧНОГО ЛЕТУНА. ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ РЕПОРТАЖ О ТОМ, КАК НАКОНЕЦ ПОЙМАЛИ КРОВОЖАДНОГО НОЧНОГО ЛЕТУНА. «МНЕ ЭТО БЫЛО НЕОБХОДИМО», — ЗАЯВЛЯЕТ СМЕРТОНОСНЫЙ ДРАКУЛА».

«Это действительно большая опера, — признался себе Диз, — но она будет исполнена».

В конце концов он взял микрофон и нажал клавишу. Он знал, что тот, кого он ищет, еще там, внизу, но знал и то, что не успокоится, пока не будет абсолютно уверен.

— Уилмингтон, говорит №471В. У вас еще стоит «скай-мастер-337» из Мэриленда?

Сквозь атмосферные разряды:

— Вроде стоит, приятель. Некогда трепаться, я занят.

— У него красные трубки? — допытывался Диз.

Ответа долго не было, потом:

— Красные трубки, прием. Отвали, №471В, а то я накапаю, чтобы тебе выписали штраф. Мне сегодня жарить много рыбки, а сковородок не хватает.

— Спасибо, Уилмингтон, — произнес Диз самым вежливым тоном, на какой только был способен. Он повесил микрофон и ухмыльнулся, не обращая внимания на толчки, потому что самолет снова вошел в облака. «Скаймастер», с красными трубками, и готов ставить в заклад зарплату следующего года, что если бы этот кретин в башне не был так занят, он подтвердил бы и бортовой номер — №101 ВL.

Неделя, Господи, всего неделя. Больше не понадобилось. Он нашел Ночного Летуна, еще не стемнело, и, хотя это невероятно, вроде бы не было и полиции. Если бы она находилась и занималась бы «сесной», этот лох наверняка бы сказал, несмотря ни на какие помехи. Есть такие вещи, о которых невозможно не посплетничать.

«Мне нужно заснять тебя, сволочь», — подумал Диз. Теперь показались огни приближения, отсвечивавшие белым в сумерках. «Репортаж-то я сделаю, но прежде всего снимок. Всего один, но я его сделаю».

Да, потому что без фотографии репортаж не пошел бы. Не расплывчатые лампочки, снятые вне фокуса; не «впечатление художника»; самое настоящее черно-белое фото. Он круто пошел на снижение, не обращая внимания на предупредительные сигналы. Его бледное лицо напряглось. Губы слегка растянулись, обнажая мелкие, сверкающие зубы.

В красной подсветке от сумерек и приборной доски Ричард Диз сам немного походил на вампира.

3

Многие вещи в «Биде ньюс» игнорировали, например грамотность, с одной стороны, и излишнюю скрупулезность относительно таких мелочей, как честность и точность фактов, — с другой, но одного нельзя было отрицать: она была крайне чутка к ужасам. Мертон Моррисон, может быть, и сволочь (хотя и не в такой степени, как показалось Дизу, когда он впервые увидел этого типа с его чертовой трубкой), но Диз отдавал ему должное — тот всегда помнил, на чем зиждется успех «Биде ньюс»: ведра крови и километры кишок.

И, кроме того, были еще снимки упитанных малышей, масса гороскопов и волшебных диет, основанных на таких способствующих похудению вещах, как пиво, шоколад и картофельные чипсы, но Моррисон верно учуял изменение духа времени и никогда не ставил под сомнение курс газеты. Диз полагал, что именно благодаря этой уверенности Моррисон до сих пор удерживался на месте, несмотря на трубку и твидовые костюмы из Лондона. Моррисон твердо знал, что дети-цветы шестидесятых годов выросли в людоедов девяностых. О мягких реформах, политической корректности и «языке чувств» могут говорить высоколобые интеллектуалы, а простой человек по-прежнему гораздо больше интересуется массовыми убийствами, скандальными похождениями звезд и тем, как Мэджик Джонсон заработал СПИД.

Диз не сомневался, что еще существуют читатели статей типа «все в мире изящно и исполнено добра», но по мере того, как у поколения вудстокских рок-фестивалей прибавляется седины в волосах и складок вокруг капризного, самоуверенного рта, все больше становится тех, чей лозунг «весь мир — мрачное и вонючее дерьмо». Мертон Моррисон, которого Диз начинал все больше уважать как гения интуиции, четко выразил свои взгляды в циркуляре, разосланном всем штатным и нештатным сотрудникам редакции через неделю после того, как он занял место со своей трубкой в угловом кабинете. Там говорилось: конечно, остановись и понюхай розы по пути на работу, но коль уж ты этим занялся, принимайся внимательнее, — и почувешь запах крови и кишок.

Диз, который был буквально создан для того, чтобы чують кровь и кишки, был вполне удовлетворен. Именно благодаря своему нюху он сейчас летит в Уилмингтон. Там чудовище в человеческом облике, некто, считающий себя вампиром. Диз подобрал ему подходящее имя; оно жгло его воображение, как может жечь ценная монета в кармане. Скоро он достанет монету и истратит ее. Тогда это имя замелькает в каждом газетном киоске Америки аршинными буквами, не заметить которые будет невозможно.

«Берегитесь, дамочки и ловцы сенсаций, — думал Диз. — Вы этого еще не знаете, но вас преследует очень плохой человек. Его настоящее имя вы прочтете и забудете, и ладно. Но вы запомните имя, данное мной, имя, которое неотрывно приклеится к нему, как Джек-потрошитель или Кливлендский расчленитель. Вы запомните Ночного Летуна, выйдя к ближайшему киоску. Эксклюзивный репортаж, эксклюзивное интервью... но прежде всего мне нужен эксклюзивный снимок».

Он еще раз сверил часы и позволил себе чуть-чуть, насколько мог, расслабиться. До наступления темноты еще почти полчаса, он вырулит на стоянку рядом с белым «скаймастером» с красными трубками (и красными же цифрами №101 BL на хвосте) через каких-то пятнадцать минут.

Спит ли Летун в городе или в каком-то мотеле по пути в город? Диз так не считал. Одной из причин огромной популярности «скаймастера-337», помимо сравнительно низкой цены, было то, что он единственный из самолетов такого класса имел грузовой отсек под фюзеляжем. Правда, он ненамного больше багажника у доброго старого «фольксвагена»-микролитражки, но там хватало места для трех больших чемоданов или пяти маленьких... и, конечно, там вполне мог поместиться человек, если только он не был баскетболистом-профессионалом. Ночной Летун мог находиться в багажном отсеке «сесны», если он а) спал калачиком, подтянув колени к подбородку, б) настолько спятил, что всерьез считал себя вампиром, или в) то и другое вместе. Диз поставил на в).

Теперь, когда альтиметр спустился с тысячи двухсот до девятисот метров, Диз подумал: «Нет дружок, никаких мотелей, правда? Коль уж ты разыгрываешь вампира, то, как Фрэнк Синатра, делаешь это по-своему. Знаешь, как я считаю? Я считаю, что когда багажный отсек этой птички откроется, сначала посыплется куча кладбищенской земли (а если даже нет, можешь ставить на кон свои верхние клыки, она там все равно окажется, когда дойдет до репортажа), потом высунется нога в брюках от фрачного костюма, за ней другая, ибо ты же должен быть одет, правда? О дорогуша, ты должен быть одет с иголки, одет, чтобы убивать, а в моей камере уже включена автоматическая перемотка, и как только я замечу, как развевается твой плащ на ветру...»

Но тут течение его мыслей прервалось, потому что на обеих полосах внизу засверкали белые посадочные огни.

4

— Я намерен проследить весь путь этого типа, — сказал он Мертону Моррисону, — начиная с первой известной нам точки в Мэне.

Менее чем через четыре часа он беседовал с механиком по имени Эзра Ханнон в аэропорту округа Камберленд.

Ханнон выглядел так, словно только что вылез из бочки с самогоном, и Дизу не следовало бы подпускать его на пушечный выстрел к самолету, тем не менее он уделил этому типу самое серьезное внимание. Конечно, ведь Ханнон был первым звеном того, что, по мнению Диза, могло выстроиться в очень важную цепочку.

АОК — Аэропорт округа Камберленд — было слишком громкое имя для деревенской посадочной площадки, которая состояла из двух сборных домиков и двух пересекающихся дорожек. Одна из них действительно была асфальтирована. Поскольку Диз никогда не садился на грунтовые полосы, он предпочел заасфальтированную. То, как трясся при посадке «бич-55» (за прокат которого он заложил все, что имел), привело его к решению взлетать с грунтовки, и, приняв его, он с удовольствием обнаружил, что полоса эта гладкая и твердая, как грудь подружки. На поле, разумеется, был ветроуказатель, естественно, весь в заплатах, как старые дедушкины кальсоны. В таких местах, как АОК, всегда есть ветроуказатель. Это часть их сомнительного очарования, такая же, как древний биплан, явно находящийся на вечной стоянке перед единственным ангаром.

«Округ Камберленд — самый густонаселенный в штате Мэн, но об этом никогда не догадаешься по его аэропорту, где пасутся коровы, — подумал Диз, — ... или по прошившемуся в дым механику Эзре». Когда тот ухмылялся, обнажая все шесть уцелевших зубов, он напоминал обитателя тюремной богадельни.

Аэропорт находился на окраине крохотного городка Фалмут и содержался в основном на посадочную плату с богатых летних дачников. Клэр Боуи, первая жертва Ночного Летуна, был ночным транспортным контролером округа Камберленд и владел четвертью капитала аэропорта. Кроме него, штат состоял из двух механиков и второго наземного контролера (наземные контролеры, кроме того, продавали чипсы, сигареты и кока-колу).

Механики и контролеры выполняли также функции заправщиков и сторожей. Частенько бывало, что контро-

лер поспешно выбегал из туалета, где мыл унитазы, чтобы дать разрешение на посадку и выделить полосу из великого множества — целых двух! — имевшихся в его распоряжении. Работа была настолько напряженной, что в летний пиковый сезон ночной контролер мог урвать только шесть часов полноценного сна за свою вахту, которая продолжалась с полуночи до семи утра.

Клэр Боуи был убит почти за месяц до появления Диза, и то, что репортер смог собрать, представляло собой пеструю смесь из вырезок в папке Моррисона и гораздо более живописных откровений пропойцы-механика. Даже сделав неизбежную скидку на надежность первоисточника, Диз уверился, что в этом засиженном мухами аэропорту в начале июля произошло нечто в высшей степени странное.

«Сесна-337» с бортовым номером №101 BL запросила посадку незадолго до рассвета 9 июля. Клэр Боуи, работавший в аэропорту в ночную смену с 1954 года, когда пилотам случалось задерживать посадку (в то время это называлось просто «пойти на второй круг»), пока с единственной полосы не прогонят корову, записал запрос в журнал в 4.32 утра. Время посадки там значилось — 4.49; имя пилота — Дуайт Ренфилд, аэропорт отправления — Бангор, штат Мэн. Время указывалось, несомненно, правильное. Остальное — сплошная чушь. Диз запросил Бангор и не удивился, узнав, что там слухом не слыхивали про №101 BL, но если Боуи и знал, что это вранье, это не имело никакого значения: в АОК на многое смотрели сквозь пальцы, а плата за посадку есть плата за посадку.

Имя пилота было просто эксцентричной шуткой: Дуайтом звали актера по фамилии Фрай, который среди множества других играл роль Ренфилда — слюнтявого идиота, поклонявшегося величайшему вампиру всех времен. Но запрашивать посадку под именем графа Дракулы могло вызвать подозрения даже в такой сонной дыре, решил Диз.

Могло вызвать, но уверенности не было. В конце концов, плата за посадку есть плата за посадку, и «Дуайт

Ренфилд» внес ее незамедлительно наличными, а кроме того, залил баки доверху — деньги на следующий день нашлись в кассе вместе с копией квитанции, которую выписал Боуи.

Диз знал, как небрежно, спустя рукава контролировали частный воздушный транспорт в провинциальных аэропортах в пятидесятые-шестидесятые годы, но тем не менее был поражен, как неформально приняли машину Ночного Летуна в АОК. Сейчас-то уже не шестидесятые, в конце концов; сейчас эпоха массовой наркомании, и подавляющая часть дерьма, которое принимать не полагалось, поступала в маленькие гавани на маленьких катерах и в маленькие аэропорты на маленьких самолетах... таких, как «сесна скаймастер» «Дуайта Ренфилда». Конечно, плата за посадку есть плата за посадку, но Диз ожидал, что Боуи хотя бы запросил Бангор, почему нет плана полета, чтобы прикрыться самому. Но он этого не сделал. Тут Дизу пришла мысль о возможной взятке, но пьяница-информатор настаивал, что Клэр Боуи был честен, как слеза, и двое полицейских из Фалмута, с которыми Диз беседовал позднее, подтвердили слова Ханнона.

Скорее всего, простая халатность, но в общем-то это не имело значения; читателей «Биде ньюс» не интересовали такие скучные детали, как причины и ход событий. Читатели «Биде ньюс» хотели знать, что произошло, и как долго происходило, и было ли у жертвы время закричать. И снимки, конечно. Они требовали снимков. Громадных, с большой резкостью, черно-белых — по возможности таких, чтобы срывались прямо с газетного листа, словно рой точек, и ударяли вас прямо в лоб.

Пропойца Эзра явно удивился и погрузился в глубокие размышления, когда Диз спросил, куда, по его мнению, мог пойти «Ренфилд» после приземления.

— Не знаю, — промямлил он. — В мотель, должно быть. Может, брал такси.

— Вы... когда пришли в тот день? В семь утра? Девятого июля?

— Угу. Как раз когда Клэр уходил домой.

— И «сесна скаймастер» стоял тут на привязи пустой?

— Ага. Точно там, где ваш теперича. — Эзра показал пальцем, и Диз слегка отшатнулся. От механика несло, как от очень старого сыра рокфор, замаринованного в дешевом джине.

— Клэр вам говорил, что вызвал такси для пилота? Чтобы отвезти его в мотель? Потому что пешком тут вряд ли дойдешь.

— Да уж, точно, — согласился Эзра. — Ближайший-то будет «Морской бриз», а до него километра три. А то больше. — Он поскреб щетину на подбородке. — Но Клэр ничего не говорил насчет того, что вызывал такси тому типу.

Диз подумал, что все равно надо обзвонить гаражи. К тому времени он начинал склоняться к разумному предположению: тот парень, которого он ищет, спал в постели, как все люди.

— А как насчет лимузина? — спросил он.

— Не-а, — более уверенным тоном произнес Эзра. — Клэр ничего не говорил про лемозин, а он бы не молчал.

Диз кивнул и решил, что и компании по прокату лимузинов не мешало бы запросить. Он опросит и других служащих, но мало надеялся на то, что узнает от них что-то новое; кроме старого алкоголика, их тут раз-два и обчелся. Эзра выпил чашку кофе с Клэром, прежде чем ушел домой, и другую, когда Клэр заступил в ночную смену, — вот и все. Кроме самого Ночного Летуна, Эзра, видимо, был последним, кто видел Клэра Боуи живым.

Объект этих размышлений переминался с ноги на ногу поодаль, задумчиво скреб подбородок, а потом уставился своими налитыми кровью глазами на Диза:

— Клэр ничего не говорил про лемозин, зато говорил другое.

— А именно?

— Ну да, — протянул Эзра. Он расстегнул карман замасленного комбинезона, вынул пачку «Честерфилда», закурил и зашелся сухим старческим кашлем. Сквозь вьющийся дымок он взирал на Диза, явно замышляя

какую-то хитрость. — Может, оно ничего не значит, а может, чего-то значит. Видно, здорово удивило Клэра. Наверное, да, потому как старина Клэр себе места не находил.

— Что же он сказал?

— Точно не помню, — завил ял Эзра. — Иногда, знаете, когда я что-то забываю, портрет Александра Гамильтона мне освежает память.

— А как насчет Эйба Линкольна? — холодно парировал Диз.

Немного поразмыслив, Ханнон согласился, что иногда и Линкольн помогает, и портрет этого джентльмена на пятидолларовой купюре перешел из бумажника Диза в слегка дрожащую руку Эзры. Диз подумал, что чудо мог совершить обыкновенный портрет Джорджа Вашингтона, но хотел удостовериться, что этот человек на его стороне... и потом, все равно бухгалтерия оплатит.

— Ну?

— Клэр сказал, что тот тип вроде как собирался на бал, так он выглядел, — выпалил Эзра.

— Да ну? — Диз подумал, что это и на один доллар не тянет.

— Сказал, что тот вроде как прямо с витрины. Фрак, шелковый галстук, все такое. — Эзра помялся. — Клэр говорил, тот даже был в большом плаще. Внутри красный, как пожарная машина, снаружи черный, как негритянская задница. Говорил, развевался спереди, прямо как крылья летучей мыши.

Огромные красные неоновые буквы промелькнули перед Дизом, образуя слово: «РУЛЕТКА».

«Ты этого не знаешь, мой пропахший джином друг, — подумал Диз, — но то, что ты сейчас сказал, может вписать твое имя в историю».

— Вот вы все спрашиваете про Клэра, — начал Эзра, — а нет чтобы спросить, а что я сам-то видел.

— А вы видели?

— Ну.

— И что это было, друг мой?

Эзра почесал жесткий подбородок длинными желтыми пальцами, хитро поглядывая на Диза прищуренными, налитыми кровью глазами, и затянулся сигаретой.

— Опять приехали, — сказал Диз, доставая другую пятерку и стараясь сохранить дружелюбное выражение. Пробудившийся инстинкт подсказывал ему, что он еще не до конца выжал старого пьяницу.

— Это мало за то, что я вам расскажу, — с упреком произнес Эзра. — Богатые городские мужики, как вы, могут дать больше, чем десятку.

Диз взглянул на свои часы — тяжелый «ролекс» со светящимися камнями на циферблате.

— Ерунда! — фыркнул он. — Смотри, как поздно! А я еще не успел поговорить с фалмутской полицией!

Не успел он опомниться, как пятерка, которую он держал между пальцами, вдруг очутилась рядом со своей подругой в кармане комбинезона Ханнона.

— Ладно, если у тебя еще есть что сказать, говори, — согласился Диз. — Мне еще во много мест надо успеть.

Механик помялся, поскреб свою щетину и обдал собеседника запахом древнего сыра. Потом как бы нехотя вымолвил:

— Под тем «скаймастером» была здоровенная куча грязи. Прямо под багажным отсеком, вот где.

— Правда?

— Угу. Я ее пнул сапогом.

Диз ждал. Он мог себе это позволить.

— Мерзость. Полно было червей.

Диз ждал. Это хорошая, нужная информация, но это если не сомневаться, что старик с того дня окончательно протрезвел.

— И личинки, — продолжал Эзра. — Там и личинки копошились. Как будто кто-то помер.

Ту ночь Диз провел в мотеле «Морской бриз», а в восемь утра вылетел в Олдертон на севере штата Нью-Йорк.

Из всего, что Диз не понимал в перемещениях своего героя, больше всего его озадачивало, как лениво вел себя Летун. В Мэне и в Мэриленде он прямо-таки медлил с убийствами. На одну ночь он оставался только в Олдертоне, который посетил через две недели после того, как расправился с Клэром Боуи.

Аэропорт Лейквью в Олдертоне был еще меньше, чем АОК, — одна-единственная грунтовая полоса и диспетчерская, которая помещалась в недавно покрашенном сарае. Средства посадки по приборам отсутствовали, зато торчала большая спутниковая антенна, так что любой фермер, летавший отсюда по своим делам, мог быть уверен, что не пропустит очередную серию «Мерфи Браун», «Колеса Фортуны» или чего-то не менее важного.

Одно Дизу очень понравилось: незаасфальтированная полоса в Лейквью была такой же гладкой, как и в Мэне. «Я привыкаю к этому», — подумал Диз, ловко касаясь грунта колесами своего «бича» и начиная торможение. Ни стука о заплаты на асфальте, ни провалов в глубокие ямы... да, к этому легко привыкнуть.

В Олдертоне никто не выпрашивал портретов президентов или их друзей на денежных знаках. Весь город Олдертон — около тысячи жителей — находился в шоке, а не только несколько совместителей, которые вместе с Баком Кендаллом работали в аэропорту Лейквью почти задаром (и уж точно без прибыли). Говорить было, по существу, не с кем, свидетелей, даже масштаба Эзры Ханнона, тут не нашлось. «Ханнон, конечно, был под газом, — размышлял Диз, — но по крайней мере что-то я от него узнал».

— Видно, это большой силач, — говорил Дизу один из совместителей. — Старина Бак, он любил наряжаться, и человек был спокойный, но уж если его разозлишь, так держись. Как-то он в боксе завалил мужика на карнавале в Покипси в позапрошлом году. Такие драки, конечно, незаконные, но Баку нужны были бабки, чтоб починить

его старый «пайпер», и он в боксе завалил этого типа. Получил двести зеленых и отдал ремонтной компании за два дня до того, как на него собрались накапать.

Совместитель покачал головой с искренне сокрушенным видом, и Диз пожалел, что не распаковал свою камеру. Читателям «Биде ньюс» понравилось бы это длинное, морщинистое, удрученное лицо. Диз отметил про себя, что надо выяснить, была ли у Бака Кендалла собака. Снимки собак погибших людей тоже берут читателей «Биде ньюс» за живое. Вы сажаете пса на крыльце дома покойного и даете подпись: «ДОЛГОЕ ОЖИДАНИЕ БАФФИ НАЧИНАЕТСЯ» или что-нибудь в этом роде.

— Какой ужас, — сочувственно произнес Диз.

Совместитель, вздохнув, кивнул:

— Видно, достал его сзади. Только так я себе представляю.

Диз не ведал, с какой стороны достали Джерарда «Бака» Кендалла, но знал, что на сей раз у жертвы не было вырвано горло. Были отверстия, через которые «Дуайт Ренфилд», видимо, высасывал кровь. Как заявил следователь, отверстия находились по обе стороны шеи: одно в яремной вене, другое в сонной артерии. Они совсем не походили на маленькие, едва различимые укусы. В отчете следователя говорилось о сантиметрах, но Диз живо представлял себе масштабы, а Моррисон поручил незаменимой Либби Граннит объяснить понятным языком то, что вытекало из рассказа следователя: либо у убийцы были такие зубы, как у Великоножки — любимого персонажа газеты, либо он проделал отверстия в шее Кендалла более прозаическим способом — с помощью молотка и гвоздя.

«СМЕРТОНОСНЫЙ НОЧНОЙ ЛЕТУН УБИВАЕТ ЖЕРТВЫ ПИКОЙ И ПЬЕТ ИХ КРОВЬ», — подумали два человека в разных местах в один день. Неплохо.

Ночной Летун запросил разрешения на посадку в аэропорту Лейквью вскоре после 10.30 вечера 23 июля. Кендалл разрешение дал и зафиксировал уже знакомый бортовой номер: №101 BL. В графе «имя пилота» Кендалл записал: «Дуайт Ренфилд», а «тип и модель самолета» —

как «сесна-337 скаймастер». Не упоминались ни красные трубки, ни, разумеется, развевающийся плащ с крыльями, как у летучей мыши, снаружи красный, как пожарная машина, а внутри черный, как негритянская задница, но Диз во всем этом не сомневался.

Ночной Летун прибыл в аэропорт Лейквью вскоре после десяти тридцати, убил здорового мужика Бака Кендалла, высосал его кровь и улетел дальше на своей «сесне» до того, как Дженни Кендалл приехала в пять часов утра двадцать четвертого угостить мужа свежими вафлями и обнаружила его обескровленный труп.

Пока Диз стоял возле сарая, служившего одновременно ангаром и диспетчерской аэропорта Лейквью, ему пришло в голову, что, если ты сдаешь кровь, максимум того, что тебя ожидает, — стакан апельсинового сока и «спасибо». Зато если ты забираешь кровь — точнее, высасываешь ее, то на твою долю достаются аршинные заголовки. Когда Ричард Диз, вылив остатки невкусного кофе на землю, направился к своему самолету, чтобы лететь дальше в Мэриленд, он подумал, что у Бога, наверное, малость тряслись руки, когда он доделывал свой предполагаемый шедевр — Венец творения.

6

Теперь, через два часа после вылета из Вашингтона, дела вдруг пошли гораздо хуже, причем обстановка переменялась с поразительной внезапностью. Посадочные огни исчезли, но Диз обнаружил, что погасли не только они — половина Уилмингтона и весь Райтсвилл-Бич погрузились во тьму. Радиомаяк работал, но когда Диз схватил микрофон и заорал: «Что случилось? Ответьте мне, Уилмингтон!» — он ничего не услышал в ответ, кроме треска помех и каких-то голосов, еле звучавших в отдалении.

Он в сердцах отбросил микрофон, не попав на крючок. Груша свалилась на пол кабины, запутавшись в проводах, и Диз забыл о ней. Рывок и крик были чисто инстинктивными, не более того. Он знал, что произошло, так же

точно, как и то, что солнце садится на западе... где оно очень скоро очутится. Видимо, молния попала прямо в силовую подстанцию аэропорта. Вопрос в том, удастся ли каким-то образом добраться туда.

«У тебя было разрешение», — сказал один голос. Другой немедленно (и справедливо) возразил, что это все дерьмо. Тебя учили, что делать в подобной ситуации, еще на летных курсах. Логика и устав требуют направиться на запасной аэродром и попытаться связаться с тамошним диспетчером. Посадка в аварийных обстоятельствах может рассматриваться как нарушение и караться большим штрафом.

С другой стороны, не сесть сейчас — именно сейчас — означает упустить Ночного Летуна. Это может также означать потерянную жизнь (или жизни), что, впрочем, мало волновало Диза... пока к нему не пришло озарение в виде огромного газетного заголовка:

«ГЕРОЙ-РЕПОРТЕР СПАСАЕТ... (вставить число настолько большое, насколько позволяют широкие пределы доверчивости читателей) ЧЕЛОВЕК ОТ ВЗБЕСИВШЕГОСЯ НОЧНОГО ЛЕТУНА».

«Скушай это, лох», — подумал Диз и продолжал спускаться к дорожке 34.

Огни полосы внизу, будто одобряя его решение, вспыхнули, затем снова погасли, оставив голубое послесвечение на сетчатке его глаз, которое мгновение спустя приобрело болезненно-зеленый оттенок гнилых слив. Тут мерзкие помехи в приемнике исчезли, и голос Лоха завопил:

— Держи вправо, №471 В; «Пидмонт», держи влево; Боже, о Боже, столкновение в воздухе, кажется, будет столкновение в воздухе...

Инстинкт самосохранения у Диза был столь же обостренным, сколь у антилопы, вечно опасющейся львов. Он даже не заметил проблесковых огней «боинга-727» компании «Пидмонт эрлайнз». Он бросил свой «бич» вправо, насколько было возможно, — и с удовольствием засвидетельствует этот факт, если останется жив, — не успел Лох произнести второе слово. Промелькнуло мгновенное ощущение какой-то огромной массы в нескольких сантимет-

рах выше, а потом «бич-55» трянуло так, что предыдущая болтанка показалась скольжением по ледяной глади. Сигареты вылетели у него из нагрудного кармана и рассыпались по всей кабине. Почти темное небо Уилмингтона накренилось, словно спятило. Желудок у него сокращался так, будто хотел протолкнуть сердце через горло прямо в рот. По левой щеке потекла слюна, словно ребенок, скатывающийся со скользкой горки. Карты летали по кабине, как птицы. Воздух снаружи сотрясаясь от рева реактивных двигателей. Одно из стекол в четырехместном пассажирском отсеке вдавило внутрь, и воздух, завихряясь, ворвался туда, будто ураганом выметая все, что не было привязано.

— Поднимись на прежнюю высоту, №471 В! — исходил криком Лох. Диз заметил, что только что вконец испортил пару брюк стоимостью в двести долларов, напустив в них горячую струю, но отчасти его утешало то, что Лох, по всей видимости, навалил в свои шорты целый грузовик того, что по форме напоминало шоколадки «Марс». Судя по звуку, во всяком случае.

У Диза был швейцарский армейский нож. Он вытащил его из правого кармана брюк и, придерживая левой рукой рулевое колесо, до крови порезал себе сквозь рубашку руку выше локтя. Тут же он нанес себе еще один мелкий порез, под левым глазом. Он сложил нож и засунул его в карманчик для карт над дверцей кабины. «Вытру потом, — подумал он. — А если забуду это сделать, мне придется туго». Но он знал, что не забудет. «А с учетом того, что натворил безнаказанно Ночной Летун, — подумал он, — я-то уж выкручусь».

Посадочные огни зажглись снова, на этот раз уже всерьез, как он надеялся, хотя по миганию понял, что они питаются от аварийного генератора. Он снова направил свой «бич» на дорожку 34. Кровь стекала по левой щеке в угол рта. Он заглотнул ее и сплюнул розоватую смесь крови и слюны на индикатор вертикальной скорости. Никогда не упускай такие мелочи; доверься своим инстинктам, и они всегда выведут тебя на правильную дорогу.

Он взглянул на часы. До захода солнца оставалось всего четырнадцать минут. Слишком мало.

— Отзовись, «бич»! — орал Лох. — Ты что, оглох?

Диз нащупал спутанный провод микрофона, не отрывая глаз от посадочных огней. Натягивая провод пальцами, он наконец добрался до груши. Взял ее в руку и нажал клавишу «передача».

— Слушай меня, ты, клюнутый в задницу сукин сын, — сказал он, и губы его растянулись так, что обнажились десны. — Меня чуть не расшиб в клубничное варенье этот 727-й из-за того, что твоя дерьмовая контора меня не предупредила. Не знаю, сколько людей в лайнере чуть не стали клубничным вареньем, но думаю, что ты знаешь, и уж точно знает экипаж. Эти парни живы только потому, что водитель этой колымаги вовремя сообразил отвалить вправо, и я сообразил, но понес и физический, и моральный ущерб. Если ты мне немедленно не разрешишь посадку, я все равно сяду. Разница только в том, что если я сяду без разрешения, то привлеку тебя к разбирательству в Управлении гражданской авиации. Но перед тем я лично сделаю так, что у тебя голова поменяется местом с задницей. Усек, падло?

Долгое, заполненное помехами молчание. Затем тоненький голосок, совсем не похожий на голос Лоха, который перед тем воскликнул: «Ну и ну!», пропищал:

— Разрешаю посадку на дорожку 34, №471 В.

Диз ухмыльнулся и развернул самолет в сторону полосы.

Он нажал кнопку микрофона и произнес:

— Я тут наговорил всякого, так что извините. Со мной это бывает только в предсмертном состоянии.

Ответа с земли не последовало.

— Ну и хрең с тобой, — сказал Диз и направил нос самолета к полосе, подавив при этом желание взглянуть на часы.

Диз прошел огонь, и воду, и медные трубы и гордился этим; но нечего обманывать себя — от того, что он обнаружил в Даффри, у него затряслись поджилки. «Сесна» Ночного Летуна провела на стоянке целый день 31 июля, но это было лишь начало. Преданных читателей «Биде ньюс» волнует кровь, разумеется, так и должно быть, жизнь не кончается, аминь, аминь, но Диз начинал понимать, что кровь (или в случае со стариками Реем и Эллен Сарч — отсутствие крови) — лишь поверхностная оболочка. Под ней находилось нечто бесконечно темное и непостижимое.

Диз прилетел в Даффри 8 августа, почти через неделю после Ночного Летуна. Он снова принялся размышлять, куда девается его напоминавший летучую мышь подопечный в промежутках между ударами. В мир Диснея? В сады Буша? Может, в Атланту — присмотреть за ходом сражения? Сейчас, пока охота продолжается, такие мелочи не имеют особого значения, но потом могут оказаться очень ценными. Благодаря им, может быть, удастся растянуть историю Ночного Летуна на несколько номеров, чтобы читателям досталось еще немного аромата после того, как они переварят самые большие куски сырого мяса.

Тем не менее в этой истории были провалы — темные места, в которых можно затеряться навсегда. Это могло звучать дико и банально, но, когда Диз составил себе представление о том, что произошло в Даффри, он начал действительно в это верить... значит, эта часть репортажа никогда не попадет в печать, и не просто потому, что носит личностный характер. Никогда не верь в то, что печатаешь, и никогда не печатай того, во что веришь. Это правило долго позволяло ему сохранить нормальный раскусодок, когда многие вокруг теряли его.

Он сел в Вашингтоне — на сей раз в настоящем аэропорту — и на такси поехал за сто километров в Даффри, поскольку без Рея Сарча и его жены Эллен аэропорта Даффи не существовало. Не считая сестры

Эллен, Рейлин, пухленькой белобрысой сучки, эти двое и составляли персонал. Аэродром состоял из одной грунтовой полосы, регулярно поливаемой машинным маслом (с целью сбить пыль и заглушить сорняки), и диспетчерской, которая вся помещалась в чуланчике при трейлере, в котором жили супруги Сарч. Оба они были на пенсии, оба бывшие летчики, оба славились крепкими нервами и были по-детски влюблены друг в друга после почти пятидесяти лет брака.

Кроме того, как узнал Диз, супруги очень жестко контролировали движение частного транспорта на своем аэродроме; у них были личные счета с торговцами наркотиками. Их единственный сын погиб в болотах Флориды, пытаясь сесть на то, что показалось ему гладкой полоской воды, на угнанном «бич-18», нагруженном более чем тонной кокаина. Вода действительно была гладкой... только в одном месте торчала большая коряга. «Бич-18» врезался в нее, перевернулся в воде и взорвался. Дуга Сарча выбросило в воду, обгоревшего, но живого, как полагали убитые горем родители. Его сожрали аллигаторы, и когда неделю спустя туда добрались агенты Управления по борьбе с наркотиками, от него остались разбросанные кости, несколько кусочков мяса, кишевшего червями, обгоревшие джинсы и спортивная куртка от Пола Стюарта в Нью-Йорке. В одном из карманов куртки нашли больше двадцати тысяч долларов наличными, в другом — чуть ли не тридцать граммов перуанского кокаина в хлопьях.

— Наркотики и сволочи, которые ими торгуют, убили моего мальчика, — не раз говаривал Рей Сарч, а Эллен повторяла это намного чаще. Сильнее ее ненависти к торговцам наркотиками, повторяли Дизу все, с кем он беседовал (его удивило, что в Даффри почти единодушно считают, будто стариков Сарч убила «банда гангстеров»), были только горе и недоумение по поводу того, что этим мерзавцам удалось совратить ее сына.

После смерти сына супруги Сарч с удвоенным вниманием следили за каждым, кто хоть отдаленно походил на

перевозчика наркотиков. Они четыре раза вызывали на поле полицию; тревога всякий раз оказывалась ложной, но фараоны не обижались, потому что старикам удалось трижды выявить мелких перевозчиков, а два раза им попались очень большие партии. Последний раз обнаружили пятнадцать килограммов чистейшего боливийского кокаина. За такими находками следуют повышения по службе, так что можно было простить ложные вызовы.

Итак, очень поздним вечером 30 июля садится «сесна скаймастер», номер и описание которого соответствуют тем, что были разосланы по всем аэропортам Америки, включая и Даффри; «сесна», пилот которой назвал себя Дуайтом Ренфилдом, вылетевшим из аэропорта Бейшор, штат Делавэр, где слухом не слыхивали ни о «Ренфилде», ни о «скаймастере» с бортовым номером №101 BL; самолет почти несомненного убийцы.

— Если бы он сел здесь, ему пришлось бы туго, — сказал Дизу контролер из Бейшора по телефону, однако Диз все равно удивился. Да. Тут было чему удивляться.

Ночной Летун сел в Даффри в 11.27 вечера, и «Дуайт Ренфилд» не только расписался в журнале Сарчей, но и принял приглашение Рея Сарча зайти в трейлер, выпить пивка и посмотреть повторный показ «Порохового дыма» по каналу «Таргет нетворк». Все это Эллен Сарч на следующий день рассказывала парикмахерше в Даффри. Эта женщина, Селайда Маккаммон, представилась Дизу как одна из ближайших подруг Эллен Сарч.

Когда Диз спросил, как выглядела Эллен, Селайда помолчала, а потом ответила:

— Какой-то задумчивой. Как влюбленная школьница, хотя ей было уже под семьдесят. Она была такая румяная, что я решила, что она накрасилась, пока не стала делать ей перманент. Тогда я увидела, что она просто... понимаете... — Селайда Маккаммон пожала плечами. Она знала, что хочет сказать, но не могла подобрать нужного слова.

— Возбуждена, — подсказал Диз, и Селайда Маккаммон рассмеялась и захлопала в ладоши.

— Возбуждена! Точно! Вы действительно писатель!

— Да какой из меня писатель, — Диз выдавил из себя улыбку, как он предполагал, доброжелательную и теплую. Такое выражение он когда-то практиковал очень часто и по-прежнему регулярно репетировал перед зеркалом в ванной нью-йоркской квартиры, которую считал своим домом, и в ваннах мотелей, которые на самом деле были его домом. Ребенком он полагал, что таких эмоций в действительности не существует — это просто маскарад, общественная условность. Позднее он понял, что ошибается; на самом деле то, что он принимал за эмоции в духе «Ридерз дайджест», присуще большинству людей. Может быть, даже любовь, Большой Наперченный Пирог, и та бывает. То, что он сам не способен испытывать такие эмоции, безусловно, недостаток, но отнюдь не конец света. Бывают же люди, которые болеют раком, СПИДом или утратой памяти. С этой точки зрения быстро понимаешь, что отсутствие способности к сопереживанию — лишь мелочи жизни. Важно то, что, если ты можешь в нужных случаях растягивать соответствующим образом мышцы лица, это срабатывает. Не больно и не затруднительно; если ты не забываешь застегнуть ширинку, выходя из туалета, то не забудешь и тепло улыбнуться, когда от тебя этого ждут. А лучшее в мире орудие для интервью, как он понял спустя много лет, — улыбка понимания. Изредка внутренний голос спрашивал Диза, как он сам смотрит на вещи, но Диз не желал иметь собственный взгляд. Он хотел только писать и фотографировать. Лучше у него получалось писать, и он это прекрасно знал, но все равно больше любил фотографировать. Он любил гладить руками снимки. Чтобы видеть, как люди либо раскрывают всему миру свое истинное лицо, либо надевают личину так, что это сразу бросается в глаза. Ему нравилось, как на лучших его снимках люди выглядят удивленными и испуганными, когда их застали врасплох.

Если бы его хорошенько расспросили, он сказал бы, что снимки и дают его собственное видение, а тема при этом не имеет значения. Важен был Ночной Летун, его приятель, похожий на летучую мышь, и то, как он неделю назад ворвался в жизнь Рея и Эллен Сарч.

Летун вылез из самолета и вошел в будку, на стене которой висело написанное огромными красными буквами уведомление о том, что на «сесне-337 скаймастер» с бортовым номером №101 BL летает опасный тип, который подозревается в двух убийствах. Этот человек, говорилось в уведомлении, может называть себя Дуайтом Ренфилдом. «Скаймастер» приземлился, Дуайт Ренфилд расписался в журнале и, несомненно, провел весь следующий день в грузовом отсеке своего самолета. А как же супруги Сарч, эти бдительные старики?

Они ничего не сказали; они ничего не сделали.

Хотя не совсем так, установил Диз. Рей Сарч кое-что сделал: он пригласил Ночного Летуна посмотреть телевизор и выпить пива со своей женой. Они вели себя с ним, как со старым другом. А затем, на следующий день, Эллен Сарч пришла сделать себе прическу, что крайне удивило Селайду Маккаммон: Эллен появлялась в парикмахерской регулярно, как часы, и до очередного ее визита оставалось не менее двух недель. Она давала удивительно подробные указания; потребовала не обычную стрижку, а перманент... и слегка подкрасила волосы.

— Она хотела выглядеть моложе, — объяснила Селайда Маккаммон Дизу и утерла слезу тыльной стороной кисти. Но поведение Эллен Сарч было ничто по сравнению с тем, что делал ее муж. Он позвонил в Управление гражданской авиации в Вашингтоне и попросил исключить Даффри из списка действующих аэропортов, хотя бы на некоторое время. Иными словами, он опустил ставни и закрыл лавочку.

На обратном пути он остановился на заправке и сказал ее хозяину, Норму Уилсону, что, наверное, заболел гриппом. По мнению Норма, скорее всего так оно и было: он выглядел бледным и усталым, даже старше своих лет.

В ту ночь сгорели двое бдительных стражей. Рея Сарча нашли в крохотной диспетчерской; его оторванная голова в дальнем углу стояла вертикально на рваном обломке шеи, уставившись широко раскрытыми глазами в распахнутую дверь, словно там что-то можно было увидеть.

Жена оказалась в спальне их жилого трейлера. Она лежала в постели в новом пеньюаре, который, возможно, ни разу до того не надевала. Она была стара, сказал помощник шерифа (он потребовал больше, чем пьянчуга Эзра, — двадцать пять долларов, но информация того стоила), однако с первого взгляда становилось очевидным, что женщина легла с намерением заниматься любовью. Дизу так понравилась гнусавая речь полицейского, что он записал эти слова в блокнот. В шее у нее были два громадных, словно пробитых пикой отверстия — одно в яремной вене, другое в сонной артерии. Лицо спокойное, глаза закрыты, руки сложены на груди.

Хотя в ее теле почти не осталось крови, на подушке было замечено два-три маленьких пятнышка, и еще несколько — на книге, которая лежала открытой у нее на животе, — «Царство вампиров» Энн Райс.

А Ночной Летун?

Где-то незадолго до полуночи 31 июля или до рассвета 1 августа он просто улетел. Как птица.

Или как летучая мышь.

8

Диз коснулся колесами посадочной полосы в Уилмингтоне за семь минут до календарного захода солнца. Сбрасывая газ и продолжая сплевывать кровь, стекающую из пореза под глазом, он увидел молнию, вспыхнувшую белым и синим цветом с силой, едва не ослепившей его. Затем последовал самый оглушительный раскат грома из всех слышанных им в жизни. Его субъективное ощущение силы этого звука подтвердило второе стекло пассажирского отсека, рассыпавшееся внутри мириадами мелких брызг вслед за тем, которое вылетело, когда он уходил от столкновения с «боингом-727».

В свете вспышки он заметил приземистое прямоугольное строение справа от дорожки 34, в которое ударила молния. Оно взорвалось; к небу вознесся блестящий столб,

который, однако, по силе свечения не шел ни в какое сравнение с разрядом, вызвавшим пожар.

«Все равно что поджечь шашку динамита игрушечной атомной бомбой, — перепуганно подумал Диз, и тут же: — связь». Это был узел связи.

Огни — все огни, белые по краям полосы и яркие синие лампочки в ее конце, — разом погасли, как свечки, задутые сильным порывом ветра. Внезапно Диз обнаружил, что машина несется в полной тьме со скоростью более ста тридцати километров в час.

Ударная волна взрыва, разрушившая главный генератор аэропорта, обрушилась на «бич», словно кулак, — не просто ударила, а будто оглушила молотком. «Бич», который еще не совсем усвоил, что больше не находится в воздухе, испуганно рванулся влево, встал на дыбы и опустился, катясь правым колесом по чему-то, что, как подсказало подсознание Диза, было посадочными фонарями.

«Вправо! — кричал он про себя. — Возьми правее, идиот!»

Он чуть не рванул руль, прежде чем сообразил, что будет. Если он крутанет руль вправо на такой скорости, самолет опрокинется. Вряд ли взорвется, потому что горючего в баках почти не осталось, но исключить этого нельзя. Или же «бич» просто разломится пополам так, что Ричард Диз ниже пояса останется в кресле, а Ричард Диз выше пояса поедет в другом направлении, таща за собой разорванные кишки, как серпантин, и роняя на бетон почки, похожие на крупные ломти птичьего дерьма.

«Едь по ним! — заорал он про себя. — Едь по ним, сукин сын, едь по ним!»

Что-то — вспомогательные бензобаки у диспетчерской, догадался он, когда появилось время догадываться, — снова взорвалось, столкнув «бич» еще дальше вправо, но это как раз оказалось хорошо, он сошел с мертвых посадочных фонарей и вдруг покатился по относительно гладкому основанию, удерживаясь правым колесом за краешек дорожки 34, тогда как левое бежало в еле заметном зазоре между фонарями и канавой, которую он

заметил справа от полосы. «Бич» еще трясло, но не с такой силой, и он понял, что катится на голом колесе — правая шина, поврежденная посадочными фонарями, спустила.

Бег замедлился, вот что было важно. «Бич» наконец начал понимать, что он уже не птица, что он снова на земле. Диз уже почти успокоился, как вдруг заметил вырастающий перед ним «лирджет» с широким фюзеляжем, прозванный летчиками «пузатым Альбертом», поставленный каким-то идиотом поперек полосы: очевидно, не дотянул до дорожки 5.

Диз видел освещенные окна воздушного такси, через которые на него уставились пассажиры, будто пациенты сумасшедшего дома, которым показывают волшебный фокус, а затем он, не задумываясь, рванул руль до отказа вправо; «бич» свалился с полосы в канаву, разойдясь с «лиром» на несколько сантиметров. Он слышал обморочные вопли, но ничего не замечал, кроме того, что взрывалось у него в глазах, подобно петардам, когда «бич» попытался снова взлететь, но с опущенными закрылками и сбавляющими обороты двигателями у него ничего не выходило; самолет конвульсивно рванулся, а затем покатился по рулежной дорожке; на мгновение показалось здание аэровокзала, подсвеченное по углам аварийными лампочками на аккумуляторах, высветились самолеты на стоянке — один из них, несомненно, «скаймастер» Ночного Летуна — словно темные бумажные силуэты на багровом фоне заката, открытом теперь расходящейся грозой.

«Пронесло!» — мелькнуло у него в мозгу, и «бич» попробовал катиться; правое крыло высекло искры из рулежной дорожки, и его верхушка отломилась и закатилась в кусты, мокрые листья которых начали тлеть от жара, вызванного трением.

Затем «бич» остановился, и слышались только рев помех в радиоприемнике, звон разбитых бутылок, содержимое которых выливалось на ковер в пассажирском отсеке, и учащенное биение сердца Дiza. Он отстегнул ремень и раскрыл люк еще до того, как осознал, что жив.

То, что произошло позднее, он помнил с поразительной ясностью, но с момента, когда «бич» остановился на рулежной дорожке хвостом к «лиру», накренившись вправо, и до того, как послышались первые крики из здания вокзала, он точно запомнил лишь то, что потянулся за своей фотокамерой. Выйти из самолета без камеры Диз не мог: «никон» был ему роднее жены. Камера была с ним неразлучна с семнадцати лет, когда он купил ее в комиссионке в Толидо. Он добавлял линзы, но основной бокс служил ему верой и правдой с того самого дня, не считая случайных царапин. «Никон» находился в специальном кармашке на спинке сиденья. Он вытащил его и проверил, все ли цело. Надел на шею и высунулся в люк.

Он откинул лесенку, спрыгнул, споткнулся и чуть не упал, подхватив камеру прежде, чем она ударилась о бетон. Снова раздалось рычание грома, но теперь это было просто рычание, отдаленное и безопасное. Ветерок ласково потрепал его по щеке... но ниже пояса его прикосновение было гораздо менее приятным. Диз скривился. О том, как он напустил в штаны, когда его «бич» и реактивный «боинг» еле разошлись в воздухе, в репортаже не будет ни слова.

Тут от аэровокзала донесся пронзительный, сверлящий душу крик, в котором смешались боль и ужас. Диза будто кто-то ударил по лицу. Он пришел в себя. Он снова видел цель. Взглянул на часы. Они не шли. Либо повреждены ударной волной, либо остановились. Часы были из тех древних безделушек, которые надо заводить, а Диз не помнил, когда в последний раз делал это.

Село ли солнце? Чертовски темно, да, но здесь такие тучи, что трудно сказать что-то определенное. Так все-таки село?

Донесся новый крик — да нет, не крик, а визг, — и звук бьющегося стекла.

Диз решил, что теперь неважно, село ли солнце.

Он побежал, отмечая про себя, что бензобаки еще горят и в воздухе стоит запах бензиновых паров. Он попытался прибавить скорость, но, казалось, что он бежит по засты-

вающему цементу. Аэровокзал приближался, но не быстро. Недостаточно быстро.

— Ради Бога, нет! Ради Бога, нет! ПОЖАЛУЙСТА, НЕТ! О, ПРОШУ ВАС, НЕТ!

Этот крик, нараставший по спирали, вдруг прервал чудовищный, нечеловеческий вой. Но в нем все же было и что-то человеческое, и это-то и было самое страшное. В слабом свете аварийных лампочек, освещавших углы здания, Диз увидел, как что-то темное пробило стену вокзала, обращенную к стоянке, — эта стена была почти целиком из стекла — и вылетело наружу. С глухим стуком оно упало на пандус, покатилося, и Диз увидел, что это мужчина.

Гроза затихала, но молнии сверкали еще часто, и когда Диз, задыхаясь, выбежал на стоянку, он наконец увидел самолет Ночного Летуна с номером №101 BL на хвосте. Буквы и цифры в этом свете казались черными, но Диз знал, что они красные, хотя это в общем-то не имело значения. Камера была заряжена высокочувствительной черно-белой пленкой и снабжена хитрой вспышкой, которая срабатывала, лишь когда освещенность была слишком мала при данной скорости пленки.

Грузовой отсек «скаймастера» был распахнут, словно рот мертвеца. Под ним просыпалась большая куча земли, в которой копошились какие-то твари. Диз заметил это, сделал дубль и побежал к стоянке. Теперь его сердце было исполнено не страхом, а диким, пляшущим счастьем. Как хорошо, что все сошлось именно таким образом!

«Да, — подумал он, — но не называй это удачей — не смей называть это удачей. И даже предчувствием удачи».

Правильно. Ведь не удача же усадила его в этой комнатке вонючего мотеля с дребезжащим кондиционером, не предчувствие — во всяком случае, не совсем предчувствие — заставляло его многие часы висеть на телефоне, обзванивая засиженные мухами аэропорты и вновь и вновь называя бортовой номер Ночного Летуна. Это был чистый инстинкт репортера, и вот сейчас он начал давать плоды. Да не просто плоды: это клад, Эльдorado, сказочный Большой Наперченный Пирог.

Он остановился перед разверстой пастью отсека и попытался навести камеру. Чуть не удавился ремешком. Выругался. Раскрутил ремешок. Навел.

От вокзала донесся новый крик — женский или детский. За мыслью, что в здании происходит бойня, последовала другая — бойня лишь оживит репортаж, и тут обе мысли ушли, потому что он сделал три быстрых снимка «сесны», стараясь, чтобы в кадр попали раскрытый люк и номер на хвосте. Зажужжал механизм автоматической перемотки.

Диз побежал. Снова бьющееся стекло. Снова глухой стук от падения на цемент, словно выбросили тряпичную куклу, пропитанную какой-то густой темной жидкостью вроде микстуры от кашля. Диз присмотрелся, заметил неловкое движение — заколыхалось что-то, вроде бы похожее на пелерину... но на таком расстоянии трудно было сказать. Он обернулся. Сделал еще два снимка самолета, на сей раз безупречных. Раскрытый люк и куча земли под ним получатся четкими и неопровержимыми.

Развернувшись, он побежал к вокзалу. То, что он вооружен лишь старым «ником», почему-то не пришло ему в голову.

Метрах в десяти от здания он остановился. Там лежали три тела — взрослые мужчина и женщина и то ли маленькая женщина, то ли девочка лет тринадцати. Точнее сказать невозможно, потому что головы не было.

Диз навел камеру и быстро сделал шесть снимков; вспышка мерцала белым светом, механизм перемотки удовлетворенно жужжал.

У него всегда удерживалось в голове количество кадров. В пленке их тридцать шесть. Он снял одиннадцать. Остается двадцать пять. В карманах брюк есть запасные пленки, и это прекрасно... если будет где перезарядить. Однако рассчитывать на это нельзя; с такими снимками надо брать ноги в руки — и ходу. Это обед а ля фуршет.

Диз добежал до вокзала и распахнул дверь.

Он думал, что видел все, что можно видеть, но ничего подобного он никогда не видел. Никогда.

Сколько? — пытался сосчитать он. Сколько? Шесть? Восемь? Может, дюжина?

Трудно сказать. Ночной Летун превратил маленький частный аэровокзал в лавку мясника. Всюду валялись тела и части тел. Диз видел ступню в черном кеде; снял ее. Торс с оторванными руками и ногами — снял. Мужчина в замасленном комбинезоне еще дышал, и на мгновение Дизу показалось, что он узнал пьянчугу Эзру из аэропорта округа Камберленд, но парень, лежавший перед ним, не просто лысел — у него этот процесс давно завершился. Лицо у него было рассечено от лба до подбородка. Половинки носа почему-то напомнили Дизу поджаренную и рассеченную сосиску, готовую к заключению в булочку.

И это он тоже снял.

Вдруг что-то внутри него взбунтовалось и закричало: «Хватит!» тоном приказа, которому невозможно не подчиниться, а тем более возражать.

«Хватит, остановись, конец!»

Он увидел стрелку на стене с надписью «КОМНАТЫ ОТДЫХА». Диз побежал в направлении стрелки; камера на ходу шлепала его по боку.

Первым ему попался мужской туалет, но Диза не смутило бы, если бы это оказался женский. Он разразился хриплыми, воющими рыданиями. Он вряд ли поверил бы, что именно он издает такие звуки. Много лет он уже не плакал. С детства.

Он рванул дверь, заскользил, как на лыжах, и схватился за край второй от начала раковины.

Он нагнулся над ней, и его стало рвать мощной и вонючей струей; кое-что брызгало ему в лицо или оседало коричневыми клочьями на зеркале. Он вспомнил запах курицы по-креольски, которую ел, склонившись над телефоном в номере мотеля, перед тем как расплатиться и побежать к самолету, — и изверг ее обратно с громким

рокотом, как перегруженная машина, у которой вот-вот полетят шестерни.

«Господи, — думал он, — Господи Иисусе, это же не человек, это не может быть человек...»

И тут он услышал звук.

Этот звук он слышал миллион раз, звук был обычным в жизни любого американского мужчины... но сейчас наполнил его сердце страхом и ползучим ужасом, невзирая на все, что говорили опыт и убеждения.

Этот звук производил человек, мочившийся в писсуар.

Но, хотя в забрызганном рвотой зеркале отражались все три писсуара, ни за одним из них никто не стоял.

Диз подумал: «Вампир не может отра...»

Потом увидел, как красноватая жидкость падает на фаянс среднего писсуара, стекает вниз и закручивается геометрическими фигурами перед сливным отверстием.

Струи в воздухе не было; он видел только, как жидкость соприкасается с мертвым фаянсом.

Вот когда она становилась видимой.

Он застыл. Он стоял, упершись руками в края раковины, рот, горло и нос были переполнены вкусом и запахом курицы по-креольски, и наблюдал немыслимое, хотя и прозаическое явление, которое происходило у него за спиной.

«Я смотрю, — пронеслось, как в тумане, у него в голове, — как писает вампир».

Казалось, это тянется вечно — кровавая моча ударяется о фаянс, становится видимой и завихряется перед сливом. Диз стоял, упираясь в раковину, куда только что изверг содержимое своего желудка, впившись глазами в отражение в зеркале, и чувствовал себя застывшей шестерней какого-то заевшего огромного механизма.

«Скорее всего, я мертв», — подумал он.

В зеркало он видел, как хромированная сливная рукоятка сама собой опустилась. Послышался грохот воды.

Диз услышал шуршание, понял, что это пелерина, и еще понял, что, если обернется, то можно будет вычеркнуть «скорее всего» из его предыдущей мысли. Он стоял неподвижно, до боли вцепившись в края раковины.

За спиной у него зазвучал низкий голос без обертонов. Говоривший был так близко, что Диз чувствовал его холодное дыхание у себя на затылке.

— Ты следил за мной, — произнес бесстрастный голос. Диз застонал.

— Да, — продолжал тот же голос, будто Диз отрицал сказанное. — Видишь, я знаю. Я все о тебе знаю. Теперь слушай внимательно, мой любопытный друг, потому что я это говорю только один раз: больше за мной не следи.

Диз снова застонал, как побитая собака, и в брюках у него опять полилось.

— Открой камеру, — раздался бесстрастный голос.

«Моя пленка! — закричало что-то внутри Диза. — Моя пленка! Все, что у меня есть! Мои снимки!»

Сухой шелест пелерины — как взмах крыла летучей мыши. Хотя Диз ничего не видел, он почувствовал, что Ночной Летун приблизился.

Быстро.

Пленка — это еще не все.

Кроме того, есть жизнь. Какая бы она ни была.

Ему представилось, как он оборачивается и видит то, что не могло показать зеркало: видит Ночного Летуна — гротескную фигуру, похожую на летучую мышь, забрызганную кровью, кусочками мяса и клочьями вырванных волос; снимает кадр за кадром под жужжание перемотчика... но ничего этого не будет.

Вовсе ничего.

Потому что нельзя снять эти кадры.

— Ты настоящий, — выдавил он, не оборачиваясь, не в силах оторвать рук от раковины.

— Ты тоже, — парировал бесстрастный голос, и теперь Дизу почудились древние склепы и запечатанные гробницы в его дыхании. — Пока еще, во всяком случае. Это твой последний шанс, мой любопытный несостоявшийся биограф. Открой камеру... или это сделаю я.

Онемевшими пальцами Диз открыл свой «никон».

Что-то дуло на его похолодевшее лицо — будто туда-сюда водили бритвой. На мгновение показалась длинная

белая кисть, вся залитая кровью, обкусанные ногти с забившейся под них грязью.

Потом пленка вышла из кассеты и безжизненно обвисла.

Опять сухой шелест. Опять зловонное дыхание. Какое-то время казалось, что Ночной Летун все-таки убьет его. Затем он увидел в зеркале, как дверь мужского туалета открывается сама собой.

«Я ему не нужен, — думал Диз. — Он сегодня очень плотно наелся». Тут же его снова вырвало, теперь прямо на отражение собственного лица.

Дверь, снабженная пневматическим шарниром, бесшумно захлопнулась.

Диз оставался на месте еще минуты три; оставался, пока не раздался вой сирен чуть ли не на крыше аэровокзала; оставался, пока слышался рев авиационного двигателя.

Разумеется, двигателя «сесны-337 скаймастер».

Потом он вышел из туалета на ватных, негнувшихся ногах, ударился о противоположную стену коридора, отшатнулся и побрел обратно в здание вокзала. Он поскользнулся в луже крови и едва не упал.

— Стой, мистер! — заорал полицейский у него за спиной. — Стой на месте! Один шаг — и я стреляю!

Диз даже не обернулся.

— Пресса, дурачок, — сказал он, держа в одной руке камеру, а в другой газетное удостоверение. Он подошел к разбитому окну, забыв о том, что засвеченная пленка все еще торчит у него из камеры, словно длинная полоска конфетти, и стал наблюдать, как «сесна» взлетает по дорожке 5. На мгновение она промелькнула черным силуэтом на фоне догоравших диспетчерской и вспомогательных баков, силуэтом, очень напоминавшим летучую мышь, а затем взмыла в небо, исчезла, и полицейский двинул Диза о стену так, что у него кровь пошла из носа, а он и не заметил, ему было все равно, и когда рыдания начали сотрясать ему грудь, он закрыл глаза, и все равно видел, как кровавая моча Ночного Летуна ударяется о фаянс, становится видимой и завихряется перед сливом.

«Это зрелище теперь со мной навсегда», — подумал он.

СВАДЕБНЫЙ ДЖАЗ

В 1927 году мы играли в одном из торгующих спиртным ресторанчиков Моргана в Иллинойс, оттуда до Чикаго миль семьдесят. Глухая провинция, миль на двадцать в округе не сыщешь другого порядочного города. Но и здесь хватало фермеров, которым после жаркого денька в поле страсть как хотелось чего-нибудь покрепче «Мокси» и девочек, которые любили попрыгать под джаз со своими липовыми ковбоями. Попадались и женатые (уж их-то всегда отличишь; могли бы и не снимать колец) — они удирали подальше от дома, туда, где их никто не знает, чтобы покрутить со своими не вполне законными лапочками.

Это было время джаза, настоящего джаза, — тогда музыканты не старались оглушить. Мы работали впятером — ударные, корнет, тромбон, пианино, труба — и делали неплохую музыку. До нашей первой записи оставалось еще три года, а до первой киношки, которую мы озвучивали, — четыре.

Мы играли «Бамбуковый залив», когда вошел здоровенный детина в белом костюме и с трубкой, загогулистой, как валторна. К тому времени наш оркестрик был слегка под газом, но публика уже совсем перепилась и так наяривала, что пол дрожал. Сегодня она была настроена добродушно: ни одной драки за целый вечер. Пот с моих ребят лил рекой, а Томми Ингландер, хозяин, все подносил да подносил виски, мягонькое, как кошачья лапка. На Ингландера приятно было работать, ему нравилось, как мы играем. Так что, ясное дело, я его тоже уважал.

Малый в белом костюме сел за стойку, и я про него забыл. Мы закончили круг «Блюзом тетушки Хагар»,

который шел тогда в глубинке на «ура», и нас наградили громкими криками. Мэнни опустил трубу, и его физиономия расплылась в улыбке; когда мы уходили с эстрады, я похлопал его по спине. Весь вечер на меня поглядывала одинокая девица в зеленом вечернем платье. Она была рыженькая, а я всегда питал слабость к рыжим. Мы встретились глазами, она слегка кивнула, и я стал пробираться через толпу, чтобы предложить ей выпить.

На полдороге передо мной вырос детина в белом костюме. Вблизи он выглядел хорошим бойцом. Волосы у него на затылке топорщились, хотя, судя по запаху, он вылил на них целый флакон косметического масла, а глаза были блеклые, со странным отблеском, как у глубоководных рыб.

— Надо поговорить, выйдем, — сказал он.

Рыженькая надула губы и отвернулась.

— Потом, — сказал я. — Дай пройти.

— Меня зовут Сколлей. Майк Сколлей.

Я знал это имя. Майк Сколлей был мелкий рэкетиер из Шайтауна, он зарабатывал на красивую жизнь, провозя выпивку через канадскую границу. Крепкий напиток из той самой страны, где мужики носят юбки и играют на волынках. В свободное от розлива время. Несколько раз его портрет появлялся в газетах. Последний такой случай был, когда его пытались пристрелить другой висельник.

— Здесь тебе не Чикаго, дядя, — сказал я.

— Я с друзьями, — сказал он. — Не рыпайся. Выйдем.

Рыжая опять посмотрела на меня. Я кивнул на Сколлея и пожал плечами. Она фыркнула и показала мне спину.

— Ну вот, — сказал я. — Спугнул.

— Такие пупсики идут в Чикаго по пенни за пачку, — сказал он.

— Пачка мне ни к чему.

— Выйдем.

Я пошел за ним на улицу. После ресторанной духоты ветерок приятно охлаждал кожу, сладко пахло свежескошенной люцерной. Звезды были тут как тут, они ласково

мерцали в вышине. Чикагцы тоже были тут как тут, но на вид не шибко ласковые, а мерцали у них только сигареты.

— Есть работенка, — сказал Сколлей.

— Вот как?

— Плата две сотни. Разделишь с командой или придержишь одну для себя.

— Что надо делать?

— Играть, что же еще? Моя сестренка выходит замуж. Я хочу, чтобы вы сыграли на свадьбе. Она любит диксиленд. Двое моих парней сказали, вы хорошо играете диксиленд.

Я говорил, что на Ингландера приятно было работать. Он платил нам по восемьдесят зеленых в неделю. А этот предлагал в два с лишним раза больше за один только вечер.

— С пяти до восьми, в следующую пятницу, — сказал Сколлей. — В зале «Санз-ов-Эрин», на Гровер-стрит.

— Переплачиваешь, — сказал я. — Почему?

— Есть две причины, — сказал Сколлей. Он попыхал трубкой. Она явно не шла к его бандитской роже. Ему бы прилепить к губам «Лаки Страйк» или, положим, «Суит Капорал». Любимые марки всех дармоедов. А с трубкой он не походил на обыкновенного дармоеда. Трубка делала его одновременно печальным и смешным.

— Две причины, — повторил он. — Ты, может, слышал, что Грек пытался меня кончить.

— Видел твою личность в газете, — сказал я. — Ты тот, который уползал на тротуар.

— Много ты понимаешь, — огрызнулся он, но как-то вяло. — Ему меня уже не осилить. Старееет Грек. Умишком хром. Пора на родину, сосать оливки да глядеть на Тихий океан.

— По-моему, там Эгейское море, — сказал я.

— Хоть озеро Гурон, мне насрать, — сказал он. — Главное, не хочет он в старички. Все хочет достать меня. В упор не видит, что смена идет.

— Ты, значит.

— Гляди, довякаешься.

— Короче говоря, ты платишь такие бабки, потому что наш последний номер пойдет под аккомпанемент энфилдовских винтовок.

На лице его вспыхнула ярость, но к ней примешивалось что-то еще. Тогда я не знал что, но теперь-то, похоже, знаю. Похоже, это была печаль.

— Иисус свидетель, по этой части я сделал все, что можно сделать за деньги. Если кто чужой сунется, ему живо отобьют охоту вынюхивать.

— А вторая причина?

Он понизил голос:

— Моя сестра выходит за итальянца.

— За честного католика, вроде тебя, — беззлобно ухмыльнулся я.

Он опять вспыхнул, аж побелел, и на миг мне показалось, что я перегнул палку.

— *Я ирландец!* Чистокровный ирландец, без подделки, запомни это, сынок! — И едва слышно добавил: — Хоть и мало у меня осталось волос, они все равно рыжие.

Я раскрыл было рот, но он не дал мне и словечка вымолвить. Сгреб в охапку и придвинулся вплотную, нос к носу. Я никогда не видел столько ярости, горечи, гнева и решимости на человеческом лице. Как человек может быть уязвлен и унижен — в нашу пору ни у одного белого такого лица не увидишь. Тут и любовь, и ненависть. Они пылали в тот вечер у него на лице, и я понял, что еще пара шуточек, и я уже не жилец.

— Она толстая, — еле слышно прошептал он, обдавая меня запахом мятных конфеток. — Есть много охотников посмеяться над этим у меня за спиной. Но когда я гляжу на них, они умолкают, понял, мистер корнетист? Потому что лучше этого итальяшки ей, может, ничего не светило. Но не советую смеяться надо мной, или над ней, или над итальяшкой. Никому не советую. Играть вы умеете, но смотрите, не доиграйтесь. Я никому не дам смеяться над моей сестренкой.

— Мы никогда не смеемся во время игры. Дуть мешает.

Это разрядило обстановку. Он рассмеялся — отрывистым, лающим смехом.

— Подъедете пораньше, начало в пять. «Санз-ов-Эрин» на Гровер-стрит. За дорогу в оба конца плачу тоже я.

Он не спрашивал согласия. Я уж понял, что нам не отвертеться, но он не дал мне даже обговорить все толком. Он уже шагнул прочь, а один из дружков загодя распахнул перед ним заднюю дверцу «паккарда».

Они уехали. Я еще немного постоял, покурил. Вечер был такой теплый, чудесный, и чем дальше, тем больше казалось, что Сколлей мне просто померещился. Я подумал, как здорово было бы вытащить эстраду прямо сюда, на стоянку для машин, и поиграть здесь, но тут наш ударник Бифф похлопал меня по плечу.

— Пора, — сказал он.

— Ага.

Мы вошли внутрь. Рыжая подцепила какого-то занюханного морячка, раза в два старше ее. Не знаю, что этот парень из военно-морского флота потерял в Иллинойсе, но я ничего не имел против, коли уж она такая неразборчивая. Мне было не до того. Голова кружилась от виски, и тут, внутри, где благодаря Сколлею и его братии можно было топор вешать на парах контрабандного продукта, гость из Чикаго казался куда более реальным.

— Попросят сыграть «Кэмпуанские скачки», — сообщил Чарли.

— Нет уж, — сказал я. — Ниггерские штучки играем только после полуночи.

Я увидел, как лицо садящегося за пианино Билли-Боя застыло, потом опять разгладилось. Я готов был надавать сам себе пинков, но, черт побери, не может же человек вот так сразу сменить пластинку. В те дни я ненавидел слово «ниггер» и все равно повторял его.

Я подошел к нему.

— Прости, Билл, я сегодня что-то не в себе.

— Ерунда, — сказал он, но глядел поверх моего плеча, и я понял, что мои извинения пропали даром. Это было

плохо, но еще хуже, скажу я вам, было другое: знать, что он разочаровался во мне.

Во время следующего перерыва я сказал им насчет приглашения, откровенно выложив все и про обещанную плату, и про то, что Сколлей бандюга (хотя и умолчал о другом бандите, который за ним гоняется). Еще я сказал им, что сестра у Сколлея толстуха и что Сколлей принимает это близко к сердцу. И если кто-то примется отпустить шуточки насчет сухопутных барж, вместо того чтобы тихо сопеть в свои две дырки, он рискует заполучить третью, чуток повыше других.

Рассказывая, я не сводил глаз с Билли-Боя Уильямса, но разве поймешь, что у кошки на уме? Легче по морщинкам на скорлупе догадаться, о чем думает грецкий орех. У нас не было пианиста лучше Билли-Боя, и все мы переживали, что во время наших поездок ему приходится терпеть разные мелкие неприятности. Хуже всего, конечно, было на Юге — вагоны для черных, черный раек в кино, всякие такие штучки, — но и на Севере было немногим слаще. Но что я мог поделаться? А? Ну-ка, посоветуйте. Такие уж тогда были порядки.

Наступила пятница, и мы подъехали в зал «Санз-ов-Эрин» к четверем, за час до срока. Прикатили на грузовичке, который специально оборудовали Бифф, Мэнни и я. Сзади он был наглухо затянут брезентом, в кузове привинчены к полу две койки. У нас имелась даже электроплитка — она работала от аккумулятора, а на борту красовалось название группы.

Денек был что надо — очень славный летний денек, и белые облачка там и сям отбрасывали на поля тени. Но в городе оказалось жарко и вообще довольно противно: пока разъезжаешь по местам вроде Моргана, успеваешь отвыкнуть от всей этой суеты и толкотни. Под конец дороги рубашка уже липла ко мне и хотелось привести себя в порядок. От глоточка виски, каким угощал нас Томми Ингландер, я бы тоже не отказался.

«Санз-ов-Эрвин», большой деревянный дом, стоял бок о бок с церковью, где должны были венчать сестрицу Сколлея. Если вы когда-нибудь подходили за облаткой, вам, наверно, знакомы такие заведения: сборища «Юных католиков» по вторникам, лото по средам, а по субботам вечеринки для молодежи.

Мы направились туда всей толпой, каждый нес свой инструмент в одной руке и что-нибудь из хозяйства Биффа — в другой. Внутри распорядилась тощая девица — и подержаться-то не за что. Двое взмокших парней развешивали бумажные гирлянды. Эстрада была в переднем конце зала, над ней натянули кусок полотна и повесили пару больших свадебных колоколов из розового картона. На полотне было вышито блестящими буквами «СЧАСТЬЯ ВАМ, МОРИН И РИКО».

Морин и Рико. Понятно, с чего Сколлей так бесится. Морин и Рико. Охренеть можно.

Тощая девица налетела на нас. Ей явно было что сказать, но я сразу осадил ее.

— Мы музыканты, — сказал я.

— Музыканты? — она недоверчиво покосилась на наше добро. — Ох. А я надеялась, что вы привезли угощение.

Я улыбнулся, словно таскать барабаны и тромбоны в футлярах — обычное дело для фирмачей по обслуге банкетов.

— Пожал... — начала она, но тут к нам подвалил какой-то сосунок лет девятнадцати. Во рту у него торчала сигарета, но, насколько я мог судить, шикую она ему не прибавляла, только левый глаз слезился.

— Открывай эти фиговины, — сказал он.

Чарли и Бифф глянули на меня. Я пожал плечами. Мы открыли футляры, и он осмотрел трубы. Не найдя ничего такого, куда мы могли бы загнать пулю и выстрелить, он убрался к себе в угол и сел там на складной стульчик.

— Пожалуйста, располагайтесь прямо сейчас, — договорила тощая, как будто ее никто не перебивал. — Пианино в соседней комнате. Когда закончим с украшением, я попрошу ребят вкатить его сюда.

Бифф уже затаскивал свои барабаны на площадку для ударных.

— А я думала, вы привезли угощение, — повторила она разочарованно. — Мистер Сколлей заказал свадебный торт, а потом еще закуски, и ростбифы, и...

— Все будет, мэм, — заверил я. — Им платят после доставки.

— ...и жаркое из свинины, два блюда, и каплуна... мистер Сколлей *страшно* рассердится, если... — тут она увидела, что один из подручных прикуривает как раз под свисающим концом бумажной гирлянды и взвизгнула: «ГЕНРИ!». Малый подскочил, как ужаленный. Я улизнул на эстраду.

В четверть пятого у нас уже все было готово. Чарли, тромбонист, наигрывал что-то под сурдинку, а Бифф разминал запястья. Поставщики принесли еду в 4.20, и мисс Гибсон (так звали тощенькую: она была профессионалка по части банкетов) чуть не сшибла их с ног.

Для гостей приготовили четыре длинных стола, накрыли белой скатертью, и четыре негритянки в передниках и чепцах начали расставлять тарелки. Торт выкатили в самую серединку, чтоб все глядели и облизывались. Он был шестислойный, а наверху — шоколадные жених с невестой.

Я думал, что успею курнуть на улице, но уже после пары затяжек услышал гудки и гомон — едут, значит. Я еще постоял, пока первая машина не вырулила из переулка за квартал от церкви, потом раздавил сигарету и вернулся.

— Едут, — сообщил я мисс Гибсон.

Она стала вся белая и буквально покачнулась на каблуках. Ей бы выбрать другую профессию — оформлять интерьер, или, скажем, книжки выдавать в библиотеке.

— Томатный сок! — завопила она. — Принесите томатный сок!

Я пошел на эстраду, и мы приготовились. Нам и раньше случалось играть на таких вечерах — это ведь была обычная практика; и, когда открылись двери, мы вжарили

рэгтайм на тему «Свадебного марша», — я сам делал аранжировку. Вы можете сказать, что это смахивает на безалкогольный коктейль, и я не буду спорить, но публика заглатывала наш марш на всех празднествах, и здесь эффект был тот же. Гости захлопали, завопили, засвистели, а потом начали трепаться. Но я заметил, что некоторые по-прежнему отбивали ногой такт. Мы были в форме, и вечер, кажется, намечался удачный. Чего только не болтают об ирландцах и в общем-то не зря, но, черт возьми, коли уж выдался случай повеселиться, — они его не упустят!

И все-таки честно признаюсь: когда вошли жених и зарумянившаяся невеста, я едва не заporол первый же номер. Сколлей, в визитке и полосатых брюках, кинул на меня тяжелый взгляд, и не думайте, что я этого не заметил. Я продолжал играть с серьезной миной, и мои ребята тоже — никто ни разу не лажанулся. На наше счастье. Публика, которая почти сплошь состояла из сколеевских головорезов и их подруг, была, видно, уже ученая. А как же, они ведь наблюдали венчание. И то по залу прокатился этакий легкий шумок.

Вы слышали про Джека Спрэта и его жену? Так эти выглядели во сто раз хуже. Сколлей почти потерял свою рыжую шевелюру, но у его сестры рыжие волосы были в целости, длинные и кудрявые. Однако вовсе не того приятного золотистого оттенка, какой вы можете себе вообразить. А как у аборигенов графства Корк — цвета спелой морковки и все мелко закрученные, точно пружинки из матраса. Лицо у нее от природы было молочно-белое, хотя ручаться трудно — столько на нем высыпало веснушек. И ее-то Сколлей назвал толстой? Мать моя, да он с таким же успехом мог бы ляпнуть, что «Мэйси» — мелкая лавчонка. Это была женщина-динозавр — ей-богу, она потянула бы фунтов на триста пятьдесят. Все у нее ушло в грудь, и в бедра, и в зад, как обычно бывает у толстых девиц: то, что должно соблазнять, становится уродливым и даже пугает. У некоторых толстухек видишь трогательно симпатичные личики, но у сестры Сколлея и

того не было. Слишком близко посажены глаза, рот до ушей, да еще лопаухая. И веснушки эти. Даже сбрось она лишний жир, все равно от такой вывески мухи бы на лету дохли.

Но одно это не вызвало бы смеха, разве что у каких-нибудь недоумков или любителей поиздеваться. Картину дополнял женишок, Рико, и вот тут уж так разбирало, что только волю дай — все бы животики надорвали. Нацепи ему цилиндр, он и то не достал бы до середины ее мощного корпуса. На вид в нем было фунтов девяносто, если намочить хорошенько. Худой как щепка, а физиономия темно-оливковая. Он озирался с нервной улыбкой, и зубы его были похожи на гнилой забор в чикагской подворотне.

Мы продолжали играть.

Сколлей гаркнул:

— Жених и невеста! Дай вам Бог счастья!

А коли Бог не даст, ясно говорил его нахмуренный лоб, *так вы то уж постараетесь — хотя бы сегодня.*

Все одобрительно загалдели и захлопали. Под конец номера мы сыграли туш, и это тоже вызвало взрыв аплодисментов. Сестренка Сколлея улыбнулась. Да, роток у нее был что надо. Рико глупо ухмылялся.

Пока то да се, гости слонялись по залу, поедая бутерброды с сыром и ломтями холодного мяса и запивая их отличным шотландским виски — контрабандным товаром Сколлея. Я сам в перерывах между номерами три раза пропустил по глоточку, и Томми Ингландер был посрамлен.

Сколлей вроде бы тоже повеселел — во всяком случае на вид.

Один раз он подрулил к эстраде и сказал: «Нормально играете, ребята». Услышать это от такого ценителя музыки было очень даже приятно.

Перед тем как усесться за стол, к нам подошла Морин собственной персоной. Вблизи она была еще страшней, и белое платье (этой шелковой упаковки хватило бы на десяток простыней) ни капли ее не красило. Морин спросила, можем ли мы сыграть «Розы Пикардии», как Ред

Николс, и его «Пять Пенни», потому что, сказала она, это ее самая любимая песня. Что ж, она была толстуха и дурнушка, но вела себя скромно, в отличие от всяких дешевых пижонов, тоже делавших нам заказы. Мы сыграли, хоть и не очень здорово. Но она все равно мило нам улыбнулась, став при этом гораздо симпатичней, а даже похлопала.

По местам расселись около 6.15, и подручные мисс Гибсон выкатили хавку. Гости накиннулись на нее, как оголодавшие свиньи, что было, впрочем, неудивительно, а между делом успевали прикладываться к бутылке с крепким пойлом. Я не мог не смотреть, как ест Морин. Пытался отвести взгляд, но мои глаза упорно возвращались обратно, точно не веря самим себе. Остальные тоже наворачивали вовсю, но по сравнению с ней казались старушками за чайным столиком. У нее уже не было времени на милые улыбочки и на всякие там «Розы Пикардии», перед ней можно было ставить табличку: «Женщина за работой». Этой мамочке не годились нож с вилкой, ее устроили бы разве что совковая лопата и ленточный транспортер. Тоска брала глядеть на нее. А Рико (его подбородок был вровень со столом, и рядом с невестой виднелась только пара испуганных, как у суслика, карих глазенок) знай подавал ей блюдо за блюдом, так же нервно и глуповато ухмыляясь.

Пока шла церемония разделки торта, мы устроили себе двадцатиминутный перерыв, и сама мисс Гибсон покормила нас на кухне. Там была адская жара от раскаленной печки, да мы и проголодаться как следует не успели. Вечер начинался хорошо, но теперь запахло чем-то неладным. Я видел это по лицам своих ребят... да и по лицу мисс Гибсон, коли на то пошло.

Когда мы вернулись на эстраду, пьянка была в разгаре. Здоровые парни, шатаясь, бродили по залу с тупыми ухмылками на рожах или галдели где-нибудь в углу о разных видах скачек. Несколько пар захотели танцевать чарльстон, и мы сыграли «Блюз тетушки Хагар» (они его кушали), и «Под чарльстон — назад в Чарльстон», и еще

несколько номеров в том же духе. Джаз для девочек. Пигалицы, которым все было пока внове, носились по залу, щеголяя кручеными чулками, водили пальчиками у себя перед носом и визжали «ву-ду-ди-ду», — меня от этого клича и сейчас тошнит. Снаружи темно. С окон кое-где свалились сетки от мух, и в зал налетели мотыльки — они толклись вокруг люстры целыми тучами. А оркестрик, как поется в песенке, все играл. Невеста с женихом оказались на отшибе — их обоих, видно, не тянуло улизнуть пораньше, — и остальные про них почти забыли. Даже Сколлей. Он уже порядком напился.

Время шло к восьми, когда в зале появился маленький человечек. Я его сразу приметил, потому что он был трезвый и явно напуганный — точно кошка посреди собачьей своры. Он пробрался к Сколлею — тот болтал с какой-то шлюшкой у самой эстрады — и похлопал его по плечу. Сколлей живо обернулся, и я слышал каждое слово их разговора. Ей-богу, лучше б не слышать.

— Кто такой? — грубо спросил Сколлей.

— Меня зовут Деметриус, — сказал человечек. — Деметриус Катценос. Меня Грек послал.

Все танцующие замерли на месте. Верхние пуговицы были расстегнуты, и руки нырнули за лацканы. Я заметил, что Мэнни нервничает. Черт возьми, я и сам не шибко обрадовался. Но мы все равно продолжали играть, верьте не верьте.

— Ах, так, — спокойно, даже задумчиво сказал Сколлей.

Тут человечка прорвало:

— Я не хотел идти, мистер Сколлей! Грек забрал мою жену. Сказал, что убьет ее, если я не передам вам его слова!

— Какие еще слова? — рявкнул Сколлей. Он опять стал чернее тучи.

— Он сказал... — человечек затравленно умолк. Глотка у него ходила ходуном, будто он пытался вытолкнуть оттуда душившие его слова. — Сказал передать вам, что ваша сестра жирная свинья. Сказал... сказал... — Он дико

вытаращил глаза, уставясь на замершее лицо Сколлей. Я глянул на Морин. У нее был такой вид, точно ей дали пощечину. — Сказал, что у нее чешется. Сказал: если у толстой бабы спина чешется, она покупает чесалку. Если у бабы чешется в другом месте, она покупает мужа.

Морин громко, сдавленно вскрикнула и с плачем убежала. Аж пол задрожал. Рико, опешив, засеменил вслед. Он ломал руки.

Сколлей не то что покраснел — побагровел. Мне уж казалось — я прямо-таки ждал этого, — что у него вот-вот мозги из ушей брызнут. Я уже видел это выражение безумной муки в сумерках у ресторана Ингландера. Пусть он был обыкновенный бандит, но я его тогда пожалел. И вы бы пожалели.

Когда он заговорил опять, голос его был очень тих — почти мягок.

— Что еще?

Малютка грек дрогнул. Его голос срывался от страха:

— Пожалуйста, не убивайте меня, мистер Сколлей! Моя жена — ее Грек забрал! Я не хотел ничего говорить! Он взял мою жену, он ее...

— Я тебя не трону, — еще спокойнее произнес Сколлей. — Только доскажи остальное.

— Он сказал: над вами весь город смеется.

Мы перестали играть, и на миг наступила мертвая тишина. Потом Сколлей посмотрел на потолок. Руки его были подняты к груди и дрожали. Он так крепко сжал кулаки, что казалось, будто жилы проступают сквозь рубашку.

— ЛАДНО ЖЕ! — крикнул он. — ЛАДНО ЖЕ!

И кинулся к двери. Двое дружков пытались остановить его, пытались объяснить, что это самоубийство, что Грек на это и рассчитывает, но Сколлей точно обезумел. Он расшвырял их и бросился в черноту летней ночи.

В мертвой тишине слышались только тяжелое дыхание гонца да где-то внутри дома приглушенный плач невесты.

Затем тот молокосос, что проверял нас на входе, ругнулся и побежал к двери. Остальные не тронулись с места.

Не успел он пробежать до большого бумажного трилистника, висевшего в фойе, как на мостовой завизжали автомобильные шины и взревели моторы. Много моторов. Словно на заводе в день памяти погибших солдат.

— Гос-споди, помилуй! — взвизгнул мальчишка у двери. — Сколько их! *Ложись, босс! Ложись! Ложись...*

Ночь разорвали выстрелы. Это длилось минуту или две — точно перестрелка в первую мировую. По открытой двери зала стеганула очередь, и лопнула одна из больших висячих ламп. Снаружи посветлело от пальбы винчестеров. Потом машины с воем умчались. Какая-то девица вычесывала осколки из взбитых волос.

Опасность миновала, и все парни сразу высыпали на улицу. Дверь в кухню с треском распахнулась, и оттуда выбежала Морин. Она вся тряслась. Ее лицо, и без того круглое, распухло от слез. Рико неся следом, этакий растерянный мальчонка. Они выскочили наружу.

В пустом зале появилась мисс Гибсон с широко раскрытыми испуганными глазами. Человечек, который с подачи Грека затеял всю чехарду, уже исчез.

— Там стреляли, — пробормотала мисс Гибсон. — Что случилось?

— По-моему, Грек замесил хозяина, — сказал Бифф.

Она глянула на меня, не понимая, но прежде чем я успел перевести, Билли-Бой сказал мягким, вежливым голосом:

— Он говорит, мистера Сколлея только что убили, мисс Гибсон.

Мисс Гибсон посмотрела на него, глаза ее раскрывались все шире и шире. А потом тихо упала в обморок. Меня тоже слегка мутило.

И тут с улицы донесся душераздирающий вопль — такого я в жизни не слышал. Жуткое завывание не стихало ни на миг. Не нужно было выглядывать в дверь, чтобы понять, у кого разрывается сердце, кто причитает над мертвым братом, пока сюда спешат полисмены и газетчики.

— Линяем, — сказал я. — Живо.

И пяти минут не прошло, как мы свернули все хозяйство. Некоторые гости возвратились в зал, но были слишком пьяны и слишком напуганы, чтобы обращать внимание на мелкую сошку вроде нас...

Мы вышли с черного хода, у каждого — что-нибудь из ударных. Странное это было шествие, если кто видел. Я возглавлял его — корнет под мышкой, в обеих руках по тарелке. Ребята остались ждать на углу в конце квартала, а я сбегал за грузовичком. Полиция еще не появилась. Посреди улицы темнела толстая фигура: Морин склонилась над трупом и издавала скорбные вопли, а крошка жених кружился вокруг нее, точно спутник вокруг большой планеты.

Я доехал до угла, и ребята побросали все в кузов вповалку. И мы дернули оттуда. До самого Моргана гнали миль сорок пять в час, не разбирая дороги, и то ли друзья Сколлея не позаботились натравить на нас полицию, то ли полиции было неохота с нами возжаться, но никто нас так и не тронул.

И двухсот зеленых мы так и не видали.

Она появилась у Томми Ингландера дней через десять — толстая ирландка в черном траурном платье. Черное шло ей не больше, чем белое.

Ингландер, наверное, знал, кто она такая (в чикагских газетах рядом с портретом Сколлея была и ее фотография), потому что сам проводил ее к столику и цыкнул на парочку пьяных у стойки, которые вздумали похихикать над ней.

Мне было жалко ее, как иногда бывало жалко Билли-Боя. Плохо, когда ты всем чужой. Чтобы это понять, не надо пробовать на себе, хотя пока не попробуешь, может, и не узнаешь по-настоящему, что это такое. А она была очень славная — правда мы с ней мало тогда поговорили.

В перерыве я подошел к ее столику.

— Мне так жаль вашего брата, — сказал я неловко. — Он правда любил вас, я знаю, и...

— Я все равно, что застрелила его собственными руками, — сказала она. И поглядела на свои руки — теперь я

увидел, что они у нее маленькие и изящные, гораздо лучше всего остального. — Тот грек на свадьбе говорил чистую правду.

— Да ну, чего там, — ответил я. По-дурацки, конечно, но что я мог еще сказать? Зря я, видно, подошел: она говорила так странно. Будто немного тронулась от полного одиночества.

— Не стану я с ним разводиться, — продолжала она. — Лучше убью себя, и пропади оно все пропадом.

— Не говорите так, — сказал я.

— А вам никогда не хотелось покончить с собой? — горячо спросила она, глядя на меня. — Если люди вас в грош не ставят да еще смеются? Или с вами никогда так не обходились? Скажете, нет? Простите, но я не поверю. А знаете вы, что это такое — есть не переставая, ненавидеть себя за это и все-таки есть? Знаете, что это такое — убить своего брата из-за того, что ты толстая?

На нас стали оглядываться, и пьяные опять захихикали.

— Извините, — прошептала она.

Я хотел ей сказать, что не надо извиняться. Хотел сказать... Боже мой, да все что угодно, лишь бы ей полегчало. Докричаться до нее сквозь весь этот студень. Но ничего не приходило на ум.

И я сказал только:

— Мне надо идти. Пора играть дальше.

— Да-да, — тихо сказала она. — Да-да, идите... иначе и вас обсмеют. Но я приехала, чтобы... не могли бы вы сыграть «Розы Пикардии»? Тогда, на свадьбе, мне так понравилось. Можно?

— Конечно, — сказал я. — С удовольствием.

И мы стали играть. Но она исчезла, не дослушав, и мы бросили этот слишком сентиментальный для инглантеровского ресторанчика номер и перешли на рэгтайм «Флирт в универе». От таких штучек здесь всегда заводились. Я пил весь остаток вечера и к закрытию успел совсем забыть про нее. То есть почти.

Когда мы уходили, я вдруг сообразил. Понял, что надо было ей сказать. Жизнь продолжается — вот что надо

было сказать. Так всегда говорят тем, у кого умер близкий человек. Но, подумав, я решил: правильно, что не сказал. Потому что именно это, наверно, ее и пугало.

Теперь, конечно, все знают про Морин Романо и ее мужа. Рико, который пережил ее, — он и сейчас еще отдыхает в тюрьме штата Иллинойс за счет честных граждан. Знают, как она унаследовала маленькую шайку Сколлея и превратила ее в гигантскую империю времен сухого закона, соревнуясь с самим Капоне. Как разделалась с двумя другими главарями банд на Севере и прибрала к рукам их связи. Как к ней привели Грека и она прикончила его: проткнула ему глаз фортепьянной струной и вогнала эту струну в мозг, а он, по рассказам, ползал перед ней на коленях, рыдал и молил о пощаде. Рико, растерянный мальчонка, стал ее первым доверенным лицом и на его собственном счету тоже набралось с десятков крупных налетов.

Я следил за успехами Морин с Западного побережья, где мы сделали несколько очень удачных записей. Правда, без Билли-Боя. Вскоре после того, как мы ушли от Ингландера, он организовал свою группу из одних негров, — они играли диксиленд и рэгтайм. На Юге их принимали хорошо, и я был этому только рад. Да и для нас все оказалось к лучшему. Во многих местах из-за негра мы не смогли бы даже попасть на прослушивание.

Но я говорил о Морин. О ней писали все газеты, и не только потому, что она была вроде Мамаши Баркер с мозгами, хотя и поэтому тоже. Она была *страшно* толстая, и на ее совести было *страшно* много преступлений, и американцы от побережья до побережья испытывали к ней странную симпатию. В 1993 году она умерла от сердечного приступа и некоторые газеты сообщили, что она весила пятьсот фунтов. Вряд ли. По-моему, таких не бывает, верно?

Во всяком случае, о ее смерти писали на первых страницах. Она далеко обошла брата, который ни разу за всю свою жалкую карьеру не поднимался выше чет-

вертой. Гроб ее несли десять человек. Одна газетенка поместила фотографию. Жутко было смотреть. Гроб смахивал на контейнер для перевозки мяса — да и по сути разницы немного.

Рико не смог без нее удержать марку и на следующий же год сел за попытку убийства.

Мне так и не удалось забыть ни ее, ни лицо Сколлея в тот вечер, когда я впервые услышал о ней, — эту муку, смешанную с унижением. Но вообще-то, если поразмыслить, не очень уж мне ее жалко. Толстяки всегда могут перестать лопать. А ребята вроде Билли-Боя Уильямса могут разве что перестать дышать. И я до сих пор не вижу, чем я мог бы помочь ей или ему, и все-таки время от времени мне становится за них как-то горько, что ли. Может, просто потому, что я стал намного старше и сплю уже не так хорошо, как в детстве. В этом вся штука, верно?

Верно же?

С о д е р ж а н и е

ЯРОСТЬ	7
Перевод И.Котейко и О.Лежниной	
НЕ ВЫНОШУ МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ	185
ЗНАЕТЕ, ОНИ КЛАССНО ИГРАЮТ	201
ПАЛЕЦ	251
КУСАЧИЕ ЗУБЫ	289
НОЧНОЙ ЛЕТУН	325
СВАДЕБНЫЙ ДЖАЗ	365

Литературно-художественное издание

Стивен Кинг

ЯРОСТЬ

Выпуск 26

Сдано в набор 25.12.94. Подписано в печать 19.02.95 г.
Формат 60×88 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 24 п.л. Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.

Издательство Сигма, Львов, а/я 25

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Львовской книжной фабрике "АТЛАС"
290005, г. Львов, ул. Зеленая, 20

СТИВЕН КИНГ

В этом выпуске читатели встретятся
с бестселлером Стивена Кинга «Ярость»,
в котором пришедшие на урок ученики
внезапно попадают в мир жестокости,
страха и насилия.

В этот сборник также вошли
ранее не издававшиеся
рассказы писателя.